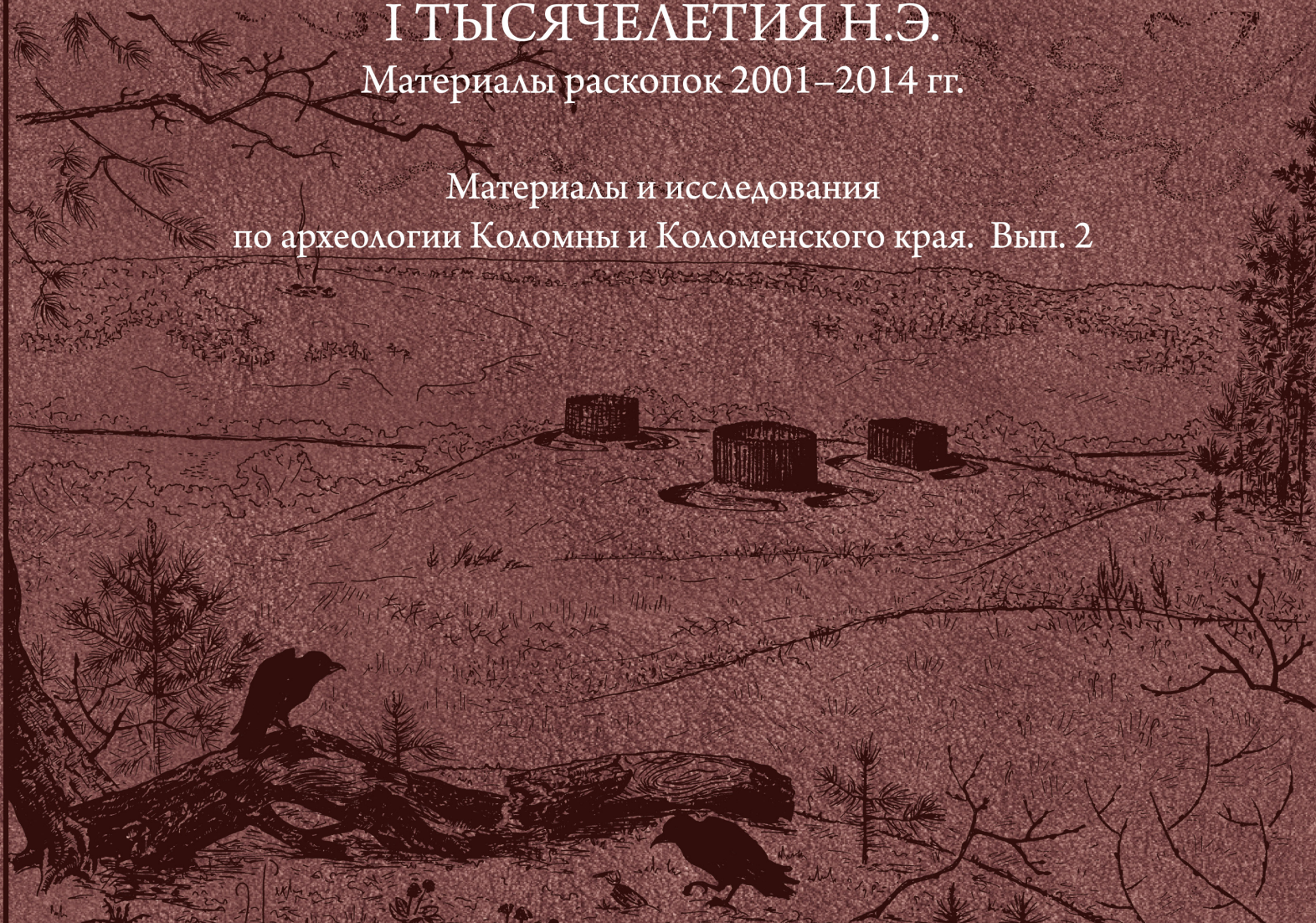

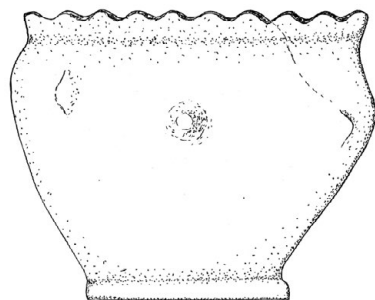
А. С. Сыроватко

ЩУРОВО:
ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
І ТЫСЯЧЕЛЕТІЯ Н.Э.

Материалы раскопок 2001–2014 гг.

Материалы и исследования
по археологии Коломны и Коломенского края. Вып. 2

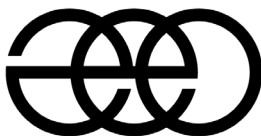

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Коломенский
археологический
центр

ИНСТИТУТ
ГЕОГРАФИИ
Российской
академии наук
основан в 1918 году

*Елене Александровне Спиридоновой,
добррой фее...*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF GEOGRAPHY

DEPARTMENT OF CULTURE AND TOURISM
ADMINISTRATION OF KOLOMNA
MUNICIPAL BUDGET ORGANIZATION "KOLOMNA ARCHAEOLOGICAL CENTER"

A. S. SYROVATKO

SHCHUROVO: ARCHAEOLOGICAL COMPLEX EXCAVATIONS'

MATERIALS OF 2001–2014

MATERIALS AND RESEARCH ON ARCHEOLOGY OF KOLOMNA AND KOLOMNA REGION. VOL. 2

Moscow 2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

УПРАВЛЕНИЕ ПО КУЛЬТУРЕ И ТУРИЗМУ
АДМИНИСТРАЦИИ Г.О. КОЛОМНА
МБУ «КОЛОМЕНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР»

А. С. СЫРОВАТКО

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 2001–2014 гг.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КОЛОМНЫ И КОЛОМЕНСКОГО КРАЯ. ВЫП. 2

Москва 2023

УДК 902/904
ББК 63.4
С95

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор:
к.и.н. *Н.В. Лопатин*

Рецензенты:
д.и.н. *Н.А. Кренке*
д.и.н. *И.В. Исланова*

Сыроватко А. С.

Щурово: поселения и могильники I тысячелетия н.э. материалы раскопок 2001–2014 гг. Материалы и исследования по археологии Коломны и Коломенского края. Вып. 2. – М.: Институт археологии РАН, 2023. – 452 с.

В монографии представлены материалы раскопок А.С. Сыроватко на Щуровском археологическом комплексе I тыс. н.э. в 2001–2014 гг. В книгу вошли материалы поселений и могильников в центральной и, частично, северной части памятника. В соответствующих разделах рассмотрены культурный слой поселения IV–V вв., курганы с кремациями третьей четверти I тыс. н.э. и грунтовый могильник с кремациями конца I тыс. Кроме того, отдельно освещены топография памятника и археологические материалы каменного века. Книга предназначена археологам, историкам и краеведам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-417-3
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-417-3

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2023
© Управление по Культуре и Туризму
Администрации г.о. Коломна.
МБУ «Коломенский Археологический
Центр», 2023

© А.С. Сыроватко, 2023

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1	
История изучения, топография, стратиграфия памятника и методика раскопок	13
ГЛАВА 2.	
Артефакты эпох камня и бронзы	23
ГЛАВА 3.	
Культурный слой эпохи Великого переселения народов	26
ГЛАВА 4.	
Курганный могильник	41
ГЛАВА 5.	
Грунтовый могильник	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	106
ТАБЛИЦЫ	110
SUMMARY	141
ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	146
СПИСОК РИСУНКОВ С УКАЗАНИЕМ ДЛЯ НАХОДОК НОМЕРА ПО ОПИСИ (нумерация рисунков согласно номерам иллюстраций монографии)	156
ИЛЛЮСТРАЦИИ	170

ВВЕДЕНИЕ

Вотечественной археологической науке одной из тем, давно будоражащей умы исследователей, является вопрос о смене дославянского населения славянами. Не освещенный письменными источниками, этот процесс оставался неизвестным и с давних пор реконструировался только умозрительно (Готье, 1928. С. 143–144). По мере накопления археологического материала эта проблема только обострялась, свидетельством чему являлась многолетняя дискуссия о верхней дате дьяковской культуры (Смирнов, 1974. С. 79; 1982; 1994. С. 95; Дубынин, 1974. С. 250; Розенфельдт, 1974. С. 108; 1982. С. 176). В своей работе Н.А. Кренке (2004. С. 60) после анализа материалов поселений московского региона и изучения накопленных источников по Дьякову городищу назвал время последней четверти I тыс. н.э. «Темными веками».

«Темные века» – общеупотребительный и хорошо известный в мировой науке термин. Его применяют и к финальной Бронзе в Средиземноморье, и в Западной Европе, только для более раннего времени, третьей четверти I тыс. н.э. Для нашей ситуации он тоже уже общеупотребителен.

Темные века начинаются после финала позднедьяковской культуры. Следовательно, до их начала вроде как некая ясность присутствует. Однако и в том, что касалось собственно позднедьяковской культуры, неясным оставалось многое, и в первую

очередь – насколько облик позднедьяковской культуры (т.е. культура типа слоя «А» Дьякова городища) совпадает с синхронными культурами соседних микрорегионов и, в частности, с территорией низовьев Москвы-реки и Оки в пределах Московской области. Исследования дьяковских городищ в этих районах демонстрировали еще более парадоксальную картину – почти полное исчезновение поселений на рубеже первой – второй четверти I тыс. н.э. (Сыроватко, 2001б. С. 20; 2009. С. 8), а немногие известные – не имели сходства с Дьяковым городищем. Иными словами, в низовьях Москвы-реки и на Верхней Оке – в пределах Московской области – «темные века» наступили еще раньше.

Редким памятником, чье существование приходится как на позднедьяковское время, так и на «Темные века», является Щуровский могильник. Он представляет собой сложный археологический комплекс поселений и могильников с кремациями. Культурный слой поселений датируется второй – третьей четвертью I тыс. н.э., т.е. относится к крайне редкой в этих краях категории поселений эпохи Великого переселения народов; могильники с кремациями приходятся на вторую половину I тыс. н.э., или на «темные века» в том значении, в котором этот термин употребил Н.А. Кренке. Именно поэтому значение археологического комплекса Щурово, не единственного, но наиболее полно исследованного памятника, исключительно велико для понимания истории всей Центральной России.

В ходе многолетних исследований особенно большой объем данных был накоплен по могильникам с кремациями. Не смотря на то, что параллельно с Щурово открывались и исследовались подобные ему могильники (Лужки Е, Лужки 11, Серпуховский Кремль, Соколова Пустынь 1 и 2, Кременье), Щуровский грунтовый могильник является самым крупным среди них как по первоначальной площади памятника, так и по

площади, подвергнутой раскопкам. Щурово также стало полигоном по выработке методики исследования кремаций, и автором движет желание поделиться накопленным опытом.

Все эти годы полная публикация материалов памятника представлялась преждевременной и откладывалась. Теперь стало очевидно, что она запоздала и не сможет включить в себя весь объем данных, полученных на настоящее время (если, конечно, сохранить объем издания в разумных пределах). По этой причине принято решение ограничиться материалами раскопок с 2001 по 2014 гг. включительно; кроме того, в настоящем издании только упоминаются материалы так называемой «средней» площадки и центра «нижней». Эти участки памятника, а также более поздние раскопы, будут представлены в дальнейших публикациях.

Автор постарался также – насколько это возможно – ограничить аналитическую часть, поставив во главу угла первичную публикацию материалов. Вместе с тем, никакая монография не может являться просто полным полевым отчетом, тем более за 15 лет раскопок; и аналитика/выводы, создание целостной картины у автора все же присутствуют.

Еще один раздел, которого в книге нет, и которому следовало бы быть – это контекст Щурово. Когда исследования только разворачивались, этот памятник был почти (за исключением Лужков Е, о которых на тот момент были только слухи) единственным в своем роде – и как позднетьяковское поселение, и как могильник с кремациями. Однако за годы раскопок в Щурово такой контекст в долине р. Оки от Коломны до Серпухова стал проявляться, в первую очередь в виде новых могильников с кремациями и поселений с культурным слоем позднетьяковского времени. Этих памятников в настоящее время известно достаточно много – как синхронных, так и значительно более поздних, чем щуровские могильники, их общая публикация также

впереди. Впрочем, к настоящему времени уже увидели свет как отдельные сюжеты – материалы могильников Лужки Е (Сидоров, 2004; Сыроватко и др., 2013а; Сыроватко, 2013), Соколова Пустынь 1 (Потемкина и др., 2013), Соколова Пустынь 2 (Сыроватко и др., 2015а), Кременье (Сыроватко, Клещенко, 2017), так и первые попытки осмысления всего явления целиком (Сыроватко, 2014).

Специфика Щуровского комплекса заключается, во-первых, в том, что основу его слоя составляет рыхлый крупнозернистый песок, что превращает любые объекты в легко разрушаемые и эфемерные¹. Контуры объектов в слое оказываются «размытыми», стратиграфические прослойки могут не иметь четких границ. Песчаный слой сложен для работы сам по себе, а в Щурово работу усложняло еще и наличие распашки, древней и современной, на всех уровнях памятника (так называемых «площадках»). Во-вторых, разновременные памятники – поселение и два могильника, которые были наложены друг на друга. Большинство погребений грунтового могильника не имело твердых вместилищ (урн), а также выраженных могильных ям, и смесь костей и находок оказалась на/в слое позднетьяковского времени (поселения). И поскольку хронологически грунтовый могильник следует за курганами и позднетьяковскими селищами², в большинстве случаев было сложно понять, какие находки и кости к какому из памятников следует относить.

¹ Отметим, что все известные нам могильники с кремациями расположены на террасах, сложенных песками – Кременье, Соколова Пустынь 1 и 2, Лужки Е и Лужки 11.

² В настоящей работе этот слой и находки в нем часто именуется «позднетьяковским» для упрощения изложения. В действительности это следует понимать как «слой позднетьяковского времени». Публикуемые материалы не вполне соответствуют тому, что открыто на Дьяковом городище в слое «А», и вопрос о культурной принадлежности памятника не решен.

Важным обстоятельством является сложность стратиграфического разделения слоя сожжения в курганах и слоя грунтового могильника и, как следствие, разделения разрозненных костей по разным могильникам. Если вести речь о центральной части курганов 1, 2, 3 (возможно, таким же по устройству был и курган 5), то в пределах, ограниченных канавкой (внутренней оградкой), слой черного песка перекрыт, как правило, остатками насыпи. Однако черный углистый слой с костями продолжался и за ее пределами, и на него мог наложиться слой грунтового могильника (а во рвах курганов этот слой достоверно связан с могильником), что приводило к тому, что кости курганов непредсказуемо смешивались с костями грунтовых кремаций. Еще сложнее определить, с каким из могильников связаны кости, найденные в заполнении курганных рвов. Кроме того, в том, что касается исследования кремаций, практически отсутствовала возможность опереться на чей-либо опыт изучения похожих памятников. Курганы же были обнаружены неожиданно и стали первыми объектами, исследованными на Щуровском комплексе. Устройство курганов крайне необычно, а методика их исследования не была выработана заранее. Данные объекты Щуровского археологического комплекса наименее понятные, наиболее интересные, а отсутствие аналогий делает их уникальными.

Методика исследования погребений, находящихся в весьма специфичном слое – рыхлом песке – в течение многих лет менялась. Во-первых, приходилось постоянно приспосабливаться к разным формам погребений, во-вторых, экспериментировать с различными инструментами, в том числе довольно экзотичными («маршалами», шпателями для швов, медорезными ножами, кистями и клизмами, ножами грибника) или даже придумывать свои, например, лезвие, соединенное с клизмой, так называемую «клизму со штыком». Погребения расчищались по неким условным «уровням видимой

поверхности», с разбивкой скоплений на квадраты 10×10 см и зарисовкой всех костей, которые удавалось сохранить *in situ*. Для фиксации использовались сетки 1×1 м, натянутые над раскопом постоянно, или сетки с ячейей 10×10 см на рамах, так называемые «гитары» (рис. 133). Однако такая методика страдала рядом недостатков, в первую очередь потому, что эти уровни создавали иллюзию дискретности «облаков» костей. Кроме того, значительный их процент при расчистке не удавалось удержать на месте, они фактически приравнивались к костям, полученным при просеивании. Исключить эти недостатки можно только применением тахеометра. Тахеометр стал применяться на раскопе с 2013 г. Именно он дал возможность фиксирования почти каждого осколка костей, создания 3Д-моделей «облаков» костей, а также отказаться от промежуточных зачисток скоплений костей. В настоящую публикацию вошло всего несколько погребений, исследованных с его применением.

Параллельно с усовершенствованием методов полевых исследований эволюционировали и методы камеральной обработки остеологических коллекций. Весь костный материал в курганах 1, 2 и, частично, 3, был исследован М.В. Добровольской. Однако в то время, когда исследования в Щурово только начинались, многие нюансы камеральной стадии исследований не были отработаны, например, определение пола погребенного. В настоящей публикации такие сведения приводятся (там, где удалось это установить) только для грунтовой части могильника. Иными словами, выводы антропологов по курганный части и по первым грунтовым погребениям нельзя считать на настоящий момент окончательными – коллекция нуждается в повторной обработке.

Говоря о раскопках, продолжающихся много лет, нельзя не упомянуть людей, с которыми автору довелось работать. Археологическая практика (МГОСГИ,

ПОСТГУ, РУДН) появилась на раскопах далеко не сразу, значительная часть работы выполнялась добровольцами, причем в числе таковых были как студенты старших курсов, прошедшие практику, так и люди, по роду своей основной деятельности от археологии далекие. В первых работах начинали А. Кашин, О. Шестакова (она же выступала в роли чертежницы и художника), М. Луховская, Г. Якобс, С. Малютин, потом присоединились Ю. Чувиляева, Т. Ульянова (Дементьева), И. Зимнухова, М. Косыгин, А. Кравец, Д. Синев, Ю. Хмелицкий, Н. Овсянникова, А. Белова, В. Ерошенко, С. Комарова, А. Комаров, М. Абрамова (Вагнер), С. Матвеев, В. Чхаидзе (ИА РАН), С. Лев (ИА РАН), О. Потемкина, О. Гулянова, В. Дёмин, С. Чаукин, Е. Азаров, О. Купцова, С. Каурцев, А. Трошина, Е. Мальцева (Клещенко), Н. Семеняк, Н. Сvirкина, Н. Попова, К. Ганичев, П. Пушной, М. Исаева, О. Нагин, В. Аксенов, М. Лукашкин, Д. Дзябенко, А. Киселева, Н. Жеребцова, И. Ужастова, П. Лазаренко, А. Шиндяпкина, Г. Волоховский, Ю. Грецкая, В. Гусева³. Приведенный список далеко не полон – огромное количество людей посвятило памятнику всего лишь один сезон, но это не означает, что я забыл их имена; моя благодарность этим людям чрезвычайно велика.

Почти все эти годы перебежкой чертежей занимался М. Косыгин, полевые описи и иллюстрации готовили А. Трошина, С. Козина. В подготовке иллюстраций

к настоящему изданию участвовали А. Трошина, В. Ерошенко, М. Чичина.

Реставратором многих находок выступил М. Сафонов, ему же принадлежит воплощение идеи изъятия погребений из слоя монолитом.

Проведение полевых работ и камеральных исследований было бы чрезвычайно затруднено без помощи и поддержки моей жены, Н.А. Сыроватко.

Отдельных слов благодарности заслуживают специалисты из смежных областей. Первые антропологические определения выполняла М.В. Добровольская, затем исследования продолжила воспитанная ею смена из коломенских студентов – Е. Клещенко, Н. Сvirкина, В. Гусева, и большая часть коллекции обработана ими. Палеоботанические исследования начала Е.А. Спиридонова, которая также воспитала смену – А. Трошину, на выводы которой я во многом опираюсь. Первые радиоуглеродные датировки были сделаны Л.Д. Сулержицким, позднее с экспедицией стала сотрудничать Н. Зарецкая. Именно она убедила автора развернуть палеоландшафтные исследования, которые фактически возглавил А.В. Панин. Исследования почв памятника – заслуга А.А. Гольевой. Она же выполнила первые определения фитоцитов и обучила позднее премудростям метода Н. Семеняк. О.А. Лопатина (ИА РАН) подготовила специалиста по керамике – Н. Жеребцову, чьи определения также используются в книге.

³ Часть людей из этого списка присоединилась позднее 2014 г., материалами которого в основном ограничено издание, но желание сказать им спасибо слишком велико, чтобы не использовать представившуюся возможность.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ТОПОГРАФИЯ,
СТРАТИГРАФИЯ ПАМЯТНИКА
И МЕТОДИКА РАСКОПОК

История изучения

Археологический комплекс Щурово был открыт Р.Л. Розенфельдом в ходе его последней полевой разведки в 1986 г. и интерпретирован как позднендьяковское селище (Розенфельд Р.Л., 1986). В отчете нет упоминаний о шурфовке, но говорится о ямах (на плане 1986 г. обозначена только одна), в которых видны выходы культурного слоя (рис. 4, 1, 2). Вероятно, это ямы, обозначенные на плане памятника на рис. 2 и 55 как 1 и 2 и частично разрушившие курганы 3 и 4.

Селище фактически повторно было открыто В.Ю. Ковалем в ходе разведок на правом берегу р. Оки в 1993 г. (Коваль, 1993; публикация материалов разведки: Тавлинцева, 2001). Шурфом 1993 г. было задето первое погребение в кургане 1, затем были выполнены еще две прирезки для его доисследования, и шурф 1993 г. превратился в небольшой раскоп сложной конфигурации, общей площадью 16 м², занявший всю центральную часть кургана 1 («домика мертвых») (рис. 48). Обнаружение кремации было столь неожиданным, что интерпретация скопления костей как погребения произошла уже в ходе обработки полевых материалов, а курган не был распознан.

Стационарные раскопки были начаты автором данной монографии в 2001 г. Первоначальной идеей

было исследование позднендьяковского поселения, поскольку, в силу специфики низовьев Москвы-реки и прилегающих к ее устью участков русла р. Оки, позднендьяковских памятников здесь почти не известно. Благодаря уцелевшим колышкам раскопа 1993 г. удалось выполнить точную прирезку и за 2001–2002 гг. доисследовать объект. Внутрикурганная канавка и ров были замечены сразу, однако только в 2002 г. стало окончательно ясно, что открытый объект является курганом. В 2002–2004 гг. исследовался курган 2, тогда же был обнаружен и третий курган, раскопанный в 2005–2006 гг. С того времени поиск и изучение погребальных объектов стали основной задачей нашей экспедиции. Межкурганное пространство впервые исследовалось в 2007 г., тогда были обнаружены более поздние, бескурганные захоронения и установлено их стратиграфическое положение. В 2008 г. был исследован объект, условно именуемый «курган 4», находившийся на краю мини-карьера, который на плане памятника обозначен как «яма 2». Начиная с 2009 г. все работы шли только на грунтовом могильнике, но в 2010 г. были открыты следы так называемого «домика мертвых» (или кургана 5). В 2014 г. открыто самое северное погребение, которое располагалось уже в пойме, на «нижней» площадке. Последующие работы показали, что грунтовый могильник продолжается в пойме к северу от холма еще примерно на 100–150 м, но все погребения разрушены распашкой (Сыроватко, Гольева, 2018). После 2014 г. исследования погребений прервались, поскольку – в целом виде – на новых раскопах они отсутствовали. Таким образом, 2014 год стал тем рубежом, которым в основном мы ограничиваем материалы данной публикации, хотя раскопки памятника до 2020 г. не прерывались, а с 2017 г. были обнаружены и новые погребения. Несмотря на обозначенный временной рубеж, в ряде случаев нам придется обращаться к материалам памятника, открытым уже после 2014 г.,

для понимания различных ситуаций на нем в общем и в частности.

Интенсивность археологических работ сильно менялась от года к году: так, в 2001 г. площадь раскопа составила всего 24 м², затем, когда наша экспедиция стала базовой для проведения археологической практики Коломенского ГСГУ, Свято-Тихоновского ПСТГУ и Университета Дружбы народов, площадь исследования в отдельные сезоны превышала 300 м².

Топография Щуровского комплекса

Щуровский комплекс селищ и могильников расположен на правом берегу р. Оки, в 7 км выше устья Москвы-реки, и приурочен к старичному руслу. Данные бурения донных отложений и ¹⁴C-датирование ила позволяют утверждать, что сформировалась эта протока в начале субатлантического периода (2660±70 ¹⁴C л.н.). Заиливание ее происходило в несколько этапов, с I тыс. до н.э., но отклонение от основного русла в нижней части протоки случилось только около 700–800 гг. н.э., т.е. в период смены поселения грунтовым могильником с кремациями. С этого момента протока превратилась в затон, соединявшейся с рекой верхним концом; окончательное отделение затона и превращение его в старичное озеро произошло после 1000–1100 гг. н.э. Отметим также, что история протоки не всегда сводилась только к ее заиливанию – в период 200–700 гг. н.э., т.е. в эпоху Великого переселения народов, когда функционировали селища, наблюдается активизация течения в этом русле (результаты исследований старичного русла опубликованы: *Сыроватко и др.*, 2016; *Syrovatko et al.*, 2012; *Syrovatko et al.*, 2019).

Под названием «Щуровское селище» или «Щуровский могильник(и)» обычно подразумевается узкая вытянутая гряда или холм, возвышающийся над узким пойменным участком берега старицы

(рис. 1–7) – пункт, открытый Р.Л. Розенфельдтом и повторно обследованный В.Ю. Ковалем. Длина его – около 80 м, ширина – 50–60 м, высота над поймой составляет 5–6 м и 12–15 м над уровнем реки. Западный, обращенный к реке, склон, имеет ступенчатое понижение, скорее всего, искусственного происхождения. Вероятнее всего, на холм существовал заезд в советское время; помимо этого, в раскопах фиксировались колеи дорог, погребенные аллювием и, следовательно, датируемые более ранним, чем XVII в., временем.

Восточный склон вторичен, и образовался после сооружения могильников. Это стало понятно только в ходе раскопок 2010 г. Дюнообразную форму холму придает седловина (рис. 7), отделяющая его от мыса надпойменной террасы, а сам мыс, в свою очередь, образован неширокой ложиной (рис. 1; на рис. 3 и 5 обозначена под № 5), пересекающей склон террасы с юго-запада на северо-восток. Проследить эту ложину можно примерно на 100 м вглубь террасы до карьера. В настоящее время культурный слой на восточном склоне представляет собой плотный гумусированный коричневый песок, без всяких переходов перекрывающий материковый желто-коричневый песок (рис. 14). Возможно, он распахивался в советское время и находки в нем относятся только к XX в. Для понимания памятника важно то, что на месте современной грунтовой дороги, ведущей из микрорайона Щурово на турбазу «Нептун» и далее в с. Городну, некогда была плоская поверхность, на которой, возможно, располагалась наиболее насыщенная археологическими объектами часть памятника, однако она полностью уничтожена антропогенными или природными процессами. Срез поверхности начинается от гребня холма и продолжается к востоку, уничтожая слой по наклонной: на гребне на узкой полосе уцелело множество погребений грунтового могильника, хотя и, вероятно, с разрушенным верхом. Наиболее наглядно направление разрушений иллюстрирует курган 5: его

ров с западной стороны уцелел почти полностью, вся насыпь уничтожена и от оградки в ее центре уцелели едва заметные контуры. Ото рва с восточной стороны не осталось почти ничего (рис. 84).

Культурный слой не сохранился и на южном склоне (рис. 15), хотя там выявлены заглубленные в материк объекты периода бытования селища, а в пахотном слое встречаются поврежденные огнем вещи, характерные для грунтового могильника. Границей исчезновения культурного слоя на юге условно можно считать внешний край южного участка рва «домика мертвых» № 1. Северный склон холма неоднороден: к западу от воображаемой линии, продолжающей гребень холма (на рис. 3 она примерно соответствует восточному краю обозначенного ареала под № 2) фиксируется культурный слой поселений и погребения грунтового могильника. К востоку от этой линии, слой под пашней не обнаружен, артефактов периода поселения и могильников пашня не содержит, нет в ней и следов распахки культурного слоя. Более того, эта, воображаемая, линия, может быть продолжена еще дальше к северу: восточнее нее современная глубокая вспашка задевает материк, и на многочисленных обнажениях обнаружить керамику и находки не удавалось. Западнее, напротив, культурный слой присутствует (пятно культурного слоя № 2 на рис. 3), как присутствуют и погребения по типу кремации. Мощность культурных отложений в сторону реки быстро возрастает.

Поскольку холм занимает самый высокий уровень рельефа, то он, после обнаружения культурного слоя и погребений на соседних участках получил название «верхней» площадки (рис. 3, выделенный ареал № 1). Помимо нее, поселенческий культурный слой и грунтовые погребения – кремации, являющиеся продолжением могильника на холме, открыты у его подножья, в пойме. Пойменная часть памятника получила название «нижняя» площадка.

По мнению А.В. Панина (*Syrovatko et al.*, 2019), до «Малого ледникового периода» низкий участок севернее холма представлял собой пологий склон, пересекаемый неглубокой ложбиной с выположенными бортами. В этом склоне существовал неглубокий вырез, ступень, параллельная берегу. Древний рельеф имел уклон к берегу, а также от южного (от холма) и от северного (от «островка» сосен, обозначенного под № 7 на рис. 3 и 5) краев поля к центру. На это место – максимального поперечного понижения на продольной «ступени» – приходится максимальная толщина культурного слоя «нижней» площадки. В настоящее время все эти детали рельефа перекрыты речным аллювием, толщиной от 0,4 до 1,5 м.

«Средняя» площадка – термин, обозначающий участок культурного слоя к югу от холма. Это довольно узкая полоса между бровкой низкой террасы и все той же грунтовой дорогой в с. Городну. Следов культурного слоя выше дороги по склону обнаружить не удалось. Непосредственно у южного окончания холма культурного слоя нет, он также, как и слой на восточном склоне, уничтожен (вероятнее всего, при разработке карьера), и между участками слоя на «верхней» и «средней» площадками существует разрыв протяженностью приблизительно 50–100 м. Сама линза культурного слоя тянется к югу приблизительно на 200 м, после чего она вновь обрывается бульдозерными срезами.

Таким образом, полностью Щуровский археологический комплекс представляет собой довольно протяженный объект – с юга на север его длина составляет около 550 м. Однако, это довольно узкая полоса культурного слоя и погребений, ширина ее в среднем не превышает 50 м (вероятнее, даже меньше, но по состоянию на 2015 г. этот параметр остается не вычисленным точно), и только на самом холме, с учетом шлейфа слоя по западному склону, ширина несколько выше.

В качестве рабочей гипотезы такую форму пятна культурного слоя можно объяснить действием половодий, случившихся, вероятнее всего, в течение «Малого ледникового периода», причем не в самом его начале. Так, в шурфе 19 (2015 г.) был впервые зафиксирован подрез аллювиальных отложений мощным слоем песка, позднее следы подрезки слоя, включая слой могильника на «нижней» площадке, были прослежены на раскопе VIII/2015 г. Можно предположить, что крупное наводнение (или несколько наводнений¹), в результате которого аллювий не откладывался в пойме, а сносился мощным потоком воды, случившееся в середине «Малого ледникового периода», преобразило памятник: ныне существующий холм сыграл роль волнореза, разделив поток воды на две части. Первая уничтожила слой к западу от линии, совпадающей с основанием холма; второй поток проложил себе дорогу через площадку могильника, образовав ту седловину, отмеченную на рис. 7, по которой ныне протекает грунтовая дорога. Холм прикрыл собой полосу слоя на «нижней» площадке, в результате чего на ней он сохранился в виде полосы. О масштабах этого события свидетельствует аллювиальный слой на вершине самого холма, включая верхнюю часть заполнения рвов «домиков мертвых» – в какие-то моменты затопливался весь памятник целиком, включая вершины самих «домиков мертвых». Время этих разрушений определяется в широких пределах по находкам монет и нательных крестов – от последней трети XVII – до первой четверти XVIII в. (подробнее о датировках события: *Сыроватко и др.*, 2017; *Syrovatko at al.*, 2019).

Масштабы разрушения памятника оценке не поддаются: вряд ли на месте седловины существовал только

один, достоверно уничтоженный, курган 5, и это – не считая грунтовых погребений. Очевидно, что нынешний курган 1 не был крайним на южном окончании холма, судя по отдельным находкам, слой с грунтовыми кремациями также мог быть и с южной стороны памятника. В то же время нет следов культурного слоя восточнее дороги, в лесу. Можно осторожно предположить, что, памятник, хотя и был существенно больше существующего, тем не менее «прижимался» к краю террасы.

О том, насколько велики размывы культурного слоя в промежутке между холмом и берегом старицы, можно только догадываться, но доказательств, что это место было заселено, нет (аллювий на этих участках перекрывает материковый песок, погребенная почва отсутствует). Окончательного ответа не дало даже специальное исследование этого вопроса путем шурфовки и бурения (*Сыроватко и др.*, 2016; *Сыроватко и др.*, 2017; *Syrovatko at al.*, 2012; *Syrovatko at al.*, 2019). На уровне рабочей гипотезы, тем не менее, можно предположить следующее:

1. Участок поймы между холмом («верхней» площадкой) и руслом старицы изначально не был плоским, ближе к бровке берега существовала песчаная грядда, или прирусловый вал (на рис. 3 и 5 обозначен под № 6). Между гряддой и холмом, в свою очередь, была небольшая седловина.

2. Хотя и на вершине вала, и в седловине нет следов погребенной почвы и культурного слоя, а мы вправе предположить их смыв половодьями, эти два участка различаются составом керамики, обнаруженной при шурфовке. На гребне вала это единичный фрагмент сетчатой керамики, в седловине это уже небольшая серия гладкостенных фрагментов периода селища. По мнению А.В. Панина, керамика – слишком тяжелый для переноса рекой материал, и в случае выраженного культурного слоя он сохранился бы, если бы

¹ На пойменных участках, где слой песка особенно мощный, он разделяется тонкими прослойками аллювия, и можно предположить, что количество эпизодов экстремальных наводнений было не менее четырех.

изначально там существовал (*Syrovatko at. al.*, 2019). Если это утверждение верно, получается, что в седловину попадал бытовой мусор в период существования селища и могильников на холме, но гребень вала почти не использовался, за исключением редких эпизодов дьяковского времени.

Причин, по которым участок между холмом и руслом не был освоен, могло быть две: неровный рельеф и возможность подтопления весенними паводками. О вероятности таких подтоплений свидетельствует спорово-пыльцевой разрез, исследованный А.А. Трошиной на низком участке раскопа, и неоднократно опубликованный (*Трошина, Сыроватко*, 2018; *Сыроватко и др.*, 2016; *Syrovatko at al.*, 2019), а также выявленный по радиоуглеродным датам отложений ила период активизации протоки приходящийся на 200–700 гг. н.э. Изначально такие подтопления были интерпретированы как основная причина отсутствия поселения второй четверти I тыс. н.э. на низких участках рельефа, за исключением подножья холма с северной стороны. Однако нельзя исключать другие факторы или воздействия нескольких сразу: так, в частности, стремление располагать поселения на высоких точках рельефа, или, наоборот, размещать на высоких точках рельефа могильники с переносом поселений вниз, могло обуславливаться разными культурными традициями, хотя и сформировавшимися под воздействием особенностей климата.

Таким образом, Щуровский археологический комплекс из разновременных селищ и двух могильников с кремациями к настоящему времени сохранился в сильно уменьшенном виде, и первоначальное количество погребений, а также размеры селищ можно оценить весьма приблизительно. Источник, который предстоит анализировать, имеет многочисленные утраты, и описанный эпизод половодий – из них наиболее существенный.

Стратиграфия

Аллювиальный слой

Этот горизонт был выражен в той или иной степени на всех трех площадках, даже на вершинах курганов. На верхней площадке это коричневый, сильно оглеенный песок, спекавшийся на летней жаре. Распахан, судя по плужным бороздам, огибавшим курганы, каким-то примитивным плугом или сохой. Эпизод с распашкой был недолгим, лоцманская карта р. Оки (рис. 8) указывает на то, что это был раннесоветский период. На это же время указывает серия советских монет 20–50-х гг. XX в. Толщина аллювия сильно варьировала, от нескольких сантиметров (рис. 10) до довольно мощных линз во рвах и на западном склоне (рис. 11, 12). На «средней» площадке этот слой менее оглеен, рыхлее, но также легко отделяется от нижележащих горизонтов цветом и находками. Помимо советского мусора «верхняя» и «средняя» площадки отличаются высоким содержанием в этом слое снарядных осколков, поясков, взрывателей от боеприпасов крупного калибра, а также неразорвавшимися снарядами от зенитного автомата 71-К. В ряде случаев снаряды довольно точно накрывали собой отдельные погребения «верхней» площадки. Использование Щуровского леса в качестве полигона относится к Великой отечественной войне, стрельба велась с левого берега р. Оки орудиями, ремонтировавшимися на заводе ГАОЗ.

На «нижней» площадке аллювиальный слой чрезвычайно мощный (рис. 16, 17), от 60 до 150 см. Практически на всех раскопах перед началом археологических работ приходилось снимать напластования балласта экскаватором. Распахан аллювий только в верхней части, эта распашка не прекращалась все годы раскопок. Основная часть аллювия – слоистой структуры

Возраст аллювиального слоя определялся по монетным находкам, сведения о которых приведены в таблице 1. Монеты советского времени, довольно узкого хронологического отрезка – 20–50-х гг. XX в., индивидуально не фиксировались и в таблице отсутствуют. Прочие нумизматические находки относятся почти исключительно к XVIII в, при наличии двух чешуек Михаила Федоровича. Монет XIX – начала XX вв. среди находок почему-то нет. В тех случаях, когда мощность аллювия была сравнительно большой, монеты тяготели к нижнему его горизонту, почти на контакте с погребенным культурным слоем. Это заставляет определить время начала отложения аллювия XVII – первой половиной XVIII в. Можно осторожно предположить, что после или в период Смуты начинает затапливаться пойменная часть, (найденная полушка 1754 г. стратиграфически залегала несколько выше), а вершина холма – уже при Анне Иоанновне. Правда, малопонятным остается сам механизм выпадения монет – ведь, следуя логике, монеты всех периодов должны были быть хотя бы на вершине, на «верхней» площадке, в одном горизонте (погребенной под аллювием почвы). В качестве рабочей гипотезы выскажем следующее объяснение: возможно, в пойме пролежала дорога, связывавшая брод и переправу у Протопопово с Зарайском, через Городну². Участвовавшие наводнения сместили эту дорогу выше, на террасу, и монеты стали откладываться там.

Отдельно отметим московское пуло чеканки 1530–1560-х гг. Его положение в слое – под аллювием, в погребенной почве «нижней» площадки, что полностью согласуется с датировкой начала паводков Смутой или чуть более поздним временем.

В толще аллювия на «нижней» площадке прослежен слой песка (рис. 16). Его мощность растет вниз по склону, к западу и северу, и по мере его утолщения

внутри этого горизонта начинают читаться тонкие глеевые прослойки. Как мы уже отмечали выше, этот слой песка, вероятно, следует считать слоем разрушения «верхней» площадки в результате особенно сильных паводков. Датировка этого события может быть определена весьма приблизительно по находкам двух нательных крестов (подобнее о возрасте слоя песка: *Сыроватко и др.*, 2017; *Syrovatko et al.*, 2019). Первый обнаружен под слоем песка в толще аллювия, на «нижней» площадке (рис. 18, 1), второй – в раскопе на «верхней», расположенным на восточный склон холма (рис. 18, 2). Поскольку этот склон вторичен и возник в процессе размыва «верхней» площадки, крест мог попасть туда скорее после ее разрушения, чем до. Правда, возраст крестов приблизительно одинаковый, и укладывается в диапазон от реформ Никона до конца правления Петра I. Видимо, этим периодом и следует датировать «период катастрофических наводнений».

Слой грунтового могильника

На «верхней» и «нижней» площадках общими были аллювиальный слой, а также подстилавший его слой грунтового могильника с кремациями. Слой могильника представлял собой черный углистый песок. На вершине холма он был яркого темно-серого или черного цвета (рис. 9–10), на «нижней» площадке он имел более коричневый оттенок (рис. 13, 17), но всегда этот слой был неизменно темнее как аллювиальных отложений, так и культурного слоя селищ, в тех местах, где слой селищ присутствовал. Слой грунтового могильника являлся стратиграфическим репером почти для всех участков памятника.

На «верхней» площадке этот слой перекрывал археологизированные «домики мертвых», для простоты часто именуемые курганами. В ходе раскопок этих объектов (до 2007 г.) грунтовый могильник еще не был

² Эта дорога на контакте аллювия и культурного слоя маркируется колеями и большим количеством подковных гвоздей.

открыт, и понять, как сопрягаются слои самих курганов и слоя могильника в полевых условиях мы не смогли. Кроме того, слой самих курганов также представлял собой черный углистый песок, также насыщенный кальцинированными костями. Мы можем только утверждать, что никакой разделяющей эти два памятника прослойки в профилях курганов не читалось. Однако позднее стало понятно, что слой могильника ярко выражен в заполнениях рвов курганов в виде черных прослоек песка, контрастирующих со светло-серым заполнением самих рвов (рис. 11–12). В ряде случаев во рвах слой могильника расчленялся на отдельные прослойки, разделенные светло-серым заполнением рвов. Эта деталь стратиграфии указывала на то, что слой могильника отложился на памятнике в то время, когда сами рвы заплыли почти полностью. По нашим наблюдениям, сами насыпи курганов слоя могильника не перекрывает.

Позднетьяковский слой «верхней» площадки

На вершине холма слой грунтового могильника перекрывал погребенную почву – светло-серый подзол. Позднетьяковский слой (слой селища) не был отчетливо выражен, и в какой-то момент его поисками занимались специально, для отбора палинологических образцов. По всей вероятности, позднетьяковский слой был частично переработан или переотложен при сооружении курганов. Однако он мог сохраниться в основаниях самих курганов – во всяком случае, находки периода селища в них представлены в изобилии. Еще один участок, где позднетьяковский слой «верхней» площадки сохранился – западный склон холма (рис. 9, 10, 19), сравнительно небольшой фрагмент участка 1 раскопа VI/2011 г. Севернее участка 12 раскопа II/2010 г. следов культурного слоя позднетьяковского селища не встречено. Нет его и на южном склоне, хотя отдельные находки, а также крупные ямы с позднетьяковским материалом там

присутствуют (уч. 1–3, раскоп VII/2013–2015 гг.). Ямы 1 и 2 раскопа VII вообще являются единственными поселенческими объектами «верхней» площадки.

Позднетьяковский слой «нижней» площадки

Подстилал слой грунтового могильника. Он читался севернее холма, начиная с участка 10 раскопа VI/2013 г. (рис. 16, 17, 19). Это коричневый песок, в ряде случаев в нем можно было проследить трехслойную структуру, с несколько более светлой серединой (только в профиле). Находками этот слой был насыщен крайне неравномерно, керамика здесь встречалась отдельными скоплениями, между которыми присутствовали пустые пространства.

В итоге, стратиграфия «верхней» и «нижней» площадок памятника, упрощенно, сводилась к трем горизонтам: слою аллювия, слою грунтового могильника и позднетьяковскому слою селища, при этом слой селища «верхней» площадки не тождественен позднетьяковскому слою «нижней».

Стратиграфия «средней» площадки несколько иная. Помимо аллювиального слоя, в тех случаях, когда можно было выделить отдельные горизонты, их также читалось не больше двух: серо-коричневый песок с позднетьяковскими находками, и слабогумусированный желто-серый с сетчатой керамикой. Однако такое отчетливое разделение дьяковского и позднетьяковского слоя встречалось далеко не на всей исследованной площади – фактически только на участках 5–7 (раскоп б/н 2015 г.) и частично на участке 4 (2014 г.). На остальных – либо не были выражены соответствующие горизонты, либо отсутствовал археологический материал одной из двух упомянутых эпох. Сетчатая керамика, зафиксированная на участке 1 и, частично, соседних 2 и 3 (раскоп б/н 2013 г.), была довольно разнообразной и не сводилась к одному, доминирующему в коллекции, типу.

Таким образом, позднедьяковский слой селища в пределах всего комплекса располагался отдельными линзами. Несмотря на разрушения, причиненные памятнику в сравнительно позднее время, разрывы между этими линзами, по нашему впечатлению, объективны и заставляют предположить, что мы имеем дело с несколькими селищами позднедьяковской эпохи.

Методика раскопок

Методика, применяемая нами при раскопках Щуровского археологического комплекса не оставалась неизменной все 15 лет исследований. Не все, реализованное за эти годы, было удачным, но следует заметить, что опереться на чей-либо опыт возможности не было. Помимо этого, технологии все эти годы не стояли на месте, и внедрение тахеометра для фиксации погребений, а затем и раскопов в целом повлекло за собой радикальное изменение процесса разбора погребений.

Основные раскопы во все годы были сосредоточены на «верхней» площадке. Отличительной их особенностью были большие перепады дневной поверхности, в силу уклонов холма и скатов курганов («домики мертвых»). Первоначальная методика заключалась в разборке слоя тонкими зачистками, в основном совками, с фиксацией через каждые 10 см. Отсчет уровней фиксации велся от дневной поверхности, предварительно пронивелированной. Примерно по этой методике В.Ю. Ковалем был исследован первый раскоп на вершине кургана 1, и даже часть обозначений прослоек – «заливок» из отчета за 1993 г. – использовались в течение ряда лет. Первые годы глубина снятия определялась нивелиром в процесс работы, позднее были использованы пластиковые колышки с нанесенными делениями по 10 см – вбитые по вершинам квадратов, они служили ориентиром рабочим. Аллювиальный слой при этом исследовался на общих основаниях, хотя

и грубее, чем подстилающие его слои. На вершине холма это не сильно затрудняло процесс работ, толщина аллювия находилась в разумных пределах – 10–30 см. Описанная методика содержала ряд неудобств – она сложна в применении, особенно неопытными рабочими, выдержать на песчаном слое интервал снятия слоя затруднительно, к тому же получавшиеся пласты не совпадали с реальными слоями раскопов. Однако сильные уклоны, сложная стратиграфия курганов оставались главными аргументами в пользу такого решения.

В дальнейшем, уже после сосредоточения внимания на грунтовом могильнике, методика раскопок изменилась: отложения разбирались уже по естественным слоям (слой грунтового могильника, затем слой селища – если он присутствовал), аллювий же убирался без исследования техникой. Квадрат (1 × 1 м) и пласт 10 см долгое время являлись единицей учета массового материала, с внедрением тахеометра находки учитывались по номерам и кодам прибора. Квадраты при этом стали ненужными, в 2014–2015 гг. раскопы на квадраты в полевых условиях не делились – их вводили на чертежи уже в камеральных условиях, для облегчения описания раскопов. Применение тахеометра позволило наносить на чертеж весь массовый материал – керамику, кости, кремь.

Отметим, что все курганы исследовались по методике, принятой для поселений. Во-первых, это связано с тем, что они были распознаны как таковые только спустя определенное время (курган 1 был первым из всех и на его исследование ушло три сезона, включая раскоп 1993 г.; курганы 3 и 4 перед началом работ считались отвалами крупных ям на поверхности памятника, курган 5 на поверхности никак не фиксировался). Во-вторых, сохранность всех курганов настолько плоха, что иного пути просто не было. По этой причине только у кургана 2 удалось выполнить разрез через его центр, во всех остальных случаях такие разрезы отсутствуют.

Главной проблемой при полевом исследовании оставался состав культурного слоя – крупнозернистый песок. В некоторых случаях, пропитанный органикой, он мог спекаться, превращаясь в твердую корку, но чаще спекался аллювий. Основной же слой оставался рыхлым, на него нельзя было наступить, не оставив следа, и довольно быстро совок стал основным инструментом рабочего – разбор слоя совками позволял работать ими «под себя», отступая спиной назад и оставляя перед собой зачищенное пространство. Уже в первые годы раскопок слой старались просеивать через сетку с ячейкой 1,5–2 мм. Песчаный слой не только подвержен вытаптыванию в процессе работы. Его цвет крайне изменчив в зависимости от влажности и освещения, и ни одна из прослоек, строго говоря, не имела определенного цвета. Обычным явлением было прослеживание важных деталей только в профиле при отсутствии их в плане, и наоборот. Песчаные стенки раскопов, будучи зачищенными перед фиксацией, часто не успевали выстоять – по этой причине на зачистку стен в ходе разбора слоя оставляли довольно большой зазор – 30–40 см, а сама зачистка и отрисовка велись в предельно быстром темпе – что снижало вероятность обвала стенки, но не исключало ее совсем. На фотографиях в настоящем издании видны неубранные отвалы перед стенками, создающие впечатление небрежности в работе – на самом деле все объясняется максимальной скоростью, с которой приходилось делать все зачистки. Из-за рыхлости слоя фотографий зачищенного материка с выбранными объектами на раскопах тоже почти нет. Материк так легко перетапывался, что зачистить и проинвентаризировать его можно было только однажды, до выборки ям, причем почти никогда этого не

делалось на всем участке сразу – как правило, материк раскрывался постепенно, и так же постепенно фиксировался. Гумусированные отложения – плотнее и выдерживали вес человека, в то время как материк – никогда. Помимо этого, песок специфичен еще и тем, что объекты в нем, а также контакт разных прослоек редко имеют однозначные границы. Их нет даже у материковых ям. С другой стороны, в толще материкового песка неоднократно фиксировались странного вида пятна коричневого цвета. Довольно часто они не соединялись с культурными отложениями (в профилях они смотрелись как «облака» под антропогенными отложениями). Возможно, часть их могла быть следами корневой системы лиственных деревьев, часть – жилыми камерами кротовин, одним словом, объектами биогенного происхождения.

Нумерация раскопов, участков и объектов выглядит несколько непоследовательной. Первоначально каждый раскоп соответствовал отдельному кургану, и внутренняя нумерация квадратов и ям была у каждого своя. Все раскопы исследовались сравнительно небольшими прирезками. Это делалось, во-первых, из-за недостатка рабочих в первые годы работы, а во-вторых, из-за невозможности сохранить на крупном раскопе бровки из-за рыхлости слоя. Эти отдельные прирезки и именовались «участками». Номера погребениям не присваивались вообще. Первоначально не было понятно, как их считать – по индивидам или по скоплениям костей, а затем вводить нумерацию стало поздно – их стало довольно много. По этой причине нумерация, использованная в настоящем издании, создана для него же. Названия, фигурировавшие в отчетах, приведены в таблице 10.

ГЛАВА 2

АРТЕФАКТЫ ЭПОХ КАМНЯ И БРОНЗЫ

Основные объекты, исследованные нами на Щуровском комплексе, а также сам культурный слой, относятся в основном к I тыс. н.э. Однако место было посещаемо и предшествующие эпохи, и в отдельные из них даже активно осваивалось. В этом разделе мы кратко, не являясь специалистами в этих вопросах, охарактеризуем эти артефакты.

К вопросу о палеолите

Единственная находка, внешне сходная с позднепалеолитическим орудием, обнаружена во рву кургана 4 в 2008 г. (рис. 23, 3) при зачистке склона ямы 20 в кв. 317 на участке 7 в плейстоценовом песке. Разумеется, нельзя было исключать, что она оказалась втопанной в стенки рва при его сооружении, но облик самого предмета и условия залегания заставляли предположить плейстоценовый возраст. Если суммировать мнения коллег, осмотревших находку (А.Н. Сорокин, Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев, К. Гаврилов, А.В. Трусов, Е.Л. Леонова – ИА РАН) об этом предмете, то его следует считать заготовкой бифасиального орудия, обработка которой была прервана после ее непреднамеренного обламывания. Изготовлено оно из окременелого известняка. Датировка предмета по морфологии почти не возможна, поскольку техника обработки одновременно указывает как на развитый неолит–бронзу, так

и на раннюю пору позднего палеолита (вплоть до стрелецко-сунгирьской традиции). По настоянию присутствовавшего в тот момент в отряде С.Ю. Льва на дне выбранной ямы был заложен контрольный шурф, пробивший материковый песок еще на 110 см. Никаких следов культурного слоя, каких-либо находок (например, отщепов) найдено не было.

Мезолитические находки (рис. 20–25)

Это самая многочисленная группа из числа артефактов, не относящихся к «основной цели» публикации. В массе своей мезолитические орудия, среди которых доминируют пластинки, найдены в переотложенном состоянии. В тех случаях, когда их стратиграфическое положение удавалось проследить, они встречались на контакте слоя селища/могильника и материкового желтого песка. Довольно часто они фиксировались по верхней кромке этого песка, что заставляет предположить либо некий «эффект втапывания», либо иной механизм миграции находок в рыхлые песчанистые отложения плейстоценового возраста (вопросом миграции артефактов в слое подробно занимался А.Н. Сорокин – *Сорокин*, 2002); либо отнести окончательное формирование кровли террасовых песков к раннеголоценовому возрасту. Ножевидные пластинки и орудия на пластинках наиболее многочисленная категория находок, их известно 200 экземпляров, отщепов, в т.ч. со следами использования или ретушью утилизации – 44, орудий – 27¹,

¹ Автор не считает себя вправе давать какие-либо определения. При подготовке отчетов в разные годы отдельным предметам такие определения давали коллеги из ИА РАН: Х.А. Амирханов, А.Н. Сорокин, С.Ю. Лев, Е.Л. Леонова и Н.А. Цветкова (ИИМК), которым автор выражает признательность за консультации. Однако системно с коллекцией никто не работал, и она еще ждет своего исследователя.

нуклеусов, а также сколов оживления («таблеток») – 5, скребков – 3, обломок наконечника стрел – 1, топор или тесло также в одном экземпляре. Еще два предмета могут являться ружейными кремнями. Иногда вышеперечисленные находки встречались в виде скоплений, самое крупное прослежено на участке 3 раскопа III в 2006 году – 151 кремневый предмет из 279. Этот участок являлся периферией «домика мертвых» № 3, ров которого с восточной стороны носил явные следы упоминавшегося уже среза культурного слоя и основания террасы. Вероятнее всего, основная часть стоянки, так же, как и могильников, располагалась на плоском участке террасы, впоследствии уничтоженной. Еще одна значимая концентрация находилась за пределами основных раскопов, к северо-востоку от них, в шурфе 5 (2012 г.). Вероятно, этим шурфом исследованы остатки мезолитического слоя, поскольку все прилегающие к шурфу участки срезаны бульдозерами. Ярко выраженная пластинчатость индустрии

изначально позволяла отнести весь этот набор к условно «бутовской» традиции.

Артефакты эпох неолита–бронзы

Таких предметов значительно меньше. К льяловской культуре можно отнести два мелких фрагмента керамики с мелкими наколами (один представлен на рис. 21, 19 а–б), один обломок бифасиального наконечника и один скол с острия наконечника такого же типа (рис. 20, 1; рис. 23, 4). Два наконечника стрел эпохи бронзы соотнести с какой-либо культурной традицией затруднительно. Оба они бифасиальные, черешковые, один с треугольным пером, второй двушипный (рис. 24, 5; 25, 13).

Таким образом, мезолитическое время было первым эпизодом устойчивого заселения Щурово. Далее, вплоть до конца дьяковской эпохи, это место посещалось только эпизодически.

ГЛАВА 3

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Основной культурный слой памятника включает в себя материалы двух эпох¹ – первой половины и последней четверти I тыс. н.э. К последней четверти относится грунтовый могильник, описание которого будет приведено в отдельной главе. Материалы первой половины I тыс. н.э. интерпретировались как культурный слой поселения, причем керамика и индивидуальные находки в нем в основном относятся ко второй четверти I тыс. н.э. Присутствует также и небольшое количество артефактов дьяковской культуры.

Культурный слой поселения занимает не всю «верхнюю» площадку, он практически отсутствует в ее северной части (рис. 19). Поскольку слой нарушен курганами и их рвами, современными ямами, снарядами воронками и паводковыми процессами – особенно в восточной и южной частях – его первоначальные границы остаются неизвестными. Можно только предполагать, что отсутствие материалов второй четверти I тыс. н.э. в северной части холма действительно отражает некую реально существовавшую ситуацию, поскольку сохранность грунтовых погребений, весьма хрупких самих по себе, там хорошая (схема распространения слоя позднелыжовского времени показана на рис. 19).

¹ Помимо, конечно, описанных выше находок периода мезолита – бронзового века

От периода поселения почти не осталось объектов. Те ямы, которые были обнаружены в пределах оградок курганов, не поддаются датировке. Часть их вполне могла относиться к докурганному времени, но среди них не было ярких объектов, содержащих археологический материал, который мог бы помочь с датировкой. Следы построек из-за многочисленных нарушений культурного слоя, а так же песчаного грунта – не выявлены. Кроме того, исследованная часть памятника фактически приходится на западный склон, плоских участков площадки не сохранилось. Две крупные ямы – № 1 и 2 раскопа VII – первоначально воспринимались нами как объекты «периода поселения», так как были заполнены именно позднелыжовским материалом. Однако, после проведения специального исследования одной из них (*Сыроватко и др.*, 2018а), была выдвинута версия о том, что они являются остатками рвов еще одного «домика мертвых», разрушенного паводками. Приведем описание этих ям:

Яма 1 в плане овальной формы, размерами около 3,40 × 2,70 м (рис. 26). Дно ее слегка скругленное, с нечетко выраженным тальвегом. В сечении дно и стенки неровные, восточный борт вертикальный. От коричневого аллювия заполнения ямы отделены линзой желтого песка, толщиной до 10 см, и протяженностью около 80 см. Основное заполнение ямы двухслойное: в верхней части линза серо-коричневого песка, толщиной до 30 см, и у самого дна – черный песок, распространяющийся и за пределы ямы, толщина его от 1 до 10 см. Стратиграфия ямы 1 (как, впрочем, и ямы 2) сходна с заполнением рвов «курганов» – «темный низ» и «светлый верх» – практически все заглубленные объекты, в верхней части заполнения имели осветленную прослойку, возможно – некий слой естественного оплывания. Однако, в отличие от рвов, яма 1 была полна фрагментов керамики. Керамика эта мощинского облика (рис. 27), среди

формовочных масс абсолютно преобладает (90%) рецепт «глина + дресва» (ГД), хотя есть и керамика с шамотом (ГШ и ГДШ) (рис. 33). Из всех открытых комплексов «верхней» площадки яма 1 имеет наименьший процент присутствия керамики с шамотом в тесте (*Сыроватко, Жеребцова, 2017*).

Яма 2 (рис. 28, 29). Это довольно крупный – размерами около 3×4 м – объект, глубиной до 0,9 м. Разрез этой ямы, выполненный по восточной стенке участка 2 раскопа VII, стал базовым для палинологических и микробиоморфных исследований (*Трошина, Сыроватко, 2018*). Однако интерпретация стратиграфии ямы столь неоднозначна, что стала предметом отдельного исследования (*Сыроватко и др., 2018а*). Из ямы происходят яркие индивидуальные находки и керамика. В основании этого слоя найдена железная фибула (рис. 29, 5) – двучленная прогнутая подвязная с вертикальной пластиной для оси и узкой ножкой, датирующаяся IV в. (*Амброз, 1966. С. 61 и след. Табл. 11; Гаврилухин, Воронцов, 2008*), из этого же слоя происходит развал сосуда (он располагался на ступени у южного борта, хорошо заметной на рис. 29, 2–3), нашивная бляшка с кантиком (рис. 39, 15) и треугольная подвеска с пуансонным орнаментом (рис. 29, 4; 39, 1). Однако в датировке и интерпретации объекта следует, на наш взгляд, опираться на результаты радиоуглеродного датирования². Поскольку логика рассуждений коллектива исследователей уже изложена в публикации (*Сыроватко и др., 2018а*), представляется уместным только повторить основные выводы:

Яма, вероятнее всего, является частью курганного рва (т.е. погребального объекта третьей четверти

I тыс. н.э.) – на это указывает общий характер стратиграфии и состав пыльцы в придонной части. То, что керамика и находки из слоя 4 этой ямы больше соответствуют второй четверти I тыс. н.э. может быть объяснено перемещением этого слоя – на это прямо указывают данные почвоведения, косвенно – палинологии. Слой 4 (рис. 29, 2) вероятно, сброшен в яму с возмозно существовавшего тут «домика мертвых № 0» при попытке его снивелировать, например, в эпоху викингов. Если этот вывод верен, и ямы 1–2 раскопа VII являются рвом некогда существовавшего «домика мертвых», то получается, что поселенческих объектов на памятнике не найдено. Следует, однако, учесть, что исследованные участки приходятся в основном на западный склон: площадка поселения не сохранилось.

Керамика слоя «верхней» площадки

Вся керамика слоя «верхней» площадки может быть разделена на сетчатую и гладкостенную, а гладкостенная, в свою очередь, на грубую и лощеную. Это стандартный набор для дяковского культурного слоя, хотя в действительности в этом культурном слое смешаны материалы четырех этапов формирования памятника, возможно, не связанных между собой.

Сетчатая керамика уже становилась предметом отдельного рассмотрения (*Сыроватко, 2005. С. 216; 2009. С. 145*), и хотя количество материала с тех пор возросло многократно, это не изменило основного вывода – вся сетчатая керамика «верхней» площадки (как, впрочем, и «нижней») представлена только одним типом сетчатого отпечатка – с «крупно-ячеистой рябчатой» фактурой (рис. 31, 4)³, на некоторых венчиках встречаются эти отпечатки, нанесенные

² Из слоя углистого песка получена радиоуглеродная дата ГИН 15240 1370 ± 30 В.Р., а из включений угля под слоем светлого песка дата ГИН 15430 1190 ± 60 В.Р., калиброванный возраст которой 771 AD:896 AD (с вероятностью 0,867146) приходится на последнюю четверть VIII–IX вв.

³ Для этой керамики О.А. Лопатиной предложен термин «поздняя профилированная текстильная керамика», ППТК (*Лопатина, Тавлинцева, 2017*).

с двух сторон. Сочетание этих признаков указывает только на одну группу сетчатой посуды, являющуюся последней разновидностью собственно дьяковской керамики, время ее бытования относится к первой четверти I тыс. н.э. Щурово, таким образом, представляет собой пример «чистого» набора сетчатой керамики, представленного только одним типом. Это довольно редкое явление для дьяковского поселения, и, хотя количество керамики на «верхней» (и на «нижней») площадках сравнительно невелико, этот факт остается весьма примечательным.

Охарактеризовать массив гладкостенной керамики не в пример сложнее: памятник функционировал, помимо дьяковского времени, в течение всего I тыс. н.э., и в коллекции могут быть «растворены» «примеси» керамики эпохи Великого переселения народов (ЭВПН) и эпохи викингов.

Подсчеты керамики по участкам раскопов «верхней площадки» приведены в таблице 2.

Обращает на себя внимание высокая доля ошланкованной керамики, особенно в раскопах на курганах, что еще раз подтверждает особый характер формирования слоя в них, связанный с костром высоких температур (а также с кремациями и/или плавкой цветных металлов). Доля чернолощеной керамики составляет около 4%. С учетом керамики с подлощеной поверхностью других цветов (в основном красноватых оттенков) ее несколько больше, в пределах 6%. Однако заметно больше лощеной керамики – на вершине холма и в слое под курганами, к северу и на западном склоне ее количество уменьшается.

Что касается форм посуды, то не обнаружено явного присутствия керамики, которая была бы схожа с урнами и сосудами-приставками грунтового могильника. Вся гладкостенная керамика (рис. 30–31) условно может быть отнесена к позднедьяковскому/мощинскому времени.

Из довольно большой по объему коллекции выделить сколь-нибудь полные формы оказалось непросто, и детальный морфологический анализ этой коллекции затруднен (на рис. 30–31 показаны все профильные части). Можно только сказать, что большая часть сосудов имела отогнутый наружу прямой венчик, уступ при переходе от плечика к венчику. Часть сосудов имела плавный переход к венчику, присутствуют также венчики с плавным прогибом. В целом же, этот набор посуды обнаруживает аналогии и в мошинской культуре, и в позднедьяковской (*Воронцов*, 2013. С. 24. Рис. 10), однако не тождественен им. Обращает на себя внимание небольшая доля мисок, и почти полное отсутствие цилиндроконических мисок – единственный крупный фрагмент такой миски был обнаружен в упоминавшемся уже компактном пятне культурного слоя у северного подножья холма в 2016 г (*Сыроватко, Трошина*, 2017). Только единственный раз – в раскопе 1993 года – В.Ю. Ковалю посчастливилось обнаружить фрагмент сковородки (*Коваль*, 1993. С. 22, 23). На всей площади памятника и на керамическую коллекцию более чем в 22 тыс. фрагментов это единственный экземпляр, хотя на синхронном памятнике выше по течению р. Оки – в Соколовой Пустыни – сковородки совсем не редки (в то же время, они отсутствуют на Ростиславле). Иными словами, отличия в керамическом наборе Щурово от соседних памятников существуют⁴. На настоящем этапе исследования можно констатировать, что в Щуровской коллекции керамики нет ярких и выразительных черт, ее скорее характеризует не то, что в ней есть, а то, чего в ней нет. Кроме того, отличия от коллекций Ростиславля и Соколовой Пустыни очевидны (*Сыроватко и др.*, 2017), но

⁴ А.В. Воронцовым наличие или отсутствие сковородок в керамических наборах мошинских поселений также выделяется в самостоятельный признак локальных вариантов мошинской культуры (*Воронцов*, 2010)

культурная принадлежность этих памятников тоже не определена.

На настоящем этапе исследования определенный результат достигнут путем технологического анализа всей коллекции керамики. Эта работа начата Н.С. Жеребцовой, первые результаты опубликованы, и в настоящем издании просто повторяются основные выводы (Жеребцова, Сыроватко, 2018; Сыроватко, Жеребцова, 2017). Для керамики «верхней» площадки выделено восемь рецептов формовочных масс: глина + дресва – ГД, глина + шамот – ГШ, глина + дресва + органика – ГДО, глина + шамот + органика – ГШО, глина + дресва + шамот – ГДШ, глина + шамот + песок – ГШП, глина + шамот + раковина – ГШР, глина + дресва + шамот + органика – ГДШО (рис. 32, 2). По степени запесоченности глинистого сырья выявлено преимущественное использование высоко- и среднезапесоченных глин (рис. 32, 1). Удалось выделить всего несколько открытых комплексов – ямы 1 и 2, линзы слоя в курганах и под курганами 1–4 и насыщенный керамикой участок слоя на западном склоне памятника, в раскопе VI, на участке 1 (2011 г.) (рис. 33). Почти во всех комплексах (кроме своеобразного по устройству и погребальному обряду кургана 4) из рецептов формовочных масс заметно преобладает рецепт «глина + дресва» (ГД). При этом во всех случаях керамика с шамотом в тесте (ГШ или ГДШ) также присутствует, включая придонные отложения ямы 2 и ямы 1, где количество такой керамики минимально. Преобладание рецепта ГД является главным характерным признаком керамики «верхней» площадки Щурово, отличающим ее как от керамики «нижней» (где преобладают шамотосодержащие рецепты), так и от синхронного ей керамического материала Ростиславля («слой пожара») и Соколовой Пустыни. В первой публикации результатов этих исследований (Жеребцова, Сыроватко, 2018. С. 406) было приведено еще одно наблюдение: разный

состав исходных глин по степени запесоченности в керамике «верхней» и «нижней» площадок, из чего был сделан вывод о перерыве в изготовлении керамики в течение всего периода функционирования поселения. Возможно, новому коллективу, освоившему «нижнюю» площадку, пришлось заново искать источники сырья, и они отличались от тех, которые использовали обитатели «верхней» площадки.

Ниже, при описании «домиков мертвых», будет более подробно-озвучено еще одно наблюдение – повышение доли керамики с шамотом в них с юга (курган 1) на север (курганы 3–2–4), а также странную обратную зависимость керамики с рецептом ГШ и ГДШ (рис. 33). Чем объяснить то обстоятельство, что рост доли керамики ГШ сопровождается сокращением количества керамики с рецептом ГДШ, неизвестно. Однако вполне вероятно, что керамика с рецептом теста ГДШ представляет собой некую самостоятельную традицию.

Железные изделия дьяковского и познедьяковского времени

Как и большинство предметов в культурном слое Щурово, изделия из черных металлов соотносить с периодом селища можно с известной долей осторожности. Довольно многочисленные серии образуют ножи, рыболовные крючки и, особенно, иглы и шилья.

Железные ножи (рис. 34)

Коллекция ножей Щурово довольно однородна по составу. В ней нет ни одного классического «горбатого» дьяковского ножа, хотя большая часть ножей имеет выгнутую, или «округлую», спинку, без уступа при переходе к черешку. Переход от черешка к лезвию, как правило, скругленный (на «верхней» площадке таковых 8 экземпляров), по типологии А.Д. Максимова это ножи группы I, класса 1, типа 2 – самый массовый

тип среди ножей с выгнутой спинкой городища Орлов Городок (Максимов, 2001. С. 68, 69). Только один нож можно назвать серповидным – изогнутым, без акцентированного черешка, и, видимо, только этот нож можно соотнести с сетчатой керамикой на памятнике (рис. 34, 11); отсутствие «горбатых» (с треугольной полосой) ножей косвенным образом указывает на некий, пусть и незначительный, разрыв в заселении «верхней» площадки, между «классическим» дьяковским и позднедьяковским периодами.

Один нож имеет уступы и по спинке и по лезвию (рис. 34, 13) и это, вероятнее всего, поздний экземпляр, к селищу не имеющий отношения, хотя точную его дату определить нельзя. Три экземпляра представлены в обломках и их форма не реконструируется. Пять имеют прямые спинки, без уступа и изгиба; переход от черешка к лезвию у них, как правило, скруглен (рис. 34, 8, 12, 19).

Положение всех этих ножей в слое не позволяет сделать каких-либо выводов об их датировке: зачастую это верхний, нарушенный распашкой, слой, или участки слоя, где он тонкий и распахан на всю глубину. Эти ножи могут относиться как ко второй, так и к третьей четверти I тыс. н.э. Только один из ножей (рис. 34, 6) – происходит со дна рва кургана 3 – ямы 11 (2006 г.), но его датировку третьей четвертью I тыс. н.э. это обстоятельство не гарантирует. Ножи с округлой спинкой встречаются и на «нижней» площадке (в раскопе 2014 г.). Ножи с прямой спинкой в целом бытуют позже ножей с округлой – они известны в древнерусское время и считаются «наследниками» технологий автохтонного населения лесной зоны (Леонтьев, 1996. С. 104–109). На Щуровских материалах ответить на вопрос, сосуществуют ли типы ножей с прямой и с округлой спинкой, нельзя.

На распаханном участке слоя «верхней» площадки Щурова был найден единственный фрагмент серпа

(рис. 34, 4), форма которого указывает на позднедьяковское время.

По типологии Р.С. Минасяна серп можно соотнести с группой 1, вариантами Б, Г или Д (Минасян, 1978. Рис. 3). Вариант Б автором классификации датируется I–V–VI вв. н.э., датировка остальных несколько шире. По типологии Ю.А. Краснова наш фрагмент серпа относится к типу 5, который, по мнению исследователя, распространялся с южных границ лесной зоны в ее глубь в течение I тыс. н.э., в середине тысячелетия бытуя на Оке (Краснов, 1966. С. 23). Ю.А. Краснов считал серпы такого типа балтскими по происхождению, не характерными для финно-угорского мира (Краснов, 1969).

Фибулы и пряжки (рис. 35)

С территории «верхней» площадки известны две целых фибулы, одна из которых с бронзовым корпусом. Еще один экземпляр – поврежденный, но с узнаваемым типом. Кроме них, еще один фрагмент фибулы представлен только осью с пружиной и тетивой (рис. 35, 1). При этом один из двух целых экземпляров происходит из ямы 2 в раскопе VII, он описан выше, при описании объекта (рис. 35, 4).

Единственная пока в серии фибула с корпусом медного сплава (рис. 35, 131/09) относится к типу прогнутых подвязных с узкой ножкой и близка варианту 3 по А.К. Амброзу (1966. Табл. 11, 12). Концы оси пружины прикрыты бронзовыми втулками. К сожалению, пружина в месте соединения с корпусом сильно корродированна и определить способ крепления оси к корпусу автору не удалось. И.Р. Ахмедов датировал этот экземпляр второй половиной IV в., посчитав черняховским импортом. Окские и донские дериваты таких фибул со втулками на концах оси, видимо, датируются чуть более поздним – гуннским – временем (Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 42). Однако

бронзовый корпус и высокое в целом качество изготовления свидетельствует о ее скорее черняховском происхождении.

Следующий экземпляр фибулы (рис. 35, 2), от которой сохранился только корпус, неоднократно публиковался (*Сыроватко*, 2014; *Syrovatko et al.*, 2012). Предмет характеризуется выгнутой дугообразно спинкой из крученого железного дрота, сравнительно длинной и широкой ножкой со сплошным приемником. Головка не сохранилась, но, судя по уплощенному концу, дрот корпуса заворачивался в трубочку, закрепляя ось. И.О. Гавритухин похожие фибулы относит к типу Пильвины и приводит список аналогий (*Гавритухин*, 1989; 2005. С. 406). Вероятно, датировка фибулы при условии, что она относится к типу Пильвины, середина – вторая половина V в., не позднее начала VI в. н.э.

Еще одна, пятая по счету, фибула найдена в 2016 г. в компактном скоплении находок второй четверти I тыс. н.э. на «нижней» площадке (*Сыроватко*, *Трошина*, 2017), хотя в настоящей публикации материалы этих раскопов не рассматриваются.

Значение фибул для датировки селища именно на «верхней» площадке велико. Именно они очерчивают доверительный интервал его существования, ограничивая IV–V вв. н.э. Помимо того, что достоверно более поздних позднедьяковских находок на «верхней» площадке нет, за исключением, быть может, литейных формочек и височного кольца из курганов 3 и 4, верхняя дата селища, как мы уже отмечали ранее, может быть ограничена радиоуглеродными датами из самих курганов – если сделать допущение, что селище не функционировало в период их возведения.

Если все описанные выше фибулы почти наверняка можно увязать с культурным слоем селища второй четверти I тыс. н.э., то с пряжками все гораздо сложнее. Только немногие из них имеют сравнительно узкую дату, и у небольшого числа из них стратиграфическое

положение позволяет исключить связь с могильниками – курганным или грунтовым.

Разновидностей пряжек немного, чаще встречаются трапециевидные, иногда с прогнутыми боковыми сторонами, «гитаровидные», подпрямоугольные и с овальной, или, скорее даже, D-образной рамкой. Однако следует заметить, что «гитаровидные» и трапециевидные пряжки предположительно обнаружены как в погребении кургана 1 (рис. 54, 1, 14), так и в некоторых погребениях грунтового могильника – № 10, 27, 28 и др.

Две трапециевидные пряжки будут рассмотрены ниже, при описании погребения в кургане 1 – одна обнаружена В.Ю. Ковалем (1993г.), вторая автором при повторном вскрытии его шурфа в 2002 г. (рис. 54 1, 14). Экземпляр 1993 г. В.Ю. Коваль однозначно увязывает с погребением (третья четверть I тыс.), и это весьма вероятно, но полностью исключить ее попадание в погребальный объект из слоя поселения при сооружении кургана нельзя. Также неопределенно происхождение и второй пряжки. Однако отметим, что такие пряжки встречаются в датированных комплексах пражской культуры VII в. (*Гавритухин*, 2005. С. 423, 434. Рис. 17, 1; 25, 2), что не противоречит связи этих предметов с самим погребением в кургане, а не с более ранним культурным слоем. Еще одна пряжка этого типа обнаружена в слое раскопа IV (рис. 35, 6), вне объектов, в слое черного углистого песка – слое грунтового могильника. Рядом с пряжкой найдена характерная для грунтовых кремаций бесформенная капля металла – медного сплава. Эта пряжка, также может быть датирована широким временным диапазоном. Четвертый экземпляр трапециевидной пряжки происходит с участка 4 раскопа V (рис. 35, 7), он найден при просеивании слоя. Объектов на этом месте, на вершине холма, между курганами 1 и 2, не прослежено, хотя слой грунтового могильника выражен

хорошо. Датировка четвертой пряжки остается открытой, как, впрочем, и всей серии. Пятый экземпляр происходит с участка 11 раскопа II (рис. 35, 8), и он также – просто из слоя. В итоге, вопрос о датировках всех найденных пряжек с трапецевидной рамкой остается для нас открытым. С одной стороны, пряжки этого типа бытуют во всей Восточной Европе в широком временном диапазоне. Вместе с тем, соотношение их со слоем поселения второй четверти I тыс. под вопросом – автору неизвестны комплексы, где такие пряжки встречались бы. Большая часть этих пряжек прекрасной сохранности (рис. 35), что, пусть и косвенно, указывает на окалину.

Пряжек с полуовальной, или D-образной формой рамки обнаружено два экземпляра. Медная пряжка (рис. 35, 5) найдена в кв. 94 раскопа III в прослойке темно-серого (черного) песка, подстилающего «верхний слой». Аналогии предмету могут быть приведены самые обширные, однако мы сошлемся на определение И.Р. Ахмедова и И.О. Гавритухина – по их единодушному мнению пряжка соответствует IV в. н.э. Датировочными признаками коллеги посчитали слабую огранку рамки и сильный прогиб язычка. Полуовальная рамка железной пряжки (рис. 35, 9) происходит из слоя светло-серого песка в кв. 105 участка 4 раскопа V. Язычок не сохранился. По размерам и форме пряжка аналогична пряжке № 5 (рис. 35). Для обоих предметов характерно расширение рамки в передней части, что, по мнению И.О. Гавритухина, является признаком финала черняховской традиции или начала гуннского времени (Гавритухин, 2007. С. 22).

Следующая рамка от пряжки (рис. 35, 10) сделана столь небрежно, что правильной геометрической формы не имеет – ее можно считать и подпрямоугольной, и подовальной. Она также найдена в слое, где с равной степенью вероятности могут быть как вещи из могильника, так и с поселения.

Упомянем еще одну железную пряжку – формально трапецевидную, но сильно удлинненную (рис. 124, 8). Язычок ее прогнут в центре, кончик его частично огибает рамку. Она залегала в непосредственной близости от погребения № 9 на участках 2–3 раскопа VI, исследованного в 2011–2012 гг., рядом с сосудом-приставкой но, в то же время, не вошла в непосредственное скопление костей (рис. 120, № 7 в кв. 162а). Сохранность ее очень хорошая, что в песчаном слое памятника служит, как правило, признаком окалины от вторичного обжига (в погребальном костре) но, учитывая некоторые детали этого, в целом простого предмета, нельзя исключать и ее более ранний возраст – период поселения.

За время раскопок 2001–2014 гг. было найдено еще довольно значительное количество игл от них, большинство которых, строго говоря, не датируется. Однако в коллекции присутствуют и узнаваемые типы: один фрагмент язычка медного сплава с уступом в основании (кольцо расположено ниже тыльного среза язычка) и с сильным загибом острия, охватывавшего рамку, может быть с большей уверенностью отнесен финалу черняховской культуры или гуннскому времени (рис. 35, 11) (Гавритухин, 2007. С. 22) еще один язычок с таким же загибом выполнен из железа (рис. 35, 12).

Все перечисленные пряжки объединяет то, что, хотя они и не могут быть привязаны к датированным объектам или прослойкам, но происходят с тех участков памятника, где равновероятно встретить находку как периода поселения, так и могильников, т.е. и второй, и третьей, и последней четверти I тыс. н.э.

Шилья и иглы

Большая часть предметов встречается в обломках, к тому же черешки шильев сходны с остриями игл от сюльгам и пряжек. Судя по целым экземплярам, на

памятнике бытовали шилья переменного сечения – четырехгранного у рукояти и круглого у острия; не исключены полностью четырехгранные. Возможно, шилом могли быть и два железных предмета, один из которых отмечен при описании кургана 4 (рис. 82, 8), второй найден в культурном слое севернее кургана 2 (рис. 36, 3). Оба предмета имеют расширенную плоскую часть и круглое в сечении острие. Однако, их атрибуция под вопросом, поскольку в рассматриваемое время (вторая – третья четверть I тыс. н.э.) похожие весьма распространены. В литературе их называют «шиллями», «долотцами», стрелами-срезнями, долотовидными кресалами (Исланова, 2006. С. 105. Илл. 114). Впрочем, для предмета из кургана 4 альтернативные атрибуции маловероятны, поскольку его расширенная часть не имеет ни заточки, ни каких-либо других следов использования.

Иглы с ушками редки. Примечателен экземпляр (рис. 36; 4), на поверхности которого вздувшиеся окислы сохранили следы двойной нити, продетой в ушко и небрежно намотанной на саму иглу. Найден он в заполнении рва кургана 2, с его западной стороны, но в верхней части, в темно-сером слое. Находка может датироваться широким временным диапазоном

Пластинчатые кресала

Один из предметов, который может быть отнесен в эту вещевую категорию, будет рассмотрен ниже, при описании находок из кургана 1. Вполне вероятно, что он может быть обломком дужки ведра (рис. 54, 8). Еще один предмет также может быть таким кресалом с петлей, хотя, как и предыдущий, он несколько отличается от массового типа пропорциями (рис. 82, 57), зато происходит он из линзы культурного слоя под курганом 4 с обилием находок позднедьяковского круга. Если такая атрибуция верна, то это кресало сравнительно раннего облика, без расширяющейся полосы.

На памятнике было найдено и достоверное кресало (рис. 37, 4), имеющее множество аналогий. Ранее общепринятой являлась точка зрения, что кресала с узкой полосой и петлей, а в особенности более позднего типа (с расширяющейся полосой) характерны для финно-угорского мира и датируются V–VII вв. (Голубева, 1965. С. 258). И.Г. Розенфельдт омолаживала эту дату до VI–VIII вв. (Розенфельдт, 1982. С.145). Однако, если обратиться к ее типологии кресал, щуровский экземпляр относится скорее к раннему типу, с полосой одинаковой ширины. Он, а также оба других, менее достоверных, могут быть сопоставлены с кресалами провинциально-римского типа и отнесены ко второй четверти – середине I тыс. н.э., без каких-либо этнических определений (Розенфельдт, С. 143; Седов, 1998. С. 62), поскольку в лесостепной зоне Восточной Европы они появляются, видимо, позже, чем в Центральной Европе (Обломский, 2016. С. 39).

Вышеупомянутые два «шила» (рис. 36, 3; 82, 8), возможно были не «шиллями», а «долотовидными кресалами».

Наконечники стрел

На «верхней» площадке их известно шесть, но к позднедьяковскому времени достоверно относится не более двух: это двушипные плоские черешковые экземпляры (рис. 37, 1, 7), типа 1 по К.А. Смирнову (1974. С. 33). Возможно, с позднедьяковским временем связан описанный выше срезень из слоя под насыпью кургана 2 (рис. 61, 1), но это «другая позднедьяковская» эпоха, период третьей четверти I тыс. н.э. Еще два наконечника стрелы без шипов, стратиграфическое положение которых не дает оснований для датировки, обнаружены: один – под дерном на вершине кургана 3 и будет отмечен в следующей главе (рис. 73, 6), второй, этого же типа – также под дерном, в межкурганном пространстве (рис. 37, 6). Близкие им

по форме наконечники известны на Велегожском городище, правда, в подъемном материале (*Воронцов, Столяров*, 2015. С. 16. Рис. 7, 2–4; 8). Их отличает линзовидное сечение, а авторами публикации памятник в целом датирован второй половиной IV – первой половиной V в. Похожие наконечники появляются еще в черняховской культуре (*Казанский*, 2015. С. 59. Рис. 9, 19, 20, 23; 11, 10–14), культуре длинных курганов (*Михайлова*, 2013. С. 32. Рис. 2), в древностях типа луки-райковецкой, на боршевских памятниках (*Седов*, 1982. Табл. XXIV, 25; XL, 1), подобные экземпляры можно найти и финно-угорских древностях в гораздо более позднее время (Финно-угры... 1987. Табл. XLIV, 3; XIX, 18). По мнению А.В. Григорьева осмотревшего находки, стрелы данного типа весьма характерны для роменского круга древностей, но как следует из приведенных аналогий, более ранний возраст (вплоть до гуннского), чем боршевский, этих предметов не исключен.

Железный, черешковый, трехлопастный наконечник подробнее будет описан позднее, при описании кургана 3: он найден в пространстве между канавкой и рвом, в кв. 77 (рис. 73, 8). С равной степенью вероятности его можно соотнести и со второй четвертью I тыс. н.э. (т.е. с «периодом поселения»), и с третьей (т.е. с курганом).

Рыболовные крючки

На окском берегу эти предметы обнаружить вполне ожидаемо в любом месте, и соотнесение их с культурным слоем поселения возможно только на основании стратиграфии. Крючок (рис. 38, 2; рис. 72, 8) найден в слое под насыпью кургана 3, и ранний возраст его весьма вероятен. Экземпляр рыболовного крючка (рис. 38, 4), единственного во всей коллекции без борodka (возможно, бородачок просто сломан), происходил из слоя, перекрытого аллювием и залегал рядом с

железной двушипной стрелой. Крючки (рис. 38, 3, 5) отмечены ниже, при описании кургана 4 (см. также рис. 82). Один из этой пары (рис. 38, 3) происходил из слоя коричневого песка, вмещавшего «центральное» погребение и стратиграфически находился выше него; второй (рис. 38, 5) из слоя черного углистого песка, перекрывавшего материк. Вряд ли они входили в гипотетический «погребальный инвентарь», скорее они связаны со слоем предшествующего селища. Со слоем, перекрытым аллювием, можно связать два крючка, (рис. 38, 6, 7), но, учитывая поздний возраст балласта, датировка их позднедьяковским временем не надежна. Фрагмент крючка из медного сплава (рис. 38, 1) и железный (рис. 38, 7) происходят из верхнего слоя селища и могут быть любого времени.

Стеклянные бусы (рис. 83)

Специальная работа, посвященная бусам позднедьяковского времени из Щурово выполненная совместно с А.А. Трошиной, стала возможной благодаря материалам из тех раскопов в Щурово и Соколовой Пустыни, которые в настоящей работе не рассматриваются (*Сыроватко, Трошина*, 2018). На настоящий момент это самая полная сводка бус второй – третьей четверти I тыс. н.э., выделенных из общей коллекции стекла на памятнике. Выделение бус позднедьяковского времени, среди всех бус на памятнике, остается непростой задачей: грунтовые погребения зачастую оказывались нарушенными раннесредневековой распашкой, либо задеты плугом в раннесоветское время. Разрозненные находки бус за пределами объектов всегда воспринимались как находки из могильника Эпохи викингов. Признаки (не вполне надежные из-за причин указанных выше), по которым удалось атрибутировать коллекцию, следующие:

1. Присутствие в наборах бус, изготовленных способом навивки (*Румянцева*, 2007, 2010). Такая

технология не характерна для более ранних материалов здесь, а также для времени викингов, т.е. для погребений позднего грунтового могильника Щурово.

2. Следующей важной чертой раннего комплекса бус является их цвет. В первую очередь стоит отметить красное непрозрачное (печеночно-красное) стекло, характеризующее «стиль эпохи». Такой цвет стекла совершенно не характерен для бус эпохи викингов в Щурово. Цветовая гамма позднедьяковского комплекса дополняется бесцветным и синим прозрачным стеклом, из которого изготовлены бусы в технике навивки и прокаливания.

3. Еще одним – косвенным – признаком раннего материала является отсутствие следов воздействия огня на бусинах. Поскольку анализируется именно поселенческий материал, этот фактор стоит учитывать при анализе бус. В противоположность ранней коллекции, бусы периода могильника очень часто повреждены огнем в той или иной степени (до 40% коллекции).

Небольшую эталонную серию образуют бусы, найденные в кургане 4, слой которого, как предположили выше, мог быть образован путем перемещения с поселения (рис. 83). Сам набор А.А. Трошина склонен датировать временем кургана, т.е. третьей четвертью I тыс. н.э. (*Сыроватко, Трошина, 2017*). Эти бусы будут описаны в следующей главе, но, вероятно, к поселению второй четверти I тыс. н.э., к «докурганному» времени, они могут не иметь отношения. На «верхней» площадке это единственный комплекс, еще несколько экземпляров (не больше десяти) найдены просто в слое, зачастую при его просеивании и отнесены к периоду поселения предположительно (*Сыроватко, Трошина, 2017*).

Изделия из цветного металла (рис. 39)

Не смотря на значительную площадь раскопов количество украшений из цветных металлов невелико.

Помимо этого, их еще меньше в «бесспорных случаях» – в объектах позднедьяковского времени.

В яме 2 раскопа VII/2014, помимо упоминавшейся выше фибулы, в придонном слое углистого песка были найдены нашивная бляшка с кантиком и треугольная подвеска с пуансонным орнаментом (рис. 29, 4; 39, 1). Находки треугольной подвески с пуансонным орнаментом и бляшки-скорлупки есть в других частях памятника: треугольная подвеска найдена в пахотном слое над заполнениями рва «кургана» 2 с юго-восточной стороны (рис. 39, 2; 62, 2). Двойная бляшка-скорлупка происходит из слоя кургана 4 (рис. 39, 3; 82, 10), как, впрочем, большинство находок из металла. Все они будут описаны в следующем разделе, при описании кургана 4. Для большинства из них датировка возможна, к сожалению, на уровне эпохи, в то время как принципиальный вопрос – ко второй или же третьей четверти I тыс. н.э. их следует относить – остается открытым.

В слое за пределами объектов находки из металла невыразительны: несомкнутые и неаккуратно сделанные кольца (рис. 39, 4, 5), в одном случае колечко с обоймцей (рис. 39, 6), спиральные пронизи и обломки круглого дрота (в некоторых случаях такой дрот мог быть внутри пронизки). Спиральные пронизи встречаются в погребениях грунтового могильника Щурово (см. ниже), однако вполне возможно, что какая-то их часть, найденная за пределами погребений, может быть и позднедьяковского времени.

Украшение в виде неровного диска с насечками по краю и отверстием в центре, найдено на западном склоне памятника (уч. 9. Р. V.) (рис. 39, 9). Эта, небрежно сделанная вещь, не уникальна – почти точно такая же обнаружена в кургане 4 (рис. 82, 4). Разница только в том, что у экземпляра 2009 г. в отверстие, вероятно, вставлялась заклепка, а не кольцо. Следует также упомянуть квадратную привеску, с такими же

насечками по краю и прочерченным орнаментом в виде косого креста (рис. 163, 52). Этот предмет, с неровно пробитым отверстием, больше похож на кустарную переделку обломка браслета («волчьим зубом» обрамлено только три стороны). Отверстие для подвешивания, а также знак в виде косого креста на нем, скорее всего, вторичны. По стилю орнамента квадратная подвеска сходна с описанными выше круглыми, но найдена была рядом с грунтовым погребением № 16 и могла входить в его инвентарь.

Керамические изделия (рис. 40–46)

Пряслица

Самыми многочисленными предметами среди индивидуальных находок на памятнике являются пряслица, в основном биконической формы (рис. 40–43). Представлены как обломками, так и целыми экземплярами. Одно пряслице удалось обнаружить даже в геологическом керне в ходе бурения пойменной части памятника.

В таблице 3 щуровские экземпляры сгруппированы по типам, выделенным О.А. Лопатиной (Шарова, 2004). Отметим, что точный подсчет по этим группам невозможен, во-первых, в силу фрагментированности материала, во-вторых, из-за небрежного в целом их изготовления (за исключением пряслиц «киевского» типа). Тем не менее, общий облик коллекции понять исходя из таблицы вполне возможно: пряслица сравнительно высоких пропорций с отверстием малого диаметра (типы Г и Д) более чем в два раза превышают количество плоских, с отверстием большого диаметра (типы А и В). Пожалуй, стоит ограничиться констатацией этого обстоятельства – положение предметов в слое не дает основания для стратиграфического или планиграфического разделения коллекции. В ряде случаев (например, в раскопе В.Ю. Коваля на кургане 1)

пряслица «мощинского» типа встречались компактной группой (рис. 54, 4–7), но, к примеру, в насыпи кургана 4, где пряслиц огромное количество, представлены разные типы.

Грузик дьякова типа на памятнике всего один (рис. 44, 1). Этот, слегка ошлакованный экземпляр типа 3а по К.А. Смирнову (1971. С. 82) найден в переложном состоянии в насыпи кургана 2 в 2002 г. О датировке его судить следует крайне осторожно. Керамика с «крупноячеистым рябчатым» отпечатком являющаяся типом, весьма характерным для поселений коломенской группы, представлена на «верхней» и «нижней» площадках в Щурово как единственный (а на «средней» – доминирующий) тип керамики. Известно, что грузики типа 3а не встречались на памятниках, где была распространена такая керамика, даже в Настасьино. Из этого можно сделать осторожный вывод, что находка может относиться к «раннему позднедьяковскому» периоду, ко второй четверти I тыс. н.э.

Тигли, льячка и литейные формы

Фрагментов тиглей на «верхней» площадке обнаружено около 24 экземпляров. К тиглям также были отнесены фрагменты сильно ошлакованной – до стекловидного состояния – керамики, иногда с каплями цветного металла с внутренней стороны сосуда (рис. 44, 9; 45, 5–10, 13, 14). О форме тиглей судить почти невозможно, поскольку только в редких случаях удавалось проследить край венчика. Единственный необычный фрагмент, возможно, представлял собой небольшую ручку-выступ, но по столь небольшому обломку достоверно атрибутировать его нельзя (рис. 45, 20). Планиграфически большая часть этих фрагментов найдена в основании «кургана 4» (уч. 7–8, раскоп V/2008–2009 гг.) – всего 18 предметов (рис. 82);

кроме того, линза слоя, отделенного от основания «кургана 4» «ямой 2» (уч. 1, раскоп VI/2010 г.) содержал еще 4 экземпляра.

Еще один предмет традиционно именуется льячкой (рис. 72, 2), хотя Е.Ю. Тавлинцева считает его тиглем для низкотемпературных сплавов (Тавлинцева, 2010), обнаружен также в основании кургана 3, и уже упоминался выше. Любопытно, что в основании кургана 3 помимо льячки найдены две фрагментированные литейные формы. Первая из них, задняя створка с литниками (рис. 44, 12; 72, 6;), происходит из центральной части кургана, второй небольшой фрагмент из заполнения рва (яма 1, раскоп III, в кв. 5) (рис. 74, 1). Если створка не может быть датирована сколь-нибудь узко, то второй фрагмент, хотя и очень небольшой, может быть сопоставлен с изображением на целой лицевой створке, обнаруженной на «нижней» площадке в 2016 г. (Сыроватко, Трошина, 2017). Находка 2016 г. примечательна, во-первых, тем, что, помимо бляхи с зернью, которая, вероятно, может быть аналогией изображению на находке 2005 г., на ней присутствует негатив второго предмета, лунницы, что, по мнению Е.Ю. Тавлинцевой, указывает на третью четверть I тыс. н.э. Во-вторых, предмет 2016 г. найден в компактном скоплении керамики и обломков литейных форм, и керамика представляет собой довольно однородную группу, с абсолютным преобладанием рецептуры ГШ и ГДШ, что также, косвенным образом, указывает на приведенную выше датировку.

Погремушки

Достоверная погремушка, вернее, ее развал (рис. 44, 14) обнаружена в перекопе в периферийной части кургана 4 и может быть соотнесена с позднедьяковским слоем, содержащим упомянутые выше фрагменты тиглей и бусы. Принципиальным остается вопрос, с каким позднедьяковским этапом Щурово ее

следует соотносить. Учитывая высокую долю керамики с шамотом и фрагменты тиглей, предмет может относиться к третьей четверти I тыс. н.э., однако и вторая четверть I тыс. н.э. не должна быть исключена. Погремушка яйцевидной формы, по типологии И.Г. Розенфельдт такие предметы относятся к типу II, варианту 2 (Розенфельдт, 1970. С.56).

Помимо сравнительно целого предмета есть еще несколько фрагментов, которые могут быть частями погремушек. К ним можно отнести обломок погремушки с уплощенным окончанием (рис. 82, 18), также найденный в слое под/рядом курганом 4. Ниже по склону (яма 26, уч. 9, раскоп V) обнаружен еще один похожий обломок (рис. 45, 23). Кроме того, фрагментами погремушек с углублениями на торцах могут быть находки, отнесенные нами к рюмкообразным миниатюрным сосудикам – на Дьяковом городище такие погремушки в слое А составляют большинство (Кренке, 2011. Рис. 184).

Миниатюрные сосудики

Таких предметов сравнительно немного, а целых форм практически нет. Из тех, что можно реконструировать, три представлены рюмкообразными сосудами (рис. 44, 7; рис. 45, 17; рис. 46, 10), один является позднедьяковским сосудом в миниатюре (рис. 46, 11), еще один – с прямыми стенками (рис. 46, 5), также найдено несколько невыразительных обломков (рис. 44, 10; 46, 4). Если же говорить о распределении находок по площадке, то две находки обнаружены все в том же слое под курганом 4 (рис. 82, 65; 45, 17), две – в линзе слоя на западном склоне, рядом с курганом 4 (рис. 46, 9, 10), в межкурганном пространстве к югу от кургана 4 – 1 шт. (рис. 44, 10), в верхней части заполнения рва кургана 2 с северо-западной стороны – 1 шт. (рис. 44, 7), и в нижней части заполнения рва этого же кургана с северной стороны – 1 шт. (рис. 46, 4, 5). Таким образом,

большая часть находок связана с центральной частью памятника. Однако и на южном окончании «верхней» площадки фрагмент орнаментированного миниатюрного сосуда был найден В.Ю. Ковалем, в основании кургана 1 (Тавлинцева, 2001. С. 75).

**«Хлебцы», бусины,
неатрибутированные изделия**

Первая из этих категорий предметов по форме сходна либо с лепешками, либо выпуклыми «карава-ями», диаметром не более 1 см (рис. 61 17, 18; 44, 2, 3); кроме того, встречаются фрагменты изделий совсем уже непонятной формы, иногда просто комки глины, мятой пальцами (рис. 44, 5, 6, 13). Встречено две простых круглых бусины и один керамический шарик (рис. 44, 8; рис. 45, 21, 22; рис. 82, 13). Все эти предметы весьма характерны для линз позднелдыжовского слоя: под курганами 2, 3, 4, на участке 1, раскопа VI/2011 г. и в траншеях по западному склону холма.

Один фрагмент керамического изделия – обломок стержня с закругленным основанием – мог быть фрагментом статуэтки (рис. 44, 13; 82, 20). Достоверные фрагменты статуэтки есть только на «нижней» площадке, материалы которой в данной публикации не рассматриваются.

Выводы:

Культурный слой позднелдыжовского времени наибольшей концентрации – как по мощности, так и по составу находок – достигает на месте так называемых «домиков мертвых». Возможно, имело место перемещение культурного слоя с площадки в насыпи (по крайней мере, с участков, занятых рвами), возможно, имел место дополнительный перенос позднелдыжовского слоя, синхронного кремации, с места сожжений на «верхнюю» площадку в ходе

строительства «домиков мертвых». Не исключено также, что оба процесса могли сочетаться. Возникновение курганного могильника является важным переломом в истории памятника, с его появлением можно говорить о смене населения в рамках одной – позднелдыжовской (или мощинской) – традиции или о смене одной традиции другой.

Среди находок позднелдыжовского времени большая часть из поддающихся датировке – фибулы черняховских типов, фибула типа Пильвины, пряжки с D-образной рамкой и язычки с прогибом и охватом острием рамки – указывают на IV–V вв. н.э.

Эти находки сделаны за пределами «домиков мертвых», в том числе в яме 2. Вероятно, с этими находками связаны комплексы керамики, изготовленной, преимущественно, по рецепту «глина + дресва». Вопрос, насколько такая традиция изготовления керамики культурно обособлена от традиций с использованием шамота (в том числе в сочетании с дресвой), остается открытым.

Вместе с тем высокая доля шамотосодержащих рецептур теста среди фрагментов керамики в сочетании с некоторыми находками, чей возраст может выходить за пределы середины I тыс. н.э. (навитые бусы, литейные формы, наконечник пояса, лапчатые подвески) на месте курганов, особенно 4-го, заставляет предположить, что либо некая хозяйственная активность в центральной части «верхней» площадки сохранялась в третьей четверти I тыс. н.э., после возникновения погребальных конструкций и одновременно с ними, либо культурные остатки попадали на «верхнюю» площадку каким-то более экзотичным способом, вместе с остатками погребального костра при переносе трупосожжений к месту погребения.

Состав находок обнаруживает некое сходство со слоем А Дьякова городища. Особенно это касается керамической пластики. В то же время не обнаружено

предметов, характеризующих собственно «позднелыковсклй стиль»: грузик лыкова типа всего один, отсутствуют бантиковидные накладкй, умбоновидные серьгй, керамические плитки с точечным орнаментом, бйконусы, достоверные статуэтки, т.е. те предметы, которые позволили бы отнести памятник к собственно позднелыковской культуре, или горизонту А Лыкова городища. Поскольку «верхняя» площадка исследована полностью, мы можем утверждать, что, хотя в культурном отношении памятник близок позднелыковским,

но не тождественен им. Правильнее было бы говорить о позднелыковской эпохе или стиле, но не о культуре. Говорить о культурной самостоятельности Щурово также преждевременно – в коллекции просто отсутствуют яркие самобытные свидетельства/артефакты такой самостоятельности. Многие могли бы прояснить соседние археологические памятники, и в первую очередь – Ростиславль и Соколова Пустынь, но раскопки на них еще продолжаются, а уже имеющиеся результаты находятся только в стадии подготовки к публикации.

ГЛАВА 4

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

Формально все пять обнаруженных объектов являются курганами, четыре из них – курганами с кольцевыми оградками в насыпи (№ 1–3, 5). Довольно часто в прошлых публикациях по отношению к ним употреблялся термин «домик мертвых», который, по сути, остается лишь отражением одного из вариантов реконструкции. Четыре из пяти объектов оказались поврежденными: № 2 – установкой геодезического репера, № 3, 4 – крупными ямами советского времени, № 5 – при образовании седловины с грунтовой дорогой, упоминавшейся в разделе о топографии памятника. Кроме того, в раскопе VII были исследованы две крупные ямы на южном склоне холма – № 1 и 2, которые в настоящее время интерпретируются как остатки рвов еще одного подобного объекта, условно названного «курган № 0», размытого паводками¹. Курган 1 был самым сохранившимся на момент начала раскопок, но не был распознан – его центральная часть исследована шурфом 1993 г., периферия – небольшими прирезками, и только на третий год раскопок стало окончательно понятно, что, собственно, представляет собой объект. Курганы 3 и 4 также не были распознаны сразу – поскольку их почти полностью разрушили крупные ямы, они воспринимались просто как отвалы этих ям. Сказанное объясняет методику, обычно не используемую

¹ Описание этих ям приводилось в предыдущем разделе. Подробная публикация ямы № 2 – *Сыроватко и др.*, 2018а.

при исследовании курганов: их исследовали как поселение, не проводя разрез через центр и не оставляя бровки. Исключение составляет только разрез центральной части кургана 2.

Курган 1

Курган 1 имел высоту насыпи 0,4 м, диаметр около 9 м (рис. 48, 49). Под насыпью были открыты внешний ров и канавка, в плане имевшая форму близкую к кругу, диаметром около 5,5 м. Канавка кургана 1 обладала наименее ярким заполнением, по сравнению с остальными, и в 1993 г. не была выявлена (рис. 52). Ширина ее на уровне материка составляла 25–30 см, местами до 40 см, глубина – около 20 см (рис. 48). На разных участках у нее было разным и сечение, и заполнение. В восточной стенке кв. 11, на стыке с раскопом 1993 г., она была узкой со сравнительно бледным, светло-серым, заполнением (рис. 52). С западной стороны она была гораздо шире, заполнение ее сложнее – с затеками черного песка внутрь (рис. 49, 50, 51), причем это характерная деталь повторялась и в других курганах: черный углистый песок, составлявший основу слоя в пределах канавки, заполнял ее (на западном участке) вертикальной полосой вдоль внутренней ее стенки.

При работах на кургане 1 единственный раз удалось проследить продолжение кольцевой канавки в толще черного углистого песка (восточный профиль кв. 11, примыкавший к раскопу 1993 года) (рис. 52) в виде чуть более светлой вертикальной полосы. Она поднималась почти вертикально вверх от внешнего края канавки в материке и была примерно в два раза уже самой канавки. Это единственное наблюдение, которое позволяет утверждать, что, по крайней мере, в кургане 1 канавка действительно является следом от некой конструкции в теле кургана (оградки). Следы отдельных столбов, плетня и т.п. не читались.

С восточной стороны канавка едва заметна, как, впрочем, и внешний ров – это результат все того же среза холма.

Заполнение центральной части кургана состояло из рыхлого черного углистого песка, содержавшего керамику и находки позднедьяковского времени. Собственно насыпи не было или, во всяком случае, верхний слой нельзя трактовать только как насыпь – аллювий перекрывал выпуклую линзу черного углистого песка, ограниченную канавкой, а затем и рвом. Толщина этой линзы достигала 45 см. Внутренней структуры в слое черного песка не прослежено, слой выглядел однородным, содержащим разрозненные кальцинированные кости, позднедьяковскую фрагментированную керамику и другие находки, перекрыт аллювием, местами распаханным. Слой углистого песка был исследован палинологически, это первый разрез, выполненный на памятнике. По мнению аналитика, Е.А. Спиридоновой, пылевой спектр характеризует не столько ландшафт, сколько погребальный обряд. Толща черного песка в целом бедна пылью, ее количество сравнительно велико только в верхней части углистого слоя. Вероятно, это – свидетельство, хотя и не однозначное, в пользу существования погребального костра на месте.

Погребение (исследованное В.Ю. Ковалем (1993 г.)) представляло собой компактное скопление кальцинированных костей, размерами около 120 × 140 см, толщиной 5–8 см. Среди костей была найдена трапезиевидная железная пряжка (рис. 54, 1). Это единственная находка, которую сам автор раскопок связал с погребением.

Результаты антропологического исследования сведены в таблицу 4². Из погребения в 1993 г. была

отобрана для исследования только небольшая часть костей, поступившая на хранение в Музей истории г. Москвы и анализу не подвергавшаяся. В таблице отражены результаты анализа только тех костей, которые мы получили в результате повторного вскрытия центральной части раскопа в 2002 г. и просеивания слоя – иными словами, из погребения анализу подвергнута лишь часть костного материала. Погребение принадлежало человеку старше 35 лет, вероятно, мужчине. Кости животных в составе погребения не выделены. Вопрос о количестве погребенных остался открытым.

Ров кургана 1 раскопан был не полностью (рис. 48), неисследованные участки сохранены с южной и западной сторон. С восточной стороны ров не прослеживался. Под восточным бортом раскопа 2002 г. выявлено незначительное, около 10 см, углубление, возможно, след от смытого рва. В юго-западной части ров имел сравнительно ровное русло, с наклонными стенками, шириной по тальвегу около 1 м и по бровке – около 1,6 м. Глубина рва около 0,6 м. В северо-западной части его устройство было сложнее (рис. 48) – дно имело ступенчатое понижение, «яму в яме». Основное русло – незначительной глубины, около 30 см, но в месте максимального понижения достигало до 1,2 м. Максимальная ширина по бровке составляла около 3,3–3,5 м. Стратиграфия рва примерно одинакова: это – пестроцветный слой, смесь гумусированного и чистого песка (оползень насыпи?). Как правило, нижняя часть заполнения несколько темнее середины. Перекрываются отложения во рву черными тонкими прослойками углистого песка. После появления серии дат по ¹⁴C стало понятно, что во рвах углистые прослойки сверху являются отложениями грунтового могильника.

² Таблица 4 отражает цветом «градацию достоверности» соотношения костей с изначальным погребением кургана – в четыре concentрических зоны – внутри кольца оградки/канавки, между ней и рвами, во рвах и проходах в них и за линией рвов.

Вероятнее всего, разрозненные кости достоверно связывать с курганными погребениями – в целях исключения ошибки – следует только те, что обнаружены в пределах кольца оградки (канавки), касательно остальных – вопрос так и останется открытым.

Существуют ли артефакты, которые можно соотнести с этим объектом? Вероятно, да, но вопрос о том, какая часть находок относится непосредственно к погребальному объекту, а какая попала в него из слоя позднелазаревского селища, остается неразрешимым. По этой причине, как для данного объекта, так и для последующих, перечисляются все находки, попавшие в круг, очерченный рвом. Из центральной части, занятой в основном раскопом 1993 г., из черного углистого песка, помимо упоминавшейся уже трапециевидной пряжки, происходят следующие предметы³: литейная форма для изготовления слитков, обломанный язычок сюльгамы, два целых и два фрагментированных биконических пряслица, фрагмент изделия медного сплава, неатрибутированного, а также железный предмет – пластина с крючком или фрагментом петли (рис. 54, 8). Последний может быть как обломком дужки ведра, так и пластинчатым кресалом. В 2002 г. центральная часть раскопа 1993 г. была вскрыта повторно – для просеивания слоя и извлечения из него антропологического материала, тогда же была найдена еще одна целая железная пряжка, с трапециевидной рамкой (рис. 54, 14). От находки В.Ю. Коваля ее отличают вогнутые бока, отчасти сближающие предмет с гитаровидными. Для обеих пряжек характерна ровная, в окалине, поверхность металла; они, вероятно, носили следы пребывания в огне, хотя в отношении гитаровидной доказательств связи с погребением нет и не будет. Выше было сказано, что такие пряжки встречаются в датированных комплексах пражской культуры VII в. (*Гавриутхин*, 2005. С. 423; 434. Рис. 17, 1; 25, 2), и, хотя диапазон

бытования таких пряжек шире (похожие есть также в комплексах грунтовых кремаций Щурово), такая датировка не противоречит радиоуглеродному возрасту кургана 1. Пряслица напротив, вряд ли стоит связывать с погребением – они встречаются на памятнике повсюду и в большом количестве. Язычок пряжки и дужка ведра/кресало могут относиться как к поселению, так и к погребальному объекту.

Во рву найдены биконическое пряслице, четырехгранное железное шило (уч. 1, раскоп I/2001 г.), в северной части кургана, по линии рва – еще два биконических пряслица, целое и фрагмент (уч. 3, раскоп I/2002 г.) и недалеко от канавки, но с восточной, наиболее пострадавшей от размыва стороны – фрагмент железной пластины (рис. 54, 9–13). Все эти находки следует связывать со слоем позднелазаревского селища, перемешанного при сооружении кургана, а не с погребальным объектом.

Радиоуглеродная дата для этого объекта получена по сгоревшей ветке или плашке, извлеченной из верхней половины слоя углистого песка. Возраст ее, по настоянию Л.Д. Сулержицкого, определялся дважды, с разных концов предмета (ГИН 12721а–б) и результаты этих измерений совпали (табл. 5). Возраст датированной ветки приходится на вторую половину VI – начало VII в. н.э., что несколько не противоречит возрасту обеих пряжек. Следует отметить, что подобные пряжки встречаются и среди костей грунтовых кремаций в Щурово, где доказать их принадлежность погребениям эпохи викингов тоже непросто. Вероятно, это – долго бытующие типы вещей.

Курган 2

Курган 2 имел высоту насыпи около 0,4 м, диаметр сохранившейся части – 11 м, ров – шириной 2–2,5 м (в верхней части) и глубиной 0,6–0,8 м (рис. 55–59). Ров двумя полукольцами охватывал объект, образовав

³ Большая часть предметов опубликована Е.Ю. Тавлинцевой (*Тавлинцева*, 2001. С. 73). Эта публикация вышла из печати, когда раскопки объекта только были возобновлены и термин «курган» еще не прозвучал. По этой причине в публикации все они представлены как материал поселения, хотя из текста очевидно, что большая их часть происходит именно из черного углистого песка.

проходы с запада и с востока. Ширина западного прохода составляла около 4 м, восточного – всего около метра. Значительно позднее была выявлена еще одна деталь – минимальный (около 20 см), неровный, но отчетливый разрыв во рву с северо-западной стороны (уч. 14, раскоп V/2010 г.) (рис. 59). Это не проход, а, скорее, тонкая переборка между участками рва. Оставлена ли она преднамеренно, или же это просто не очень аккуратное исполнение ритуала/конструкции, осложненное перекопом советского времени, уже не установить. Ни у одного из прочих курганов такой детали в строении рвов не зафиксировано.

Стратиграфия рва схожа с заполнением рва кургана 1, но ярче выражена (рис. 11). Ров кургана 2 на участке 11 раскопа 2009 г. стал базовым разрезом для палинологических исследований, его стратиграфия неоднократно публиковалась (*Сыроватко и др.*, 2012б; *Сыроватко и др.*, 2016; *Трошина, Сыроватко*, 2018). Отчетливо заметно, что придонные отложения несколько темнее, основной слой – светло-серый песок, перекрытый черным углистым слоем грунтового могильника. Такая стратиграфия свидетельствует о длительном оплывании рва, возможно, о запустении курганного могильника, вплоть до возникновения на этом же месте грунтового могильника с кремациями. Палинологические данные подтверждают тезис о запустении курганного могильника задолго до возникновения грунтового (*Трошина, Сыроватко*, 2018).

Стратиграфия центральной части (рис. 57) несколько отличается от кургана 1: в кургане 2 ярко выражены как черный углистый слой, толщиной около 25 см, так и перекрывающий его слой мешаного песка, вероятно, собственно насыпь, толщиной в центре до 60 см. Насыпь содержала артефакты позднелазовского времени и состояла, скорее всего, из смеси культурного слоя селища и материкового песка, взятого из рвов. Черный углистый слой, содержащий

кальцинированные кости, горелые камни, имел ровную верхнюю границу. Под ним, вероятно, сохранились остатки позднелазовского слабогумусированного слоя. Кроме того, черный углистый песок заполнял несколько ям внутри кольца оградки, но связь этих ям с погребальным сооружением не ясна, находок в них не было.

В кургане также была открыта канавка (рис. 58–59), шириной 0,6–0,8 м и глубиной 0,4–0,6 м, в плане имевшая вид неправильного круга или квадрата со скругленными углами, размером около 8,5 × 8,5 м. В отличие от канавки в кургане 1 ее заполнение имело более темный цвет (рис. 60). Она четче прослеживалась в черном углистом слое, и была значительно шире канавки в кургане 1⁴. Ее заполнение – серый или светло-серый песок, но есть деталь, объединяющая этот объект с курганом 1: черный углистый песок – основной слой в центральной части насыпи, также сползает вдоль внутреннего борта внутрь этой канавки.

Погребения в виде скопления костей внутри кургана не обнаружено, хотя остается небольшая вероятность, что оно, очень компактное, могло быть уничтожено при установке на кургане обрубка рельса (геодезического репера?). Кости в слое черного углистого песка были распространены на значительной площади, включая внешний ров. Результаты определения костей приведены в таблице 4. Из приведенных в ней данных следует, что большая часть костей была сосредоточена во рвах с западной стороны (зеленый цвет), несколько меньше их между рвом и оградкой (серый цвет, «второй уровень вероятности»), а в центре – совсем мало, к тому же все они неопределимые. Таким образом, весьма возможно, что исследованные М.В. Добровольской (ИА РАН) разрозненные кости не

⁴ Правда, следует помнить, что при раскопках кургана 1 канавка еще не была известна, в то время как работая на втором объекте ее уже искали специально.

относятся к самому кургану, а происходят из шлейфа слоя грунтового могильника, в основном, с западной стороны кургана. С восточной, напомним, имел место снос слоя, но изначально грунтовый могильник был и там, о чем свидетельствует сосуд-приставка, обнаруженный в верхней части рва (рис. 62, 1 – подробнее о нем ниже). Из этого следует, что утверждение о групповом характере погребения в курганах 2 и 3 ошибочно: взрослый индивид 30–40 лет, чьи останки шли вперемешку с костями небольшого животного (*Сыроватко и др.*, 2008. С. 103) обнаружен в проходе рва с западной стороны, причем почти под дерном; второй – во рву с юго-западной стороны; ребенок – во рву с южной стороны. Только один индивид – взрослый, 40–50 лет – локализуется в северной половине центральной части кургана (*Сыроватко и др.*, 2008. С. 103). От всех перечисленных индивидов осталось минимальное количество костей. Представляется более вероятным, что все останки за пределами внутренней канавки следует соотносить с грунтовым могильником (на это же указывает и состав находок, в частности, обрывок кольчуги – рис. 61, 13). В центральной же части, внутри кольца оградки, есть только разрозненные (хотя и многочисленные) кости, обычные для слоя грунтового могильника с кремацией. Вопрос о первоначальном облике курганного погребения остается открытым: оно могло располагаться в верхней части насыпи, впоследствии разрушенной, и не исключено, что во рву с западной стороны прослежены его перемещенные с вершины остатки.

Отсутствие достоверного погребения делает весьма условным обсуждение вещевого комплекса из этого объекта. Находки, доказательно связанные с костями, выделить невозможно, но можно перечислить те, которые происходят из черного углистого слоя в пределах оградки, и далее по тем же «концентрическим кругам достоверности», по которым перечислены кости.

Из центральной части происходят следующие предметы (рис. 61). В верхней части кургана, в слое насыпи, найден грузик дьякова типа (рис. 61, 2), он почти не поврежден, но носит следы вторичного обжига. По типологии К.А. Смирнова грузик относится к типу 3а и датируется II–V вв. н.э. (*Смирнов*, 1971). Это явно позднедьяковский предмет, а его положение – в слое над углистым песком – дополнительно подтверждает, что находка переотложена и с самим погребением не связана⁵. В надматериковой части слоя обнаружены два керамических предмета – «хлебца» (рис. 61, 17, 18), аналогии которым следует искать в верхнем слое Дьякова городища (*Кренке*, 2011. Рис. 157). Язычок пряжки (рис. 61, 11), также происходит из предматерикового слоя, датировка которого затруднительна. Серия находок происходит из рвов, часть их обнаружена при просеивании слоя – это капли металла, высокопробного серебра, а также два «шплинта» (рис. 61, 6). И капли металла, и «шплинты» (автор склонен атрибутировать их как ушки полых пуговиц и бубенчиков салтовского типа) типичны для грунтовых погребений и то, что найдены они во рву, где слой могильника хорошо выражен, несколько не удивительно. Просеивание слоя позволило обнаружить три бусины: красного стекла (форма не определена), двухслойную (белое глухое стекло основы и зеленая кантарель, (рис. 61, 9) и четырнадцатигранная светло-синего прозрачного стекла (рис. 61, 10). Логично было бы связать все три бусины со слоем грунтового могильника, но красное стекло, особенности зеленой бусины и вытянутая форма четырнадцатигранной указывают на то, что возраст этих бусин может быть и позднедьяковским.

Предмет, достоверно происходящий из слоя черного углистого песка, причем из центра кургана, т.е. из

⁵ На одном с ним уровне был найден фрагмент сетчатой керамики, который был впоследствии склеен с фрагментом, обнаруженным на 50 см. глубже.

слоя внутри канавки и перекрытого насыпью, довольно необычен (рис. 61, 1). Это наконечник стрелы – довольно редкий тип срезня без упора на черешке, по классификации А.Ф. Медведева – тип 58 (1966. С. 71). Автор классификации, учтя 13 экземпляров с различных памятников, датировал этот тип X–XI вв., отметив при этом, что русским населением этот тип не употреблялся. Известны они также на памятниках, имеющих горизонты IX–X вв. (Крутик – Голубева, Кочкуркина, 1991. Рис. 29, 13, 14). Один экземпляр обнаружен на позднедьяковском городище Орлов Городок, причем авторы публикации материалов памятника разошлись во мнениях относительно датировки некоторых категорий железных предметов этого городища. Не исключают они и более ранней, чем IX в. (!) даты для этого типа стрел (Максимов, Розанова, 1998. С. 371 и след.) Заметим также, что известны подобные наконечники в основном в северных районах Руси – Белоозере (Захаров, 1996), Крутике, и в ареале вымских древностей (Савельева, 1971. Табл. 20, 15). Л.А. Голубева считала стрелы такой формы специфическим оружием веси (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 62), но они известны и в других частях финно-угорского мира, в частности, на Иднакаре (Иванова, 1999. Рис. 9, 28). Принять столь позднюю датировку нельзя уже хотя бы потому, что погребальные памятники и IX в., и более поздние, в регионе хорошо известны. В самом Щурово в это время на холме функционирует грунтовый могильник с кремациями. Явное расхождение общепринятых дат для этой категории предметов остается необъяснимым. Возможно также сопоставление этого железного изделия (вышеупомянутого срезня) с долотовидными кресалами середины – третьей четверти I тыс. н.э. (Исланова, 2006. С. 105. Рис. 114). Следует упомянуть также обломок неатрибутированного железного предмета, также происходящего из центра кургана, из ямы 3 (рис. 61, 3). Яма была заполнена таким же черным

углистым песком, что и слой в основании насыпи, содержала также большое количество горелых камней, но связь ее с погребальным объектом неочевидна.

За пределами канавки, во рвах, в проходе между рвами с западной стороны, зафиксированы многочисленные находки пряслиц, игл, шильев. Ранее с инвентарем кургана связывался обрывок кольчужной ткани и оплавленный почти до неузнаваемости предмет из медного сплава (рис. 61, 13–14). Вполне возможно, последний является сильно оплавленной пирамидальной или бутылочной подвеской с шариками зерни по углам. Если такая интерпретация верна, то речь идет о типе предмета, широко распространенном в среде волжских и окских финнов по преимуществу в третьей четверти I тыс. н.э. (Финно-угры и балты..., 1982. Табл. XXIX, 25; XXX, 3; XLV, 18; XLIX, 5, 7; Финно-угры Поволжья..., 1999. С. 50, 102, 182). Сводка подобных находок со позднедьяковских поселений собрана И.Г. Розенфельдт (1982). Они выделены исследовательницей в тип V и датированы в целом VII–VIII вв., возможно IX в. (Розенфельдт И.Г., 1982. С. 24). В Безводнинском могильнике подобные подвески обнаружены в погребениях 29, 129 и 134 (Краснов, 1980. Рис. 27; 29). В могильнике Красное III такие предметы обнаружены в погребениях и датированы концом VI – началом VIII в. (Алексеев и др., 1990. Табл. X, 1, 17). Заметим, что большинство приведенных аналогий не абсолютные – не смотря на сильное повреждение рассматриваемого экземпляра, он имеет довольно отчетливое ребро на боковой поверхности, больше соответствуя подвеске с Троицкого городища (Дубынин, 1970. Табл. 17, 17). В более восточных областях распространения подобного типа подвесок не удалось найти полную аналогию – там все подвески имеют правильную пирамидальную форму. Вполне возможно также, что Щуровский экземпляр был выполнен не с петлей, а с горловиной, подобно подвескам из погребения 15 Желтухинского

могильника (Уткин, Черников, 1994. Рис. 16). В целом же предмет – при условии, что атрибутика его верна – вероятнее всего относится к грунтовому могильнику. Некоторые исследователи доводят бытование таких украшений у муромы до IX – первой половины X в. (Гришаков, Зеленов, 1999. Рис. 4, 26).

Обрывок кольчуги найден рядом с этой «подвешкой» в кв. 99, т.е. за пределами канавки. Кольчужный набор выполнен с попеременным вплетением рядов сварных и клепанных колец. Кольца сильно потерты от долгого ношения, диаметр клепанных колец – около 9,5–10 мм, сварных – 8,5 мм, толщина проволоки – около 1,4 мм. Части кольчужной ткани появляются в погребениях древней Руси с VIII в., причем до X чаще встречаются в женских погребениях (первая и самая известная сводка таких находок принадлежит А.Н. Кирпичникову – Кирпичников, 1971. С. 9 и след.). Обычай помещать обрывки кольчуг с умершим известен и у мордвы, в конце I – начале II тыс. н.э. (Святкин, 2001. С. 54 и след.). В Тимиревском могильнике обрывки кольчуг найдены в четырех погребениях (Недошивина, 1963. С. 165). Кольчужные кольца и обрывки кольчужной ткани встречены несколько раз в погребениях грунтового могильника Щурово. Вероятнее всего, оба предмета и кости вокруг них следует отнести именно к нему.

Во рвах с восточной стороны найдены: развал сосуда, внешний вид которого (рис. 62, 1) указывает скорее на время грунтового могильника, об этом же говорит и его стратиграфическое положение – в верхней части заполнения рва; слиток белого металла, довольно крупный, по меркам памятника, с прилипшим к нему фрагментом спиральной пронизки; треугольная подвеска с пуансонным орнаментом (рис. 62, 2, 3). Последний предмет с большей вероятностью можно связать с позднелазовской эпохой, принадлежность слитка металла с пронизью определить не представляется возможным.

Из приведенного обзора следует, что вещей, которые можно было бы связать с погребением в кургане, нет, за исключением срезня (да и тот под вопросом). Есть еще сосуд, обнаруженный на дне рва, в юго-западной его части (рис. 61, 19). Он совсем невелик (высота 5–6 см, диаметр по венчику 7 см), во рву лежал вверх дном. Его форма довольно необычна для памятника, с венчиком, загнутым внутрь. Именно стратиграфическое положение сосуда во рву косвенно указывает на его возможную связь если не с конкретным курганом, то хотя бы с периодом функционирования могильника. Еще один аргумент в пользу «погребальной датировки» – примесь шамота в тесте этого сосуда. Технологический анализ керамики памятника свидетельствует (подробнее об этом ниже), что рецептуры с шамотом характернее именно для «нижней» площадки поселения, т.е. для третьей четверти I тыс. н.э.

Курган 3

Материалы этого объекта, включая костный и керамику из насыпи, уже опубликованы (Сыроватко и др., 2018б). Курган 3 имел высоту насыпи около 0,4 м и диаметр 7–8 м (рис. 63–67). Точно ее измерить невозможно, поскольку вся его северо-восточная часть разрушена глубокой ямой (на рисунке обозначена как перекоп) – то ли грабительской, то ли мини-карьером по добыче песка⁶. Рвы, вероятнее всего, испытали на себе воздействие неоднократно упоминавшегося уже сноса (смыва) слоя. Наиболее сохранившимся оставался участок с северной стороны, его ширина составляла 2,5 м, а глубина рвов достигала 0,9 м (рис. 63). Но это же русло рва уже с восточной стороны имело ширину всего чуть больше 1 м и глубину всего 20–30 см. Вероятнее всего, как и у кургана 1, с восточной стороны подрез грунта

⁶ Вероятно, именно эта яма обозначена на плане Р.Л. Розенфельдта (1986 г.) В этом случае, вторая (яма 2), разрушившая курган 4, появилась в промежутке между 1986 и 1993 гг.

поощаил только придонные отложения. Ров состоял из двух участков (или двух рвов). Описанный выше участок охватывал чуть более половины диаметра, обрываясь на западе и на юге, и западным концом смыкаясь со рвом кургана 4 – простой овальной ямой. К юго-западу от центра располагался еще один участок рва длиной около 5,5 м и шириной 2,2 м. Таким образом, рвы, так же, как и у кургана 2, образовали два прохода – с юга, шириной около 4 м, и с запада, шириной чуть больше 1 м. Разница только в том, что у кургана 2 широкий проход был обращен на запад, а узкий – на восток. В основе кургана – черный углистый песок, аналогичный слою в курганах 1 и 2, но перекрывающей его насыпи не было или она не сохранилась. В насыпи кургана располагалась канавка глубиной (от уровня материка) до 0,5 м и шириной около 0,4–0,5 м, читавшаяся практически уже под дерном (рис. 67). Диаметр ее – около 7,8 м.

Вопрос об облике погребения в этом кургане также остался открытым, поскольку большая часть объекта разрушена перекопом советского времени. Площадь в пределах кольца канавки, которую можно было исследовать, и на которой разрозненные кости встречались довольно часто, оказалась совсем небольшой, около 3–3,5 м² (кв. 56–58, частично 67–68, уч. 2, раскопа III/2006 г.) Можно только предположить, что погребение (или одно из погребений) было сдвинуто в южную или юго-западную часть кургана. Именно в кв. 56 были обнаружены обломки скульгамы (рис. 72, 12). Помимо повышенной концентрации костей в кв. 56–58 был обнаружен еще один объект, компактное скопление костей, выделявшееся на фоне вмещавшего их более светлого слоя, и он также находился в кв. 56. Кости располагались компактным пятном (рис. 68–70), скорее под слоем черного песка, чем в нем самом, и являлись довольно крупными осколками, что отличало этот объект от грунтовых погребений. При этом темно-серый песок, заполнявший промежутки между костями, был

значительно темнее окружающих участков надматерикового – слабогумусированного песка, и само скопление выглядело как округлое в плане пятно размерами около 20 × 30 см. Это компактное скопление не было плоским, кости располагались приблизительно в 3 ряда; разброс скопления по глубине составлял примерно 15 см. Человеческих костей в этом скоплении не выделено (рис. 71; *Сыроватко и др.*, 2018б). Непосредственно в нем находок не было, не было пригодного для датирования угля, и трактовка его многовариантна:

1. Скопление может быть самостоятельным погребением в пределах кургана. На его возраст косвенным образом указывают крупные осколки костей, сходные по характеру обжига с теми, которые извлечены из центра курганов 1 и 4. Свойственно курганным кремациям, вероятно, и отсутствие инвентаря.

2. Скопление может быть просто частью основного погребения кургана.

3. Скопление может быть впускным погребением – причем как периода курганного могильника, так и времени грунтовых захоронений. В пользу такой трактовки говорят, опять же, отличающееся от фона заполнение между костями. Против – нехарактерные для грунтовых погребений характер обжига и отсутствие инвентаря.

Большое количество костей найдено во рву с северной стороны в 2004 г. (яма 20 раскопа II – таблица 4⁷). По определению М.В. Добровольской кости принадлежат человеку не старше 20 лет и мелкому млекопитающему, молодому животному (*Сыроватко и др.*, 2008. С. 103–104). Скоплений эти кости не образовывали, тяготели скорее к средним и нижним отложениям во рву (табл. 4). Но связь этих скоплений с курганом хотя и возможна, но недоказуема, в то время как соотношение их с грунтовыми погребениями более логично. Однако кости во рву ниже горизонта грунтового

⁷ Антропологические определения по северному сегменту рва приведены в таблице 4.

могильника – не единичный случай, похожее явление было встречено во рву кургана 5 с восточной стороны.

Какие находки были сделаны в кургане и какие из них можно соотнести со временем его сооружения? В первую очередь это обломки сьюлгамы (рис. 72, 12), изготовленной из прямоугольного в сечении дрота, без язычка, происходящей из кв. 56, т.е. обнаруженной внутри кольца оградки, в том же квадрате, где были найдены как отдельные кальцинированные кости, так и рассмотренное выше компактное скопление. К сожалению, повреждена и корродированна она так сильно, что уточнить детали затруднительно. Если верно то, что завернутые концы сьюлгамы не выступают за пределы кольца, то это довольно простое изделие, от которого вряд ли стоит ожидать узкой датировки – сьюлгамы такого типа есть в погребении 35 Андреевского кургана, датирующегося концом I – началом II в. (*Вихляев и др.*, 2008. С. 61. Рис. 82, 8) и в погребении 1125 Шокшинского могильника, относящегося к так называемой стадии 10, датирующейся второй половиной VIII – IX в. (*Вихляев и др.*, 2008. С. 144–145, 349). Уместно также сопоставить находку с кремациями могильника Соколова Пустынь 1, где сьюлгамы, такие же простые по устройству, датируются V–VII вв. (*Потемкина и др.*, 2013. Рис. XVI, XVIII). Вероятнее всего, Соколова Пустынь – наиболее близкая и синхронная аналогия.

Помимо сьюлгамы в пределах канавки были обнаружены предметы, типичные для позднедьяковского поселения: нож с округлой спинкой (рис. 72, 11; найденный в современном перекопе, на контакте с надматериковым слоем), оселок (рис. 72, 15); биконические пряслища – целое и фрагменты (рис. 72, 1, 3, 5). На целый предмет по сырой глине нанесен знак в виде ряда из трех точек⁸, железный стержень (рис. 72, 7), рыболовный крючок (рис. 72, 9), капля белого металла

(рис. 72, 10), льячка (рис. 72, 2), железная игла (рис. 72, 8). Часть находок сделана в заполнении самой канавки (яма 3, раскоп III) – пряслище (рис. 72, 3), керамическая бусина (рис. 72, 4), фрагмент костяного изделия (бусины?) (рис. 72, 13) и литейная форма, раздробленная на 7 маленьких осколков (рис. 72, 6). Из них удалось склеить крупную часть оборотной створки, на которой были вырезаны негативы петель для подвешивания с двумя литниками и каналом для стержня-вставки в петлю.

Формочки для изготовления украшений из легкоплавких металлов известны в большом количестве в Восточной Европе, керамические более характерны для памятников позднедьяковского круга (*Тавлинцева, Лопатина, 2009; Кренке, Тавлинцева, 2011*). Подобные предметы имеют сравнительно узкую дату – V–VII вв. (*Кренке, Тавлинцева, 2011. С. 105–106*), но поселение и могильник в Щурово по датам могут следовать один за другим. Датировка формочки не дает ответа, к какому из памятников она относится (хотя логичнее отнести ее все же к поселению). В целом все предметы, включая сьюлгаму, могут быть находками периода поселения, просто сьюлгама залегала совсем близко к костям. Конечно, погребальный обряд мог предполагать использование бытовых предметов, но в данном случае доказать это невозможно. И, конечно, большинство категорий находок – ножи, шилья, иглы, пряслища – встречались не только в центральной части кургана, но и на всем памятнике. Бесформенный слиток металла – находка, типичная для грунтовых сожжений, однако условия обнаружения как будто бы исключают ее связь с поздним могильником.

В пространстве между канавкой и рвом был обнаружен плоский, железный, наконечник стрелы с вытянутым ромбическим пером и сломанным плоским черешком, в кв. 88, в верхнем слое (рис. 73, 6). Подробнее этот предмет описан в предыдущей главе, а из списка аналогий следует, что изготовить его могли в

⁸ По классификации О.В. Лопатиной (*Шарова, 2004*) предмет можно соотнести с типом «Г».

течение всего I тыс. н.э. К кургану наконечник, вероятнее всего, не имеет отношения – либо он попал в насыпь с переотложенным грунтом при рытье канавки и рвов, либо в еще более позднее время.

Еще один наконечник – железный черешковый трехлопастный, найден в кв. 77 (рис. 73, 8). Полных аналогий экземпляру, сравнительно немного, поскольку гуннские, в общем-то, традиции трехлопастных стрел предполагают, как правило, и ромбическое перо. Довольно близкие аналогии щуровской стреле есть в позднедьяковском Ратьковском могильнике (*Вишневский*, 2002. Рис. 1, 1, аналогии в этой же работе). Из более южных аналогий отметим погребения цебельдинской культуры, где похожие наконечники датируются серединой IV – серединой V в., а также раннесредневековые могильники Крыма, в частности, Дюрсо и Борисово (*Дмитриев*, 2003. Табл. 86, 9; 78; *Гей*, *Бажан*, 1997. Табл. 2, 29; *Кирпичников*, *Медведев*, 1985. Табл. 136, 11). Встречаются такие наконечники и на славянских памятниках (*Казанский*, 2015. Рис. 10, 9, 22). А.М. Обломский связывает такие стрелы в основном с гуннской эпохой (*Обломский*, *Козмирчук*, 2015. С. 107), отмечая их бытование в Восточной Европе вплоть до третьей четверти VII в. Любопытное мнение о находках стрел такого типа в лесной зоне высказано А.М. Воронцовым, который считает их отражением военных рейдов кочевников в конце IV – первой половине V в. и первой половине – середине VII в. (*Воронцов*, 2016. С. 230–231).

Помимо наконечников есть серия находок «поселенческого» облика: целое и фрагментированные пряслица (рис. 73, 3, 5), язычок пряжки (рис. 73, 2), керамическое изделие – «хлебец» (рис. 73, 1), фрагмент керамической бусины (рис. 73, 4). Форма бусины уплощенно-цилиндрическая, хотя толщина ее неодинакова и колеблется в пределах 4,5–7 мм. Диаметр около 13 мм., диаметр отверстия около 4 мм. Еще один фрагмент

бусины (рис. 73, 7) изготовлен из красного пастового стекла (?). Упомянем также два фрагмента тонких пластин белого металла. Похожие фрагменты часто встречались в грунтовых кремациях.

Следует также перечислить артефакты, обнаруженные во рвах или возле них с внешней стороны: это все те же тонкие пластины белого металла и медного сплава (рис. 74, 4, 5), нож с закругленной спинкой (рис. 74, 6), фрагмент ножа (рис. 74, 7), фрагмент синей бусины (рис. 74, 3) и обломок биконического пряслица (рис. 74, 2). Все эти находки, во-первых, сходны с предметами, обнаруженными в промежутке между оградкой (канавкой) и рвом, как в этом кургане, так и в прочих; во-вторых, они имеют сходство либо с поселенческим набором, либо с грунтовыми сожжениями. Доказательств их принадлежности к периоду сооружения курганов и, тем более, непосредственно кургану 3, нет. «Фон» из керамики для этих находок (рис. 92, подробнее мы остановимся на этом сюжете в конце главы) вполне позднедьяковский (или мощинский).

О возрасте объекта можно, судить по радиоуглеродной дате 1460 ± 40 (ГИН 13292), калиброванный возраст приходится на интервал 575–639 гг., что практически совпадает с датами из кургана 1. Образец извлечен из кв. 18 (глубина –18, пласт 5), это скопление угольков на контакте черного углистого песка и подстилающего слоя слабогумусированного песка⁹.

Курган 4

Этот объект устройством и характером погребений в нем заметно отличается от всех остальных. Результаты его исследования опубликованы (*Сыроватко и др.*, 2012а).

⁹ В отчете 2006 г. упоминается еще образец ГИН 13542а, возрастом 910 ± 100 л.н. Однако теперь очевидно, что этот образец, найденный на небольшой глубине, в проходе между рвами, к кургану не имеет отношения.

Курган располагался на краю склона, а не на ровном участке, как остальные. Он, также как и курган 3, к началу раскопок уже был поврежден большой ямой (мини-карьером), и воспринимался как отвал этой ямы (на рис. 2 обозначена как яма 2, на рис. 55 – кобой решеткой). Однако в данном случае центральная часть пострадала меньше. В кургане 4 не обнаружено кольцевой канавки, а его ров не имеет форму кольца (рис. 47, 55, 75). Строго говоря, вопрос о наличии рва остается открытым, но, вероятно, рвом следует считать большую, вытянутой формы яму (яма 20, раскоп V/2008 г.), размерами около $5,5 \times 3,2$ м и глубиной около 0,5 м, расположенной к югу от погребений (рис. 55, 63, 75). Яма ориентирована по линии запад–восток, ее восточное окончание почти без перемычки смыкается с западным окончанием рва кургана 3. Северная пола кургана 4 разрушена полностью перекопом советского времени. Поскольку за пределами повреждений следов рва не встречено, рва с северной стороны либо не существовало совсем, либо это была такая же, как и с южной стороны, сравнительно компактная, яма.

Нижний слой в основании кургана – черный углистый песок, толщиной до 35 см, также как и в кургане 2, был перекрыт слоем мешанного песка – смесью гумусированного и материкового (рис. 76, 77). Является ли верхний горизонт насыпью кургана или отвалом ямы советского времени, достоверно определить нельзя – этот слой содержит находки и керамику в переотложенном состоянии. Как в самом черном слое, так и в перекрывавшем неоднократно встречались фрагменты керамики (а в черном песке – еще и ножевидная пластинка), располагавшиеся на ребре, вертикально, что является аргументом в пользу перемещения грунта. В центральной части кургана, в кв. 338, где располагалось центральное скопление костей, слой песка серо-коричневого цвета, это отдельное пятно на общем

черном углистом фоне¹⁰. В слое черного углистого песка при фиксации профилей иногда удавалось выделить два условных горизонта, отделявшихся в основном по разной скорости высыхания (кроме того, нижний несколько плотнее). В этом углистом песке на разных глубинах располагалось несколько скоплений обожженных костей (рис. 80, 81), хотя наиболее плотное и большое по объему скопление находилось в месте максимальной высоты кургана («центральное погребение»), в упоминавшемся уже слое серо-коричневого песка, в кв. 338 (рис. 79, 80). Кроме того, пережженные кости в слое являлись обычным фоном. Отмеченные на рисунке 80 скопления являются лишь местами их наибольшей концентрации, но слой углистого песка насыщен и отдельными костями.

Как выглядят линзы костей из «кургана» 4 в толще слоя, видно из рисунков 78 и 80. При разборе их в раскопе, они выглядели как несколько линз костей, частично наложившихся друг на друга. Так как методика исследования таких погребений тогда была не отработана, отдельные кости в этих скоплениях не фиксировались. Позже, при камеральной обработке, основываясь на весе собранных костей, антропологами были выделены, помимо зафиксированных, другие скопления¹¹.

Вертикальные проекции объектов в центральной части «кургана» по линии север–юг и запад–восток отражены на рисунке 80. Контуры дневной поверхности и материка на нем соответствуют отметкам непосредственно в тех квадратах, где скопления располагались. Из этих схем видно, что скопление костей в кв. 338 не

¹⁰ На рис 77 приведена фотография, сделанная в рабочем порядке в 2004 г., задолго до исследования центра кургана. Это профиль западной стенки раскопа II (уч. 8), где заметно серо-коричневое «облако» этого слоя (погребение располагалось вплотную к борту) внутри черного углистого песка.

¹¹ Антропологическое исследование костей из этого кургана выполнено М.В. Добровольской и Е.А. Клещенко (ИА РАН), результаты работы опубликованы – *Сыроватко и др.*, 2012а.

только самое крупное по объему костей – оно тяготеет к центру кургана, в котором самые высокие абсолютные отметки материка и максимальная толщина слоя над скоплениями.

Обработка весовых показателей позволила более доказательно оценить размеры скопления костей и степень «размытости» этих скоплений¹². Общая масса кремированных останков составила примерно 2523 гр. Общая масса сухих костей животных – 1249 гр. Фрагменты костей с анатомически значимыми участками были встречены во всех крупных скоплениях, что и позволило провести половозрастные определения.

Результатом антропологического анализа¹³ стало выделение четырех скоплений. Анализ костного материала показал повышенную концентрацию костей в кв. 332, в надматериковых горизонтах, хотя «в поле» эти кости не выглядели четким объектом и не были выделены из общего фона и не отражены на чертежах. В итоге наибольшая концентрация кремированных останков человека отмечена в квадратах 325, 326, 330, 332, 338. Несложно заметить, что они приурочены к 2 уровням: пласты 3–4 и 6–7 (1–2-й пласт – 265,9 гр., 3-й пласт – 828,9 гр., 4-й пласт – 334,4 гр., 5-й пласт – 127,4 гр., 6–7-й пласт – 966 гр.).

Скопления верхнего уровня

Характеристика фрагментов кремаций дает основание предполагать, что в рамках 3–4 пластов были обнаружены погребения как минимум 2 человек. Первый – подросток (общий вес костей 268 гр.), останки которого располагались на кв. 335, 330 (скопл. 2 на рис. 75). Определяющими стали фрагменты трубчатых костей,

¹² Учет костей по квадратам и горизонтам велся в тех случаях, когда кости располагались за пределами скоплений. Интервал фиксации («пласт») был принят в 10 см, делать интервал меньше при работе на рыхлом песке не имело смысла.

¹³ Эта работа выполнена Е.А. Клещенко, в тексте приводятся ее определения.

фрагмент клиновидной кости, фрагмент большеберцовой кости, фрагмент черепа с несросшимся швом. Второй – взрослый мужчина (25–40 лет), кости которого находились в квадратах 325, 326, 327 (скопл. 3 на рис. 75). Общий вес костей – 717 гр. Определяемыми были фрагменты черепа, средней фаланги пальца руки, ребер, большеберцовой кости, ключицы, позвонков.

Кремированные фрагменты костной ткани – преимущественно мелкие (около 1–2 см), серовато-белого, чуть желтоватого цвета, с термическими деформациями. Они занимают преимущественно первый уровень залегания костных останков. Температура, при которой происходило сжигание тела, примерно равна 750–1000 °С по шкале Уолкера–Миллера (*Walker, Miller, 2005*), что свидетельствует о том, что обряд трупосожжения проходил на открытом воздухе с возможным применением жиров и смол для усиления горения костра.

Скопления нижнего уровня

В наиболее глубоких пластах (6–7) обнаружены 2 скопления: в квадрате 332 – мужчина старше 40 лет (345 гр.) и многократно упоминавшееся выше как «центральное» в 338 квадрате (обозначено на рис. 75 – скопл. 1, на рис. 80 – «центральное» – мужчина до 40 лет (515 гр.). Эти скопления сильно различаются между собой.

По характеру деформаций и размерам (очень небольшим) осколков, кости из кв. 332 схожи со скоплениями верхнего яруса. Немаловажно, что вмещающий их слой – тот же самый черный углистый песок. Определяющими стали фрагменты большеберцовой кости, черепа, 1 фрагмент эпифизарной части трубчатой кости (локтевой?), фрагмент первой фаланги пальца стопы (2 или 3 палец) с сильными наростами, фрагмент трубчатой кости (ключица?), фрагмент нижней челюсти с наличием двух питательных отверстий, фрагменты трубчатых костей нижних конечностей. Все кости

сильно деформированы. Деформация либо прижизненная, вследствие тучности индивида, либо посмертная, от высокой температуры горения костра.

Характер фрагментов кремации в скоплении из кв. 338 (рис. 79, 81) отличается от остальных. Отличительными особенностями следует считать более крупные размеры фрагментов и более темный оттенок серого цвета кремированной кости (что соответствует температуре сожжения в 450–750 °С по шкале Уолкера–Миллера (*Walker; Miller, 2005*). Важно отметить, что более крупные размеры сохранившихся фрагментов позволили заметить некоторые биологические особенности этого индивида. Кости принадлежат взрослому мужчине без признаков старения и болезней. Определяемыми были фрагменты грудных и шейных позвонков без признаков старения (рис. 81, 2), черепа, свода верхней челюсти (рис. 81, 3), бедренной кости, фрагмент вертлужной впадины (таз), фрагмент нижнего эпифиза плечевой кости, фрагмент черепа с открытым швом. Особый интерес представляет фрагмент теменной кости (височная часть) с двумя вмятинами, которые согласно антропологическому заключению являются следами от заживших при жизни травм головы, а также фрагмент ребра со следами незажившего при жизни ранения от колющего предмета (рис. 81, 4). Хорошая сохранность костной ткани обусловлена тем, что температура костра была сравнительно невысокой. То, что в хорошей сохранности остались позвонки, кости затылочной части и фрагменты костей конечностей, свидетельствует о том, что огонь горел над телом и распространялся неравномерно. Это принципиально отличается погребение в кв. 338 от остальных, для которых предполагается положение тела над костром.

В кургане 4 также обнаружено значительное количество кремированных, обожженных и сухих костей животных (рис. 75). Подавляющее большинство их расположено на периферии объекта, в его западной

части. Можно отметить, что соотношение костей животных в пластах объекта нестабильно. Так, масса костей животных в двух верхних пластах составляет 47% от общей массы обнаруженных фрагментов, в третьем – 16%, в четвертом – более 48%, в пятом – более 76% (в этом слое встречены позвонки и чешуя рыбы), в шестом–седьмом – только чуть более 10%.

Какие находки следует отнести к самому кургану и его погребениям?

Предметы достоверно им принадлежащие обнаружены только в «центральной» погребении, среди костей. Это три предмета – железная игла и два оплавленных до неузнаваемости фрагмента изделий из медного сплава (рис. 82, 1–3 – группа 1). Один из них, вероятно, мог быть частью обоймицы или окантовки кожного изделия. Все три находки, к сожалению, ничего не могут рассказать ни о возрасте погребения, ни о его культурной принадлежности.

С остальной площади раскопа происходит очень большое количество находок. Поскольку, четких границ объекта нет, перечислим их по отдельным слоям:

В серо-коричневом слое, вмещавшем «центральное» погребение найден рыболовный крючок (рис. 82, 29).

В верхнем слое (предполагаемой насыпи, или же выбросе из современной ямы – рис. 82, 4–9 – группа 2), найдены:

– подвеска (рис. 82, 4) из неровно обрезанной пластины (медный сплав), с насечками по краю и колечком, вставленным в отверстие в центре. Предмет производит впечатление кустарного приспособления обломка какого-то другого предмета, датировать его сложно;

– один предмет медного сплава (рис. 82, 9) с такими же насечками представлял собой, возможно, рамку пряжки, овальной формы¹⁴. Однако вероятнее всего,

¹⁴ Насечки по краю создают впечатление некоего стиля, встречающегося на сюльгамах и деталях гарнитуры, которые тяготеют именно к «гуннскому» времени (например: *Обломский*,

это кольцо от обоймицы из поясного набора. Наиболее близкая аналогия этому предмету происходит из Велегожского клада, датированного первой половиной – серединой V в. (*Воронцов, Столяров, 2015. С. 48*);

- не имеющее культурной атрибуции и надежной датировки железное шило (рис. 82, 8);

- кольцо медного сплава из уплощенного дрота, свернутое спиралью на 1,25 оборота (рис. 82, 5).

- деньга 1731 г. Данная находка делает любые предположения о связи находок из этого слоя с погребениями весьма зыбкими.

Самую многочисленную группу (рис. 82, 10–55 – группа 3) составляют находки из слоя черного углистого песка. Он содержал, помимо керамики, неатрибутируемые фрагменты железных изделий (рис. 82, 11, 12, 15); железную иглу (рис. 82, 16), керамическое изделие – «таблетку» или «хлебец» (рис. 82, 13), обломки керамических предметов, мелкой пластики (рис. 82, 19, 20, 22, 39, 40) и фрагменты глиняной обмазки (рис. 82, 38, 43) железную двушипную стрелу (рис. 82, 14), обломки ножей рис. 82, 18, 24), надломанный язычок от пряжки или сюльгамы (рис. 82, 25), фрагмент шила или язычка сюльгамы (рис. 82, 28), фрагмент рыболовного крючка рис. 82, 29, керамическую погремушку (рис. 44, 14) и фрагмент погремушки (рис. 45, 1), бусину зеленого стекла (рис. 82, 34), пряслица (рис. 82, 36 – с орнаментом группами по 4 точки, 35, 37, 47, 49–55) (большая часть пряслиц и их фрагментов концентрируется на участке 8, среди скопления костей животных и рыб), многочисленные фрагменты ошлакованных тиглей (рис. 82, 21–23, 27, 30–33, 41, 42, 46, 48). Отдельно следует отметить нашивную бляшку (рис. 82, 10). Похожие были обнаружены на Троицком городище (*Дубынин, 1970. Табл. 19, 3*), хотя у троицкого экземпляра, как впрочем, у большинства, петли на обороте

располагаются вдоль оси бляшки, в то время как у шуровского – поперек. На Ратьковском могильнике многочисленны одинарные бляшки, пропорции и форма петли на обороте которых сходны с публикуемым экземпляром, и в этом случае дата находки омолаживается до VI–IX вв. (*Вишневский и др., 2007. Илл. 2, 33; 3, 10, 11, 42; 5, 33, 49; 6, 19*);

В позднем перекопе (советского времени?), нарушившем углистый слой в центре, найдена четырнадцатигранная бусина, вытянутой формы, синего стекла (рис. 82, 63) а также слиток стекла от расплавленной бусины (рис. 82, 64). Учитывая контекст находок, они могут быть любого времени, однако отметим, что, хотя в грунтовых кремациях 14-гранных бус много, с вытянутой формой среди них нет. В перекопе обнаружены также бесформенные слитки металла («капли» или «выплески»).

К западу от погребений, на участке 8, где отмечено только скопление костей животных и рыб, найдена серия синих бисерин (рис. 83, 5, 6, 7, 8, 11, 12), красная бисерина (рис. 83, 9), фрагмент красной бусины (рис. 83, 10), бусина темно-красного стекла (рис. 83, 4), фрагменты пронизи светло-желтого стекла (рис. 83, 13). Этот набор бусин уже стал предметом специального рассмотрения (*Сыроватко, Трошина, 2017*)¹⁵, в результате которого был сделан вывод о его позднедьяковской датировке, вероятнее даже – третьей четверти 1 тыс. н.э. Также обнаружены рюмкообразный дьяковский миниатюрный сосудик (рис. 82, 63), железное пластинчатое кресало с петлей (рис. 82, 57) и лапчатая подвеска из свинцово-оловянистого сплава (рис. 82, 64). Последний предмет интересен именно материалом, поскольку изделия из «легких» сплавов, как правило, не сохраняются.

2015. Рис. 310). Датировка по «стилю оформления» не очень надежна, однако отметить эту аналогию стоит.

¹⁵ В данной публикации приводятся аргументы в пользу «позднедьяковской трактовки» этой серии бус, основанные на материалах, полученных после 2014 г.

Во рву найдены фрагмент янтарной подвески (рис. 82, 56), наконечник пояса (рис. 82, 6), оплавленная шумящая подвеска (рис. 82, 59), биконическое пряслице (рис. 82, 58). Отметим, что наконечник пояса представляет собой тип «с площадкой в верхней части». Наиболее полный список аналогий наконечникам такого типа приведен в работе И.О. Гавритухина и А.Г. Иванова (*Гавритухин, Иванов, 1999. Илл. 10, Б*). К этому списку, в котором учтены и позднелазовские памятники, можно добавить только серию наконечников с Палецкого городища (*Сыроватко, 2001а. С. 88*). К VI в. отнесены подобные предметы с Москворецких городищ Н.А. Кренке (*Кренке, 1987. Илл. 90, 14, 19*). Погребение 110 из могильника Борок II И.Р. Ахмедовым отнесено ко второй половине V в., хотя наконечники ремней из этого комплекса не вполне соответствуют нашему экземпляру (*Ахмедов, 2001. Илл. 4, 23–25*). Осмотревший находку лично И.Р. Ахмедов датировал ее интервалом последней четвертью IV – началом V в. н.э. Шумящие подвески представляют собой два предмета, сплавленные вместе и поврежденные огнем. Точно атрибутировать их сложно – в равной степени подвески могли представлять собой утиные лапки или бутылочки. На шейке подвесок угадывается обвивка, характерная как раз для бутылочных подвесок (*Вишневский и др., 2007. Илл. 3, 30; 5, 6; 6, 11*). Заметим только, что у подобных предметов сами петли также образованы навивкой в 2–3 оборота, в то время как у щуровского экземпляра они сплошные.

Все перечисленные находки, за исключением предметов из центрального погребения группы 1, относятся к позднелазовскому (мошинскому) времени. Погребения, вероятнее всего, легли на поселенческий слой и, возможно, им же могли быть присыпаны.

Радиоуглеродные даты приведены в таблице 5. Наиболее надежной является дата, полученная по образцу из кв. 41, на глубине 5 пласта, из слоя черного углистого песка – ГИН 14379. Возраст образца – 1380 ± 20 л.н., при

калибровке он приходится на VII в. (646–661 гг. н.э.). Эта дата вполне соответствует возрасту курганов 1 и 3, образуя вместе с ними компактную серию. Вторая дата – ГИН 14781 возрастом 1290 ± 20 л.н. (калиброванный интервал 676–711, 746–766 гг. н.э.) моложе, но образец залегал в других условиях. Он представлял собой сгоревшие доски или плахи, перекрывавшие слой углистого песка, почти на вершине. Глубина его залегания составляла менее 20 см.

Таким образом, курган 4 является таковым условно, это «скопление скоплений» костей. Возможно, он моложе остальных (на что указывает образец ГИН 14781) или формировался длительное время путем дозахоронений.

Курган 5

Из всех курганов – пятый – наименее сохранный. Фактически, это только следы некогда существовавшего кургана, хотя именно они и позволили восстановить картину разрушения памятника и образования седловины, отделившей холм от остальной террасы. На существующем ныне гребне располагался только западный участок русла рва, далее к востоку он выклинивался, как и канавка.

Канавка (яма 34, раскоп II) имела форму полумесяца (рис. 55, 84–86). С западной стороны она отчетлива и глубока, ширина ее около 35 см, глубина – около 30 см, однако к востоку она постепенно выклинивается, и в кв. 536, 537 становится едва заметной. Строго на восток прослежено два углубления, которые могли бы быть ее продолжением – ямы 43 (размерами около 100×80 см) и 44 (размерами около 80×50 см), глубина их примерно 30 см. Заполнение – слабогумусированное, находок в ямах не зафиксировано. Внешне эти углубления схожи с локальными расширениями канавок остальных курганов, также располагавшихся на западе и востоке. У описываемого объекта тоже есть локальное

расширение точно на западе, причем именно в этом месте канавка теряет форму правильного кольца (кв. 577, 587). На юге канавка не прослежена, кроме одного небольшого участка в кв. 600, 601. Очевидно, что она частично уничтожена пресловутым срезом, однако очевидно и то, что она смыкается с северным окончанием рва кургана 2. В полевых условиях проследить эти объекты раздельно мы не смогли, эта ситуация отражена на рис. 86. На большем своем протяжении канавка представляла собой только слабозначимые следы.

Ров кургана 5 также выклинивался к востоку. Важной деталью являлось его отсутствие с южной стороны (рис. 84). Контур рва кургана 2 имел правильную скругленную форму, возможно, он был осложнен примыканием к нему канавки, но нет следов того, что ров кургана 2 именно нарушил какой-либо другой ров. Наиболее сохранившимся и глубоким ров кургана 5 оставался на своем западном окончании, в пределах участка 14 раскопа V. Ширина его составляла около 1,5 м, глубина около 90 см, но к востоку он, как и канавка, выклинивался. Почти точно на севере читался узкий проход, шириной не более 50 см, далее располагался короткий отрезок рва – яма 35 – протяженностью чуть более 2 м. Восточная часть рва, вероятнее всего, была срезана вместе с верхними слоями материка, и уцелел только небольшой участок, длиной приблизительно 3 м и шириной 1 м – яма 41. Глубина ее не превышала 20 см (рис. 87). Такая же картина, как мы помним, наблюдалась и у кургана 3.

Судить о стратиграфии рва можно только по его западной части (рис. 88). Для заполнения рва характерна деталь, общая для заполнений рвов в других курганах – несколько более темный низ заполнения и осветленная середина, почти чистый песок. На этом участке рва отсутствовал слой грунтового могильника – прослойки углистого песка, перекрывающего этот осветленный слой, что указывает на повреждение верхних заполнений рва даже в этой, наиболее сохранной, стороне.

Любопытной подробностью является довольно большое количество костей в яме 41 – остатках рва с восточной стороны. Это довольно крупные осколки, залегавшие у самого дна, в кв. 594. Такое глубокое расположение костей указывает на то, что они могли быть ближе ко времени сооружения кургана и не связаны с грунтовым могильником. Похожий сюжет был выявлен во рву кургана 3 с северной стороны, хотя там кости не лежали у самого дна – они скорее тяготели к светлому заполнению. Большинство костей принадлежит «крупному животному» (или нескольким), и только один фрагмент ребра, возможно, взрослому человеку (табл. 4). На других участках рва – в яме 35 – найдены фрагменты позвонков хвоста «небольшого животного»¹⁶, в яме 33 – наиболее протяженном участке рва – помимо редких костей животного найдены фрагменты ребра и черепа взрослого человека.

Выводы:

1. Именно остатки кургана 5 продемонстрировали, что могильник третьей четверти I тыс. был некогда больше. Они же выявили если не причину, то, по крайней мере, механизм его исчезновения – тот самый срез участка плато, с образованием седловины, отделяющие нынешний холм от остальной террасы. Срез этот был наклонным, вследствие чего западные участки рвов курганов 1, 2, 3 и 5 уцелели лучше, чем восточные. Курган 5 же оказался уничтоженным почти полностью.

2. Важной деталью является соприкосновение курганов 2 и 5. Отсутствие следов рва с южной стороны кургана 5 подводит к выводу, что он позднее кургана 2. Что-то помешало *древним строителям* сдвинуть курган 5 севернее и окружить его рвами полностью.

¹⁶ Данная интерпретация – впечатления антрополога. В похожей ситуации, осмотренные Е.Е. Антипиной (ИА РАН) позвонки, оказались бычьими.

3. То обстоятельство, что канавка кургана 5 подходила ко рву кургана 2 вплотную, убеждает, что это все-таки следы деревянной (?) конструкции, а не ровик. Только некий «твердый» объект мог стоять на краю глубокого рва кургана 2 на песчаном грунте.

4. Это же обстоятельство убеждает нас, что насыпи у кургана 5 не было, либо она изначально целиком заключалась внутри конструкции.

Последний вывод подтверждает ранее выдвинутый тезис о том, что курганы в действительности представляли собой принципиально иные конструкции, «домики мертвых»¹⁷ (Сыроватко, 2010). Первоначальная реконструкция основывалась на материалах только двух полностью исследованных курганов – 1 и 2, и частично раскопанного 3. Реконструкция, выполненная О. Шестаковой, (рис. 89) основывалась на незначительном – в основном менее 1 м – зазоре – между рвами и внутренней канавкой. Если канавка является следами оградки, то насыпи кургана, состоящей из рыхлого песка, просто не оставалось бы места на узком пространстве. План кургана 5 дополнительно подтверждает это тем, что оградка вплотную подходила ко рву кургана 2. Однако насыпь, вероятно, все же существовала – это грунт, взятый из рвов. Отчетливо выражена насыпь у кургана 2, сложнее утверждать это в отношении кургана 4. На рис. 89 показан вид на могильник с востока, со стороны леса (реконструкция автора, исполнение О. Шестаковой). Когда эта реконструкция была сделана, не были открыты курганы 4 и 5 и холм изображен на ней в современном виде, с седловиной дороги, что, конечно неверно.

¹⁷ Возможно, это неудачный термин: он запутывает читателя, вызывая ассоциации с конструкциями, в которых манипуляции с грунтом не предполагались и которые в археологизированном виде не имеют внешнего сходства с курганами. Н.В. Хвоцинская (Хвоцинская, 2002) использует для подобных конструкций более точный, но громоздкий термин «погребальные дерево-земляные сооружения».

Некоторые наблюдения за составом керамики в насыпях курганов

Этот сюжет уже озвучен в нескольких публикациях (Жеребцова, Сыроватко, 2018; Сыроватко и др., 2018а; 2018б). Остается только повторить основные выводы. Выше было высказано предположение, что количество археологического материала в насыпях вообще довольно велико, в целом слой, который можно было бы трактовать как слой поселения, предшествовавшего могильнику, почему-то насыщеннее находками, чем слой за пределами курганов – за внешним краем рвов. Это предположение не отрицает существования «докурганного» поселения, но наводит на мысль о каких-то манипуляциях с культурными остатками при сооружении «домиков мертвых», либо о частичном разрушении слоя вокруг них. Слой поселения мог подсыпаться к центру курганов, в том числе и с соседних участков. Помимо этого, слой мог приноситься на «верхнюю» площадку вместе с остатками погребального костра с самого поселения строителей курганов, которое, предположительно, могло размещаться на «нижней». О такой возможности свидетельствует близкий набор находок (бус, литейных форм, тиглей, керамики с рецептурой ГШ и ГДШ) из кургана 4 и «пятна культурного слоя» с «нижней» площадки 2016г (подробнее об этом объекте: Сыроватко, Трошина, 2017).

Состав керамики в насыпях и в слое под насыпями следует рассмотреть отдельно. По форме это обычные горшки мощинского облика, с незначительным количеством лощенной керамики, почти полным отсутствием сковородок (единственный фрагмент в шурфе В.Ю. Коваля 1993 г.), крышек и цилиндрических мисок. Соотношение рецептур теста представлено на гистограммах (рис. 33, 90). Важным выводом из этого рисунка является нарастание доли керамики с шамотом в тесте (сумма рецептур ГШ и ГДШ) от кургана 1 до кургана 4. Разница, а точнее, плавная изменчивость

в составе рецептур теста позднедьяковской керамики, может быть объяснена по-разному. Уже в первой публикации итогов технологического исследования керамического материала (*Жеребцова, Сыроватко, 2018*), была высказана гипотеза, согласно которой для «докурганного» поселения «верхней» площадки характернее использование теста с дресвой, а для строителей «курганов», обитавших, предположительно, на «нижней», использование шмотосодержащих рецептур. Если шмотосодержащие рецептуры более поздние, то гистограмма на рис. 90 *может отражать последовательность сооружения курганов*. В этом случае курган 1 самый ранний, а курганы 2 → 3 → 4 → 5 (именно в такой последовательности) более поздние – этот вывод никак не противоречит их топографии. *Рост доли керамики с шмотом в этом случае является результатом ее постепенного накопления в слое*¹⁸. При этом керамика с шмотом могла откладываться непосредственно на «верхней» площадке и попадать в насыпь при каких-то земляных работах в ходе строительства, иными словами, в центре «верхней» площадки после сооружения кургана 1 продолжалась некая хозяйственная активность, в результате которой слой, синхронный самим курганам, продолжал формироваться. Другой вариант объяснения более экзотичный: слой с керамикой третьей четверти I тыс. н.э. формировался где-то еще, на месте сожжения (на поселении? На тех же кострищах, на которых плавил металл?), и попадала она в слои в насыпях при переносе костей и остатков погребального костра на «верхнюю» площадку¹⁹.

¹⁸ Важно и то, что в такой же последовательности нарастает количество предметов, связанных с литьем: в кургане 1 всего одна литейная форма, больше предметов в кургане 3, наивысшая концентрация – в кургане 4.

¹⁹ Эта версия объясняет, почему практически во всех «домиках мертвых» присутствуют литейные формы – тигли, льячки, ошлакованная керамика. Точно такая же деталь обряда есть и в Ратьковском могильнике (*Вишневский, 2002; Вишневский и др.,*

Доля ее также росла постепенно, и этот постепенный рост отразился на составе керамики в насыпях.

Теперь рассмотрим распределение керамики в каждом из курганов отдельно, по условным горизонтам. В приведенных гистограммах на рис. 91 подсчет для кургана 1 осуществлен только для раскопа В.Ю. Ковалю 1993 г, это центральная часть, в пределах кольца канавки; для кургана 2 в гистограмме учтены участки 1 и 2 раскопа II, также только центральная часть, включая пространство между канавкой и рвами; также отобрана керамика для подсчетов из кургана 3. Границы кургана 4 проследить сложнее, ввиду отсутствия канавки и кольцевых рвов, для подсчета использовались данные с участков 6–8 раскопа V/2008–2009 гг. (рис. 2). Условные горизонты на всех четырех объектах отмерялись от дневной поверхности, т.е. не были горизонтальными, а повторяли (насколько это было возможно) рельеф.

Керамика кургана 1 (рис. 91, табл. 6)

Керамики с шмотом – минимальное количество, сверху вниз оно уменьшается почти до нуля. При этом заметна доля смешанной рецептуры ГДШ, которая уменьшается в остальных курганах по мере возрастания доли керамики по рецепту ГШ. Также мы наблюдаем здесь абсолютное преобладание керамики с рецептурой ГД.

Керамика кургана 2 (рис. 91, табл. 7)

1. Керамика с шмотом присутствует в срединных напластованиях. В самом верхнем пласте ее мало (и только ГДШ), в самом нижнем – не обнаружена.

2. Какой-то системы в распределении керамического материала в средних слоях кургана не

2007; *Вишневский, Новоселова, 2010*). Весьма любопытно присутствие металлургических шлаков в финских кремациях, что дало повод Анне Вихольм говорить о метафорической связи между огнем кузницы и кремацией тела (*Wickholm, 2005. P. 37*).

наблюдается. Можно предположить, что уменьшение его к верхним напластованиям связано с тем, что верх насыпи – это наброс слоя с прилегающих участков и из оврага, а пласт 5 – слой с погребального костра (?).

3. Керамика по рецепту ГД – преобладает.

Керамика кургана 3 (рис. 91, 92, табл. 8)

В кургане 3 ее распределение сходно с курганом 2 – доля шамотосодержащей керамики постепенно возрастает сверху вниз, в надматерике ее не обнаружено. Керамика по рецепту ГД, как и вышеупомянутых курганах – абсолютно преобладает.

Керамика кургана 4 (рис. 91, табл. 9)

В кургане 4 доля керамики с шамотом примерно одинакова во всех горизонтах, небольшим колебаниям вряд ли стоит искать объяснение. Но, как уже говорилось выше, эта доля больше, чем во всех остальных курганах.

Из приведенных подсчетов следует довольно любопытный факт (рис. 91): возрастание в большинстве случаев доли керамики с шамотом от нижних горизонтов к верхним. Удивительно здесь то, что если бы насыпь состояла только из культурного слоя селища, то никакой системы в распределении керамики не должно было бы быть²⁰. Похоже, что **статистика улавливает некий «ранний позднедьяковский слой», где керамики с шамотом в тесте нет** или почти нет и на котором курганы сооружены. Но откуда же взялась керамика с шамотом в тесте? Ведь, следуя общей логике, культурный слой «периода бытования позднедьяковской керамики с шамотом в тесте» не должен был откладываться

²⁰ Правда, тут следует помнить, что слой селища мог иметь сложную стратиграфию и в ходе раскопок мог быть не прослежен тот его горизонт, в котором керамика с шамотом уже появилась. Но в любом случае этот факт – еще одно косвенное подтверждение того, что для позднедьяковской эпохи в Щурово керамика с дресвой древнее керамики с шамотом.

на могильнике, его место на поселении? Одним из вариантов объяснения является **перенос материала вместе с остатками погребального костра и укладка его в насыпь, с места сожжения**. Эта версия кажется довольно экзотичной, но объясняет многое: устойчивую повторяемость в насыпях предметов, связанных с ювелирным производством, наличие отдельных кальцинированных костей в слое в качестве фона, большое количество «фоновых» бытовых находок и керамики, часть которых относится скорее к третьей четверти I тыс. н.э, когда селище – как было отмечено выше – не должно было функционировать²¹.

Однако в приведенных подсчетах есть и еще один сюжет, заметный на сравнительных гистограммах всех курганов (рис. 33, 90, 91) – это обратная пропорциональность керамики по рецептам ГШ и ГДШ. С ростом «чистого» рецепта (ГШ) доля керамики ГДШ снижается также, как и керамики с дресвой (ГД).

Подведем итог описанию курганов:

1. Курганы 1, 2, 3 и 5 были возведены по одной схеме. Их конструкция оставила следы в виде внутренней канавки, окруженной кольцами рвов с проходами. Проходы ориентированы, как правило, по сторонам света (заметно даже сочетание «широкий проход – узкий проход»), но расположение самих проходов у курганов различается.

²¹ Аналогия, подтверждающая данную версию – Ратьковский могильник. На нем также в слое разрозненных кремаций присутствует большое количество литейных форм и льячек при отсутствии следов литья на самой площадке могильника. Это сюжет сближает Щурово и Ратьково (а на последнем есть также и следы «домиков мертвых»). По всей видимости на площадку Ратьковского могильника, на вершину плато, также попадали большие объемы археологического материала, включая следы литья, горелое зерно, бытовые предметы. Само совпадение этих черт с Щурово говорит о том, что мы столкнулись именно с элементом обряда (Вишневский, 2002; Вишневский и др., 2007; Вишневский, Новоселова, 2010).

2. Канавки, вероятнее всего, оставлены некой конструкцией, оградкой, что следует из наших наблюдений за стратиграфией курганов, особенно кургана 1 и планиграфией кургана 5. Эта оградка удерживала насыпи какое-то время, и формально курганы можно отнести к курганам с оградками, хотя по нашему мнению, изначально оградка не была спрятана под насыпью²².

3. Всем канавкам присуща общая деталь – локальные расширения на западе и на востоке.

4. Ни в одной из канавок не удалось достоверно проследить отдельных столбовых ям.

5. Погребения (кремация) прослежены только в трех из пяти курганов (1, 3, 4). Общими чертами можно считать сравнительно низкие температуры сжигания. Для центрального погребения кургана 4 можно также предположить особое положение тела – на земле, обложенного дровами («под костром») как причину низких температур.

6. Вместе с тем, положение скоплений костей для двух курганов – 2 и 3 – осталось неясным. Количество костей слишком невелико, даже с учетом отдельного скопления в кургане 3, и эта деталь погребального обряда остается непонятой. В этой связи стоит обратить внимание на повторяющуюся деталь в курганах 3 и 5 – скопления костей в придонной части рвов. Вполне возможно, что эти скопления костей и есть следы погребений, помещенных изначально куда-то еще, например, на вершины.

7. Общими чертами можно считать полное или почти полное отсутствие инвентаря среди костей.

8. Все сооружения отличает значительное количество археологических находок позднеяковского времени, которые можно условно трактовать как «поселенческие», и их количество в целом выше, чем в слое за пределами курганов.

²² К такому же выводу относительно боршевских курганов пришел А.З. Винников (Винников, 1995).

9. Стратиграфия рвов всех курганов свидетельствует о временном зазоре между курганным и грунтовыми могильниками. Палинологические данные (*Сыроватко и др.*, 2012б; *Трошина, Сыроватко*, 2018) позволят оценить этот зазор «в 50–100 лет».

10. Возраст курганов может быть определен только на основании дат ¹⁴C, и в основном приходится на третью четверть I тыс. н.э., т.е. VI–VIII вв. н.э. Не исключено, что период функционирования этого могильника может быть чуть шире указанного интервала, т.е. заходить в V в. и охватывать весь VIII в., однако важно другое: курганный могильник является неким репером, ограничивающим возраст предшествующего позднеяковского селища, поскольку маловероятно, что в период сооружения и почитания курганов «верхняя» площадка продолжала функционировать еще и как поселенческий объект.

Возможные аналогии и исторический контекст

Вывод о датировке объектов третьей четверти I тыс. н.э. был озвучен выше и основывается на пяти датах ¹⁴C. Можно ли считать его надежным? Безусловно, нет: с учетом того, что при сооружении этих объектов явно имели место какие-то манипуляции с грунтом, в том числе культурным слоем; вполне возможно, что уголь мог быть также перемещен из культурного слоя, синхронного находкам, и возраст курганов моложе²³. В пользу достоверности представленных дат свидетельствует облик некоторых образцов угля: из кургана 1 это тонкая плашка или ветка, длинная настолько, что ее хватило на два образца; в верхней части кургана 4 это – досточки или плашки, которые, как и образец из кургана 1, утратили бы целостность при перемещении столетия спустя после первоначального выпадения

²³ При таком варианте придется признать, что поселение на «верхней» площадке имеет более широкую датировку, чем вторая четверть I тыс. н.э.

в слой. Кроме того, в насыпях курганов довольно специфичный состав находок и велика доля предметов, связанных с литьем цветных металлов, за пределами насыпей не встречающихся.

Вторым аргументом является стратиграфия рвов, данные палинологии и анализа фитолитов. Они совокупно свидетельствуют о наличии временного зазора между курганным и грунтовым могильниками, «периодом запустения», при котором происходит частичная смена ландшафтов и характера хозяйственной активности – в третьей четверти I тыс. она велика, в период грунтового могильника – сходит на нет. При дате грунтовых кремаций VIII–X вв. (вероятно, достовернее более узкий интервал IX – первая половина X в.) «период запустения», оцениваемый Е.А. Спиридоновой в «50–100 лет», также должен приходиться приблизительно на восьмое столетие, оставляя курганам третью четверть I тыс.

Третьим аргументом является погребальный обряд. Помимо очевидной разницы во внешнем облике могил существенны различия и в деталях самого процесса кремирования: для курганных кремаций характерны сравнительно низкие температуры (ниже 750 °C) и вероятное положение тела на земле, «под дровами». Курганный и грунтовой могильник демонстрируют разные традиции погребения и в этом случае нет ничего удивительного в том, что они относятся к разному времени²⁴.

Однако обращение к аналогиям указывает на многочисленные примеры курганов с оградками в насыпи в славянской среде в последней четверти I тыс., имевших распространение на Верхней Оке (Бессарабова, 1973; Никольская, 1981. С. 27 и след.; Бубликов и др., 2008). Возможно ли рассматривать щуровские курганы в этом

контексте? На первый взгляд, да, но этому нет доказательств: инвентарь курганов 1 и 4 («центральное» погребение) не дает оснований для культурно-хронологической атрибуции, а даты ¹⁴C трудно сравнивать ввиду отсутствия таковых у верхнеокских памятников. Сосуд со дна рва кургана 2 слишком невыразителен. В щуровских курганах не открыто домовин, а оградки известны на широкой территории и в разное время: они известны в курганах Шаньково-Почепок, в древнерусское время в курганах с ингумациями, в т.ч. суздальских и «вятичских» (Носов, 1974; Седова, 19976; Седов, 1982. С. 146; Сыроватко, 2017). Единственным аргументом в пользу соотнесения щуровских курганов с «верхнеокским» контекстом остается их внешнее сходство и подсознательное стремление «вписать» находку в уже существующие схемы. Однако сам факт открытия Щуровского могильника уже ломает привычные схемы: «обратная культурная стратиграфия», в которой курганы предшествуют полям погребений, а не наоборот; расположение на территории, для которой в период «Темных веков» долгое время не был известен не только погребальный обряд, но и вообще достоверные археологические памятники (подробнее о «преемственности белых пятен»: Сыроватко, 2014) заставляют крайне осторожно подходить к интерпретации имеющихся материалов и быть внутренне готовым к неожиданностям. Пример с могильником Кременье, также не вписывающимся в существовавшие до недавнего времени представления, весьма красноречив (Сыроватко, Клеценко, 2017).

Возможно ли соотнести щуровские курганы с памятниками типа Шаньково-Почепок? Если существование в этих курганах домовин обоснованно подвергнуто сомнениям, то существование кольцевых канавок не оспаривается (Носов, 1974). Опять же, такое вполне возможно, только в этом случае щуровские оказываются несколько моложе. При таком варианте объяснения,

²⁴ Правда, известен пример могильника Кременье с двумя кардинально различающимися погребальными обрядами, применявшимися одновременно (Сыроватко, Клеценко, 2017).

курганы и селище «нижней» площадки можно рассматривать как пример «постмошинского» комплекса, сложившегося на сравнительно удаленной от основного ареала культуры территории после событий V в. Против такой интерпретации говорит все тоже отсутствие достоверных культуроопределяющих артефактов. Кроме того, достоверные «мошинские» курганы малочисленны, сравнивать Щурово приходится с памятниками, исследованными в XIX в. и, вероятно, не вполне достоверно опубликованными (Носов, 1974).

Существуют также памятники, которые могут быть аналогиями Щурово, но – в силу запутанной полевой документации – оценить достоверность полученных из них материалов сложно. Самый яркий пример – могильник у Кривого озера в Люберецком районе Московской области, два кургана с кремациями из которого исследованы Ю.В. Куртовым в 1962–1964 гг. (Куртов, 1962; 1964). Знакомство с отчетными материалами оставляет много вопросов. Очевидно только то, что предполагать кремации в курганах у автора раскопок были все основания: в кургане 1 были обнаружены кальцинированные кости, так же как и у нас в Щурово, вне скоплений; датировка временем «не позднее 7 в.» предложена И.Г. Розенфельдт, консультировавшей Ю.В. Куртова и осмотревшей материал. Кроме того,

минимум две находки – бронзовая сьюльгама и дяковская серьга – однозначно указывают на время около середины I тыс. н.э. В то же время, в обоих курганах нет объектов, достоверно подтверждающих связь кальцинированных костей с упомянутыми находками и керамикой; предметы распределены в насыпи точно также, как и в щуровских курганах; кольцевых канавок не найдено, хотя Ю.В. Куртов, судя по тексту отчетов, ожидал их обнаружить и отметил это обстоятельство специально. Нельзя исключить, что курганы у Кривого озера позднее щуровских. Многое могла бы прояснить коллекция памятника, и, в первую очередь, керамика, однако пока ее обнаружить не удалось²⁵.

Таким образом, на настоящем этапе исследований возможны три версии:

- щуровские курганы могут быть местным явлением, сложившимся на обширной территории долины р. Оки от Серпухова до Коломны;
- они также могут быть частью или отголоском «мошинской» традиции;
- они могут являться примером традиции «верхнеокских вятичей». Последняя трактовка пока представляется менее вероятной. Для ее принятия нужно проигнорировать имеющиеся аргументы, не выдвинув взамен ничего.

²⁵ Автор предпринял для этого специальные усилия в начале 2000-х гг., когда еще были живы участники раскопок. Коллекция после раскопок была сдана в школьный музей, школа впоследствии перепрофилирована в ПТУ и следы коллекции теряются. Возможно, что-то в итоге попало в Люберецкий краеведческий музей.

ГЛАВА 5

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК

Грунтовый могильник представляет собой еще одну фазу формирования памятника, его погребения наложались на позднедьяковский слой. Этот могильник значительно больше остальных шуровских памятников, он занимает большую часть «верхней» и «нижней» площадки (рис. 93). Как уже отмечалось, разрушения, причиненные «верхней» площадке, могли сильно сократить его площадь – вероятнее всего, южная часть холма и седловина дороги изначально были также заняты погребениями. Распашка «нижней» площадки также повредила хрупкие погребения, частично уцелели только те, которые располагались у подножья холма с северной стороны. Об этом говорят отдельные находки салтовского облика и разрозненные кости – как в центре пойменного участка, так и на южном склоне. Что же было на узком пространстве между холмом и руслом старицы, установить уже не удастся.

Погребения могильника были впервые пронумерованы для данной монографии. Их описание приводится в направлении с юга на север, как, в основном, осуществлялась прирезка раскопов. В таком же порядке пронумерованы погребения. Отдельным скоплениям находок присваивалась литера «а» к номеру, хотя, строго говоря, ни одно из скоплений находок нельзя достоверно соотнести ни с одним из погребений. Нумерации погребений в тексте соответствует нумерация в таблице и на планах. В полевых работах, начиная с 2017 г.,

продолжена нумерация погребений, введенная в настоящем издании.

В тексте уделено внимание находкам, явно относящимся к периоду могильника, но не привязанным к определенным погребениям или скоплениям костей или вещевого материала. Помимо разрозненных вещей существует еще и коллекция костей, также не соотнесенная с определенными объектами. Такова специфика памятника – между погребениями часто наличествовал некий «погребальный фон», что затрудняло выделение комплексов, особенно с учетом «позднедьяковской примеси».

Погребение, которому не был присвоен номер, но которое следует упомянуть, изначально могло располагаться к востоку от рва кургана 2 (рис. 62, 1; 93). На общем плане всех погребений нами отмечен сосуд-приставка (рис. 93), уцелевший благодаря тому, что был помещен в ров, подобно сосуду-приставке погребения 1. Несколько предметов (рис. 62, 2, 3), из которых слиток металла с прилипшей к нему спиральной пронызью вполне мог быть связан с грунтовым могильником. Вероятно, это погребение было смыто теми же процессами, которые привели к уничтожению кургана 5 и ровов курганов 1 и 3 с восточной стороны холма; вероятно также, это погребение было там не единственным.

Выше, при описании кургана 2, упоминались предметы, найденные в западном проходе между рвами, в том числе обрывок кольчуги и оплавленный предмет медного сплава (бутылочная подвеска?). Вероятно, эти вещи относятся к периоду бытования грунтового могильника (рис. 61, 13–16). На рис. 94, 1–5 – показано несколько предметов, происходящих из траншеи 2011 года на западном склоне холма, из которых, по крайней мере, находки из стекла также скорее «периода могильника», чем поселения. В этой же траншее найден сосуд (рис. 159), связь которого с могильником нельзя исключать.

**Погребение 1. Раскоп V, участок 3,
погребение в кв. 130–131 (рис. 93, 95–99)**

Было найдено одним из первых, когда опыта работы с такими кремациями еще совсем не было. Его разбирали постепенно, сверху вниз, несколько сантиметров, после чего был выполнен разрез (рис. 96, 97). В разрезе под линзой костей выявлен слой серого песка, однако четких краев какой-либо ямки не прослежено. Во многом это объясняется положением погребения – на внешнем краю рва кургана 1, и, вероятнее всего, в разрезе был выявлен либо край заполнений рва, либо культурный слой поселения. Погребение, таким образом, представляло собой линзу костей – с плотным «ядром», размером около 25 × 25 см, неким «ореолом разлета» костей и находок, диаметром приблизительно 2,5 м. По глубине находки распределялись на 40 см, отдельные кости в тот сезон еще не фиксировались. Что считать первоначальной границей погребения, осталось неясным (в полевых условиях виделись еще и промежуточные границы, так сказать, «средней концентрации»), хотя, вероятнее всего, таковым следует признать «ядро» – наиболее плотное скопление костей. Прочие кости и находки, вероятно, есть результат разрушения погребения, скорее всего – распашкой. Антропологический анализ не проводился.

Находки из погребения многочисленны (рис. 98, 99), но все они представляют собой бесформенные слитки стекла – синего, желтого цветов, а также одной полихромной бусины и одной бусины красного глухого (?) стекла. А.А. Тодорова выделила в коллекции несколько обломков мозаичных полихромных бус и посчитала их процент довольно высоким (*Сыроватко, Тодорова, 2009. С. 7, 8*). Многочисленны также слитки металла, белого и медных сплавов. Наибольшую группу составили фрагмент кольчужной ткани и многочисленные обломки кольчужных колец. В этом погребении найден самый крупный фрагмент кольчужного

плетения (рис. 98, 1). Бусы из этого погребения неоднократно становились предметом отдельного рассмотрения (*Сыроватко, Тодорова, 2009; Сыроватко, Трошина, 2010а; 2010б*). Датировка погребения, определяемая по бусам, довольно широка – от второй половины VIII до начала X в. (*Сыроватко, Тодорова, 2009. С. 8, 9*).

Для этого погребения была предпринята попытка выполнить анализ распределения находок в «облаке» костей (*Сыроватко, Трошина, 2010а; 2010б*), в результате чего было высказано предположение о наличии двух групп находок в скоплении. Именно этот вывод, не подкрепленный антропологическим анализом, стимулировал на все более тщательную фиксацию, в надежде выявить дозахоронения.

Важно то, что все попытки разреза в каждом конкретном месте обнаруживали сравнительно плоскую линзу костей и находок (рис. 96, 97), в то время как объемное моделирование показывало совсем не плоский объект. Этому есть несколько объяснений: 1 – линза костей могла частично занять склон рва; 2 – погребение повреждено распашкой; 3 – разновременные погребения наложилось друг на друга. В пользу последней версии говорит уже упоминавшаяся бисерина красной пасты, которая датируется скорее позднелазаревским временем.

К югу от скопления костей, в заплывшем к моменту совершения погребения рву кургана 1, был установлен горшок (рис. 99, см. также план на рис. 93), дном вниз (уч. 3, раскоп I/2002 г.). Диаметр сосуда по венчику, украшенному насечками – 12,5 см, высота – около 8 см, тесто изготовлено по рецепту «глина + дресва» (*Жеребцова, Сыроватко, 2018*), с одной стороны тулова есть следы вторичного прокала, сосуд слегка ошлакован.

Пространство к северу от погребения 1 в кв. 131 было распаханно – редкие крупные борозды пролегли в направлении СЗ, в промежутке между курганами 1 и 3; погребение в кв. 131 уцелело, возможно, только потому, что располагалось у подножья кургана 1.

***Погребение 2. Раскоп V, участок 3,
погребение в кв. 139 (рис. 93, 100–101)***

К западу и к северу от погребения 1 было зафиксировано большое количество разрозненных кальцинированных костей и находок. Часть их, возможно, была шлейфом от погребения 1, но другая часть могла являться остатками других распаханых погребений. Одно из таких небольших скоплений костей, прослеженное в кв. 139, было обозначено нами как погребение 2. Выявлено в аллювиальном слое, его размеры около 80 × 40 см, вероятно, плоская линза костей без распределения по глубине. Индивидуальных находок, которые можно было бы связать с этим скоплением, не обнаружено, антропологический анализ не проводился. Разрозненные находки с уч. 3 раскопа V, обнаруженные вне скоплений, приведены на отдельном рисунке (рис. 101).

***Погребение 3. Раскоп V, участок 3,
погребение в кв. 156. (рис. 93, 102–103)***

Небольшое (размером около 30 × 15 см) скопление или, скорее, остатки такового. Антропологический анализ не проводился, находок не обнаружено. Чуть дальше к северу найден бесформенный слиток стекла (желтого прозрачного? – (рис. 102, 2), еще севернее, в столбовой яме советского времени – бисерина голубого голубого стекла (рис. 102, 1).

***Погребение 4. Раскоп V,
участок 2, яма 3 (рис. 93, 104–112)***

Если пониманию предыдущих погребений помешала распахка, то этому объекту, помимо распахки – гаубичный снаряд. Яма 3 раскопа V являлась снарядной воронкой, полностью затянувшейся и незаметной с поверхности. Судя по концентрации находок вокруг воронки и внутри нее, снарядом был «накрыт» центр погребения. Диаметр воронки – около 2,5 м, и рассуждать

о форме и конструкции погребения при таких повреждениях не имеет смысла. Поскольку кальцинированные кости встречались и за пределами воронки, где заметны борозды от плуга, границы этого погребения также неясны. Разрез погребения 4 по границе участков 1 и 2 показан на рис 104, 105.

Слой светло-серого песка под пашней, собственно, и является горизонтом кальцинированных костей и находок, условно принятых за погребение. В правом поле снимка на рис. 104 видно, что снарядная воронка с темным заполнением располагается как бы над слоем, не прорезая его, светло-серое обрамление находится под нижними осколками. Значит ли это, что гаубичный снаряд попал точно в углубление погребения, или его удар вызвал общую «просадку» прежде ровного слоя? Отсутствие антропологического анализа не позволяет судить о количестве погребенных. Если судить по концентрации находок, то можно выделить три группы, правда, без четких границ: в яме 3 (рис. 106А), в квадрате 66 (рис. 110, 111), в квадрате 68 (рис. 107), в квадрате 72.

Состав находок в этих скоплениях во многом схож. Отдельные бусы и общий анализ состава находок из стекла уже публиковался (*Сыроватко, Тодорова*, 2009; *Сыроватко, Трошина*, 2010а; 2010б), кроме того, отдельно были опубликованы находки из скопления в кв. 68 (*Сыроватко и др.*, 2014). Находки в погребении 2 составляют в основном бусы, полихромные, оплавленные до неузнаваемости; четырнадцатигранные, обычно расколотые на две половинки; синий, желтый и зеленый бисер (рис. 110, 111). В яме 3 найден комок рассыпавшегося стекла разных цветов, видимо, с полихромными бусами, внутри которого были остатки бронзового крючка-застежки (рис. 106, 1, 37). Любопытно, что в самом верху заполнения ямы 3 была найдена ассиметричная бусина из красной пасты (рис. 101, 9), аналогичная бисерине из погребения 1. Аналогии таким бусам известны, например,

в Велегожском кладе (*Воронцов, Столяров, 2015. Рис. 47*). Помимо бус и капель металла отметим целый колокольчик – с толстыми литыми (?) стенками и железным язычком, закрепленном на железном ушке-петле, продетой сквозь отверстие в вершине (рис. 111, 6), кольчужные кольца (рис. 106, 10, 28), обломки спиральных пронизей. Как и погребение 1, по бусам его можно датировать довольно широко, интервалом от второй половины VIII до начала X в. (*Сыроватко, Тодорова, 2009. С. 8, 9; Сыроватко и др., 2014. С. 54*).

Южнее ямы 3, в квадратах 82–83, был обнаружен развал сосуда, разбитый и растасканный плугом (рис. 108). Диаметр по венчику 17 см, высота 12 см, венчик с насечками по краю, тесто изготовлено по рецепту «глина + дресва». В целом он схож с сосудом-приставкой из погребения 1, но более вытянутых пропорций.

***Погребение 5. Раскоп V,
участок 1, кв. 56–57 (рис. 93, 104–105, 113–116)***

Это погребение было первым из исследованных грунтовых на памятнике. Хотя оно и располагалось в непосредственной близости от снарядной воронки погребения 4 и скопления костей и находок на участке 2, оно все же являлось самостоятельным объектом¹. Концентрация костей в нем значительно уступала погребениям 1 и 4, помимо того, что они были разрежены, еще и сами фрагменты были мельче. Погребение можно охарактеризовать как плоскую линзу костей, размером около 0,9–1 × 1,5 м, толщиной не более 5 см (рис. 115).

На рис. 104, 105 и 115 показан разрез погребения в южной стенке участка 1. Центр его (или край?) должен быть по обе стороны полотна рулетки, в профиле видны белые точки кальцинированных костей (рис. 115).

¹ Погребение выделялось на фоне слоя участка 1 раскопа V, где разрозненных костей почти не встречалось. Возможно, если бы оно было обнаружено после погребений 1 и 4, его бы посчитали периферией других скоплений.

Строго говоря, его стратиграфию нельзя описать – это некая «размытость» слоев, без четкой структуры, с явно нарушенной границей² между слоем кремации и коричневым аллювием.

Антропологический анализ не проводился.

Количество находок (рис. 116) в нем также крайне невелико и сходно с описанными выше погребениями 1 и 4: слитки синего, желтого стекла, зеленая бисерина, язычок пряжки, полихромная бусина. Погребение, соответственно, может быть датировано также, как и предыдущие. Железный нож (рис. 34, 19) с выпуклой («округлой») спинкой, вероятно, позднедьяковский и попал в погребение случайно, из слоя.

***Погребение 6. Раскоп V,
участок 4, яма 18 (рис. 93, 117–118)***

Это небольшое скопление костей в углублении – около 10 см, размером примерно 60 × 60 см (рис. 117, 118). Вероятнее всего, это остатки от погребения, разрушенного распашкой. Антропологический анализ, проведенный Е.А. Клещенко, показал наличие трубчатых костей человека. Единственная находка – слиток металла, медного сплава обнаружена при просеивании грунта.

***Погребение 7. Раскоп V,
участок 4, кв. 235–238 (рис. 93, 117, 119)***

В ходе полевых работ объект не был определен как погребение и выделен при подготовке публикации. Это также не погребение как таковое, а его остатки, найденные между плужными бороздами. Возможно также, с погребением могла быть связана небольшая ямка № 16, хотя характер ее заполнения больше похож

² На рис. 115 это тонкая черная прослойка между верхним коричневым аллювием и серым песком самого погребения. По инерции этот слой трактовался всегда как слой грунтового могильника, но действительность сложнее: это действительно углистый слой, но он же является и погребенной почвой, открытой до начала XVII – XVII в.

на заполнение плужной борозды или дорожной колеи (рис. 117, 119). Антропологический анализ (аналитик Е.А. Клещенко) выявил фаланги пальцев, части черепа, трубчатых костей человека («без признаков старения») и кости животных.

***Погребение 8. Раскоп V,
участок 4, кв. 251, 252 (рис. 93)***

В ходе полевых работ объект не был определен как погребение и выделен при подготовке публикации. Разрозненные кости, вероятно, остатки погребения, уничтоженного распахкой и опорой ЛЭП. Кости, которые удалось определить – трубчатые, принадлежащие человеку и животному (аналитик Е.А. Клещенко).

Из таблицы 11 видно, что некоторое количество костей с участка 4 было обнаружено еще и вне определенных скоплений.

***Погребение 9. Раскоп VI,
участок 1–3 (рис. 93, 120–125)***

Это погребение, как и сопровождавшее его (или соседнее?) скопление обожженных находок 9а (рис. 126), опубликовано (*Сыроватко, Трошина, 2015; Сыроватко и др., 2014*), но антропологический анализ не проводился. Располагалось в кв. 31–32 участка 1 и, частично, на участке 3 раскопа VI. Из профиля западной стенки участка 1 (рис. 120, 123) видно, что скопление костей располагалось в центре материковой западины с очень пологими стенками и, хотя от аллювиальных отложений ядро костей было отделено слоем могильника – черного углистого песка – понижение это сохранялось и было заполнено позднее аллювием. В плане скопление было формы неправильного овала, площадью около 2 м² (рис. 120, 121). Мощность линзы костей достигала 15 см. Стратиграфия этого погребения не вполне понятна – например, неясно, являлось ли углубление под него искусственным или нет, как долго оно заполнялось

и на какой стадии могильника возникло. Но очевидно, что погребение практически не повреждено и дошло до нас в виде, близком к первоначальному.

Находки из этого погребения малочисленны и невыразительны (рис. 124). Такое встречается довольно часто, хотя на памятнике немало и погребений с большим количеством обгорелых вещей. В данном же случае найдены три слитка стекла, обгоревших так сильно, что цвет стекла распознать не удалось (рис. 124, 4, 6), три пронизи синего стекла (две из них очень плохой сохранности – рис. 124, 1, 3, 5), голубая бусина (рис. 124, 9) и обломок железного дрота (рис. 124, 12). Кроме того, среди костей найден обломок камня с залощенной гранью, возможно – оселок (рис. 124, 7). К западу от самих костей располагался развал сосуда (рис. 125). Собрать его удалось не полностью (рис. 124, 13)³, и осталось неясным, попал ли к костям сосуд изначально в целом виде. Погребение, и тем более сосуд, располагались на краю площадки могильника и часть фрагментов вполне могла переместиться вниз по склону. Диаметр доньшка около 72 мм, высота около 103 мм, плечики сосуда шире диаметра горла. Тесто красноватое, с разводами, вероятно, это результат вторичного обжига (погребальный костер?). Тесто с мелкими включениями⁴ – окатанного песка, размером частиц 1–2 мм, и мелкой дресвы, с размером частиц 2–3 мм, стенки сосуда тонкие, что сближает его с сосудами-приставками из раскопов 2002, 2003 гг.

***Скопление находок 9а на участке 1,
раскопа VI (рис. 93, 120, 126)***

Вместе с этим погребением нами был опубликован еще один объект, который располагался строго к северу от погребения 9, в 2 м, в кв. 65 и соседних с ним. Это скопление оплавленных находок явно погребального

³ Части этого сосуда были обнаружены много лет спустя, в 2019 г. вниз по склону холма.

⁴ Определение Н.С. Жеребцовой.

облика (рис. 126). Никаких особенностей слоя, вмещающего находки, не прослежено, все они залегали в слое черного песка, самой нижней, надматериковой его прослойке. Все эти обгоревшие находки в целом схожи с погребальным набором грунтовых кремаций, но, хотя отдельные фрагменты костей встречались среди находок, в целом это производило впечатление преднамеренно собранных с погребального костра вещей и ссыпанных отдельно. Общее количество учтенных находок из стекла составляет 69 экземпляров⁵. Из них 98% приходится на многочастные пронизи (исключения – слиток голубого прозрачного стекла, в котором можно опознать крупную бусину, и бисер желтого прозрачного стекла). Несмотря на то, что почти все находки из этого скопления подверглись воздействию огня, в силу особенностей формы не составляет труда идентифицировать их как пронизи, которые можно разделить на четыре группы:

- однослойные пронизи (встречены только в темно-синем исполнении) – 36% от общего числа стеклянных находок;

- двухслойные пронизи без металлической прокладки с покровным стеклом желтого (28%) либо белого цвета (22%);

- серебряностеклянные пронизи, то есть пронизи с металлической прокладкой (серебряной фольгой) покрытые прозрачным покровным стеклом – 9%;

- редкие на памятнике продольно-полосатые пронизи синего стекла с белыми полосками – 3% или всего 2 экземпляра.

Пронизи этого скопления имели от двух до семи частей. Многочастность в сочетании с небольшой глубиной перехватов принято считать диагностирующим признаком для VIII–IX вв.

⁵ Описание находок из стекла выполнено А.А. Трошиной (*Сыроватко, Трошина, 2015; Сыроватко и др., 2014*).

Интересны продольно-полосатые пронизи синего стекла с белыми полосками, обнаруженные на данном памятнике впервые (VIII группа, 2 подгруппа по З.А. Львовой) (рис. 126, 8, 25, 42). Такие бусы имеют многочисленные аналогии в ранних слоях Старой Ладogi, в погребениях IX в. Бирки (*Львова, 1968. С. 85, 86; Callmer J., 1977. Color plate III*), Дмитриевском могильнике (*Плетнева, 1986. С. 121, 122*), городище Княжая Гора под Демянском (*Доброва, Торопов, 2009. С. 277, 281*), поселениях Гнездово (*Френкель, 2007. С. 86, 98*), Горяне I (*Еремеев, Дзюба, 2010. С.330, 331*). Их датировка VIII–IX вв. Помимо бус в скоплении присутствовали также миниатюрная железная накладка овальной формы с заклепками (рис. 126, 4), неатрибутированные обломки железных изделий (рис. 126, 5, 12). Особняком стоят многочисленные (35 экз.) обломки изделия медного сплава (рис. 126, 43). В одном случае обломок этого предмета вплавился в тело пронизки белого стекла. Восстановить его облик не удалось – все фрагменты оплавлены, подобрать их друг к другу не представляется возможным. Вероятнее всего, это обломки двух серег со спиральным окончанием. Дата таких серег довольно широка, включает всю вторую половину I тыс. н.э. и начало X в. (*Григорьев, 2005. С. 95*). Наиболее близкие аналогии происходят из поселений бассейна Верхней Оки – Торхово, Чортово Городище (*Григорьев, 2005. С. 95*). Не исключено, что такой же или близкого типа предмет был найден В.В. Сидоровым в погребении 8 1993 года могильника Лужки Е (*Сидоров, 1993. Рис. 94*).

10а. Скопление находок 10а в квадратах 86, 87, 97 (рис. 93, 127–128)

Несколько находок сосредоточены в квадратах 86, 87, 97 (часть их отмечена на рис. 128). Это фрагмент изделия медного сплава, капли белого металла (рис. 127, 5–7), железный шлак (рис. 127, 2),

и тонкий, четырехгранного сечения железный гвоздик, вставленный в квадратную железную пластинку (рис. 127, 4). Самая яркая находка в этом скоплении – массивная железная булавка с подвижным кольцом (рис. 127, 8). В основании ее угадывались остатки орнамента в виде мелкого поперечного рифления. Возможно, часть этих находок может быть частью скопления в кв. 65–75, хотя состав этого мини-скопления отличается от основного. Подчеркнем еще раз, что это скопление находок нельзя однозначно увязывать с каким-либо погребением (а вблизи от него располагалось два). Булавка является одним из сравнительно немногочисленных предметов условно «северного» (скандинавского?) происхождения.

Назовем также вещи, располагавшиеся в радиусе 2–5 м от погребения в кв. 31, но вне каких-либо объектов, составляя некий «фон» слоя могильника. Западнее развала была найдена крупная железная пряжка с трапецевидной рамкой, которую мы подробнее рассмотрели выше, при описании пряжек позднедьяковского периода (рис. 124, 8). Ее хорошая сохранность в песчаном слое указывает, пусть и косвенно, на окалину погребального костра; в то же время, связь ее с погребением не является доказанной. Южнее скопления костей, в 2,5 м, был найден великолепной сохранности перстень с овальной выпуклой печаткой (рис. 127, 1). Точные аналогии подобрать не удалось, но салтовский контекст находки представляется самым вероятным.

***Погребение 10. Раскоп VI,
участок 2, кв. 89 (рис. 93, 128–131)***

Также неоднократно опубликовано (*Сыроватко, Трошина, 2015; Сыроватко и др., 2014*), но антропологический анализ не проводился. В отличие от описанного выше погребения 9 в кв. 31 и скопления находок в кв. 65 это погребение повреждено распашкой или колеями старой дороги (рис. 129). Первоначально в

кв. 89 была найдена гитаровидная пряжка (рис. 130, 4). Она располагалась не среди костей, а несколько выше, над ними. Но, с учетом того, что верх этого погребения, вероятно, распахан, связь этой пряжки с ним весьма вероятна. Подобные пряжки находили на памятнике и раньше, но до сих пор не удавалось связать их с каким-либо погребением или иным объектом, а датировка их довольно широка – от середины I до начала II тыс. Отметим также, что в непосредственной близости от погребения, по одной оси с ним к северу были найдены еще три ременные накладки (рис. 130, 1–3). «Разлет» этих находок совпадает с направлением плужных борозд, и не исключено, что три накладки и пряжка могли входить в один поясной набор. Очевидно, что аналогии им следует искать среди древностей салтовского круга, VIII – начало X в. Наиболее близкие по облику находки происходят из могильников ломоватовской культуры: из погребения 138 Деменковского могильника и погребения 10 Каневского (*Голдина, 1985. Табл. XII, 55*). Суммарно можно датировать эти могильники концом VII – IX в., что не противоречит нашей датировке грунтовых щуровских кремаций. К западу от скопления костей располагался развал сосуда. Эта находка, к сожалению, оказалась утраченной (точнее, украденной студентами 1 курса ГСГУ 2011 г. с камерального участка), и ни форму, ни состав формовочного теста зафиксировать не успели. Возможно, это еще один случай помещения возле костей сосуда-приставки. Упомянутая выше булавка с подвижным кольцом залегала не далее 1,5 м от этого погребения к западу.

Основное скопление костей располагалось, как уже отмечалось, ниже. Первоначально на фоне материка было расчищено пятно неправильной округлой формы размером около 120 × 130 см (рис. 128, 129). Заполнение его в плане не однородное – черное в центре и плотное, коричневое, с западной и восточной

сторон (рис. 131). Коричневое заполнение аналогично неоднократно встречавшимся на памятнике включениям подобного плотного песка в материке. Их происхождение никак пока не объяснено, но вероятнее всего, они естественного происхождения (выворотни деревьев лиственных пород?). Внутри пятна был найден также фрагмент ножевидной пластины, возможно, побывавшей в огне (рис. 130, 5)⁶ и бусина неопределимого цвета и формы. Последняя находка по глубине залегания находилась ближе всего к костям скопления. Всего в пределах этого пятна было расчищено три уровня костей. При просеивании заполнения найдена оплавленная трехчастная пронизь белого глухого (?) стекла (рис. 130, 6).

**Погребение 11. Раскоп VI, участки 4 и 7,
погребение в кв. 173–263 (рис. 93, 132–138)**

Это погребение исследовалось в течение двух сезонов, 2012–2013 гг. Восточная его часть пришлась на участок 4 раскопа VI и располагалась под самым бортом (рис. 93, 132–133); для его доисследования была выполнена прирезка (участок 7) 3 × 2 м, она примыкала к кв. 172–174 раскопа VI/2012 г. с западной стороны, и основная часть погребения, как оказалось, располагалась именно здесь (рис. 134). Погребение расчищено в шесть «уровней» на основной части (на участке 7 – рис. 134) и в один уровень на периферии, на участке 4. В этом погребении обнаружен сосуд-приставка, который первоначально приняли за урну. Он залегал с сильным наклоном, в пятне черного песка, не имевшем четкой формы (рис. 135) в верхней части, на уровне 3, а на уровне 6 приобретшем подквадратные очертания. Разрез пятна был выполнен, когда пятно оказалось почти счищенным (рис. 136). Зазор между сосудом

и материком составлял всего 4 см, дно полукруглое в сечении, заполнение – однородный черный песок. Под сосудом *in situ* была найдена спиральная проволоочная серьга (рис. 135; 138, 16). Аналогии таким серьгам мы привели выше, при описании скопления на участке 1 раскопа VI, в этом же погребении был найден первый целый экземпляр. Это первый случай из двух (второй в погребении 15), когда под сосудом был найден металлический предмет. Понимая, что отдаленные аналогии ненадежны, могу все же указать на практику «одевания» урны с костями, бытовавшую в эпоху бронзы в Саксонии, когда булавка крепила на урне некую ткань, «одежду» (реконструкция такого погребения находится в археологическом музее Саксонии в г. Кёмниц).

В сосуде найдены крупный уголек и, на глубине 15 мм от среза венчика, единственная находка из него – синяя двухчастная пронизь (рис. 138, 17).

Большая часть инвентаря обнаружена среди костей в скоплении, это бусы разной степени оплавленности, фактически слитки стекла, один экземпляр (рис. 138, 10) с отпечатками ткани, капли металла, колечко медного сплава, фрагменты железных изделий (рис. 138). Узнаваемыми находками являлись оплавленная пронизь, трехчастная, двухслойная, с желтым покрывным стеклом, (рис. 138, 26), фрагмент пластинчатого, довольно массивного браслета белого металла (рис. 138, 34) и три сплавленные вместе бисерины синего стекла (рис. 138, 33).

На восточной периферии скопления удалось расчистить обугленную деревянную плашку (это было сделано несколько ранее основного скопления костей). Верх этого, небольшого обрубка (рис. 137), был заполнен обгоревшими семенами, большая часть которых была извлечена нами *in situ*, а не с помощью флотации или просеивания. Тем не менее, объект выглядит странно – скорее, как перемещенный обломок чего-то большего, а не как самостоятельная вещь. Анализ

⁶ Отметим, что случаи обнаружения каменных орудий раннего времени известны, в частности, на могильнике Лужки Е (*Сыроватко*, 2013. С.61).

растительных остатков, проведенный Е.Ю. Лебедевой (ИА РАН), однако, показал, что «семена» оказались различными морфологическими структурами почвенных грибов (в основном репродуктивными органами, склероциями).

Антропологический анализ костей выполнен Е.А. Клещенко (ИА РАН). Состав костей, по ее мнению, указывает на взрослого человека, возможно – мужчины, кости животных в погребении также присутствуют.

**Погребение 12. Раскоп VI, участок 4,
урновое погребение в кв. 177 (рис. 93, 139–141)**

Это второе урновое погребение могильника, результаты его исследования опубликованы (Сыроватко, Трошина, Клещенко, 2013)⁷. Место находки – юго-восточная часть участка 4 раскопа VI, квадрат 177. Урна располагалась примерно в 12 м от урнового погребения 14, обнаруженного в 2009 г., ровно к западу. Она залегала в слое черного песка, на контакте с материком (рис. 139). Проследить границы какого-либо углубления не удалось, хотя в материковом песке вокруг урны читалось некое «облако» темного песка. Нельзя однозначно утверждать, что это было ямкой от урны, поскольку многие объекты на Щуровском могильнике оставляли под собой в материковом песке подобные «облака» – темно окрашенные, или же имели обрамление из белого, оподзоленного песка. Урна стояла горлом вверх, но сохранилась плохо, растрескавшись на мельчайшие осколки (рис. 139, 140). Тесто ее хрупкое, легко крошилось, и часть фрагментов так и не была восстановлена. Диаметр венчика 110 мм, диаметр дна 63 мм, высота 90 мм, плечики шире венчика. В тесте примесь дресвы. В урне обнаружено небольшое количество костей

чрезвычайно плохой сохранности. Принадлежали они, вероятно, ребенку, не исключено даже, что новорожденному⁸. Заметим, что в предыдущем урновом погребении, в 2009 г., были обнаружены кости взрослого мужчины, хотя по объему обе урны практически одинаковы (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012. С. 87). Из мелкого угля в заполнении удалось предположительно определить березу и дуб⁹.

В отличие от урнового погребения 14 в этом были находки, причем сравнительно многочисленные. Непосредственно в урне (рис. 140, 1–10) было обнаружено 10 стеклянных предметов, среди них: 7 двухслойных пронизей без металлической прокладки (во всяком случае, следов фольги не обнаружено) с покровным прозрачным стеклом желтого цвета, одна многослойная пронизь с прокладкой серебряной (?) фольги и два слитка желтого стекла. Кроме того, проанализированы находки, обнаруженные не внутри сосуда, но рядом с ним и в соседних квадратах (рис. 140, 11–17). Таковых встречено 8 экземпляров (4 – двухслойных пронизей без фольги с желтой кантарелью, две ложнозолоченные пронизи, один слиток желтого стекла и одна пронизь голубого прозрачного стекла). Таким образом, находки рядом с урной по цветовой гамме и технологии изготовления не отличаются от тех, что обнаружены внутри сосуда (за исключением голубой однослойной пронизи), что позволяет предполагать их связь с урной. Все проанализированные экземпляры (не считая слитков) технологически относятся к VIII группе по типологии З.А. Львовой (бусы, изготовленные из тянутых трубочек). Пронизи с металлической прокладкой являются самой ранней формой бус на Земляном городище (Львова, 1968. С. 84) и датируются в основном IX в.

⁷ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко, описание стеклянных изделий А.А. Трошиной, анализ технологии изготовления урны Н.С. Жеребцовой.

⁸ Стоит правда отметить, что определимых костей нет и достоверно отличить ребенка от ягненка в таком случае почти невозможно.

⁹ Определение д.г.н. А.А. Гольевой (ИГ РАН).

Согласно полевым наблюдениям, все находки тяготеют к верхней части заполнения сосуда, в то время как кости – к нижней. Если это наблюдение верно, то оно имеет свои аналогии – в двух урновых погребениях могильника Лужки Е. Углистый песок в них заполнял нижнюю часть сосудов, выше располагалось небольшое количество костей, поверх них – по три бусины (Сидоров, 2004. С. 48).

***Погребение 13. Раскоп VI, участок 4,
погребение в кв. 183 (рис. 93, 141–143)***

Погребение расположенное в кв. 183 представляло собой линзу костей (рис. 93, 141, 142) в один уровень, залегающую в нижней части черного песка или на контакте его с предматериковым подзолом. Размеры основного скопления около 70 × 50 см. Среди костей довольно много фрагментов черепов с разной степенью застарения швов, присутствуют кости конечностей¹⁰. На одном фрагменте черепа есть повреждение без следов заживления. Предварительный вывод заключается в том, что захоронен взрослый человек, возможно, с травмой головы.

Среди костей или в непосредственной близости от них, в кв. 183, 178 и 182 найдены только предметы из стекла (рис. 143): две оплавленные двухслойные пронызи (с желтым (?) покровным стеклом), синий бисер и бусины – 23 шт., включая сплавленные вместе, одна бусина черного стекла (рис. 143, 13) и слитки, вероятно, желтого прозрачного стекла.

***Скопление находок 13а. Раскоп VI,
участок 4, кв. 202–207 (рис. 93, 141, 144)***

Это один из первых объектов подобного рода, распознанный на памятнике и опубликованный (Сыроватко, Трошина, 2015; Сыроватко и др., 2014). Вероятно, его можно соотнести с описанным выше

погребением 13 но, строго говоря, ни одно из подобных скоплений не может быть достоверно соотнесено ни с одним из погребений, тем более в данном случае, поскольку в самом погребении находки довольно многочисленны.

В скоплении можно выделить две большие группы находок: капли металла 90, 92, 93, остальные в основном бусы (рис. 144, 18, 19, 34–36). Капель металла в скоплении зафиксировано не менее 53 шт. Обычной находкой для Щуровских грунтовых погребений является обломок тонкой пластины медного сплава – в скоплении их было найдено 15 шт. Часть капель металла была исследована методом растровой электронной микроскопии и подвергнуты рентген-спектральному анализу элементного состава¹¹. Из 25 просмотренных образцов, большинство (18 шт.) содержало серебро. При этом содержание серебра варьировало значительно. В большей части образцов (11 из 18 или 61%) серебра было больше меди, в остальных 7 образцах (39%) – существенно меньше. Небольшое количество образцов (4 шт.) содержали ртуть без серебра и 3 образца не имели в своем составе серебра или ртути¹², состояли из меди с некоторой примесью олова. Выявленная неоднородность по содержанию элементов может быть связана с различными источниками металла.

Отдельно опишем еще одну находку, которая была сделана в кв. 192, в пределах пласта 4. Она, в итоге, заняла промежуточное положение между ареалом плотной концентрации находок в скоплении и погребениями. Это крупный однопрорезной бубенчик,

¹¹ Эта работа была выполнена В.А. Шишковым (ИГ РАН), ее результаты опубликованы (Сыроватко и др., 2014).

¹² Наличие ртути в образцах объяснить нельзя (амальгама от зеркал?) и правильнее было бы оставить этот факт без комментариев. Однако заметим, что в погребении, извлеченном из раскопа монолитом в 2010 г. (в тексте это объекты № 25, 26), уже при расчистке его в камеральных условиях была обнаружена жидкая ртуть, каплями.

¹⁰ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко.

деформированный в огне (рис. 144, 2). Внутри него сохранилась костяная бусина, кальцинированная, форма ее в виде неправильного цилиндра (или деформирована в огне) (рис. 144, 3). Изготовлен бубенчик методом штамповки двух отдельных половинок, соединенных пайкой (?), петля выполнена из плоского дрота и вставлена в отверстие верхней половинки, по типу шплинта. Однопрорезные бубенчики известны среди салтовских древностей с IX в. (Плетнева, 1967. Рис. 36; 1981. Рис. 37. 18–21; 1996. Рис. 50). По типологии С.А. Плетневой он относится к типу 3 (Плетнева, 1989). Именно этот предмет позволил утверждать, что многочисленные «шплинты» в погребениях являются ушками от подобных бубенчиков и пуговиц (Плетнева, 1989. С. 107. Рис. 56, 57). Это чрезвычайно важное обстоятельство – оно объясняет не только сами находки, оно же указывает на вообще большое количество пуговиц на одежде погребенных и объясняет отчасти малое число литых экземпляров в тех же погребениях, типа 1 по С.А. Плетневой.

Полных аналогий этому бубенчику в целом виде на Щурово и соседних с ним памятниках – нет. Вероятно, они просто не «переживают» погребальный костер; однако похожие типы бубенчиков, собранных из горизонтальных половинок, а также колокольчиков, на окских могильниках с кремациями присутствуют. Первым был найден экземпляр в кремации на могильнике Лужки «Е» В.В. Сидоровым в 1993 г. (Сыроватко и др., 2013. С. 55). Автор раскопок трактовал его именно как половинку бубенчика, от щуровского экземпляра он отличается конструкцией петли – это плоское ушко с круглым отверстием, соединение которого с корпусом осталось не выяснено (в настоящее время предмет закреплен в музейной витрине). Второй предмет, собственно колокольчик, из кремации участка 2 раскопа V 2007 г. в Щурово (погребение 4). У этого предмета был железный язычок, прикрепленный

к железному ушку, а массивные стенки были скорее литыми. Позднее бубенчики обнаруживались в других погребениях Лужков и Соколовой Пустыни 2, но все они принадлежали к другим типам – спаянным из вертикальных половинок (собственно «салтовских», по мнению А.В. Комара), и литых, щелевых и крестопрорезных (Сыроватко и др., 2015). Правда, в погребениях Лужков, наряду с литыми бубенчиками, встречаются «шплинты» (Сыроватко, 2013), но уже в Соколовой Пустыни 2 их нет – вероятно, это можно объяснить нюансами хронологии всех трех памятников.

Описываемое скопление включало в себя также 34 экземпляра стеклянных находок (рис. 144)¹³. К сожалению, более половины из них (59% или 18 шт.) дошло в состоянии слитков стекла, форму которых определить уже невозможно. В основном это слитки желтого стекла (23% от общего количества), а также голубого, синего, белого, зеленого и красного стекла. Из морфологически определимых бус 20% составляют двухслойные пронизи без металлической прокладки с покровным стеклом желтого (6 экз.) и белого цветов (1 экз.). Интерес представляют 4 экземпляра двухслойных пронизей с металлической прокладкой и голубым прозрачным покровным стеклом, впервые встреченные на памятнике с таким цветом покрытия (рис. 144, 56, 70). Также в этом скоплении отмечены 5 бисерин темно-синего стекла. Датировка данного скопления по бусинному материалу затруднена в силу плохой сохранности находок, однако, вероятно, не выходит за рамки VIII–X вв.

Еще одна важная деталь – скопление углей, примыкавшее к находкам, но расположенное южнее. Отдельные пятна угля, выделявшиеся даже в таком насыщенный углем слое, раньше не привлекали особого внимания – похожие пятна угля, например, окружали урновое погребение 2009 г. (Сыроватко, Клещенко,

¹³ Их анализ сделан А.А. Трошиной.

Добровольская, 2012. С. 87). В некоторых погребениях угля довольно много, в некоторых его почти нет. Видимо, нельзя исключить, что не только находки, но угли в ряде случаев могли отделяться от костей.

На рис. 145 представлена еще одна группа находок – те, что найдены на отдалении от погребений и скопления 13а либо обнаружены просеиванием, без привязки к месту. Это те же слитки стекла, синий бисер и одна литая пуговица, (рис. 145, 16). В целом все они могут быть частью любого из этих объектов – погребений 12, 13, скоплений находок 13а и 15а.

***Погребение 14. Раскоп II, участок II,
урновое погребение (рис. 93, 146–147)***

Одно из двух урновых погребений могильника, опубликовано (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012). Обнаружено оно в 2009 г. на участке II раскопа II, в пятне углистого песка (вероятно, в небольшой ямке, от которой удалось проследить только ЮВ край), на контакте с материком (рис. 146). Сосуд стоял с наклоном и, вероятно, чудом избежал повреждений от распахки. Вмещавший его слой не потревожен, но в силу специфики памятника, сложенного рыхлым песком, не удалось проследить границы пятна в выше лежащих горизонтах. По форме это сильно профилированный, тонкостенный сосуд (рис. 147), с нечеткими насечками по краю венчика (отпечаток веревочки?), высотой 10 см и диаметром по венчику 1 см (по плечу чуть больше – 12,8 см). Толщина стенок составляет в среднем 5–8 мм. Сосуд имеет яркую деталь – выступы-шипы по плечу, всего 6, с одинаковым интервалом. Аналогии такой детали нам неизвестны. Только на Лысогорском могильнике в «доборшевском» слое известен сосуд (не опубликован) с наклепными шишечками (Винников, 1984. С. 49), однако, А.З. Винников подчеркивал чужеродность этой детали славянской среде и более ранний, «доборшевский», возраст этой

находки (Винников, 1995. С. 108)¹⁴. Похожие детали известны для салтово-маяцкой посуды, правда, больше в северокавказском регионе (Плетнева, 1981. Рис. 46, 2; Ковалевская, 1981. С. 86. Рис. 63); хазарская керамика также вполне могла выступить объектом для подражания. Внешне сосуд обнаруживает наибольшие аналогии с посудой роменско-боршевского круга. В качестве примера можно привести сосуд-вместилище клада 1969 г. Супрутского городища (Изюмова, 2002. Рис. 1). В тесте урны, насколько это удалось понять (урна не имеет повреждений, поверхность ее хорошо заглажена), присутствует дресва, но не исключены либо шмот, либо, что более вероятно, непромешанная глина.

Кости не полностью заполняли и без того небольшой сосуд¹⁵. Первые кости в урне встретились на глубине 4,5 см от венчика, плотное скопление костей начиналось от 6,5 см от венчика и до дна. Фрагменты кремированных костных останков урнового погребения серого цвета, размером до 5–7 см., общим весом 47,5 г. Согласно сводной таблице цветности кремированных останков Уолкера–Миллера, температура сжигания тела примерно равна 450–750 °C (Walker, Miller, 2005), что характерно для обряда трупосожжения на открытом воздухе без применения дополнительных катализаторов горения (жиров, смол). Общий вид и состояние останков говорит также о том, что сжигание тела происходило с наличием на костях мягких тканей.

Определяемыми фрагментами костной ткани стали фрагменты бедренной, пястной, тазовой, плюсневой костей, фрагмент затылочной, а также фрагменты длинных трубчатых костей. В урне находились останки одного индивида, мужчины 25–40 лет. Это малая часть

¹⁴ Выражаю признательность коллеге Д.В. Акимову (ВГУ), затратившему немало усилий, что бы найти этот фрагмент. К сожалению, попытка не удалась.

¹⁵ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко и М.В. Добровольской (ИА РАН)

останков, что дает основания предполагать символический характер погребения.

На одном фрагменте стенки крупной трубчатой кости (предположительно – бедро) были обнаружены следы преднамеренного разрушения (разруб?), произведенного до сжигания тела. Возможно, это – след травмы.

Радиоуглеродные даты по вмещавшему урну слою ГИН 14144 (1760 ± 20 л.н., или 241–260 и 283–323 гг. н.э.¹⁶) и Ki 16219 (2070 ± 40 л.н., или 163–130 и 119–42 гг. до н.э.), сделаны по одному образцу, хотя и не совпали между собой, однозначно указали на дьяковское время. На памятнике пока не удалось обнаружить дьяковскую керамику и находки, которые соответствовали бы киевской дате, в то время как сетчатая керамика первых веков н.э. и отдельные находки этого периода на памятнике присутствуют. Из второго углистого пятна, соседнего с урной, получена дата ГИН 14145 (940 ± 30 л.н., или 1034–1052, 1080–1128, 1132–1153 гг.). Наши сомнения в датировках и возможные объяснения приведены в первой публикации (*Сыроватко, Клещенко, Добровольская*, 2012).

Погребение 15. Раскоп VI, участок 16 (рис. 93, 148–157)

Погребение располагалось под самым южным краем участка, в кв. 615–616 (рис. 93, 148, 149), результаты его исследования опубликованы (*Сыроватко и др.*, 2015в). В этом погребении кости лежали столь плотно, что расчистка их по уровням была, фактически невозможна. Погребение разбиралось без промежуточной фиксации, с регистрацией и снятием костей по мере расчистки (рис. 150, 151).

В верхней части погребение было менее плотным и сравнительно широким, полностью занимая кв. 615 и частично прилегавшие – 614, 616, 607–609 (рис. 148,

149). На средних и нижних уровнях все кости лежали очень компактным и плотным скоплением на стыке кв. 615–616 у их северных краев (рис. 151). До уровня 2 кости расчищались по всей площади. Ядро скопления, после того, как было обозначено, было исследовано разрезом (путем последовательного разбора северной и южной половин). В разрезе погребение имело вид впущенного в материк объекта, с сужающимися стенками и округлым дном. Вмещающий кости слой – черный углистый песок. Из приведенных на рис. 152–154 3-Д моделях, выполненных тахеометром, хорошо заметно, что верхняя часть скопления «сползла» вниз по склону, при этом ядро погребения осталось нетронутым (особенно хорошо это видно на рис. 154).

В погребальный набор (рис. 157) вошли: слитки стекла бесцветного, темно-синего, желтого глухого, голубого, зеленого цветов (19 экз., в трех случаях отмечено припекание костей к стеклу), большая их часть представлена на рисунке (рис. 157, 1–2, 7–8, 11–23); железный язычок от пряжки (рис. 157, 3); фрагмент дрота медного сплава), свернутый в неправильной формы кольцо (рис. 157, 10); отрезок дрота медного сплава (рис. 157, 9); капля металла (рис. 157, 17). Еще несколько находок могут быть связаны с этим погребением, они найдены в раскопе 2013 г.: синяя бисерина, «шплинт» и обломок ножа (рис. 157, 24–26).

Общий вес фрагментов костей из погребения – 4087,74 г¹⁷. Средний размер фрагментов колеблется от 1,5 до 2,5 см. Фрагменты преимущественно светло-серого цвета. Подобная цветность фрагментов указывает на то, что процесс сжигания тела проходил на открытом воздухе, а температура погребального костра достигала 750 °С. Большая часть костных фрагментов относится к категории «неопределимые», т.е. по ним невозможно дать видовые и половозрастные характеристики. По незначительному количеству определимых

¹⁶ Для этой и следующих дат: калибровано Calib вер. 501, значения 1σ

¹⁷ Антропологический анализ выполнен Н.Г. Свириной.

костных фрагментов удалось выявить фрагменты минимум двух человек (взрослого и ребенка) и нескольких видов животных. Фрагменты черепа (черепов?) с закрытым и открытым швом, фрагмент нижней челюсти ребенка, фрагменты метаподий, хвостового отдела позвоночника, фрагменты ребер МРС, фрагменты позвонков, зуба, метаподии, костей верхнего пояса конечностей, предположительно принадлежащие свинье, фрагменты позвонков и трубчатых костей крупного копытного животного.

Подобно многим погребениям могильника это сопровождалось сосудом-приставкой, располагавшимся в некотором отдалении, в кв. 610 (рис. 156). В отличие от остальных, данный сосуд располагался вверх дном, и распашка вместе с почвенными процессами сильно повредила дно (рис. 155, 156) – хотя формально все фрагменты наличествовали, именно у дна они были превращены в шамот, не поддающийся склейке. При расчистке развала был выполнен разрез пятна слоя под ним (рис. 155). Разрез не выявил следов ямы, зазор из темного слоя между ним и материком можно трактовать и как протекли органики в песок. Вопрос о том, существовала ли небольшая ямка, в которую сосуд мог быть установлен, остается открытым. Сосуд имел покатые плечики и слегка отогнутый венчик, диаметр которого меньше максимального расширения тулова. Его можно сопоставить с урной погребения 12 2012 г. и сосудом-приставкой с участка 5, из траншеи 2010 г. (сосуд из этой траншеи располагался почти у подножья склона с западной стороны, контекст его неясен. Он показан на рис. 159). Состав теста этого экземпляра сложный, с примесью дресвы, шамота и органики¹⁸. Под сосудом была найдена металлическая петля – звено цепочки (?) (рис. 157, 6). Выше, при описании погребения 11 мы упоминали возможность использования этого предмета в качестве закладки для ткани, которой мог быть обернут сосуд.

¹⁸ Анализ выполнен Н.С. Жеребцовой.

Скопление «кремированных» находок 15а на участке 16 (рис. 93, 148, 158)

Объект исследован в 2014–2015 гг. и предварительные результаты этого исследования опубликованы (*Сыроватко и др.*, 2015в). Часть скопления располагалась под бровкой, разделявшей участки 15 и 16 2014 г. Основное скопление располагалось в кв. 576, частично в 577, заходя также в кв. 583–584. При разборе объекта было обнаружено: капель металла – 6 шт., слитков стекла 16 экз. – голубого, зелено-голубого, желтого, зеленого, желтого непрозрачного + темно-синего, бесцветного и неопределенного; два фрагмента изделий медного сплава (в одном случае это фрагмент дрота). Довольно многочисленны морфологически опознаваемые изделия из стекла: бисер зеленого стекла (2 шт.), голубого (2 шт.), желтого (2 шт.), бусины голубого непрозрачного стекла (3 шт.), зонная бусина голубого непрозрачного стекла (рис. 158, 16), витая бусина желтого глухого стекла (фрагмент пронизи?), продольно-полосатая желто-белая бусина (рис. 158, 7). Обнаружены и две пронизки: четырехчастная желтого глухого стекла (рис. 158, 17) и оплавленная двухслойная пронизь с желтой кантарелью (рис. 158, 3).

Перечислим еще находки «погребального облика», найденные на участках 15–16, т.е. в непосредственной близости от погребения 15 и скопления находок 15а (рис. 158, 39–44): в кв. 604–605 найдены слитки темно-синего стекла (рис. 158, 42, 43), трехчастная пронизь синего стекла (рис. 158, 44), кольцо медного сплава, свернутое в 1,5 оборота из уплощенной ленты (рис. 158, 41); спиральная серьга (рис. 158, 40) в кв. 566, аналогичная экземпляру из погребения 11; в кв. 561 найдена литая пуговица салтовского типа (рис. 158, 39) и слиток голубого и желтого стекла (рис. 158, 43). С какими объектами следует связывать эти разрозненные находки, неизвестно.

**Погребение 16. Раскоп II,
участок 12, кв. 313–315 (рис. 93, 160–163)**

Это одно из первых исследованных на памятнике погребений и в отчете за 2009 г. оно описано нами как два – скопление костей без находок в кв. 313–314 и скопление находок вместе с костями в кв. 314–315, хотя отдельные находки обнаружены и в соседних квадратах (рис. 93). В настоящее время представляется более правильным оценивать его как один объект. Он располагался на участке с сильным уклоном к западу и из-за неравномерной толщины аллювия над ним обнаруживал себя частями. То обстоятельство, что находки концентрировались несколько в стороне от основного скопления костей, во-первых, может быть еще одним проявлением обычая помещать их отдельно от костей; кроме того, это может быть всего лишь результатом постпогребальной археологизации погребения, результатом «сползания» части костей вниз по склону, например, в результате разрушения урны из органического материала.

Погребение представляло собой тонкую линзу костей и оплавленных бус, угля; без четких границ – если говорить об объекте в целом, поскольку отдельные границы для костей или находок все же читались (рис. 161, 162). Насколько они объективны – нам не известно. Ямки под костями не прослежено. Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко и по результатам этой работы следует, что кости человека в нем достоверно присутствуют, наряду с костями животных. Пол и возраст погребенного (или нескольких?) определить не удалось. Находки из погребения – слитки стекла и оплавленные бусы (рис. 163) синего, голубого и зеленого цветов, один экземпляр полихромной (рис. 163, 50) бусины найден в некотором отрыве от скопления костей. По специфическим окислам можно также предположить в составе слитков желтое прозрачное стекло. Формы бус – четырнадцатигранные, шаровидные и

бисер. Упомянем также предмет, найденный примерно в 1 м южнее основного скопления – это серьга, в виде грузика на стержне, обвитом плоским дротом. Такой стиль украшений в мордовских древностях распространен в течение длительного времени (*Вихляев и др.*, 2008. Рис. 5), однако салтовская эпоха для находки в качестве датировки весьма вероятна. Что касается квадратной подвески (рис. 163, 52), то она описана выше как вещь, возможно, позднедьяковского времени. Но принадлежность ее к погребению нельзя исключить, тем более, что это явная переделка из обломка другого украшения (браслета?). Предмет (рис. 163, 42) первоначально был определен как пуговица с продетым в ушко обломком кольца. Однако после обнаружения серег салтовского типа в погребениях 34 и 46 нельзя исключить, что и этот предмет является серьгой.

По углю из скопления в кв. 314–315 получена дата 1290 ± 70 л.н. (образец ГИН 14143). Калиброванный возраст в основном приходится на VIII в. (656–780 гг., 793–803 гг.) что, конечно, выглядит несколько «древнее ожидаемого». Вместе с тем, очевидно, что сопровождающий погребение уголь дает не самую надежную дату, это возраст дров погребального костра.

Применительно ко всем погребениям с участка 22 раскопа II (рис. 164), исследованного в 2011 г., следует сказать, что трактовка этих многочисленных скоплений как отдельных погребений уже тогда, в ходе исследования, вызывала некоторые сомнения. Эти сомнения совершенно справедливы и сейчас. Участок 22, как нетрудно заметить из планов на рис. 1, 2 и 93, представляет собой вершину гребня «верхней» площадки, и уже оба края этого, узкого, раскопа, имели уклоны к западу и востоку (см. также рис. 164). Неровная поверхность материка, тонкий почвенный слой над погребениями (часто менее 10 см), высокая нарушенность этих объектов стали причинами того, что все они открывались не одновременно, а с интервалами и, как казалось

в ходе работ, на разных уровнях. В действительности же 10 формально выделенных скоплений костей и одно скопление обгоревших находок образуют всего три группы, которые могут и составлять три погребения. Вопрос о количестве погребений на этом участке по-прежнему открыт, хотя, исходя из опыта работы на могильнике, можно утверждать, что погребениям все же свойственна некоторая удаленность друг от друга, хотя бы на два метра.

***Группа погребений в южной части участка 22
2011 г. (рис. 93)***

Из плана на рис. 93 нетрудно заметить, что эта группа, из пяти скоплений костей и одного скопления находок, примыкает вплотную с востока к описанным выше погребению 16, с участка 12 2009 г., и количество этих погребений – одно или два – также осталось до конца невыясненным. Это был один из самых сложных в работе участков памятника, до предела насыщенный погребениями.

***Погребение 17 в кв. 792–793
(рис. 93, 165–166, 168 Б)***

Самое крупное в группе. В отличие от большинства скоплений костей у этого вмещающим слоем был коричневый «верхний слой», а не черный песок, как обычно (рис. 165). Первый уровень представлен очень мелкими косточками, рассеянными на очень большой площади, с большими интервалами. Сравнительно компактным скопление стало только на уровне 2 – вытянутое пятно костей, компактной полосой вдоль восточного края кв. 791–793 (рис. 167). Среди костей найден стреляный капсюль «Центробой» от латунной охотничьей гильзы, капсюли и мелкую дробь находили в этом скоплении и в нижних слоях вплоть до материка – складывалось ощущение, что прямо на памятнике кто-то занимался перезарядкой патронов.

Всего расчищено пять уровней¹⁹. На уровне 3 определены стенки трубчатых костей, кости стопы животного и фрагменты костей хвоста (?); на уровне 4 зафиксированы в основном неопределимые фрагменты, а также трубчатые кости человека и кости животного. При зачистке материка в кв. 792 найден слиток стекла – спекшиеся бусины желтого и белого цветов, (рис. 168, А).

Погребение 18 в кв. 810 (рис. 93, 166–171)

Это значительно более мощное образование, всего расчищено 8 условных уровней костей, правда, нам осталось неясно, можно ли трактовать нижние уровни этого погребения как первоначальное «ядро». Самые мелкие, хотя и многочисленные, осколки костей, располагались в верхних уровнях, ниже они несколько крупнее (рис. 169). Находки в погребении в основном представлены плитками желтого стекла, оплавленными проливами (желтой и белой), а также каплями металла и обломками железных изделий, в одном из которых угадывается язычок пряжки (рис. 168, 5). На уровне 3 среди костей²⁰ удалось определить фаланги пальцев взрослого человека (мужчины?) и кости животного. Любопытно, что на периферии скопления костей на этом же уровне найдена монета – 2 копейки советской чеканки (рис. 170). Это говорит о высокой степени поврежденности самих погребений, фактически мы имеем дело с их остатками. На уровне 4 (рис. 169) среди костей выделены фрагменты трубчатых костей человека, хотя преобладают среди определенных кости животного. Из костей уровня 5 в раскопе удалось определить фрагменты костей стопы, позвонка человека, фрагмент эпифизной части плечевой кости (не приросший), фрагменты ребра (взрослого человека?), части эпифиза берцовой кости, части

¹⁹ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко.

²⁰ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко.

черепа, фрагменты трубчатых костей конечностей. На уровне 6 определены многочисленные фрагменты трубчатых костей человека, фрагменты суставов. Костей животного среди определимых меньше, чем на уровне 5. На уровне 8 все определимые кости принадлежали животному.

Погребение 19 в кв. 808 (рис. 93, 172–174)

Всего расчищено 4 уровня костей. На уровне 1 среди костей²¹ не удалось выделить человеческих, присутствуют ребра животного, части конечностей, хвост (?) и неопределенные. Первой находкой в погребении стал железный нож с обломанным острием (рис. 174, 1). Характерной чертой ножа стала прямая спинка, без уступа у черешка. Помимо ножа в верхних уровнях найдены железная скоба (рис. 174, 2), из квадратного в сечении дрота и сплавленные вместе бисерины белого и желтого стекла (рис. 174, 3), несколько ниже – капли металла и слиток белого глухого стекла (рис. 174). На уровне 2 (рис. 173) удалось определить трубчатые кости (человек?), фрагмент черепа, эпифиз и трубчатые кости без видовой принадлежности. Отметим также, что квадрат 808 являлся просто центром этого скопления, но и в квадрате 809 кости также выявлены. Определены трубчатые, без видовой принадлежности, и части хвоста (?).

Погребение 20 в кв. 773 (рис. 93, 175–177)

Это небольшое – по количеству костей – скопление, расчищено в 4 уровня, но его принципиальное отличие от большинства других заключалось в том, что оно помещалось в ямке, оконтурили которую, впрочем, не сразу. В верхней части слоя вблизи скопления найдена пронизь (рис. 177, 2), связь которой с объектом не исключена. На уровне 2 скопление представляло собой округлое в плане пятно из смеси серого и

светло-серого песка, диаметром около 60 см, в СВ части кв. 773, на стыке с 774 и 791 (рис. 176). Разрез выявил неровное дно, отсутствие четкой границы с материком и отсутствие в нижней части слоя костей. Из находок с этого уровня – сплавленные вместе бусины голубого глухого и желтого стекла (рис. 177, 3) и слиток стекла (рис. 177, 4). На уровне 3 среди костей²² определены коленная чашечка, фрагменты трубчатых костей ребенка (?) и человека в целом, суставная поверхность и фрагменты черепа. На уровне 4 костей совсем немного – тонкие трубчатые кости ребенка (?) и фрагмент глазницы либо тазовой кости, также детской. Среди костей, помимо фрагментов керамики, слиток голубого стекла (рис. 177, 5) и белого (рис. 177, 1).

Погребение 21 в кв. 790 (рис. 93, 178–179)

Расчищен всего один уровень костей, это совсем тонкая линза, хотя еще часть костей была зафиксирована выше, когда погребения еще не были оконтурены, так что фактически уровней 2. Все кости сосредоточены только в северо-западной части квадрата, находок среди них не было. Вмещающий слой коричневого цвета, что, как отмечалось выше, в целом не характерно для скоплений и является косвенным признаком перетолженности слоя. На пласту 4 на этом квадрате найдена пронизь темно-синего стекла (рис. 168, 29), но в отрыве от скопления костей. Возможно, ее уместнее рассмотреть в контексте скопления находок, располагавшихся южнее.

Скопление находок 21а в кв. 789–790 (рис. 93, 168, 178)

Опубликовано (Сыроватко и др., 2014). В данном скоплении обнаружено 19 стеклянных изделий (рис. 168, В)²³. Половина (10 шт.) – темно-синего

²¹ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко.

²² Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко.

²³ Описание находок из стекла выполнено А.А. Трошиной.

прозрачного стекла, 4 – бесцветного прозрачного стекла и одна золотостеклянная пронизь с бесцветным покровным стеклом (рис. 168, 12). Еще одна бусина имеет покровное стекло желтого цвета (рис. 168, 23). Также в скоплении имелись три слитка стекла, неопределимой формы. Все бусы изготовлены из тянутой трубочки (VIII группа по З.А. Львовой) и представляют собой многочастные пронизы и бисер. Этот довольно невыразительный набор бусинных находок сложно датировать узко, однако он вполне укладывается в интервал конца VIII – начала X в. Помимо стеклянных находок в скоплении присутствовали четыре капли цветного металла (рис. 168, 16, 24), (состав не определен) и три фрагмента биконического пряслища, из которого удалось склеить почти целый экземпляр. Однако форма этого предмета – биконическая с отверстием большого диаметра – указывает скорее на позднедьяковскую эпоху, т.е. на период селища, предшествовавшего могильникам.

Под скоплением находок была впоследствии открыта яма – аморфное пятно, без четких границ стен. В виду невозможности проследить контуры объекта, очертания которого менялись по ходу расчистки, его попытались выбрать по заполнению. Скорее всего, она природного происхождения (выворотень?).

Итак, группа погребений 17–21 могла в действительности являться одним объектом. Отметим, что в погребении явно присутствуют минимум два индивида – взрослый мужчина (кв. 810) и ребенок (кв. 773). Наличие ямки с темным заполнением и небольшим количеством костей вблизи крупного скопления костей имеет аналогии, правда, на значительно более позднем памятнике – на могильнике Кременье.

Далее приведем описание еще двух скоплений, которые, будучи определенными как разные объекты в полевой документации, в действительности могут являться одним.

Группа погребений в центральной части участка 22 2011 г.

Погребение 22 в кв. 796–797 (рис. 93, 180–183)

Это скопление костей очень плотное и компактное, один из примеров так называемого «ядра». Оно было оконтурено на фоне материка (рис. 180, 181), хотя явного углубления под ним не замечено. Заполнение среди костей – темно серый углистый песок. Уже на уровне 1 сделана находка – сломанный железный предмет (рис. 182, 1) в виде скобы из четырехгранного дрота (переменного, квадратного и ромбического, сечения), один конец которого обломан, а второй свернут в петлю (рыболовный крючок?)²⁴. Найдены также оплавленные бусины синего, желтого и голубого стекла (рис. 182, 2), голубого стекла (рис. 182, 3). На уровне 2 определены кости животного и человека²⁵, в т.ч. трубчатые и части черепа. Кости человека и животного определены и в уровне 3, для черепа, предположительно человека, отмечены не сросшиеся швы. На уровне 4 определены фрагменты сустава колена, части черепа, фаланги, части ребра, плюсневой кости, видовой принадлежность которых не ясна (рис. 183). На уровнях 5–7 фрагменты были особенно крупными, скопление компактное и плотное, хотя совсем небольшое по площади. В целом в скоплении преобладали кости черепа взрослого человека, но также зафиксированы кости черепа животного.

Погребение 23 в кв. 814 (рис. 93, 184)

Это компактное скопление, кости в нем залежали сравнительно тонкой линзой в пятне серо-коричневого

²⁴ Если это действительно рыболовный крючок, то его вхождение в состав погребального инвентаря как минимум необычно. Теоретически он мог попасть из вмещающего кости позднедьяковского слоя, но скопление костей было очень плотным и предмет лежал в его середине.

²⁵ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко.

песка на материковом песке. Всего расчищено 3 уровня, площадь к каждому нижележащему – стремительно сокращалась. Индивидуальных находок и определимых костей в этом погребении не найдено.

***Погребение 24. Раскоп II,
участок 12, кв. 334–335 (рис. 93, 185–188)***

Объект опубликован (Сыроватко, 2011). Это одно из первых грунтовых погребений, исследованных на памятнике, в те годы, когда методика такого исследования еще не была отработана. Это первое погребение, исследованное по «уровням». Погребение не было тонкой линзой костей, скопление костей распределялось по всей толще слоя, почти из-под современного дерна (рис. 186), заполняя частично и небольшую ямку в материке. Поскольку между дном ямки и нижними костями оставался некий зазор, возможно, корректнее термин «над ямкой» (рис. 187). Когда был снят верхний слой с дерном, погребение имело вид линзы, диаметром около 1 м (рис. 186). Но разброс отдельных костей был больше, и нельзя исключить, что описанные ниже скопления костей № 25–26 могут быть частью этого объекта. Диаметр ямки составлял около 50 см, но разрезом она не исследовалась (рис. 187). Глубина ямки в материке составляла приблизительно 15 см, в темно-сером углистом песке ее контуры проследить не удалось. Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко. Большинство костей неопределимо, однако достоверно присутствуют кости человека и животного.

Погребение нельзя назвать безинвентарным, но состав находок из него слишком невыразителен (рис. 188). Помимо капель металла – медного сплава – от расплавленных украшений или деталей одежды, наиболее многочисленными являются «шпильки» (рис. 188, 1, 4, 7, 15, 16), – ушки полых пуговиц и бубенчиков. Довольно много также обломков тонких медных (бронзовых) пластин (рис. 188, 5, 6, 9, 11, 22, 23),

иногда с отверстиями, иногда с медными же заклепками. Оплавленная бусина (рис. 188, 8) обнаружена только одна – золотостеклянная.

Из погребения были отобраны образцы на ¹⁴C-датирование. Один образец был разделен на две части и проанализирован в Геологическом институте РАН и в Киеве. Дата ГИН 14144а 1160± 30 лет назад, или рубеж VIII–IX вв. Дата Ki 16217 существенно моложе – 960±50, или рубеж X–XI вв. Образец ГИН больше соответствует археологическому контексту эпохи викингов, точнее даже, салтовскому времени. Однако столь сильное расхождение датировок по одному и тому же образцу настораживает.

***Погребения 25–26. Раскоп II,
участок 13, кв. 357–358 (рис. 93, 189–194)***

Это погребение (или два?) примыкало к предыдущему с севера и стало предметом эксперимента по извлечению его в неразобранном виде монолитом. В процессе подготовки к извлечению создавалось ощущение, что скоплений было два, в кв. 358 и 359 и, соответственно, блоков-монолитов также было извлечено два (блок № 1 – кв. 358, частично 357, размеры 60 × 110 см и блок № 2 – кв. 359 и частично 358, размеры 40 × 90 см). Однако в процессе расчистки костей в самих блоках, скопления, подобного найденному в кв. 354, не было обнаружено (этапы расчистки блока № 2 показаны на рис. 191–193) и сейчас уже нельзя исключать, что монолитами из раскопа были извлечены и исследованы периферийные участки погребения в кв. 354. В блоке № 1 определимых костей не обнаружено, только мелкие осколки; в блоке № 2 присутствовали кости взрослого мужчины, некрупного животного и, предположительно, мелкого животного или ребенка (определения М.В. Добровольской). Отдельно отметим, что на контакте с материком, несколько ниже уровня костей, были обнаружены капли

ртути, присутствие которых не имеет объяснения. Единственная находка в квадрате 358 – оплавленная голубая бусина (рис. 194, 5), а в блоке 1 – фитильная трубка (рис. 194, 7). Фитильные трубки известны в погребении 40 (два фрагмента) и один обломок на участке 19 в пахотном слое.

***Погребение 27. Раскоп VI участок 5,
в кв. 245 (рис. 93, 195–198)***

В процессе работы было расчищено четыре уровня. В погребении присутствовали кости²⁶ сравнительно молодого, но взрослого человека – до 35 лет, а также кости нескольких животных (условно «мелких» и «крупных»). Погребение имело «растасканный» верх и сравнительно компактный низ (ср. рис. 196 и 197), но можно ли его отнести к скоплениям с выраженным «ядром», неясно. К востоку от основного скопления, но в непосредственной близости от него были выявлены верхние фрагменты развала сосуда-приставки (рис. 195, 198, 14). Часть фрагментов, как показали дальнейшие работы, была перекрыта костями. Развал не был похож на раздавленный грунтом сосуд, как это чаще всего бывало при погребениях – его фрагменты, хотя и располагались компактно, но, вероятно, в слой попали уже как фрагменты, а не как целый сосуд. Отметим и то, что развал этот разбросан по глубинам – его фрагменты встречались от уровня 2 до предматерикового светлого песка. По форме этот сосуд (рис. 198, 14) – неряшливо сделанный, кривой, почти идентичен урне с участка 4, погребение 12 (тесто с примесью дресвы, стенки толще, чем у урны), размеры близки урне (диаметр венчика – 12,5 см, диаметр дна – 6,9–7 см, высота – 9). В тесте присутствуют пылевидный песок, дресва и, возможно, шамот²⁷. После

снятия всех фрагментов развала на материковом песке оставалось заметным пятно темного цвета. В разрезе пятно не имело четких границ, в целом оно виделось как полукруглое в сечении, глубиной не более 15 см. Вероятно, это не остатки ямы, а, скорее, результат диффузии органики в рыхлом песчанистом слое из вышележащих горизонтов.

Находки из погребения – рамка железной пряжки прямоугольной формы (рис. 198, 1), пуговица салтовского типа (рис. 198, 3) и слитки желтого прозрачного стекла (рис. 198, 2), неопределенного цвета (рис. 198, 6), фрагмент двухчастной двухслойной пронызи с желтым покровным стеклом (рис. 198, 4), капля металла (рис. 198, 5).

К северу от скопления костей в предматериковом грязно-желтом песке был открыт еще один объект – подовальной в плане формы пятно черного углистого песка, «уходящее» в северный борт (яма 5 – рис. 195). Первоначально оно было принято за линзу основного слоя и разбиралось по заполнению. Однако в процессе расчистки резко бросились в глаза сразу два обстоятельства – сравнительно небольшое количество костей и гомогенный и очень плотный набор находок (рис. 195; 198, 7–10). Возможно, эта небольшая ямка может быть самостоятельным объектом – погребением или скоплением находок. В пределах этой линзы черного углистого песка были найдены крупные оплавленные бусины голубого прозрачного стекла (рис. 198, 7–13). Большая часть находок представляла собой несколько бусин, спеченных вместе. Этот набор размерами, цветом стекла отличался от набора из погребения.

В разрезе яма имела полукруглую форму, верхняя ее граница под аллювием имела сильный уклон, повторяющий уклон материка. Заглублен в материк этот объект был не более чем на 10 см, стенки его в

²⁶ Анализ выполнен Н.Г. Сvirкиной.

²⁷ Анализ теста выполнен Н.С. Жеребцовой; поскольку суд к этому моменту уже находился в фондах музея, был возможен

только поверхностный осмотр.

черном слое не улавливались. В заполнении был черный углистый песок, однако в средней части была заметна тонкая прослойка более светлого песка, толщиной около 7 см. Костей в яме было очень мало, находок присутствовало явно больше, но среди костей удалось определить фрагмент черепа ребенка (наблюдение полевое и сугубо предварительное).

Следует также перечислить находки участка 5 раскопа VI, обнаруженные за пределами скоплений костей, но имеющие явно «погребальное» происхождение (рис. 199): слиток стекла неопределенного цвета; слиток белого и голубого прозрачного стекла (рис. 199, 2); железная пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 199, 1); пуговица салтовского типа (рис. 199, 4); слиток белого металла (рис. 199, 3).

Опишем теперь последнюю группу из трех скоплений, которые также могли составлять единый объект:

Группа погребений в северной части участка 22 2011 г.

Погребение 28 в кв. 820 участка 22, раскопа II (рис. 93, 200–203)

Исследовалось отдельно от скопления в кв. 830, поскольку оба они, как уже говорилось выше, были выявлены в разное время и на разной глубине. Вместе с тем, линзы двух скоплений смыкались и, вероятно, могут быть одним погребением – это третье «скопление скоплений» на участке 22. На уровне 1 скопление костей полностью занимало кв. 820–821, частично выходя в кв. 830 (рис. 201, 202). Помимо неопределенных костей и многочисленных стенок трубчатых костей выделены фрагменты плечевой кости взрослого человека, эпифизной части пястной кости человека, кости животных. Человеческие кости здесь преобладают²⁸.

²⁸ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко.

На уровне 2 из костей удалось определить фрагмент диафиза берцовой кости взрослого человека (мужчины?). На уровне 3 среди костей преобладают кости животных, есть фрагменты костей черепа (человека?). На уровне 4 в основном это кости животных. Почти те же контуры скопления сохранились и на уровне 5, это уже четкое «ядро» скопления (рис. 203). На этом уровне преобладают кости животного/животных. С этого уровня был отобран образец на датирование по ¹⁴C – ГИН 14777, возраст которого 1220±30 л.н., калиброванный 729–736 гг., 772–834 гг., 835–870 гг. н.э., т.е. VIII–IX вв. Уровень 6 – отдельные осколки костей, трубчатых и сустава. В целом прослеживается тенденция нарастания доли костей животных сверху вниз и, наоборот, уменьшения доли костей человека.

Инвентарь погребения (рис. 200, А) состоит из синей и зеленой бусин, слитков стекла (желтого и голубого), железного изделия (заклепки или гвоздя) (рис. 200, 4), пластины медного сплава (рис. 200, 9). Упомянем также находки, которые могут относиться к этому скоплению костей, так как найдены на прилежащих квадратах: фрагмент медной пластины с заклепкой (рис. 200, 5) и железная рамка пряжки (рис. 200, 6), не имеющая выраженной формы и совмещающая в себе черты гитаровидных и трапецевидных железных пряжек.

Погребение 29 в кв. 830 (рис. 93, 200, 204–207)

Всего расчищено 4 уровня костей, вмещающий слой – темно-серый песок. Кости разрежены, располагались небольшими «островками» (рис. 205). На уровне 2 среди костей определены фрагменты конечностей человека. На уровне 3 (рис. 206) среди костей зафиксированы фрагменты ребра животного, фрагменты трубчатых костей (вид не определен), неопределенные кости животных. Под скоплением костей на материке сохранялось пятно культурного слоя, диаметром

около 23 м, исследованное разрезом (рис. 204, 207). Разрез (яма 50) выявил небольшую западину с неровными стенками и дном, заполненную серым песком с линзой черного песка вверху, общей глубиной около 8 см. Инвентарь погребения (рис. 200, Б) – капля цветного металла (рис. 200, 13), изделие медного сплава (рис. 200, 12) в виде пластины с приклепанными остатками скобы, оплавленная бусина (желтого стекла?) (рис. 200, 10), синяя четырнадцатигранная бусина (рис. 200, 11), фрагмент пластины медного сплава со «шплинтом» в отверстии (рис. 200, 15) и железная накладка (рис. 200, 16). Накладка была свернута в форме буквы «П», шипами внутрь, и осталось неясно, являлся ли такой заворот его изначальной формой. Бусина – голубого прозрачного стекла, четырнадцатигранная, найдена при просеивании в кв. 831, ее связь с погребением весьма вероятна (рис. 200, 14).

Погребение 30 в кв. 823 (рис. 93, 200, 208–209)

Это один из самых непонятных объектов в раскопе: как и у погребения в кв. 792, основным вмещающим слоем был плотный коричневый песок, а не черный, как обычно (рис. 209). Коричневый плотный песок на памятнике, как правило, является признаком поздних перекопов, аллювиальных отложений и прочих явлений, не связанных со слоем кремаций. Именно по этой причине – из-за нехарактерного по составу вмещающего кости слоя – обнаружение погребения стало во многом неожиданностью, разрез ямы не проводился. Далее, часть костей погребения располагалась над или в материковой ямке, заполненной таким же слоем. Эта деталь встречается также редко и исследование ямки разрезом запоздало. В то же время, характер слоя и снарядный осколок на уровне 3 в костях наводит на мысль, что мы столкнулись либо с сильно поврежденным в недавнее время погребением, либо просто с переотложенными костями. Возможно, что это

погребение также составляло в прошлом единое целое со скоплениями в квадратах 820 и 830.

Всего расчищено четыре уровня, причем уровни 1 и 2 планиграфически не совпали: на уровне 1 кости располагались на стыке квадратов 823–805, а на уровне 2 занимали стык квадратов 823, 833, 822 и, частично, 832 (рис. 93). Среди костей встречались редкие фрагменты керамики позднедьяковского (?) времени. В северо-западной части скопления определены кости кисти взрослого человека. Представлены также кости животного, фрагмент суставной поверхности и фрагменты трубчатых костей. Уровень 3 погребения уже располагался ниже материка. Среди костей определен фрагмент ребра и трубчатых костей, видовая принадлежность их неизвестна. На уровне 4 зафиксировано всего несколько осколков – в кв. 823 и 832. Зазор между этими костями и низом коричневого слоя – 10 см, т.е. кости располагались не у самого дна линзы слоя. Под коричневым слоем в материке читалась линза белого песка – подобные прослойки часто встречаются под объектами, насыщенными органикой.

Просеивание слоя из скопления костей позволило обнаружить полихромную бусину (желтого, красного, синего и зеленого стекла) (рис. 200, 24). Отметим, что скопление бисера, найденное в кв. 832 на пласте 3, (рис. 200, В) и бусина неопределенного цвета из квадрата 833 могут быть связаны с этим погребением. Скопление бисера может быть еще одним отражением странной традиции помещения находок отдельно от костей. Упомянем еще и слиток синего стекла – он найден вне скопления, но его связи с погребением также нельзя исключить (рис. 200, 26). В то же время, он склеился впоследствии с осколками стекла из кв. 820, что говорит либо о связи этих скоплений, либо о сильном разлете находок из скопления в кв. 820, либо, наконец, о том, что описываемый объект – это переотложенный материал в позднем перекопе.

**Погребение 31. Раскоп II, участок 13, кв. 398
(рис. 93, 210–212)**

Располагалось к северу от погребений 25–26, расчищено в два так называемых «уровня». Погребение представляло собой тонкую линзу костей, максимальные размеры которой составляли приблизительно 40 × 40 см. Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко, в погребении достоверно присутствовали кости человека и животных, но половозрастные определения невозможны. Непосредственно среди костей находка только одна – мельчайший осколок синего стекла (рис. 212, 1). На периферии этого пятна найдены слиток синего стекла (рис. 212, 2), мельчайший обломок изделия медного сплава (рис. 212, 4), оплавленные бусины синего и светло-синего стекла (рис. 212, 6), фрагмент синей бисерины (рис. 212, 7). Просеивание грунта из этого погребения позволило обнаружить медный «шплинт», интерпретируемый нами как ушко поллой пуговицы или бубенчика салтовского времени (рис. 212, 3). При просеивании слоя с прилегающих участков были найдены слитки синего стекла в кв. 403 (рис. 212, 9), синего и желтого стекла в кв. 404 (рис. 212, 8) и фрагмент медной пластины со «шплинтом» (рис. 212, 10) в кв. 399. Как видим, это небольшое погребение, и достоверных находок в нем немного. Видимо, это погребение могло принадлежать к числу тех, из которых находки после кремации были удалены и депонированы отдельно, в виде упоминавшихся выше «скоплений кремированных находок».

Перечислим также находки, обнаруженные в пространстве раскопа между погребениями, изъятые монолитами (погр. 25–26) и погребением 31. Это сильно оплавленные бусы – голубого и белого стекла, «шплинты» с остатками тонкостенных пластин, сильно сточенный оселок и фрагменты кольчуги (рис. 213, 1–8). Слой на этом участке раскопа поврежден колеями дороги или распашкой, связывать эти находки с каким-либо из

погребений или считать их самостоятельным объектом, осталось непонятно.

**Погребение 32 в кв. 309 участка 10, раскопа VI
(погребение «у западного борта»)
(рис. 93, 214–219)**

Это погребение, а также результаты исследований валового фосфора в нем опубликованы (*Сыроватко и др.*, 2015б; *Сыроватко, Гольева*, 2017). Центр этого скопления располагался в кв. 309, часть выходила на соседние квадраты (рис. 214, 215). Отметим, что под скоплением располагалась довольно внушительная линза слоя коричневого песка, насыщенного позднедьяковской керамикой (рис. 218). Поскольку сечение слоев имело воронкообразный вид, эта керамика почти сразу стала проявлять себя на периферии погребения и, в процессе расчистки, было совершенно неясно, с какой эпохой ее соотнести. Мысль, что под погребением располагается ранний слой, появилась почти сразу же, окрепла при обнаружении лапчатой подвески (рис. 219, 2), но доказана была только при камеральной обработке керамики. Заметим также, что некоторые объекты на «нижней» площадке, включая скопление находок в кв. 365, 397 также подстилались позднедьяковским коричневым слоем с керамикой. В данном случае совпадение погребения и небольшой ямы с позднедьяковским слоем удивительно точное. Исследование валового фосфора на этом объекте, включавшие в себя отбор проб из линзы костей и из подстилающего слоя показали, что позднедьяковский слой насыщен органикой, и можно предположить, что эта небольшая западина может быть частью жилища (*Сыроватко, Гольева*, 2017). Возможно, к моменту совершения погребения углубление еще читалось на поверхности, что и определило выбор места. Изначально облако костей выглядело как разреженное скопление очень мелких фрагментов костей,

рассеянных на площади около 4 м² (рис. 215). Однако, по мере расчистки (всего выполнено 11 уровней фиксации) было выявлено очень компактное, размерами около 15 × 15 см, скопление довольно крупных костей, лежащих с минимальным зазором (рис. 216). На нижних уровнях расчистки скопление представляло собой, фактически, «цилиндр» из костей (рис. 217). Под костями было прослежено углубление, впущенное в нижележащий, позднедьяковского времени, слой, глубиной около 5 см, но низ заполнений этой ямки костей не содержал.

Общий вес костей²⁹ из погребения составляет 2124,42 г, из них 4 фрагмента (9,24 г) – кости человека, 31 фрагмент (179,3 г) – кости животного, подавляющее большинство (1935,88 г) отнесены к категории неопределимых. Кремированные костные останки имеют светло-серый цвет, средний размер фрагментов 0,5–1,5 см, на поверхности многих фрагментов зафиксированы деформационные трещины. Все это говорит о высокой температуре горения костра – около 800 °С (Wahl, 1996, С. 339–359; Walker, Miller, 2005).

Большинство определимых фрагментов человека – стенки длинных трубчатых костей (костей конечностей). Также удалось определить фрагмент черепа человека с почти полной облитерацией шва, следами порозности (возможно вследствие возрастных изменений). Возраст погребенного – предположительно около или старше 40 лет, пол неопределим. В погребении были обнаружены фрагменты костей животного, среди которых 3 фрагмента хвостового отдела позвоночника, однако говорить о видовой принадлежности особи станет возможным только после привлечения к исследованию специалиста-палеозоолога.

Находок в скоплении костей было немного (рис. 219): пять мелких обломков тонкостенной

пластины медного сплава (рис. 219, 1, 4, 7, 10–11), орнаментированной «жемчужинами» и тисненой «елочкой» (фрагмент налобного венчика?) и слиток бесцветного стекла. Детали шумящих украшений (рис. 219, 2, б) и отщепы, скорее всего, принадлежат другим эпохам.

Отметим следующее обстоятельство: погребение было открыто и опубликовано до обнаружения следов распашки в слое «нижней» площадки. Не исключено, что разрушение верха погребения объясняется именно этим обстоятельством, хотя непосредственно возле него распашка не прослежена.

***Погребение 33. Скопление костей на участке 11
2013 г. и у западного борта участка 13 2014 г.
(рис. 93, 220–223)***

Это погребение выделено в отдельный объект, но от большинства соседних оно отличалось отсутствием четких границ. Возможно, на роль «ядра» может претендовать небольшое скопление в квадрате 512 на участке 13 (рис. 93 и 221). Погребение располагалось, фактически, на границе «верхней» и «нижней» площадок, вопрос о том, было ли оно разрушено распашкой (или чем-то другим) остался открытым, как открытым остается и вопрос о принадлежности находок с этих участков погребения. Когда проводились работы на участке 11, то создалось стойкое впечатление, что мы исследуем периферию объекта, и центр его расположен западнее, на месте участка 13. Когда была выполнена прирезка – участок 13 – то оказалось, что костей на ней совсем немного. Позднее, когда была открыта ранняя распашка, эти факты стало возможным объяснить именно ею: вероятно, разрушение погребения распашкой происходило вниз по склону, и вполне возможно, что центр некогда находился в кв. 512, в то время как большая часть шлейфа переместилась западнее, на участок 11, 2013 г. (рис. 93, 221)

²⁹ Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко и Н.Г. Свириной.

Находки, которые можно было бы связать с погребением, следующие: обломки довольно массивного пластинчатого браслета (?) медного сплава (рис. 223, 2), фрагмент изделия медного сплава (рис. 223, 21), фрагмент железного предмета (рис. 223, 1), бусины голубого стекла (рис. 223, 5, 22), продольно-полосатая бусина-«арбузик» (рис. 223, 18), семь слитков стекла синего, голубого и желтого цветов; довольно редкие пронизи голубого стекла (рис. 223, 3, 5, 7, 11, 14, 16). Примечательна почти целая спиральная серьга из кв. 378 (рис. 223, 6), аналогичная найденным на участке 6 под урной (погребение 11), в скоплении находок на участке 1 раскопа VI (погребение 9), на участке 13 (погребение 34), на участке 10 (погребение 40) и на участке 15. Заметим, что только в одном случае – скоплении находок 9а – серьги образуют пару, да и в нем они сильно разрушены и атрибутированы предположительно.

Поскольку погребение не имело четких границ и определенной формы, то немалое количество предметов с ним можно соотнести только предположительно (рис. 223, 16–27): двухслойная трехчастная пронизь с желтой кантарелью в кв. 488 (рис. 223, 17); железный гвоздик или заклепка со шляпкой в кв. 489 (рис. 223, 22); бусины IX группы по З.А. Львовой, сплавленные вместе, в кв. 494 (рис. 223, 16) и еще одна этого типа в кв. 503–508 (рис. 223, 19); пластина в кв. 519 (рис. 223, 18); «шплинт» – ушко поллой пуговицы (рис. 223, 26); слитки голубого непрозрачного стекла (рис. 223, 27) и желтого (рис. 223, 23); изделие медного сплава – овальное кольцо с завернутыми концами (рис. 223, 24). В кв. 503–508 при просеивании слоя найдена также четырехчастная пронизь синего стекла (рис. 223, 20). На рис. 224 показаны находки с этого и соседних участков, которые явно относятся к могильнику, но не могут быть соотнесены с каким-то конкретным погребением.

Погребение 34 у восточного борта участка 13 раскопа VI (рис. 93, 225–230)

Погребение опубликовано (*Сыроватко и др.*, 2015в). Оно располагалось вплотную к погребению 35, описанному ниже (рис. 93). Всего расчищено 6 так называемых уровней, но погребение не имело «ядра», а представляло собой сравнительно плоскую линзу на наклонной площадке, максимальной площадью свыше 2 м² (это хорошо иллюстрируют 3Д-модели на рис. 227–229). Находки из погребения в основном оплавлены и разрушены: капли металла (рис. 230, 6), фрагменты пластин медного сплава (рис. 230, 1), слитки стекла (рис. 230, 10 (синего), 13, 14, 19), неатрибутированные фрагменты железных изделий (рис. 230, 5, 9), обломок иглы (?) (рис. 230, 2).

Из узнаваемых вещей самыми яркими являются биметаллические пряжки с пирамидальными в сечении рамками (рис. 230): – целая (рис. 230, 16) и фрагменты (рис. 230, 8, 21), язычок (рис. 230, 24); серьга салтовского типа (рис. 230, 3), сходная с серьгой из погребения 47; трехчастные двухслойные пронизи с желтой кантарелью (рис. 230, 7, 20); пятичастная пронизь синего стекла (рис. 230, 23); бусины голубого и темно-синего стекла (рис. 230, 10, 11, 12, 22) и темно-синий бисер (рис. 230, 15, 17, 18)

Антропологический анализ костных останков не проводился.

Погребение 35. Раскоп II, участок 15, кв. 434–439, 428–438 («у западного борта») (рис. 93, 231–235)

Это погребение опубликовано, антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко при участии М.В. Добровольской (*Сыроватко, Мальцева*, 2011). Несомненно, верхняя часть погребений повреждена распашкой, одна из бусин была нами найдена прямо на поверхности раскопа, над погребением, после весенней

вспашки. Скопление костей было очень мощным, занимая площадь почти в 6 м² (рис. 93, 231, 232). Всего расчищено 8 так называемых уровней, но не встречено особо плотного скопления, так называемого «ядра», характерного для погребений с пойменного участка могильника (ср. рис. 233 и 234). Вероятно, погребение не имело заглубленной части и располагалось на плоской поверхности (древнем горизонте?) целиком.

Согласно заключению Е.А. Клещенко (*Сыроватко, Мальцева*, 2011), опирающейся на таблицу цветности кремнированных останков Уолкера–Миллера, температура сжигания тела была примерно равна 750–1000 °С (*Walker P.L., Miller K.P.*, 2005), что характерно для обряда трупосожжения на открытом воздухе с возможным применением дополнительных катализаторов горения (жиров, смол). Общий вид и состояние останков говорит также о том, что сжигание тела происходило с наличием на костях мягких тканей. Фрагменты кремнированных костных останков светло-серого цвета, средним размером около 1–2 см., общим весом 531,52 г. Важной деталью является то, что лучше всего сохранились фрагменты костей конечностей (особенно кости стопы). Определяемыми фрагментами костной ткани стали фрагменты конечностей с ярко выраженным рельефом, фрагмент позвонка без возрастных деформаций и гладкой поверхностью тела позвонка, фрагменты костей стопы (клиновидные, фрагмент кубовидной кости правой стопы, ладьевидная кость), фрагменты костей кисти, фрагменты черепа с несросшимся швом, а также фрагмент проксимальной части плечевой кости со швом от недавно приросшего эпифиза и фрагмент неприросшей суставной поверхности. Все это позволило определить пол и возраст индивида: это молодой мужчина возрастом старше 15, но моложе 20–22 лет. По мнению Е.А. Клещенко, определение возраста можно еще несколько сузить, до 18–20 лет, поскольку кости обладают рядом характерных особенностей:

– на верхней части плечевой кости есть шов от только что сросшихся фрагментов. Крайние сроки процесса зарастания этого участка кости – 15–22 лет, то есть в 15 лет он никак не мог зарости;

– фрагменты костей конечностей имеют ярко выраженный рельеф, характерный для уже сформировавшегося мужского тела с достаточной мышечной массой. Тело 15–16-летнего юноши еще не обладает подобной мышечной массой, что существенно затрудняет определение пола по костям даже при ингумациях;

– фрагмент неприросшей суставной поверхности не определим, но можно сказать, что к 22 годам такого быть не может, все швы срастаются, за исключением черепа.

Также стоит отметить, что в погребении помимо человеческих костных останков находились фрагменты кальцинированных костей животного. Почти все они подверглись термической деформации при наличии на костях мягких тканей. Но, вместе с тем, есть фрагменты костей животных без характерных деформационных трещин, что говорит о том, что они попали в костер без мягких тканей или уже прошедшие термическую обработку (пища??).

Погребальный инвентарь представлен примерно 130 находками, большая часть которых оплавленные до неузнаваемости бусы и изделия из цветных металлов (рис. 235). Сравнительно целые бусины представлены в основном четырнадцатигранными (рис. 235, 5, 11) синего и голубого цветов, а также синим и желтым рубленным бисером (рис. 235, 38, 45, 49). Ранее нами отмечалось, что, в силу невыясненных пока обстоятельств, погребения в северной части могильника, к которому относится и погребение 35, обладают более простыми, по сравнению с погребениями на вершине холма, наборами ожерелий (*Сыроватко, Трошина*, 2010). Помимо находок из стекла отметим также несколько фрагментов бронзовой цепочки (рис. 235, 2, 25, 107) и отдельные восьмиобразные звенья от нее же, грушевидную

литуую пуговицу, ушки – «шплинты» (рис. 235, 9, 17, 90, 101, 103, 131, 132, 135, 136, 143) от полых пуговиц или бубенчиков типа 3 по С.А. Плетневой и железную очковидную подвеску (рис. 235, 1). Подобные пуговицы есть в комплексах Супрутского городища, и отнесены М.А. Воронцовой к вещам салтовского круга (Воронцова, 2002. С. 111), датировка их укладывается в IX – первую половину X в.; известна такая находка в одной из кремаций Лужковского могильника (раскопки В.В. Сидорова). Железная подвеска, типа VIII по И.Г. Розенфельдт (1982. С. 31. Рис 5, 23, 24), имеет множество аналогий, которые датируются интервалом VII–IX вв. И.В. Исланова категорически отвергла такую датировку, указав на значительно более широкие хронологический диапазон и территорию распространения (Исланова, 2008. С. 20, 21). В «дьяковской» среде есть и железные фибулы подобной формы (Исланова, 2008. Рис. 61, 13; Кренке, 1987. Рис. 88, 97; Смирнов, 1974. С. 47), однако даты, обоснованные К.А. Смирновым и Н.А. Кренке – от IV–III вв. до н.э. до последней четверти I тыс. до н.э. радикально расходятся с контекстом погребения. Отметим также, что использование таких подвесок и фибул различно, но наиболее близкие по пропорциям аналогии представлены в Историческом музее г. Хельсинки (Луистари, Ёра, погребение 56), где пара таких железных подвесок украшает тыльную часть (или темляк?) рукояти ножа, найденного в женском погребении. Датировка его – «после 1018 г.», что несколько позже, чем предлагаемая нами дата могильника. А.Е. Леонтьев подобный предмет именует «подвеской к рукояти плети» (Леонтьев, 1996. Рис. 40, 18).

**Погребение 36. Раскоп II, участок 15,
кв. 451–452 («у южного борта»)
(рис. 93, 210, 231, 236–238)**

Погребение имело вид вытянутого скопления, по линии С–Ю, размер скопления примерно 120 × 60 см,

причем основной центр приходился на центр кв. 451 (рис. 93, 210). Это очень тонкая линза, расчищенная в два приема (рис. 236, 237). Обрамляющий и вмещающий кости слой – темно-серый песок. На периферии скопления найдены бисерина синего стекла, слегка оплавленная (рис. 238, 1), а среди костей отщеп (рис. 238, 2). Последняя находка с погребением, вряд ли связана³⁰. На фоне соседних погребений это самое небольшое. Чем определяется такая разница в объемах костей у разных погребений – непонятно, не исключено, что мы имеем дело с некими не фиксируемыми постпогребальными утратами на объектах.

**Погребение 37. Раскоп II, участок 15,
кв. 462–467 («у восточного борта»)
(рис. 93, 231, 239–242)**

У этого погребения не было заглубленной части, все кости располагались на плоскости (древней поверхности?). В плане линза костей бесформенна, максимальные размеры, по уровню 1 составляют приблизительно 120 × 130 см (рис. 239–241). Всего расчищено 5 уровней, максимальный перепад глубин между костями верхнего уровня и нижнего был менее 10 см. Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко, в погребении выявлены кости животных и человека, мужчины (?) 30–40 лет. Находки в основном поврежденные огнем бусы и изделия цветного металла (рис. 242). Опознаваемы синие бусы, многочастные пронизи желтого, синего цветов, кольчужное колечко (?), «шплинты» – ушки полых пуговиц.

³⁰ Хотя примеры кремневых орудий и отщепов в кремациях множатся: помимо многократно упоминавшихся Лужков Е и не-который погребений Шурово, последний пример – погребение 3 могильника Кременье.

***Погребение 38. Раскоп II, участок 15, кв. 445–450
(«у северного борта») (рис. 93, 243–247)***

На верхнем уровне имело вид округлого скопления костей, диаметром около 60 см, в слое коричневого песка (рис. 243, 244). В отличие от большинства других погребений это находилось в некоем углублении, в ямке; кроме того, вмещающий кости слой представлял собой коричневый, довольно плотный, песок, а обычный в таких случаях черный углистый песок был прослежен только в центре скопления, у самого дна. Всего расчищено 12 уровней, кроме того, скопление исследовалось вертикальным разрезом (рис. 245). Отметим, что кости из этого погребения виделись как более крупные и крепкие, хотя скопление было более разреженным, в отличие от плотных скоплений у 3 и В бортов, описанных ранее. Отметим одно важное обстоятельство – многие кости располагались в слое вертикально, на ребре.

Разрез по линии А–А₁ выявил следующую картину (рис. 243, 245): линза костей в сечении имела вид полукольца, коричневый плотный песок подстилал и перекрывал ее. В верхней части скопления найдены синяя оплавленная бусина, возможно, четырнадцатигранная (рис. 247, 5), слитки стекла (рис. 247, 3, 4, 6) – голубого, прозрачного (бесцветного?) и желтого, пронизь из крученого медного дрота (рис. 247, 1), капля металла (рис. 247, 2). Единственная находка в середине заполнения, с так называемого «уровня 5» – еще одна капля белого металла (рис. 247, 7).

В процессе расчистки погребения мы обращали внимание на «преобладание костей черепа в верхних уровнях». Возможно, в первые годы исследования таких погребений, мы были увлечены идеей некоей особой последовательности помещения костей человека, животных, углей, или отдельных частей скелета в могилу. Эти наблюдения не были подтверждены. Антропологический анализ костей выполнен

Е.А. Клещенко. В погребении, как обычно, преобладали кости животного (или животных), возможен также ребенок. Кости человека принадлежали взрослому, 20–40 лет, возможно, мужчине.

Погребение у северного борта одно из самых непонятных по конструкции. Судя по характеру залегания костей, такое необычное их расположение может объясняться либо их ссыпанием на склон ямки, впущенной в коричневый слой, или ссыпанием в емкость из органического материала, помещенную затем в ямку, либо проседанием некоей полости (ямки с перекрытием), поверх которой кости изначально располагались. Как это могло выглядеть на практике, совершенно непонятно.

Были зафиксированы находки явно «погребального» облика, найденные на участке 15 в отрыве от описанных выше объектов, но очевидно имеющие отношение хотя бы к каким-то из них. Это синие, голубые и желтые оплавленные бусы и слитки стекла (рис. 248, 1, 3, 5–9), капля металла (рис. 248, 4) и фрагмент «шплинта» (рис. 248, 2).

***Погребение 39 «у восточного борта»
участка 10 раскопа VI (рис. 93, 249–254)***

Основная его часть концентрировалась в кв. 340–341, 349–350, т.е. в тех квадратах, которые примыкали к участку 20 раскопа II/2011 г. (рис. 93, 249). Вероятно, часть костей с участка 20 может быть шлейфом именно этого погребения, хотя вопрос об их принадлежности не решен. По типу скопления погребение можно, вероятно, отнести к имеющим «ядро», хотя выраженной ямки не прослежено (рис. 250–253).

Находки из погребения в основном оплавленные до неузнаваемости (рис. 254): слитки стекла (49 экз.), капли металла (33 экз.), бисер желтого (рис. 254, 31, 38, 56, 59), зеленого (рис. 254, 55) цветов, голубые бусины условно шаровидной формы (5 шт.) и три

четырнадцатигранные, по одной сине-зеленого стекла (рис. 254, 26), бесцветного (рис. 254, 3), и неопределенного цвета. Многочисленна серия пронизок, в основном двухслойных (16 экз.). Обычны в шуровских кремациях фрагменты неопределяемых железных изделий, изделий медного сплава. Единичен кремьен со следами использования (рис. 254, 24). Самой примечательной находкой стала серьга со спиральным окончанием (рис. 254, 33), аналогичная найденным в соседних погребениях 9, 11, 34 и на участке 15 в слое.

Погребение 39а. Скопление находок в кв. 327–328, 322–323 (рис. 93, 249, 255)

Объект опубликован (*Сыроватко и др.*, 2015б), причем в публикации он был соотнесен с погребением 32 в кв. 309, хотя он не менее близок погребениям 33, 39 и 44. Состав находок (рис. 255): капли металла (34 шт.), слитки стекла – остатки бус и пронизей, прозрачного и желтого стекла (6 шт.), причем капли металла и стекло иногда спекались вместе; обломки дрота медного сплава (3 шт.); двух-, трех- и четырехчастные пронизы (рис. 255, 4, 5, 13), двухслойные, с желтым покровным стеклом; весовая гиришка (?) (рис. 255, 47). Атрибутация изделия на рис. 255, как весовой гиришки предположительна. Этот предмет залегал несколько выше капель металла, в среднем на 8–10 см, в черном слое, хотя не может не настораживать планиграфическое совпадение гиришки и капель – выплесков. В отличие от большинства гирек эпохи викингов кубической формы этот экземпляр с плоским дном, оплавленным, с расширяющимися ко дну гранями. На верхней грани круглое углубление. Вес находки 8,58 г. Оплавленное дно позволяет предположить, что предмет мог быть на вершием сюльгами или гривны, но и гиришки такой формы, хотя и редко, но встречаются (в качестве примера приведем гиришку, находящуюся в основной экспозиции музея «Тульские древности», г. Тула).

Заметим, что позднедьяковский слой на этом участке присутствует и фрагмент антропоморфной статуэтки (рис. 255, 48) первоначально также был соотнесен с этим объектом. Поскольку часть ее была найдена в другом скоплении позднедьяковской керамики, от включения ее в состав скопления 39А пришлось отказаться. Не исключено, что среди перечисленных есть и другие предметы, которые принадлежат позднедьяковскому времени.

Погребение 40. Раскоп II, участки 19–20, погребение «у западного борта» (рис. 93, 256–259)

Это обширное по площади погребение (рис. 93, 256), но без «ядра», всего расчищено 4 уровня (рис. 257).

Первые кости были найдены еще в слое пашни над погребением. Поскольку погребение исследовалось в два этапа – отдельно восточная часть, на участке 19 раскопа II и отдельно на участке 20, был получен его разрез в борту раскопа (рис. 259). Из профиля видно, что структура погребения не проста: темная линза с костями разделена едва заметной более светлой полосой. В пахотном слое была найдена серия предметов, которые можно связать с погребением: грушевидные пуговицы (рис. 258, 2, 9, 18) неатрибутированный фрагмент железного изделия (рис. 258, 5), фрагменты пряжки (или пряжек?) с квадратной (?) железной рамкой (рис. 258, 1, 6), фрагменты пластин медного сплава с пуансонным орнаментом (вероятнее всего, от разных изделий) (рис. 258, 7, 8, 10), фрагмент бусины голубого стекла (рис. 258, 17), четырнадцатигранная голубая бусина (рис. 258, 20). Часть этих находки из слоя пашни, но вероятнее всего, они происходят из верхней части скопления костей, задетого распахкой. Находки, достоверно происходящие из скопления костей в целом весьма схожи по составу: фрагмент пластины с

пуансонным орнаментом (рис. 258, 16), грушевидная пуговица (рис. 258, 18), два фрагмента фитильных трубок (рис. 258, 11, 19), «шплинты» – ушки полых пуговиц (рис. 258, 14, 15), фрагмент спиральной прониизы из плоского дрота (рис. 258, 12), слиток металла (рис. 258, 13). Несколько находок было сделано вблизи скопления костей, их связь с ним возможна, хотя и не доказана: фрагмент согнутой медной пластины (рис. 258, 3) в кв. 658 и фрагмент железного изделия в виде пластины (рис. 258, 4).

В кв. 636 прослежено также скопление фрагментов керамики, все они, согласно полевым наблюдениям, располагались под костями. В итоге удалось собрать довольно крупную часть стенки большого сосуда (рис. 258, 21). В силу того, что край венчика получился коротким, диаметр его определить затруднительно, но это крупный сосуд, не менее 30 см в диаметре (вероятнее всего, гораздо больше). Профилировкой он отличается от основного фона позднедьяковского времени – с плавным изгибом, коротким венчиком, в тесте его вместе с дресвой присутствует шамот. Сосуд скорее имеет сходство с погребальной керамикой грунтового могильника, особенно с его сосудами-приставками – по профилировке и составу теста, что не исключает его принадлежность к так называемому «позднему позднедьяковскому» комплексу «нижней» площадки, керамика которого также утрачивает характерные мощинские черты, а в тесте, как правило, присутствует шамот. Обычно такую керамику находят либо в развалах, либо в виде целых сосудов, в данном случае нам не удалось даже собрать профиля, хотя мелкий фрагмент донца среди костей присутствовал. Являлся ли этот сосуд урной, вмещавшей это погребение, впоследствии рассыпанное, или это пустой сосуд-приставка, или же, наконец, случайный развал третьей четверти I тыс. н.э. – ответа нет. Нельзя также сказать, связан ли с этим фрагментом крупный кусок стенки из погребения 41.

Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко. На уровне 1 ею определены кости стопы взрослого человека в кв. 641, фрагмент ребра взрослого человека в кв. 636; на уровне 2 один из фрагментов костей предположительно идентифицирован как фрагмент тазовой кости ребенка (?). На уровне 3 в кв. 646 идентифицирована кость – фрагмент фаланги конечности с не приросшим эпифизом (ребенка?), в кв. 684 опознаны фрагменты трубчатых костей человека, а на уровне 4 в кв. 636 идентифицирована кость фаланги конечности взрослого человека.

Погребение 41. Раскоп II, участок 19, кв. 630 («у южного борта») (рис. 93, 260–263)

Это сравнительно тонкая (расчищена в 5 уровней) и плотная линза костей, центр которой пришелся на кв. 630 участка 19 2011 г. (рис. 93, 260–262), но точные границы погребения остаются неизвестными, поскольку к северу и северо-западу от него широко распространялся шлейф костей и находок, занимая довольно значительную площадь. Возможно, это распаханная или развеянная часть описываемого погребения, возможно это самостоятельный объект. В этой части раскопа, в соседнем кв. 628 была найдена грушевидная пуговица (рис. 263, 2), в кв. 631 – фрагмент железного изделия (рис. 263, 1 – язычок пряжки?), а в кв. 639 – слиток белого металла (рис. 263, 3). Связь их с описываемым погребением не очевидная, но весьма вероятна. Антропологический анализ выполнен Е.А. Клещенко. На уровне 2 кв. 630 ею идентифицирована кость – фрагмент 1-й фаланги 1-го пальца стопы взрослого человека (мужчины?), на уровне 3 определен фрагмент фаланги пальца ноги молодого человека и фрагмент ребра взрослого человека. Ниже уровня 4, под костями, было расчищено несколько, сильно измельченных, фрагментов керамики (рис. 263, 4). Однако нам удалось склеить из них довольно крупный

фрагмент стенки, а вот находившийся там венчик связать со стенкой не удалось – являлся ли венчик частью сосуда, неизвестно, как неизвестно и то, не является ли этот сосуд частью развала, найденного в погребении 40. Тесто плотное, с примесью дресвы, но профилировка сосуда абсолютно непонятна.

Погребение 42. Ареал костей на участках 19–24, севернее погребения 41 (рис. 93, 264–266)

В центральной части участка 19, и в южной – участка 24 раскопа VI – было прослежено довольно большое количество кальцинированных костей. С одной стороны, эти кости не образовывали скоплений, подобно обычным для памятника погребениям, с другой, их количество было явно выше обычного «фона» (рис. 264, 265). Утверждать, что это погребение, растащенное распашкой, также нельзя, поскольку по периферии этого ареала костей были прослежены обычные погребения, 41 и 42, причем погребение 42 одно из самых больших в этом могильнике.

В этой части раскопа найдены в кв. 661 два фрагмента железного изделия в виде деформированных крючков (рис. 266, 3), слитки металла (медного сплава) (рис. 266, 6, 9); «шплинты» (рис. 266, 7, 11 (в разведенных концах шплинта под № 7 сохранился фрагмент пластины медного сплава)), фрагмент пластины медного сплава с отверстием (рис. 266, 8); в кв. 651 найден еще один фрагмент пластины (рис. 266, 5), в кв. 650 – обломок «шплинта» (рис. 266, 10) и целый экземпляр, с обломком пластины (рис. 266, 1); в кв. 652 слиток металла (свинца или олова) (рис. 266, 4), в кв. 662 – слиток металла (медного сплава) (рис. 266, 2).

Погребение 43 в кв. 355–356 и 358–359, 368–369 участка 10 раскопа VI (рис. 93, 267–269, 271)

Этому погребению «не повезло»: убиравший балластный аллювий трактор забуксовал как раз над ним.

Это был единственный случай за все годы раскопок, когда техникой было что-либо повреждено. Погребение представляло собой останец слоя, ограниченный тракторными колеями, и, строго говоря, нельзя быть уверенным не только в первоначальном облике погребения, но и в его самостоятельности. Был расчищен всего один уровень (рис. 268), кости представляли собой тонкую линзу. Индивидуальные находки из этого погребения – слитки стекла (рис. 269, 1, 2, 3) (неопределенного цвета), просеиванием обнаружен слиток цветного металла.

Особое скопление – керамики и находок – в кв. 365–366, которое также может быть как частью этого погребения, так и частью расположенного чуть севернее «скопления кремированных находок» 43а (рис. 271). Это капли металла (рис. 269, 4–5), двухслойная трехчастная пронизь с темным покровным стеклом (рис. 269, 7) и навершие (сюльгамы?, гривны? или браслета?) кубической формы, со сглаженными углами (рис. 269, 6). Последний предмет весьма примечателен, и, хотя в силу плохой сохранности поиск аналогий ему бессмысленен, он довольно определенно указывает на северо-западное направление связей населения, оставившего могильник, в то время как большинство других находок явно салтовского контекста.

Скопление находок 43а в кв. 374–375, 397–398. (рис. 93, 267, 270–271)

Этот объект был разделен границами участков 10–12 почти пополам (рис. 93, 267, 270). Как и у некоторых других погребальных объектов на «нижней» площадке, его слой подстилался позднедьяковским слоем и часть найденных предметов могла относиться к раннему времени. Линза позднедьяковского слоя исследовалась А.А. Гольевой методом определения количества валового фосфора (Сыроватко, Гольева, 2017). Отметим, что эта линза также, как и в погребении 32, в разрезе выглядела как некое углубление.

В этом обширном скоплении обнаружено около 45 слитков стекла (рис. 271) преимущественно желтого цвета, при наличии голубого, зеленого и бесцветного (н-р, рис. 271, 2, 3, 7, 18, 33–36 и др.), капли металла (20 шт.) (н-р, рис. 271, 93, 94 и др.), 27 стеклянных пронизей, в основном желтого покровного стекла, при наличии голубого и белого (н-р, рис. 271, 66, 75, 77, 84, 88 и др), 3 бусины с таким же желтым покровным стеклом, бисерина желтого глухого стекла (рис. 271, 63), 5 фрагментов четырнадцатигранных голубых бусин (н-р, рис. 271, 21, 73, 74 и др), бочонковидная голубая бусина (рис. 271, 87) и еще один осколок голубой бусины неопределенного цвета, продольно-полосатая желто-зеленая бусина (сплавлена вместе с пронизью) (рис. 271, 61), фрагменты дрота белого металла, неатрибутированные изделия медного сплава (бутылочная подвеска?) (рис. 271, 72), обломок тонкостенной медной пластины (рис. 271, 105), оселок (рис. 271, 106), фрагмент керамического изделия (рис. 271, 104).

Как и в других раскопах, на этом участке присутствуют многочисленные предметы, которые обнаружены вне скоплений костей и сами скопления не образовывали, это разрозненные вещи (рис. 272, А): фрагмент железного язычка от пряжки (рис. 272, 3), сравнительно редкая трехчастная пронизь с голубым покровным стеклом (рис. 272, 1), спиральные пронизи из сегментовидного или треугольного в сечении дрота с левым наклоном витков (рис. 272, 14, 15), две сплавленные бусины, синего и голубого стекла (рис. 272, 4), однослойные голубые пронизи (рис. 272, 8, 18), двухчастная двухслойная пронизь с желтым покровным стеклом (рис. 272, 17), две сплавленные пронизи желтого покровного стекла (рис. 272, 12), бисер зелено-голубого стекла (рис. 272, 20) и спекшийся слиток голубого стекла и белого металла (рис. 272, 16), почти целая железная игла (рис. 272, 7), многочисленные бесформенные слитки стекла и цветных металлов.

Еще об одной группе находок известно, что она происходит из восточной и северной частей участка 10, но соотнести эти предметы с конкретным объектом также затруднительно (рис. 272, Б). Они также не являются скоплением, а разрозненными предметами: бесформенные слитки стекла и цветных металлов (рис. 272, Б, 22–30), фрагмент основы двухслойной двухчастной пронизи (рис. 272, 31), железная гитаровидная пряжка (рис. 272, 21), двухслойная четырехчастная пронизь с желтым покровным стеклом (рис. 272, 25).

Погребение 44 в кв. 369–392 участков 10-12 раскопа VI (рис. 93, 273–276)

Этот объект также располагался у самой западной стенки раскопа, на стыке участков 10 и 12 (рис. 93, 273, 274). Переход от старой технологии фиксации – с помощью чертежника – к новой, с помощью тахеометра – произошел именно на этом погребении: южная и северная половины вычерчены разными способами.

Скопление костей располагалось на участке с заметным уклоном к западу. Вопрос о том, были ли кости помещены в ямку, остался до конца невыясненным, но некое углубление имело место; возможно, это некая ступень в склоне (рис. 275). При разборке как этого, так и соседних погребений фактор распушки слоя под аллювием еще не учитывался, пашня не была распознана (этот слой замечен на рис. 275), и, вероятнее всего, верх погребения разрушен. Всего расчищено 4 уровня. Слой, вмещавший кости, был не черным, а скорее серо-коричневым.

Общий вес костей всего погребения 599,23 г³¹. Данное погребение принадлежит как минимум одному индивиду мужского пола старше 40 лет, в сопровождении костей животного. Определяющими костями для человека стали затылочные и теменные кости черепа

³¹ Антропологический анализ выполнен Н.Г. Свириной.

(швы частично или полностью заросли). На одной из костей черепа были обнаружены следы порозности. Кроме костей черепа была найден фрагмент трубчатой кости *tibia*. Температура погребального костра была выше 750 °C (*Walker P.L., Miller K.P.*, 2005), что является значимым признаком, погребение относится к группе высокотемпературных кремаций.

Индивидуальные находки из погребения сравнительно немногочисленны. Это капли белого металла (4 шт.) (н-р, рис. 276, 4 и др.), слитки стекла (8 шт., желтого, бесцветного, голубого стекла (н-р, рис. 276, 2, 3, 7 и др)), фрагменты неатрибутированных изделий медного сплава (рис. 276, 8, 9), железного изделия (рис. 276, 13). Из сравнительно целых находок можно назвать только трехчастную пронизь с желтым покровным стеклом (рис. 276, 12) и железную скобу с двумя отверстиями, пуговицу салтовского типа 1 по С.А. Плетневой (рис. 276, 5). Ножевидная пластина (рис. 276, 5) также происходит из этого погребения, найдена она при просеивании. Конечно, скорее всего, ее попадание в скопление случайно, но учитывая встречаемость каменных орудий в погребениях Лужков и Кременья, стоит отметить это обстоятельство.

Погребение 45 в центральной части участка 12 раскопа VI (рис. 93, 277–284)

Погребение опубликовано (*Сыроватко и др.*, 2015б; *Svirkina, Syrovatko*, 2016) Изначально скопление костей в этом погребении также выглядело как линза, занимавшая 6 м², причем в процесс расчистки практически невозможным было предположить, где будет выявлено открытое впоследствии «ядро» этого скопления (рис. 277). Само «ядро» скопления выглядело почти также, как у погребения 32 – размерами около 20 × 20 см, в котором крупные осколки располагались с минимальным зазором (рис. 278–279). На рис. 280–282 показано «облако» костей из этого скопления, снятое

лазерным тахеометром. Из них отчетливо видно, что шлейф костей распространялся вниз по склону от «ядра», с юго-востока на северо-запад, и это, вероятнее всего, результат распахки, выявленной несколько лет спустя (*Сыроватко, Гольева*, 2018), осуществлявшейся вниз по склону, примитивным орудием типа рала.

Общий вес костей из погребения составляет 10470,98 г. Это, пожалуй, «погребение-рекордсмен» по весу (в сравнении с остальными грунтовыми погребениями могильника). Кремированные костные останки имеют светло-серый цвет, средний размер фрагментов 1–3 см, на поверхности многих фрагментов зафиксированы деформационные трещины. Все это говорит о высокой температуре горения костра – около 800 °C (*Wahl*, 1996. С. 339–359; *Walker, Miller*, 2005).

Большая часть костей из погребения (8675,98 г) отнесена к категории неопределимых. Также удалось зафиксировать 273 фрагментов костей животного (1762,55 г) и всего 8 фрагментов костей человека (32,45 г). Среди определимых костей удалось идентифицировать фрагменты костей взрослого индивида 20–40 лет: фрагменты костей черепа, корней зубов, шейных позвонков, стенки длинных трубчатых костей (конечностей), фрагмент фаланги пальца. Пол определить не удалось. В погребении были обнаружены фрагменты костей животного, подавляющее большинство которых принадлежит крупному животному (копытному?), уточнить видовую принадлежность также не удалось.

Инвентарь погребения – набор бесформенных слитков стекла (н-р, рис. 283, 4–17, 40–43 и др.) и капель металла (н-р рис. 283, 18, 19 и др.); среди бус удалось опознать три четырнадцатигранные (рис. 283, 1–3). Единственной яркой вещью, связь которой с костями весьма вероятна, но не бесспорна, является крупное разомкнутое железное кольцо со слегка расширенными концами, вероятнее всего, браслет, с видимыми признаками прокаливания в огне (рис. 283, 39).

Открытие распашки объясняет «отлет» такого крупного предмета от основного объекта. Кроме того, из массива позднедьяковской керамики выделена серия фрагментов от сосуда, с примесью шамота в тесте, с профилировкой, схожей с профилями урн и сосудов-приставок грунтового могильника (рис. 284, 1–8). Выделить его удалось изначально в камеральных условиях по составу теста, затем – при построении трехмерной модели погребения (рис. 280–282, обозначен зеленым цветом). Разрушение сосуда-приставки и утрата значительной части фрагментов может быть объяснена распашкой.

За пределами погребения была обнаружена серия предметов, которые могут быть связаны либо с этим погребением, либо с погребением 44 (рис. 285). Помимо железного браслета это серьга салтовского типа из белого металла (*Плетнева С.А.*, 1989. Рис. 57, 1–5). В ушке серьги сохранился обломок кольца или крючка (рис. 285, 4). Сам предмет литой, подражает составной серьге, по мнению Д.А. Сташенкова, датируемой IX или концом VIII в. В этой части раскопа обнаружены также многочисленные слитки стекла и цветных металлов, обломки железных предметов, железные гвоздики с граненой головкой (рис. 285, 6, 7), аналогичные такому же из погребения 46, навитая бисерина коричневого стекла (рис. 285, 24), сравнительно редкая трехчастная двухслойная пронизь с серебряной прокладкой (кв. 476–477) (рис. 285, 16), а также железное изделие (рис. 285, 14). Данный предмет очень необычен – это П-образная деталь с уступами, соединенная с S-образной тонкой пластиной. Зная о распашке и, из 3-Д моделирования «облака» костей, о ее направлении, логично предположить, что все эти находки происходят из погребения 45, поскольку располагаются западнее него, ниже по склону. Но нельзя исключать и того, что они относятся к какому-либо погребению, оставшемуся в нераскопанной части памятника.

Погребение 46 на участке 14 раскопа VI (рис. 93, 286–293)

Погребение опубликовано (*Сыроватко и др.*, 2015в). Всего было зафиксировано 6 уровней разборки. Верх скопления костей занимает примерно 9 квадратов – 691–693, 703–705, 715–717 (рис. 93, 286). Основная же часть скопления концентрировалась в квадратах 704–705 и частично – 716–717 (рис. 291–293). Вместе с тем выраженного «ядра» в этом погребении не прослеживалось. Из 3-Д моделей «облака» костей видно, что его деформация аналогична погребению 45 – вниз по склону, с запада на восток, в восточной части костей больше (рис. 291–293). Вероятно, это также результат распашки ралом или сохой в период запустения могильника, осуществлявшейся вниз по склону. Большая часть находок – слитки стекла, фрагменты железных изделий (крючка или дужки), фрагменты проволоки и тонких пластин медного сплава (рис. 288). Часть находок могла попасть в скопление из нижележащего слоя позднедьяковского времени – таковы фрагменты биконических пряслиц. Однако сразу несколько предметов в этом погребении выделяются среди прочих и одна из них – поврежденная огнем серьга салтовского типа, выполненная из белого металла (рис. 288, 7). Она аналогична серьге из описанного погребения 34 с участка 13, а обе они аналогичны серьгам, которые В.В. Мурашева считает «славянскими серьгами Хазарского каганата» и датирует концом IX – X в. (*Мурашева*, 2015. С. 167). Два других предмета еще ярче, это единственные монетные находки на могильнике. Первая из них располагалась в центре кв. 716, с некоторым «отлетом» от основного скопления костей и глубже большей части находок (рис. 288, 15). В первой публикации это обстоятельство было подчеркнуто, поскольку сомнения в увязке монеты и костей оставались. В настоящее время стало очевидным, что погребение задето раннесредневековой

распашкой, и такой «отлет» находки вполне объясним. Монета представляет собой изготовленное из медного сплава подражание арабскому дирхему, с двумя отверстиями разного диаметра. По мнению А. Гомзина, любезно проконсультировавшего по фотографии, прототип монеты неопределим вследствие сильной искаженности легенд. Никакой точной даты подобные подражания на себе не несут. Хронология их чеканки определяется только в результате исследования кладов и прочих монетных комплексов, где они содержатся, а также в результате проведения поштемпельного анализа. Два аналогичных подражания, выполненных из серебра, присутствуют в Безлюдовском кладе 1930 г. Они отчеканены не идентичными, но чрезвычайно близкими Щуровскому экземпляру штемпелями. Возможно, что это и одни и те же штемпели, только подвергавшиеся правке или каким-то образом копировавшие друг друга, потому что отличия наблюдаются в небольших деталях (*Колода и др.*, 2014. С.156, 1142–1143). Младшие монеты Безлюдовского клада датированы 324 г.х. (935/936 г.), время его тезаврации публикаторы определяют второй половиной 930-х – 940-ми гг.

Вторая монета также представляет собой фрагмент подражания дирхему, медного сплава (рис. 288, 16). Она настолько сильно повреждена, что определение ее невозможно³².

Еще одна находка из этого погребения также первоначально была воспринята как случайная «примесь» из раннего слоя, может быть даже мезолитического. Это камень, небольшая галька, с отверстием (рис. 288, 13). О ее назначении и возрасте, конечно, трудно судить, но нельзя не отметить сходства с так называемыми «пробирными камнями», известными в древностях Волжской Булгарии (*Валиулина*, 2005. С. 156–159.

Рис. 44). Очевидно, что без специального минералогического исследования ответить на вопрос, является ли предмет пробирным камнем, невозможно. Его серо-коричневый цвет может быть объяснен пребыванием в погребальном костре. Кроме того, этот предмет может быть подражанием пробирному камню, подобно подражаниям дирхемам.

Погребение также сопровождалось сосудом-приставкой (рис. 287, 289), аналогичным сосуду из погребения 45, т.е. соседнему. Это сильнопрофилированный горшок с шамотом в качестве доминирующей добавки в тесте. Именно рецептурой выделялись сосуды из этих двух последних погребений, поскольку все остальные сосуды-приставки и урны с соседних участков выглядят иначе, и состав теста у них чаще с дресвой. Возможно, сосуды с необычной для могильника рецептурой теста и формой отражают специфику «низинных» погребений, периферийной его части. И ни один из этих сосудов – ввиду плохой сохранности – не удалось реставрировать полностью; на рисунке показаны только самые крупные его части (рис. 289).

Приведем антропологическую характеристику костного материала. Общий вес костей из погребения составил 535,75 г. Средний размер фрагментов костей равен 1–2 см. Фрагменты имеют светло-серую цветность, что соответствует температуре горения погребального костра около 750 °С на открытом воздухе. Среди многочисленных неопределимых фрагментов удалось идентифицировать кости минимум двух индивидуумов, а также кости нескольких видов животных. Индивидуумы представлены разными возрастными категориями. Фрагменты черепа с открытым и закрытым швом, фрагменты корней зубов, нижней челюсти, костей верхнего пояса конечностей принадлежали взрослому человеку (женского пола?). В погребении был обнаружен фрагмент черепа с несформированным диплозом, фрагмент скуловой кости ребенка (?). Среди

³² В полевых условиях эта находка вообще не была распознана, это стало возможным благодаря мастерству реставратора О.Ю. Потемкиной.

костей животных удалось выделить фрагменты костей грызуна и птицы небольшого размера.

После снятия всех костей при контрольной зачистке было прослежено пятно слоя – яма 15. Яма 15 (рис. 290) большей частью занимала кв. 702, неправильной в плане формы, размером около 65 × 55 см., заполнение – темно-серый песок. В сечении яма имела уплощенное дно, наклонные стенки, глубину приблизительно 15 см. Взаимосвязь объекта со скоплением костей осталась непонятой.

Хронология могильника

Грунтовый могильник на настоящем этапе исследования может быть датирован довольно широким интервалом. Как следует из описания инвентаря погребений, вещей с узкой датировкой они почти не содержат, и монетные находки погребения 46, да и те без точной даты чеканки, остаются единственным исключением. Видимо, дату дирхема из погребения 46 можно считать верхней датой могильника но, подчеркнем, для сохранившейся и исследованной его части. Из других категорий вещей основанием для датировок служат, прежде всего, бусы³³: двухслойные пронизи с металлической прокладкой (например: рис. 101, 5; 112, 14; 140, 17;), покровным стеклом желтого и белого цвета, неглубокими перехватами и большим количеством чашек (крайне редко встречается синее покровное стекло – (например: рис. 145, 15); однослойные пронизи синего стекла (например: рис. 126, 7–8; 223, 20–21); продольно-полосатые многочастные пронизи синего и белого стекла (рис. 126, 25); так называемые «арбузики» (бусины со светло- и темно-зелеными полосками и желтыми глазками в красных ободках – рис. 106, 29;

111, 22, 31; 163, 50; 200, 24); полихромная с капельными глазками желтого цвета (II группа по З.А. Львовой (1968) – рис. 112, 2). Все эти стеклянные предметы принято датировать VIII–IX вв., не исключая иногда начало X в. Массовые типы бисера и бус не противостоят этой дате. По-своему датирующим является также «салтовский» стиль украшений и деталей одежды – пуговиц типа 1 по С.А. Плетневой (Плетнева, 1989. С. 107. Рис. 56, 57), серег и многочисленных ушек от пуговиц и бубенчиков типа 3, деталей поясной гарнитуры (рис. 130 1–3).

Не менее широко датирует могильник радиоуглеродный метод. Вопросы датировки погребений мы уже касались (Сыроватко, 2014; Syrovatko et al., 2019). В этих публикациях было уделено много внимания тому, почему ¹⁴C-даты имеют столь большой разброс. В итоге был озвучен вывод, что корректные даты дают только те образцы, которые изначально, в момент выпадения в слой, оказались закрытыми грунтом (в табл. 12 это образцы ГИН 14384а, 14144а, 14143, 14777), в совокупности они, как и находки из погребений, указывают на интервал от VIII до X в. Однако такое объяснение выглядело как попытка подогнать материал под желаемый результат. В настоящее время объяснение этому явлению получено, в основном на основании данных, которые появились после работ 2014 г.

Только после развертывания работ на «нижней» площадке стали отчетливо заметны следы больших кострищ, перекрытых аллювием. Согласно полевым наблюдениям (Сыроватко и др., 2016), эти кострища горели накануне начала наводнений, поскольку перекрывали пашню, а пашня, в свою очередь, по мнению А.А. Гольевой, к началу наводнений была заметна в виде отчетливых грядок. Этих кострищ на погребенной пашне много, и на некоторых участках, в частности, участке 18 2017 г., эти скопления угля

³³ К настоящему времени найдено свыше 1000 экземпляров, морфологически определимых из них менее половины этого числа.

практически смешивались со скоплениями угля могильника. В нашем распоряжении есть серия датировок этого угля, которая в целом подтверждает возраст аллювия (в табл. 13 это образцы 15429, 15666, 15671), но в данном случае важнее то, что уголь позднего средневековья действительно откладывался на памятнике в большом количестве, кроме того, он накладывался на объекты могильника, в том числе погребения. Образцы 15668 и 15669 не случайно приведены в таблице 13: внешне эти скопления угля были неотличимы от образцов 15671 и 15666, но их возраст в одну и две тысячи лет радикально отличается. Столь разновозрастные образцы в слое соседствуют, часто залегая на одной глубине.

Это, вероятно, и объясняет большой разброс радиоуглеродных дат по погребениям: вероятнее всего, имело место и частичное смешение разновозрастного угля, от чего образцы, полученные по сравнительно неглубоко залегающим погребениям и погребениям, поврежденным распахкой, загрязнены.

Общий вывод по ^{14}C -датировкам остается неизменным: погребения в общем следует относить к VIII–X вв. В свою очередь, датировки по углю из курганов указывают на VII или даже VIII в. как на верхнюю вероятную границу возраста этих сооружений, а палинологические данные говорят о заметном – 50–100 лет – временном зазоре между двумя могильниками, в течение которого происходило оплывание рвов. По этой причине логичнее отводить под хронологический разрыв VIII в., не исключая, что курганы могли функционировать в начале этого столетия, а грунтовый могильник возник в его второй половине или в конце.

Следует упомянуть еще один сюжет – это находки из могильников Лужки Е и Соколова Пустынь 2. По погребальному обряду они весьма сходны с Щуровским. Однако в кремациях этих могильников есть явно более поздние вещи, которых в Щурово нет. И в Лужках, и

в Соколовой Пустыни это литые бубенчики (и цельнолитые, одно- и крестопорезные, и собранные из двух вертикальных половинок). В Лужках Е найдены цилиндрические рубчатые бусины, двухчастная пронизь с серебряной прокладкой и желто-коричневым покровным стеклом, бусы из тянутых палочек винного и голубого стекла, продольно-полосатая пронизь красно-коричневого и желтого стекла, и крупная бусина черного стекла с белыми полосами и красными глазками. В целом эти бусы датируются X–XI вв. (*Сыроватко и др.*, 2013; *Сыроватко*, 2013). В Соколовой Пустыни 2 известны железный нож с уступами на спинке и лезвии при переходе к черешку, а также сюльгама с так называемыми «гвоздевидными» или «воронкообразными» навершиями. М.В. Седова, указывая на прибалтийское происхождение таких сюльгам, отмечала, что в Новгороде они встречаются не ранее конца X в., а время их максимального распространения относит к XI в. (*Седова*, 1997. С. 72). В наборе бус из погребений Соколовой Пустыни также есть отличия от Щурово³⁴ – однослойные пронизи, подобные Соколовским, в Щурово не встречаются, хотя многочастных пронизей там много. Отличие заключается в количестве частей (в Соколовой Пустыни только двухчастные, в Щурово почти всегда многочастные) и в характере перехватов (в Соколовой Пустыни они глубже и шире). В Щурово не встречается бус – «лимонок» (*Сыроватко и др.*, 2015а). На этом основании сделан вывод, что нижняя дата Лужков Е и Соколовой Пустыни 2 не ранее середины X в., а несоответствие в наборе украшений и бус косвенно указывает, что эта же дата может быть финалом грунтового могильника Щурово. Однако следует повторить, что сопоставляются только исследованные части на каждом из памятников.

³⁴ Анализ бус Соколовой Пустыни 2 и Лужков выполнен А.А. Трошиной.

Реконструкция погребального обряда

Погребальный обряд грунтового Щуровского могильника был сложным, многоступенчатым и весьма вариативным. Собственно, это самое надежное о нем суждение. Что же касается конкретных деталей, то их реконструкция представляется довольно зыбкой.

Спорово-пыльцевые данные свидетельствуют, что углистые слои могильника содержат пыльцу хорошей сохранности (*Сыроватко и др.*, 2012б). Это свидетельствует в пользу кремации на стороне. Вероятно, какие-то костры горели и на самом могильнике, возможно, в ритуальных целях или при расчистке от подроста места под погребения, но место сожжения не найдено.

Дрова для костра были преимущественно дубовыми. В этом вряд ли стоит искать какой-то сакральный смысл, просто дуб был доступнее. Нарубить таких дров и разжечь их непросто, видимо, поэтому часто использование неких «угнетенных» дубов, с более плотной древесиной, но тонкими стволами (*Семеняк и др.*, 2018), и данные об использовании ели в костре (*Сыроватко и др.*, 2012б) на этом фоне выглядят органично – ее могли использовать для розжига.

Сопоставление кремаций из курганов (или «домиков мертвых») и из грунтовых погребений позволило Е.А. Клещенко предположить, что положение тела в костре могло различаться – кости кремаций «домиков мертвых» в целом крупнее, что говорит о меньшей, по сравнению с кремациями грунтовой части, температуре горения. Лучшая сохранность конечностей и позвонков позволяет объяснить это положением тела «под дровами», на земле – в сожжениях в «домиках», и «над дровами» в кремациях грунтового могильника. Это наблюдение сделано в основном на материалах кургана 4, с привлечением коллекций курганов 1 и 3, и пока является осторожным предположением (*Сыроватко и др.*, 2012в.)

В ходе кремации человека сопровождали туши разных животных. Их видовой состав неизвестен, за исключением определенных Е.Е. Антипиной (ИА РАН) хвостовых позвонков быка или коровы в некоторых кремациях; но понятно, что присутствует видовое разнообразие – есть и крупные (копытные?), есть и мелкие (собака? овца?) животные. Исключение составляют только урновые погребения, в них костей животных нет. Возможно, в этом кроется разгадка урновых погребений – именно отсутствие животных на погребальном костре позволяло поместить кости внутрь сосуда. В остальных случаях объем костей был просто слишком велик для таких сосудов и их оставляли рядом с погребением.

Количество погребений с сосудами-приставками могло быть существенно больше, но оценить их исходное количество мы не в состоянии. Очевидно, что сохранились сосуды, избежавшие распадки, установленные во рвы и, возможно, в неглубокие ямки, но условия обнаружения многих из них говорят, что они могли быть заметны на поверхности довольно продолжительное время и могли быть собраны и унесены с памятника позднее, по примеру так называемого «польского чуда» (*Клейн*, 2011. С. 58–60).

Хотя некоторые погребения имеют сравнительно большой объем, кости человека попадали в них не полностью – какая-то часть костей оставалась на месте сожжения. Видимо, преобладание костей животных в некоторых погребениях объясняется их лучшей сохранностью на месте сожжения.

Часть кремаций уложена вместе с обгорелыми вещами, а часть погребений почти лишена инвентаря. Поскольку есть и обратный пример – скопления обгорелых находок без костей (*Сыроватко и др.*, 2014). Естественно предположить, что в ряде случаев находки специально собирались и депонировались отдельно. Это весьма своеобразная деталь погребального обряда, с неясной семантикой.

Стремление одеть покойников торжественнее со- служило экспедиции плохую службу – салтовская одежда, распахная, с использованием пуговиц, а также обилие бус, причем даже в мужских погребениях, скрыли этнографическую специфику этого населения. За обилием импортов «разглядеть» автохтонную культуру сложно (при условии, что она существовала).

Разнообразие форм депонирования костей велико. Как однажды удачно подметил В.В. Сидоров, «это тексты», но прочесть их невозможно. Чем обусловлен выбор погребения в форме «с ядром» или «плоской линзы», непонятно. Реконструкция первоначального облика погребений «с ядром» (*Сыроватко и др.*, 2015б) вполне имеет право на существование, хотя после выявления древней распахки у подножья холма «шлейф» костей вокруг ядра и над ним получил простое объяснение.

О системе в расположении погребений

Все годы работы на могильнике идея о том, что на могильнике существовала некая регулярная планировка подпитывалась новыми находками. Регулярную структуру можно разглядеть как в планиграфии самих погребений, так и в некоторой системе распределения по погребениям определенных категорий инвентаря. Тем не менее, какие-либо достоверные выводы преждевременны. Что касается планиграфии могильника, то в расположении погребений можно усмотреть некие ряды, в направлении юг-север, с легким отклонением к западу. Так, один ряд могут составлять погребения 9–11–12–27–32–44–46, второй – 4–10–13–40а–44а–45, еще один ряд можно увидеть в погребениях 14–16–24–25–26–31–35–40 и т.д. (рис. 93). Одно время даже возникала идея предсказывать местоположение следующего погребения в раскопе. Так, узкая траншея – участок 9 раскопа VI как раз и был разбит с расчетом, что в нем будет обнаружено погребение между погребениями 13

и урной 14. Этот расчет не оправдался, но позднее выявилось погребение 15 – оно было «сдвинуто» несколько севернее. Эффект «рядности» усиливался еще и порядком осуществления прирезок – первоначально в направлении юг-север исследовался раскоп II, и каждые раз погребения выявлялись примерно на одной линии; позднее таким же образом – с юга на север – осуществлялись прирезки к раскопу VI. Тем не менее, с уверенностью говорить о наличии рядов не приходится. Например, можно предположить и несколько иное расположение рядов, диагональное – 4–9–11, 10–13–13а–27, 15–33–40а–44 и т.д. Все это недоказуемо по двум причинам: во-первых, для такого «разреженного» могильника вскрытая площадь слишком мала; во-вторых, вряд ли можно требовать у тех, кто этот могильник оставил, точной разметки.

Таковыми же призрачными оказались первоначальные надежды выявить закономерности в распределении инвентаря в погребениях. Возможно, это будет сделано в дальнейшем с помощью детального анализа типов бус, первый подход в этом направлении уже сделан (*Сыроватко, Трошина*, 2010). Действительно, полихромные бусы – мозаичные и глазчатые – встречаются чаще на вершине холма (погр. 1, 4, 16), чем в северной части у подножья (1 экз. в погр. 33). Но остальные категории вещей не обнаруживают какой-либо системы. Спиральные серьги есть и в центральной части холма (скопление 9а, погр. 11), и в северной (погр. 33 и 39). Кольчужные кольца также от южных погребений (погр. 1, к югу от рва кургана 2) до северных (на уч. 13 погр. 37). «Шпильки» и литые пуговицы есть в большинстве погребений, их лишены только крайние южные (погр. 1–9) и два самых северных (погр. 45, 46) погребения. О чем это говорит (кроме наличия на покойнике распахной «восточной» одежды) – неизвестно, тем более, что отдельные пуговицы обнаружены гораздо севернее описываемых раскопов. Пожалуй, только фитильные трубки образовали

некую компактную группу – три находки на участке 19 раскопа II (погр. 40 и отдельная находка в пахотном слое) и еще одна в погребении 25. Попытки выявления какой-либо зависимости в распределении инвентаря в целом не бесплодны и должны быть продолжены, но успеху мешает сам погребальный обряд – очевидно, что не только кости, но и инвентарь с места сожжения поступал к месту погребения в уже не полном составе. Можно сделать только одно предположение – о направлении роста могильника. Наиболее ранние находки бус, полихромные, «арбузики», встречаются в основном в южных погребениях (погр. 1, 4), а самый поздний предмет – подражание дирхему второй четверти X в. – обнаружен в самом северном погребении 47.

О статусе могильника

Как видим, погребальный инвентарь могильника, в целом довольно многочисленен, но содержит минимум вещей, пригодных для датировки и культурной/этнографической атрибуции. В абсолютном большинстве это импортные вещи: бусы, литые и полые пуговицы. Часть вещей, например, изделия из железа, пряжки, могли быть, условно говоря, «местными» или «ближним импортом», но все они укладываются в понятие «стиль эпохи» и ничего не добавляют к разрешению вопроса об этническом составе населения, оставившего могильник.

Очевидной является некая «салтовская вуаль»: отмечено присутствие поясной гарнитуры (погр. 10), серег (погр. 16, 34, 45, 46)³⁵, перстень, а изобилие «шплинтов» и литых пуговиц говорит о том, что население предпочитало салтовскую одежду по торжественным случаям, включая собственную кремацию. Разумеется, это говорит только о том, что такая одежда

являлась престижной и соответствующей уровню торжеств; как выглядела повседневная одежда, осталось неизвестным, и об этническом составе населения салтовские пуговицы также ничего не говорят – только о приоритетном направлении связей. «Салтовская вуаль» даже не свидетельствует напрямую о характере отношений с Хазарией коллектива, оставившего этот могильник, хотя Повесть временных лет содержит прямое указание на подчинение вятичского населения хазарам (статьи 859 г и 964–965 гг: ПСРЛ. С. 19, 65).

Но «салтовское» направление связей явно не единственное. Отдельные кольчужные кольца и фрагменты кольчуг (погр. 1, 37, отдельные находки в западном проходе во рву кургана 2, на участке 13 2010 г. и в траншеях на западном склоне), двухспиральная железная подвеска, железная булавка с подвижным кольцом указывают на некое «северное» направление – или Северо-Западную Русь или Скандинавию. Да и количество импортов само по себе, пусть и косвенно, указывает на то, что могильник и оставившее его население скорее находилось на пути каких-то дальних обменов, скорее всего, Восточного Пути, а не являлось конечным пунктом торговли. А что же в этом могильнике можно считать местным компонентом?

Традиционно таковым считается керамика. Простая логика подсказывает, что она не могла перемещаться на большие расстояния и изготавливалась на месте. Однако беглого взгляда на все имеющиеся сосуды и урны достаточно, что бы увидеть, что они все разные. Некоторые из них похожи, в основном это соседствующие погребения: 45 и 46, урна 12 и погребение 27, но устойчивой серии нет, а урна 14 вообще уникальна. На этом фоне неудивительным (или наоборот, весьма примечательным) оказался результат технологического анализа этих сосудов. Серия сосудов-приставок и урн была проанализирована Н.С. Жеребцовой (*Жеребцова, Сыроватко*, 2018).

³⁵ В.В. Мурашева (2015) серги этих типов считает «серьгами славян хазарского каганата».

На 12 сосудов приходится 5 рецептов: ГД, ГШО, ГДШ, ГДШО, ГДШПО. Иными словами, **устойчивой традиции в изготовлении погребальной керамики у населения, оставившего могильник, нет.**

За рамками данной публикации остаются наши многочисленные естественно-научные исследования, но искушение привести хотя бы часть выводов велико, тем более что часть результатов уже опубликована. Самыми важными представляются следующие:

1. Согласованные данные спорово-пыльцевого и фитолиитного анализов свидетельствуют о том, что пик антропогенной нагрузки на окружающие памятники ландшафты приходится на вторую-третью четверть I тыс. н.э., далее он снижается и в эпоху грунтового могильника леса фактически восстанавливаются (Семяняк и др., 2016; Трошина, Сыроватко, 2018.). Это означает, что **вблизи могильника не было поселения** и покойников приносили издалека (понятие «издалека» неопределенно: от 3–5 км до бесконечности).

2. Палинологический анализ, кроме того, выявил пыльцу ели в слое кремаций в обугленном состоянии, в другом виде она пока не встречена (хвойные вообще присутствуют в спектрах в минимальном количестве). Ареал ели и в настоящее, сравнительно холодное время, не распространяется дальше левого берега р. Оки, а все I тыс. н.э. климат был теплее. Из этого был сделан вывод, что ветки ели могли приноситься издалека³⁶ специально для погребального костра (Сыроватко и др., 2012б. С. 122)³⁷.

3. Исследования углей из погребений выявили заметное преобладание дуба, подтвердив спорово-пыльцевые данные – ель необычное дерево для окрестностей могильника.

³⁶ Про слово «издалека» нужна та же оговорка – за ней надо было идти/ехать, а не срывать/рубить прямо на месте.

³⁷ Хотя можно предположить и обратную ситуацию – кремация производилась в тех местах, где ель росла.

4. Площадь могильника очень велика. Сохранившаяся часть в длину составляет не менее 150 м, в ширину не менее 30 м, в древности эти показатели были еще больше, хотя и не вполне ясно, насколько. Для «Темных веков» любой памятник значим, а грунтовая часть Щуровского могильника выглядит просто огромной – особенно, на фоне почти полного отсутствия других памятников этой эпохи на значительной территории, от Среднего Поочья до Москворечья. Такому могильнику должно соответствовать поселение с большой площадью и мощным слоем. Но все попытки найти поселение, включая шурфовку пойменного балласта, разведки даже на левом берегу р. Оки, не дали результата. В свете данных палеоботаники такой итог закономерен.

5. Результаты анализа изотопа стронция (Сыроватко, Добровольская, 2022) говорят о том, что фоновый уровень стронция един для участка Оки от Щурово до Лужков, т.е. на протяжении более 100 км русла. Этот анализ не позволяет проследить перемещение населения в пределах такой небольшой территории (по географическим понятиям), хотя 100 км – это много, если говорить об оседлой жизни коллектива. Но даже в этом случае в Щурово есть примеры (в частности, погр. 44 и 46), чьи значения выходят за предел природного уровня.

Все эти выводы основаны на косвенных свидетельствах, но в нынешнем виде указывают на одно: **грунтовый Щуровский могильник являлся погребальным центром, в который свозились покойники с разных поселений.** Где эти поселения, насколько они удалены от могильника, неизвестно³⁸.

³⁸ В этой связи данные Н.С. Семяняк (Семяняк и др., 2018) о составе углей в погребениях можно трактовать и так: дуб или хвойные в разных погребениях маркируют разные по преобладающему составу леса, окружавшие те поселения, из которых, собственно, и привозились уже кремированные покойники.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика памятника такова, что написание полноценного заключения преждевременно. Это вряд ли будет иметь смысл даже после публикации тех материалов, которые не вошли в данное издание¹: сложность памятника настолько велика, что никакая интерпретация не может быть окончательной. Кроме того, Щурово представляет собой несколько памятников, наложенных один на другой, и некоторые промежуточные выводы озвучены в разделах, им посвященных. И последний аргумент – продолжающиеся раскопки, которые еще не раз смогут изменить существующие представления. Все эти обстоятельства обязывают автора (хотя заставить его, конечно, не могут) не останавливаться, а сосредоточиться на руководстве экспедицией и готовить по Щурово издание-продолжение.

Однако стремление делать выводы, видимо, неизбежно. Что же можно сказать на основании тех материалов, которые уже представлены?

Общая хронология памятника выглядит следующим образом: сравнительно активное использование холма «верхней» площадки связано с первыми веками н.э., с появлением носителей «поздней профилированной текстильной керамики» (или ППТК

– термин, предложенный О.А. Лопатиной – *Лопатина, Тавлинцева*, 2017). В данном случае Щурово является еще одним примером процесса, проявившегося на дьяковских поселениях «коломенской» группы и даже шире. Как отмечалось ранее (*Сыроватко*, 2009. С. 145, 153²), Щурово являет собой редкий пример, когда довольно обширная коллекция керамики удивительно гомогенна и представлена только одним типом отпечатка – в Щурово нет даже таких, явно поздних «гибридных» разновидностей, которые встречаются на других синхронных поселениях, например, Сосновке IV (*Сыроватко*, 2009. С. 148). Это позволяет предположить, что керамика ППТК может быть самостоятельным культурным типом, а ее распространение – отдельным культурным событием, сопоставимым по значимости, например, с появлением чернолощеной посуды. Вторым важным момент, проявляющийся, впрочем, в косвенных данных (например, отсутствии ножей с «горбатой» спинкой и некоторых других категорий находок, данных палинологии – *Трошина, Сыроватко*, 2018), заключается в том, что «период ППТК» на памятнике является самостоятельным, а не накладывается на «период позднедьяковской керамики» – гладкостенной в сочетании с лощеной. Либо между ними присутствует хронологический разрыв, либо они следуют один за другим без разрыва, но эти типы керамики соответствуют разным культурным традициям и – вероятно – разным коллективам³.

² Количественные данные, приведенные в той публикации, уже сильно устарели, но основные выводы остались неизменными

³ Остается открытым вопрос, можно ли датировки и сам механизм смены одного культурного типа другим, выявленные в Щурово, распространить на другие памятники с такими типами древностей. Щурово пока остается единственным примером, который хоть как-то иллюстрирует то, как и когда эти процессы вообще могли происходить.

¹ Позднедьяковские материалы «нижней» и все данные о «средней» площадках, погребения, обнаруженные после 2016 г.

Затем наступает «период позднediaковского селища»⁴. Как отмечалось выше, находки фибул позволяют отнести его к IV–V вв., хотя сказанное не обязательно означает весь V в. Поскольку радиоуглеродные даты курганов указывают в основном на VI в., новую перемену – возникновение могильника на месте поселения – следует датировать довольно широко, в пределах второй половины V – первой половины VI в. Отметим, что селище предполагается априорно, хотя никаких достоверных поселенческих объектов не найдено. Возможно, это результат сильного разрушения памятника – паводками, строительством курганов, распашкой раннесоветского времени, снарядами воронками и т.п.

«Период курганов» охватывает третью четверть I тыс., единственное пока основание для датировки – ¹⁴C-даты. Неоднократно публиковавшиеся данные палинологии свидетельствуют о последовавшем затем запустении (*Сыроватко и др.*, 2012б; *Трошина, Сыроватко*, 2018). Археологическое проявление этого запустения – заплывшие рвы курганов/«домиков мертвых».

Период грунтового могильника можно суммарно датировать IX – первой половиной X в. Верхняя дата не вполне надежна и опирается, во-первых, на подражание дирхему из погребения 46, а во-вторых, на отсутствие некоторых типов бус, представленных в более позднем могильнике Лужки Е (*Сыроватко*, 2013). Однако бусы – основная датирующая находка в Щурово – в основном представлены и типами, бытовавшими в VIII в., и не исключено, что могильник возникает именно в VIII в. Видимо также, на VIII в.

⁴ О.А. Лопатина называет позднediaковской уже период распространения ППТК (*Лопатина, Тавлицева*, 2017. С. 356), следуя в этом хронологии и терминам, применимым к Дьякову городищу. Мне кажется, что корректнее называть позднediaковским период, в котором сетчатая керамика уже выходит из употребления – во всяком случае, именно во второй четверти I тыс. н.э. материальная культура Щурово больше похожа на слой А Дьякова городища. Но, в любом случае, это малосущественный спор.

приходится и период запустения, приблизительная продолжительность которого – 50–100 лет.

Как видим, хронология памятника распадается на отдельные эпизоды, между которыми возможны лакуны. Нельзя не отметить, что смена этих эпизодов совпадает с общим «культурным ритмом» эпохи: исчезновением дьяковской культуры и появлением мощинско-позднediaковских древностей; «войной V в.»⁵ и «войной VII в.». Исключительно важным остается то, что грунтовой могильник Щурово существует в период «Темных веков», выделенный Н.А. Кренке (2004) и является едва ли не единственным памятником этого времени для обширной территории.

Культурная принадлежность его обитателей на всех его этапах остается неопределенной. Как уже говорилось выше, «позднediaковским» период селища можно называть только условно – на памятнике нет большинства предметов, характеризующих «позднediaковский культовый комплекс»: плакеток, бантиковидных накладок, серег и т.п., а грузик дьякова типа и фрагмент статуэтки единичны, что скорее свидетельствует о контактах с позднediaковским населением. Впрочем, единичны на памятнике и сковородки и цилиндрикоконические миски. Возможно, памятник ближе к мощинской традиции, но анализ керамики – как Щуровской, так и соседних Ростиславля, Соколовой Пустыни показывает, что реальная картина может быть еще более мозаичной, и нет необходимости «привязывать» его к существующей номенклатуре культур.

Еще более сложным остается вопрос о культурной принадлежности курганов и грунтовых погребений.

⁵ Возможно также, смена «периода селища» на «период домиков мертвых» являлся отражением событий «позднеантичного малого ледникового периода» (*Büntgen et al.*, 2016; *Tvauri*, 2012; 2014; *Harper*, 2017), но нельзя не упомянуть «слой пожара» на соседнем Ростиславле, также приходящемся на V в. (*Тавлицева*, 2010).

«Домики мертвых» (или курганы) остаются единственными в своем роде, хотя и похожи по формальным признакам на мощинские «курганы с оградками»⁶. Возможно, что это они и есть, правда, «оторвавшиеся» не только от своего ареала, но и от времени. Известно только, что явно синхронные «домикам» кремации могильника 1 Соколовой Пустыни иные по обряду (*Потемкина и др.*, 2013).

Какое население оставило грунтовый могильник, также остается только гадать. Конечно, есть аналогии погребальному обряду, но они слишком широки – от Русского Севера (*Макаров, Зайцева*, 2007; *Захаров, Меснянкина*, 2011; *Михайлова*, 2014) и Подмосковья (*Вишневский*, 2002; *Вишневский и др.*, 2007; *Вишневский, Новоселова*, 2010) до Самарской Луки (*Сташенков*, 2013). Уже высказывалась мысль, что вся территория, охватывающая низовья Москвы-реки и смежные участки р. Оки имеет устойчивую традицию попадать в категорию «белого пятна» на

археологической карте. Это справедливо как для позднедьяковского периода, когда она оказывается в пограничье мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культур, так и в Эпоху викингов, когда она же попадает между ранними славянскими памятниками Рязанской области и так называемыми «верхнеокскими вятичами» (*Сыроватко*, 2014). Возможно, эта «преемственность белых пятен» может означать и некую преемственность в культурном развитии данной территории, не смотря на видимое запустение отдельно взятого Щуровского комплекса в VIII в. Немаловажно и то, что даже если середина X в. действительно является верхней датой для Щурово, то другие могильники с похожим погребальным обрядом в регионе – Соколова Пустынь 2 и Лужки Е – только возникают в приблизительно это время и существуют вторую половину X или даже в XI в., а могильник Кременье относится и вовсе к середине XII в. или даже позднее (*Сыроватко и др.*, 2019).

⁶ Которые, в свою очередь, также единичны, и, кроме того, раскопаны в XIX в.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Щурово. Состав монетных находок из аллювиального горизонта и погребенного культурного слоя

Год, полевой номер	Место находки	Номинал, дата
Останец террасы, «верхняя» площадка		
2004, № 23	Раскоп II, уч. 9, кв. 241, пл. 5 / –385	Полушка, 1736 г.
2007, № 1	Раскоп V, уч. 1, пласт 3, кв. 38 / –129	5 коп., 1788 г., Колыванский монетный двор
2008, № 30	Раскоп V, уч. 6, пласт 1–2, кв. 296 / –26	Деньга 1731 г.
2014, № 100	Раскоп VI, уч. 16, кв. 614 / –174	Деньга, 1749 г.
2014, № 131	Раскоп VI, уч. 16, кв. 614 / –184	Деньга, 1738 г.
Пойменная часть, «нижняя» площадка		
2013, б/н	Раскоп VI, уч. 12, выклинивание аллювиального слоя (в слое залегала на ребре)	Полушка, 1754 г.
2014, № 59	Раскоп VI, уч. 14, кв. 708 / –378	Копейка, Михаил Федорович
2016, № 15	Раскоп VI, уч. 17	Копейка, Михаил Федорович
2017, № 38	Раскоп VI, уч. 20 – «нижняя» площадка у подножья холма с С стороны, темно-серый слой на контакте с аллювием	«Пуло московское», тип «сирена с крыльями», 1530–1560-е гг.

Таблица 2
Щурово. Общий состав керамики «верхней» площадки

Раскоп, год, участок	Лощеная			
	Черная	Другие цвета поверхности (красный, серый, коричневый)	Гладкостенная / в т.ч. гладкостенная с орнаментом	Ошлакованная
Раскоп I (2001 г.), курган 1	41	—	453	89
Раскоп I (2002 г.), курган 1	14	—	212/7	16
Раскоп II (2002 г.), курган 2 (южная половина центральной части)	37	—	376/12	302
Раскоп II (2003 г.), курган 2 (северная половина центральной части)	33	—	289/4	273
Раскоп II, (2003 г.), курган 2 участки рва с западной стороны	41	—	524/14	22
Раскоп II (2004 г.), курган 2, рвы с восточной и южной сторон	69	10	713/18	154
Раскоп III (2005 г.), курган 3, участок 1	27	42	876/31	43/1
Раскоп III (2006 г.), курган 3, участки 2–3	26	49	792/19	37
Раскоп IV (2006г.)	1	4	102	2
Раскоп V (2007 г.) участок 1	15	23	479/7	33
Раскоп V (2007 г.), участок 2	11	2	272	6
Раскоп V (2007 г.), участок 3	16	9	193/2	12
Раскоп V (2008 г.), курган 4, участки 4–7	87	70	1833/23	156
Раскоп V (2009 г.), курган 4, западная часть – участок 8	48	62	3018/25	40/2
Раскоп V (2009 г.), участок 9 (траншея на западном склоне)	—	6	440/2	—
Раскоп II (2009 г.), участки 11–12	119	60	1938/50	10
Раскоп II (2010 г.), участки 13 и 15	—	—	26	—

Раскоп, год, участок	Лощеная			
	Черная	Другие цвета поверхности (красный, серый, коричневый)	Гладкостенная / в т.ч. гладкостенная с орнаментом	Ошлакованная
Раскоп II (2010 г.), курган 5, участки 14, 16–18	10	1	174/1	10
Раскоп II (2011 г.), участки 19–20	–	1 (серая)	16	–
Раскоп II (2011 г.), участок 21	–	3 (коричневая)	17	5
Раскоп II (2011 г.), участок 22	18	7	650/18	28/1
Раскоп II (2011 г.), участок 23	–	1 (серая)	10	–
Раскоп VI (2011 г.), участки 1–2	96/1 (с насечками по краю венчика)	22	1900/38	84
Раскоп V (2011 г.), участок 11 (траншея на западном склоне)	5	5	200/1	2
Раскоп VI (2012 г.), участки 3–5	35	–	347 (без учета развала сосуда-приставки)	5
Раскоп II (2012 г.), участок 24	–	–	26	–
Раскоп VI (2013 г.), участок 9	4	–	21/1	–
Раскоп VI (2013 г.), участок 6	–	–	18	–
Раскоп VI (2013 г.), участок 5	–	–	1	–
Раскоп VI (2013 г.), участок 8	–	–	2	–
Раскоп VI (2013 г.), участок 7	–	–	8/2	50
Раскоп VII (2013 г.), участок 1	12	–	108/4	
Раскоп VII (2014 г.), участок 2	2	–	172/7	369
Раскоп VI (2014 г.), участок 13	9	–	96	1
Раскоп VI (2014 г.), участок 15	–	–	13/1	–
Раскоп VI (2014 г.), участок 16	–	1	182/11	1
Всего по «верхней» площадке без учета раскопа 1993г:	776 (4%)	378 (2%)	16497 (85%)	1748 (9%)
Всего учтено 19399 фр-та				

Таблица 3
Щурово. Распределение пряслиц по типам, выделенным О.А. Лопатиной

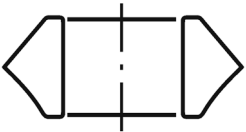
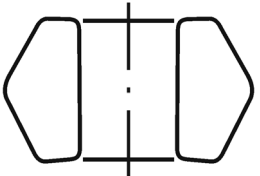
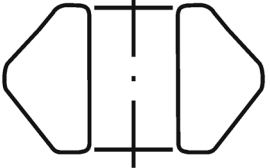
А		8 экз.
В		10 экз.
Г		26 экз.
Д		15 экз.

Таблица 4

Щурово. Материалы кремации. Раскопки 2001–2005 гг. Определения костных материалов из курганов 1, 2, 3

Цветовые обозначения

центральная часть, связь с курганным погребением высока

пространство между оградкой и рвом, равновероятно курганный или грунтовый погребение

рвы курганов

пространство за рвами

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
Курган («домик мертвых») № 1							
2001	I	3	12–14			Мелкие фрагменты со следами деформаций	
2001	I	3	1–9			Мелкие фрагменты со следами деформаций	
2002	Раскоп 1993 года	Просейка слоя 2002 года	1–2		240	Скопление кремированных костей различных отделов скелета человека, зола. На костях термические деформации. Края суставов выделены, вероятнее всего, человек был зрелого возраста	Человек старше 35 лет (мужчина?).
2002	Раскоп 1993 года	Просейка слоя 2002 года	1–2			Не кремированные кости животных (корова, лошадь???) со следами погрызов грызунами	
2002	Раскоп 1993 года, отвал	Просейка слоя 2002 года			30	Фрагменты кремированных костей со следами термических деформаций (бедренная кость)	Взрослый человек
2002			22–23		21	Скопление кремированных костей с деформациями, фрагменты тел позвонков	Человек
2002	I		25	Яма	4	4 фрагмента деформированных кремированных костей	
2002	I	5	27		1	2 фрагмента со следами термических деформаций	
2002	I	4	33		13	Кремированные фрагменты. Среди них – фрагменты костей черепа с не заросшими швами	Взрослый человек до 40–45 лет.
2002	I	4	42–43		13	Крупные кремированные фрагменты со следами деформаций	Человек
2002		5	42–43		4	Мелкие фрагменты кремированных костей, зола	
2002	I	3	53			Фрагмент черепных костей с закрытыми швами со следами термических деформаций	Взрослый индивид старше 45 лет

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
2002	I	1–3			5	Фрагменты кремированных костей с деформациями	
2002	I	Просейка отвала			1	2 фрагмента кремированных костей животных со следами деформации	
Курган («домик мертвых») № 2							
2003	II	5	36	-	5	Скопление мелких костей белого цвета	Возможно человек
2002	II	Зачистка северной стенки			3	Фрагменты костей с лиловыми пятнами без термических деформаций.	
2003	II	3–4	93		19	Скопление кремированных костей с незначительными деформациями	Животное?
2003		Зачистка стен	42			Фрагмент черепа с не заросшим швом	Человек (?) до 45 лет
2003	II	4	49			2 фрагмента крем. Кости со слабыми деформациями	
2003	II	5	56			1 фрагмент крем. кости с деформациями	
2003	II	6	66		3	3 фрагмента кремированных трубчатых костей человека	Человек
2003	II	5	38		2	Фрагменты черепных костей с не закрытыми швами	Взрослый человек
2002	II	Просейка отвала			4	Фрагменты кремированных костей со следами деформации	
2003	II	3–4	102	–	до 1 г	7 мелких неопределимых фрагментов	–
2003		1–2	93–110		до 1 г	4 мелких неопределимых фрагмента	
2003	II	1–2	93–110	–	34	Скопление кремированных костей (трубчатые, губчатые, черепные кости)	Мелкое млекопитающее и человек (?)
2003	II	4	108–110	Материк, «ров»	15	Фрагмент шейного позвонка человека с площадкой и выделенным краем, фрагмент глазницы со слабыми деформациями	Человек, старше 30
2003	II	3–4	107		до 1 г	4 мелких фрагмента	Мелкое животное
2003	II	3–4	99–100		3	Неопределимые мелкие фрагменты	
2003	II	Снятие дерна	88, 89, 90			Мелкие деформированные кремированные фрагменты костей мелкого животного	Мелкое животное
2003		Зачистка стенки	105–110		3	Скопление кремированных костей со следами деформаций. Строение губчатой ткани – мелкочаечистое; беловато-желтоватого цвета	Мелкое животное

ТАБЛИЦЫ

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
2003	II	-	94–93	яма	3	6 мелких фрагмента кремированных черепных костей животного со следами деформаций, беловато-желтоватого цвета	Животное
2003	II	3–4	106		9	Скопление мелких кремированных костей с деформациями, скорее всего – животное	Животное?
2003	II	3–4	78–89		до 1 г	1 фрагмент не кремированной кости, компактная костная ткань, скорее всего, животное	Животное?
2003	II	3–4	99–100		50	Скопление мелких кремированных костей. Скорее всего животное, мелкие фрагменты различных частей скелета, черепные кости, трубчатые кости. Есть деформации, но не всегда значительные	Животное
2003	II	3–4	100		10	Скопление кремированных костей. Черепные кости с не закрытыми швами, мелкие неопределимые кости животного, следы термических деформаций	Человек?
2003	II	3–4	103		2	Фрагменты кремированных костей (стенки трубчатых костей)	Человек?
2003	II	3–4	94		5	Скопление мелких деформированных кремированных костей со следами обугливания. Фрагмент фаланги кисти человека	Человек?
2003	II	3–4	105		17	Скопление мелких фрагментов кремированных костей с сильными деформациями, фрагмент корня зуба человека	Взрослый человек
2003	II	3–4	104, 108, 109, 110		2	Три мелких фрагмента кремированных костей (компактная ткань)	Человек?
2003	II	3–4	85–86	Яма 1, 60–100	9	Скопление неопределимых кремированных костей с деформацией	
2003	II	9–10	88, 89, 90		9	Скопление кремированных костей с деформациями. Фрагменты черепных костей человека с не закрытыми швами, фрагмент локтевой кости	Взрослый индивид до 45 лет
2003	II	7–10	78–83		7	10 неопределимых фрагментов с сильными деформациями	?
2003	II	3–4	97			1 неопр. фрагмент	
2003	II	7–10	79–80		4	Скопление мелких кремированных костей с сильными деформациями	Человек?
2003	II	3–4	109			3 мелких неопределимых кремированных фрагмента с деформацией	

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
2003	II	8–10		Яма 1	7	Скопление кремированных костей мелких животных	
2003	II	3–4	110			1 неопределимый кремированный фрагмент	
2003	II	Просейка отвала			3	Деформированные кремированные фрагменты	
2003	Уч. 4	63				Фрагменты костей черепа с деформациями	Человек?
2003	Уч. 4.			Ров		Фрагмент черепной кремированной кости, фрагмент губчатой ткани	
2003	Зачистка стенки	105–110				2 фрагмента черепных костей с термическими деформациями	Человек?
2003		3–4	114			2 фрагмента с сильными деформациями	
2003	–	–	–	–	–	Неопределимый кремированный фрагмент	
2003	II	3–4	106, 107			Два некремированных фрагментх	
2003	II	11	78, 79, 83	Яма 1		Кремированная кость человека.	
2003	II	5–8	85			Фрагмент нижней челюсти человека с термическими деформациями	Человек
2003	II	Зачистка стенки	78–83		2	Фрагмент основания черепа с деформацией	Человек
б/н						5 мелких неопределимых деформированных кремированных фрагментов	
2004	II	5	Зачистка пласта			1 кремированный фрагмент 1 × 1 мм	
2004	II		235		1	Скопление мелких деформированных кремацией фрагментов	
2004	II		226–232	Яма 1	5	2 фрагмента кремированных костей стенок крупных костей конечностей взрослого человека	
2004	II		235	Грабительская яма	4	Скопление кремированных костей с деформацией, фрагмент ключицы	Человек
2004	II	3–4	225–226	Участок 9	4	Скопление кремированных костей без деформаций	
2004	II	5	225, 231			Позвонки рыбы	
2004	II	Просейка	234			Мелкие деформированные кремированные фрагменты	
2004	II	5	235		95	Скопление сильно деформированных кремированных костей человека с золой	
2004	II	231–225		Яма 1		Кремированные кости животных с деформациями	
2004	II		229–230	Яма 1	40	Мелкие деформированные кремацией фрагменты с золой	

ТАБЛИЦЫ

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
2004	II		227, 233	Яма 1	1	2 кремированных фрагмента без деформации	
2004	III	5	236			1 неопределимые мелкий фрагмент кремации	
04	III	5	236			Скопление мелких кремированных костей	
Б/н					11	Скопление очень мелких кремированных фрагментов	
2004	II	1	Участок 9			Мелкие кремированные фрагменты животного	
2004	II		228	Яма 1	56	Очень мелкие кремированные фрагменты с умеренной деформацией	Человек
2004	II			Подъемный материал, пахотный слой	10	Кремированные фрагментированные кости без деформаций	
2004	II		227, 223	Яма 1	2	Мелкие кремированные фрагмент с деформациями	
2004		2	205			Головка плечевой кости ребенка без следов кремации	Ребенок до 10 лет
2004		5	217			Фрагмент черепной кости с легкой термической деформацией	Человек (?)
2004	II	Зачистка материка	235		1	Сильно деформированный фрагмент	
2004	II	5	228			Неопределимый кремированный фрагмент	
2004	II	Участок 6		Яма 2	25	Скопление деформированных кремированных костей. Среди них – фрагмент плечевой кости взрослого человека	Взрослый человек
2004	II	5	214			1 неопределимый кремированный фрагмент без деформаций	
2004	II	Участок 8		Яма 1	4	Мелкие кремированные фрагменты, фрагмент не приросшего эпифиза	Ребенок (?)
2004	II		213, 207	Яма 18		Фрагмент нижней челюсти, деформация	Взрослый человек (?)
2004	II	5	176	Участок 6		2 фрагмента не кремированных костей животных	
2004	II	5	139	Участок 6		1 кремированный мелкий фрагмент со следами термической деформации	
2004	II	5	205–206			Неопределимые мелкие кремированные фрагменты	
2004	II	6	203			Скопление очень мелких кремированных фрагментов	
2004		Участок 6		Яма 14		3 мелких неопределимых кремированных фрагмента	

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
2004	II	5	210–211	Участок 8		3 мелких кремированных неопределимых фрагментов	
2004	Без номера					Кремированный фрагмент со следами деформации	
2004			Участок 6	Яма 2	9	Скопление кремированных костей человека, некоторые из них – с деформациями, некоторые – без них.	Человек
2004	Участок 6	3–4	142			2 мелких обугленных фрагмента	
2004	II		Участок 6	Яма 2, низ		3 мелких кремированных фрагмента	
2004	II	6	208			2 мелких неопределимых кремированных фрагмента без деформаций	
2004	II, Участок 6		135–172	Яма 14		Фрагмент плечевой кости (головки) человека с незначительными деформациями	Человек
2004	Участок 6	Подъемный материал				Не кремированный фрагмент головки плечевой кости животного, а также 4 кремированных фрагмента с деформациями	
2004	Участок 6	3–4	141–152			4 мелких фрагмента со следами деформаций.	
2004	Р. 2, Участок 6			Яма 1		Мелкие неопределимые кремированные фрагменты	
2004	II, Участок 6	3–4	153			1 мелкий кремированный фрагмент	
2004	II, Участок 6	3–4	150–151	Участок 6	4	2 фрагмента кремации с термическими деформациями	
2004	II, Участок 6			Подъемный материал		3 мелких неопределимых фрагмента кремированных костей	
2004	II, Участок 6		141–142	Яма 6	3	Фрагмент кремированной кости (стенка большеберцовой кости взрослого человека с существенными деформациями	Человек
2004	II	5	153	Участок 6	4	3 фрагмента кремированных костей без термических деформаций	
2004	II	5	150–151	Участок 6		3 мелких фрагмента кремированных костей с существенными деформациями	
2004	II	5	153	Участок 6		Фрагменты локтевой кости с сильными термическими деформациями, неопределимые кремированы фрагменты	
2004		6	210			2 неопределимых кремированных фрагмента	
2004	II			Подъемный материал		3 неопределимых кремированных фрагмента со значительными деформациями	

ТАБЛИЦЫ

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
2004		1–2		Участок 6		Мелкие фрагменты без деформаций.	
2004	II, Участок 6	3–4	151	Участок 6		Неопределимые мелкие кремированные фрагменты	
2004	II	3–4	142			1 неопределимый кремированный фрагмент	
2004		5	142	Участок 6		2 мелких фрагмента с деформациями	
2004	II	4	184	Участок 7		2 мелких неопределимых кремированных фрагмента	
Курган («домик мертвых») № 3							
2005	III	5	42		7	Неопределимые кремированные фрагменты с деформациями	
2005	III	4	42 перекоп			Неопределимые кремированные фрагменты	
2005	III	1–2			4	Фрагменты кремированных костей животных, без термических деформаций	
2005	III	1–2	28			Фрагменты костей животных без следов кремации	
2005	III	4	41			Фрагмент губчатой костной ткани животного, со следами обугливания	
2005	III	3	7			Фрагмент черепной кости животного или человека (???), следы термической деформации	
2005	III	6	25			Закладка зуба свиньи без следов кремации	
2005	III	3	42			4 мелких неопределимых кремированных фрагмента	
2005	III	4	42			Фрагмент не кремированной кости молодого животного	
2005	III		41			2 мелких обугленных фрагмента губчатой ткани	
б/н						Фрагменты зубов животных без следов кремации	
2005	III, прирезка	1–2	36–49			Фрагмент обугленной кости животного (без деформаций)	
2005	III	3	35		13	Фрагменты кремированных костей с деформациями	
2005	III	4	19			Кремированная кость животного	
2005		5	28			Фрагмент кремированной кости с деформацией	
2005	Просейка отвала				1	Фрагмент с деформацией.	
2004	II		240	Яма 20	17	Мелкие фрагменты крем костей человека	Человек

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
2004	II	Участок 9	241–235			Скопление мелких фрагментов кремированных костей со слабыми следами деформации	
2004	II		243, 237, 224			Не кремированный фрагмент кости	
2004	III	5	240		1	5 мелких фрагмента костной ткани без следов кремации	
2004	III	5	240		68	Скопление мелких кремированных фрагментов с деформациями с золой	
2004	II		228	Яма 1 (ров)	1	Фрагмент кремированной кости (стенки трубчатой кости конечности) с деформацией	Человек
2004	II		246, 247			Мелкие неопределимые кремированные фрагменты	
2004	II	Ров	239		9	Скопление кремированных костей с деформациями, присутствие человеческих останков вероятно	Человек (?)
2004	II	5	258	Участок 10		3 мелких не кремированных фрагмента	
2004	II	1–2		Участок 8	2	Фрагмент без деформаций, с растрескиванием	
2004	II		241	Яма 20	18	Скопление деформированных кремированных костей. Среди них обнаружены нижние части большеберцовой кости с только что приросшими эпифизами	Индивид юношеского возраста
2004	II		246	Яма 20	18	Скопление кремированных костей с сильными деформациями	Человек
2004	II		245	яма 20	2	Неопределимые кремированные фрагменты с деформациями	
2004	II		255, 258, 259	Участок 10, яма 20		3 мелких кремированных фрагмента с деформациями	
2004	II	5	254, 253	Участок 10		2 мелких неопределяемых кремированных фрагмента	
2004	II		20 (?)	Участок 10		2 мелких кремированных фрагмента с деформациями	
2004	II		248	Яма 20		5 мелких. кремированных фрагментов	
2004	II			Подъемный материал с поверхности раскопа		3 мелких неопределимых кремированных фрагмента	
2004	II		242	Яма 20	18	Скопление мелких кремированных костей с деформациями	Возможно присутствие человека

ТАБЛИЦЫ

Полевой шифр					Вес (г)	Описание	Идентификация
Год	Раскоп	Пласт	Квадрат	Объект			
2004	II		Участок 8–10	Подъемный материал		3 мелких неопределимых кремированных фрагмента	
2004	II		247	Яма 20		2 мелких неопред. кремированных фрагмента	
2004	II		241	Яма 20, темное пятно	29	Скопление мелких кремированных фрагментов, например, фрагмент ребра, возможно – человека, фрагменты костей со следами погрызов мышей	Животное с не приросшим эпифизом
2004	II		241	Яма 20	89	Скопление кремированных костей. Часть фрагментов обуглена, часть – деформирована. Вероятно, это скопление – результат совмещения результатов нескольких различных кремаций. Присутствие человека проблематично	Молодое мелкое животное (собака?)

Таблица 5
Щурово. Радиоуглеродные даты из курганов
(Калибровано Calib ver. 5.0.)

Адрес	Шифр ГИН	Возраст ГИН, ВР	Калиброванный возраст, 1 δ
Курган 1, раскоп 2001 г., слой кремации	12721a	1500 $\pm$ 20	552–592
Курган 1, раскоп 2001 г., слой кремации	12721b	1490 $\pm$ 40	561–600
Курган 3, раскоп III, кв. 18, пласт V, глубина –18	13292	1460 $\pm$ 40	575–639
Курган 4, раскоп V, кв. 341, пласт V, глубина от –31 до –11	14379	1380 $\pm$ 20	646–661
Курган 4, раскоп V, кв. 308, пласт II	14781	1290 $\pm$ 20	676–711 746–766

Таблица 6

Щурово. Распределение керамики различных традиций в кургане 1
(по: В.Ю. Ковалю)

	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Слой 1	126	52,9%	8	3,4%	104	43,7%	238	100%
Слой 2	268	66,5%	9	2,2%	126	31,3%	403	100%
Слой 3	152	84%	1	0,5%	28	15,5%	181	100%

Таблица 7

Щурово. Распределение керамики различных традиций в кургане 2,
(по: Н.С. Жеребцовой)

	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Пл. 1–2	9	81,8%	–	–	2	18,2%	11	100%
Пл. 3	16	66,6%	4	16,7%	4	16,7%	24	100%
Пл. 4	7	58,3%	3	25%	2	16,7%	12	100%
Пл. 5	22	59,5%	12	32,4%	3	8,1%	37	100%
Пл. 6	20	87%	3	13%	–	–	23	100%
Пл. 7	11	100%	–	–	–	–	11	100%

Таблица 8

Щурово. Распределение керамики различных традиций в кургане 3
(по: Н.С. Жеребцовой)

	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Пл. 1–2	21	77,8%	5	18,5%	1	3,7%	27	100%
Пл. 3	29	70,7%	7	17,1%	5	12,2%	41	100%
Пл. 4	61	66,3%	22	23,9%	9	9,8%	92	100%
Пл. 5	38	73,1%	11	21,1%	3	5,8%	52	100%
Пл. 6	15	68,2%	6	27,3%	1	4,5%	22	100%
Пл. 7	2	100%	–	–	–	–	2	100%

Таблица 9

Щурово. Распределение керамики различных традиций в кургане 4
(по: Н.С. Жеребцовой)

	ГД		ГШ		ГДШ		Всего	
Пл. 1–2	14	66,7%	7	33,3%	–	–	21	100%
Пл. 3	34	73,9%	10	21,7%	2	4,4%	46	100%
Пл. 4	15	78,9%	4	21,1%	–	–	19	100%
Пл. 5	17	60,7%	8	28,6%	3	10,7%	28	100%
Пл. 6	17	51,5%	12	36,4%	4	12,1%	33	100%
Пл. 7	4	66,7%	2	33,3%	–	–	6	100%

Таблица 10

Список грунтовых погребений Щурово.
(Градациями серого выделены погребения,
которые изначально могли составлять единый объект)

№	Раскоп, год, участок, квадрат	Аналитик-антрополог	Тип скопления	Сосуд-приставка	Яркие находки	Слитки металла	Слитки стекла	Каменные и кремневые
1	Раскоп V, участок 3 2007 г., погребение в кв. 130–131		Ядро+ шлейф	+	Полихромная бусина, кольчуга	+	+	
2	Раскоп V, участок 3, погребение в кв. 139		Плоская линза (?)					
3	Раскоп V, участок 3, погребение в кв. 156		Плоская линза?				+?	
4	Раскоп V, участок 2, яма 3		?	+	Полихромные, четырнадцатигранные синие бусы, биметаллический колокольчик	+	+	
5	Раскоп V, участок 1, кв. 56–57	Е.А. Клещенко	Плоская линза		Зеленый бисер, язычок пряжки		+	
6	Раскоп V участок 4, яма 18	Е.А. Клещенко	В ямке?			+		
7	Раскоп V участок 4, кв. 235–238	Е.А. Клещенко	Над ямкой? Сильно разрушено					
8	Раскоп V участок 4, кв. 251–252	Е.А. Клещенко	Плоская линза? Сильно разрушено					
9	Раскоп VI, участок 1–3	Е.А. Клещенко	Плоская линза (в выположенном понижении?)	+	Синие пронизи (мало находок)			Оселок?
10	Раскоп VI, участок 2, кв. 89		Над ямкой? Сильно повреждено	+	Гитаровидная пряжка, три ременные накладки		+	Фр-т ножевидной пластины

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

№	Раскоп, год, участок, квадрат	Аналитик-антрополог	Тип скопления	Сосуд-приставка	Яркие находки	Слитки металла	Слитки стекла	Каменные и кремневые
11	Раскоп VI, участки 4 и 7, погребение в кв. 173–263	Е.А. Клещенко	Плоская линза	+	Спиральная серьга, фр-т браслета белого металла	+	+	
12	Раскоп VI, участок 4, урновое погребение в кв. 177	Е.А. Клещенко	Урна		Двухслойные пронизы, серебрянностелянная пронизь		+	
13	Раскоп VI, участок 4, погребение в кв. 183	Е.А. Клещенко	Плоская линза		Двухслойная пронизь, синий бисер		+	
14	Раскоп II, участок 11	Е.А. Клещенко, М.В. Добровольская	Урна					
15	Раскоп VI, участок 16	Н.Г. Свиркина	Ядро+шлейф	+	Язычок пряжки, «шплинт», сосуд-приставка, слитки бус	+	+	
16	Раскоп II, участок 12, кв. 313–315	Е.А. Клещенко	Плоская линза		Серьга с граненой головкой и обвивкой плоским дротом, литая серьга (пуговица?) салтовского типа, полихромная бусина, четырнадцатигранные бусы, шаровидные бусы, бисер		+	
17	Раскоп II, участок 22, кв. 792–793	Е.А. Клещенко	Плоская линза				+	
18	Раскоп II, участок 22, кв. 810	Е.А. Клещенко	Ядро?		Язычок пряжки, обломки железного дрота, пронизь белого стекла	+	+	
19	Раскоп II, участок 22, кв. 808	Е.А. Клещенко	Плоская линза?		Железные нож, скоба	+		
20	Раскоп II, участок 22, кв. 773	Е.А. Клещенко	Ямка		Бусы голубого и желтого стекла		+	
21	Раскоп II, участок 22, кв. 790	Е.А. Клещенко	Плоская линза					
22	Раскоп II, участок 22, кв. 796–797	Е.А. Клещенко	Ядро со шлейфом		Рыболовный крючок (?), бусы синего, голубого цветов			

ТАБЛИЦЫ

№	Раскоп, год, участок, квадрат	Аналитик-антрополог	Тип скопления	Сосуд-приставка	Яркие находки	Слитки металла	Слитки стекла	Каменные и кремневые
23	Раскоп II, участок 22, кв. 814	Е.А. Клещенко	Плоская линза					
24	Раскоп II, участок 12, кв. 334–335	Е.А. Клещенко	Ядро+шлейф		Шплинты, фрагменты тонкостенных пластин, золотосеклянная бусина	+	+	
25–26	Раскоп II, участок 13, кв. 357–358 – извлечены монолитами	Е.А. Клещенко, М.В. Добровольская	Плоская линза		Фитильная трубка, голубая бусина, капли ртути			
27	Раскоп VI, участок 5, погребение в кв. 245	Н.Г. Свиркина	Плоская линза?	+	Железная пряжка, пуговица, желтая двуслойная пронизь	+	+	
28	Раскоп II, участок 22, погребение в кв. 820	Е.А. Клещенко	Плоская линза?		Железная пряжка (?)		+	
29	Раскоп II, участок 22, погребение в кв. 830	Е.А. Клещенко	Плоская линза?		Четырнадцатигранные бусы, железная накладка (?), шплинт	+	+	
30	Раскоп II, участок 22, кв. 823	Е.А. Клещенко	В ямке или над ямкой (?)		Полихромная бусина			
31	Раскоп II, участок 13, кв. 398	Е.А. Клещенко	Плоская линза		Шплинт	+	+	
32	Раскоп VI (погребение «у западного борта»), участок 10, погребение в кв. 309	Е.А. Клещенко, Н.Г. Свиркина	Ядро+шлейф		Обломки пластин медного сплава	+	+	
33	Скопление костей на участке 11 2013 и у западного борта участка 13 2014 года		Разреженные кости		Спиральная серьга, бусина-«арбузик», пронизь голубого стекла	+	+	

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

№	Раскоп, год, участок, квадрат	Аналитик-антрополог	Тип скопления	Сосуд-приставка	Яркие находки	Слитки металла	Слитки стекла	Каменные и кремневые
34	Раскоп VI, у восточного борта участка 13		Плоская линза		Биметаллические пряжки с пирамидальным сечением рамки; серьга салтовского типа, двухслойные пронизи с желтой кантарелью, синие и голубые бусины и бисер			
35	Раскоп II, участок 15, кв. 434–439, 428–438 («у западного борта»)	Е.А. Клещенко, М.В. Добровольская	Плоская линза		Пуговица салтовского типа, шплинты, очковидная подвеска	+	+	
36	Раскоп II, участок 15, кв. 451–452 («у южного борта»)	Е.А. Клещенко	Плоская линза		Синяя бисерина			Отщеп
37	Раскоп II, участок 15, кв. 462–467 («у восточного борта»)	Е.А. Клещенко	Плоская линза		Салтовские пуговицы, кольчужное кольцо, желтые и синие многочастные пронизи, шплинты			
38	Раскоп II, участок 15, кв. 445–450 («у северного борта») «погребение ежа»	Е.А. Клещенко	В ямке или над ямкой		Спиральная пронизь	+	+	
39	Раскоп VI, участок 10 Погребение «у восточного борта»	Е.А. Клещенко	Плоская линза??		Спиральная серьга	+	+	
40	Раскоп II, участки 19–20, погребение «у западного борта»	Е.А. Клещенко	Плоская линза	?	Фитильные трубки, салтовские пуговицы, фрагменты пластин с пуансонным орнаментом, железные пряжки (фр.) с квадратной рамкой, четырнадцатигранные бусины, шплинты, спиральные пронизи	+	+	

ТАБЛИЦЫ

№	Раскоп, год, участок, квадрат	Аналитик-антрополог	Тип скопления	Сосуд-приставка	Яркие находки	Слитки металла	Слитки стекла	Каменные и кремневые
41	Раскоп II, участок 19, кв. 630 («у южного борта»)	Е.А. Клещенко	Плоская линза		Салтовская пуговица, язычок пряжки	+		
42	Раскоп II, Ареал костей на участках 19–24, севернее погребения 41		Плоская линза		Шплинты	+		
43	Раскоп VI, участок 10, погребение в кв. 355–356 и 358–359, 368–369	Н.Г. Сvirкина	Плоская линза			+	+	
44	Раскоп VI, участки 10–12 Погребение в кв. 369–392 (погребение Ани и Вовы)	Н.Г. Сvirкина	Линза на склоне или ядро		Салтовская пуговица, пронизь желтого покровного стекла, Железная скоба	+	+	Неправильная пластина
45	Раскоп VI, погребение в центральной части участка 12	Н.Г. Сvirкина	Ядро+шлейф	+	Четырнадцатигранные бусы, железный браслет с расширенными концами, серебряная серьга			
46	Раскоп VI, погребение на участке 14	Н.Г. Сvirкина	Ядро+шлейф? распаханно	+	Фрагменты монет – подражаний дирхемам, серьга салтовского типа, «пробирный камень»	+	+	

Таблица 11
Щурово, грунтовый могильник
антропологическая характеристика погребений

Год	№ погребения	Общий вес (г)	Анатом. н/о фр-ты	Человек					
			Вес (г)	Вес (г)	Миним. кол-во индивидов	Пол	Возраст	Определимые сегменты скелета	Примечание
2007	5	18,9	17	1,2	1?			Фр. труб. кост.	
2011–2012	9	Ок. 500	Ок. 500						
2011	10	100	100						
2012–2013	11	227,74	181,03	45,37	2		Взрослый	Череп, ребра, позвоночник, трубчатые кости конечностей	Травма свода черепа без следов заживления (проникающий удар)
							Ребенок до 10 лет	Премоляр, череп	
2012	12	Менее 10			1		Ребенок?		
2012	13	176			1		Взрослый	Череп, кости конечностей	Незажившая травма черепа?
2009	14	47,5			1	м	Взрослый	Все отделы скелета	Разруб (?) на фрагменте трубчатой кости (возможно-травма)
2014	15	4087,74	3648,98	44,03	2		Взрослый	Череп, позвоночник, ребра, трубчатые кости конечностей, таз?	
							Ребенок	Челюсть	
2009	16	329,85	281,2	23,35	1		Старше 45	Череп, надколенник	
2011	17	ок. 50		?	1			Трубчатые кости	
2011	18	1050	?	?	1	м?	До 20 лет	Все отделы скелета	

Животное				Средний р-р фр-в (мм)	Цветность костей	Температура сжжения
Вес (г)	Миним. кол-во индив.	Определимые сегменты скелета	Примечание			
0,7	1		Животное небольшого размера			
1,34	1??		Возможно, это не животное, а кости ребенка, но на участке найден позвонок животного	10–15	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
				20–30	Серый	450–750 (III–IV)
394,73	3 (МРС, свинья, круп. копытное)	МРС-позвоночник (в т.ч. хвост. отдела), ребро, метаподии; свинья- зуб, ребро, позвоночник, кости конечностей, метаподия; кр. коп. - позвоночник, трубч. кости		20–25	белый- светло- серый	свыше 650 (IV–V)
25,3	1			15		
?	?	Трубчатые кости, кости стоп, позвоночник (хвост. отдел)				
?	?					

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

Год	№ погребения	Общий вес (г)	Анатом. н/о фр-ты	Человек					
			Вес (г)	Вес (г)	Миним. кол-во индивидов	Пол	Возраст	Определимые сегменты скелета	Примечание
2011	19	76	?	?	1		?	?	
2011	20	?			2	ж	Старше 30	Все отделы скелета	Дегенеративно-дистрофические изменения на позвонке
							Ребенок	Все отделы скелета	
2011	21	Ок. 10	Ок. 10						
2011	22	740	?	?	2	м	Взрослый	Череп, все отделы скелета	Незажившая травма черепа?
							?		
2011	23	Ок. 15	Ок.15						
2009	24	5131,42	4934,83	47,57	1		?	Череп, бедро	
2010	25-26	?	?		2?	?	?	Череп, ребро, трубчатые кости	
							Ребенок	Череп, ребро?	
2012	27	1226,74			1		Взрослый (до 35 лет)	Все отделы скелета	
2011	28	Ок. 30	?	?	1	м?	До 25 лет	Трубчатые кости	
2011	29	?	?	?	1		?	Трубчатые кости	
2011	30	Ок. 20	?	?	1		?	Кости конечностей	
2010	31	28,35	14,52	1,1	1	м?	Взрослый	Череп, трубчатая кость	
2013	32	2412,8	2162,87	10,13	1		Около или старше 40	Череп, трубчатые кости конечностей, позвончник	Повышенна порозность на фрагменте черепа(возрастное изменение или патология?)
2010	35	987,24	31,69	Ок. 685	1	м	Около 20 лет	Все отделы скелета	

Животное				Средний р-р фр-в (мм)	Цветность костей	Температура сжигания
Вес (г)	Миним. кол-во индив.	Определимые сегменты скелета	Примечание			
?	?	Позвоночник (хвост. отдел)				
?	?	Череп, трубчатые кости ?				
149,2	?	Зубы		15–20		
?	?			10–15	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
?	2 («крупное»/»мелкое»)				Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
?	?					
?	?					
?	?					
12,73	?					
239,3	1	Череп, позвоночник (в т.ч. хвостов. отдел)	Молодая особь	15–20	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
Ок. 271	?	Суставные поверхности, трубчатые кости	На некоторых фрагментах следы мацерации/ предварительной тепловой обработки?	10–20	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

Год	№ погребения	Общий вес (г)	Анатом. н/о фр-ты	Человек					
			Вес (г)	Вес (г)	Миним. кол-во индивидов	Пол	Возраст	Определимые сегменты скелета	Примечание
2010	36	Ок. 150	Ок. 150						
2010	37	200,26	82,54	ок. 57	1	м?	30–40	Все отделы скелета	
2010	38	289,3	–	274,05	1	м?	Взрослый	Все отделы скелета	
2013	39	1547,64	1230,54	211,1	1	ж?	Старше 40	Все отделы скелета	
2011	40	398,98	206,91	56,72	1	м?	Взрослый	Все отделы скелета	
2011	41	Ок. 211	?	?	1	?	Взрослый		
2013	43	Ок. 20	Ок. 15	Ок. 2	1	?	Взрослый	Череп, стопа	
2013	44	597,82	503,79	55,15	1	м?	Около или старше 40	Череп, ребра, трубчатые кости	
2013	45	9391,25	8028,54	10,78	1	?	?	Череп, трубчатые кости конечностей, позвоночник	
2014	46	489,01	376,08	85,96	2	ж?	Взрослый	Все отделы скелета	
							Ребенок	Свод черепа, скуловая кость	

ТАБЛИЦЫ

Животное				Средний р-р фр-в (мм)	Цветность костей	Температура сжжения
Вес (г)	Миним. кол-во индив.	Определимые сегменты скелета	Примечание			
Ок. 51	?	Череп, суставные поверхности, трубчатые кости				
15,25	?	Зубы, трубчатые кости			Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
106	?		Фрагмент с разрубом	10–15	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
135,35	?			15–20	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
?						
Ок. 3	?			10–15	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
38,88	?			15–20	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
1342,4	?	Череп, зубы		15–20	Белый- светло- серый	Свыше 750 (IV–V)
24,97	3 (птица, грызун, небольшое травоядное животное)			20–25	Белый- светло- серый	Свыше 650 (IV–V)

Таблица 12

Щурово. Радиоуглеродные даты из грунтового могильника

Адрес	Шифр ГИН	Возраст ГИН, ВР	Калибровка дат ГИН, 1s	Шифр Кi	Возраст Кi, ВР	Калибровка дат Ki, 1s
Даты из слоя грунтового могильника						
Раскоп III, пласт 3, кв. 97, глубина –19/–26	13542a	910±90	1034–1189 1197–1207			
Ров кургана 2 [яма 9], слой кремаций	14142	770±30	1227–1233 1239–1248 1251–1274	16218	950±50	1025–1055 1076–1154
Ров кургана 2 [яма 9], слой аллювия	14383	340±70	1481–1530 1539–1634			
Ров кургана 2 [яма 9], углистый слой над стерильной прослойкой	14384г+y	820±100	1050–1082 1125–1136 1152–1280			
Ров кургана 2 [яма 9], над стерильной прослойкой	14385	730±30	1263–1286			
Ров кургана 2 [яма 9], углистый слой под стерильной прослойкой	14384a-y	1190±100	711–746 766–900 917–966			
Ров кургана 2 [яма 9], углистый слой под стерильной прослойкой	14384a	1040±30	986–1021			
Раскоп VI, 2013г.,участок 10, кв. 335	15240б	860±30	1160–1218			

Адрес	Шифр ГИН	Возраст ГИН, ВР	Калибровка дат ГИН, 1s	Шифр Кі	Возраст Кі, ВР	Калибровка дат Кі, 1s
Даты из отдельных грунтовых погребений						
Погребение 24, «уровень 2»	14144a	1160±30	782–789 811–846 856–898 921–944	16217	960±50	1022–1053 1079–1153
Раскоп II, обрамление урнового погребения 14	14144	1760±20	241–260 283–323	16219	2070±40	163–130BC 119–42 BC
Раскоп II, погребение 16	14143	1290±70	656–780 793–803			
Раскоп II, скопление угля в кв. 297–292	14145	940±30	1034–1052 1080–1128 1132–1153			
Раскоп V, участок 2, фрагмент сосуда-приставки погребения 4	–		–	15870	1580±100	388–593
Погребение 28, уровень 5	14777	1220±30	729–736 772–834 835–870			
Погребение 45	15240a	1140±60	783–788 (0,021879) 817– 843 (0,142669) 859–980 (0,835452)			

Таблица 13

Щурово. Радиоуглеродные даты из погребенной аллювием почвы
и скоплений угля на участке 18, 2017 г.*

ГИН 15429	Раскоп VI, уч. 17, кострище под слоем аллювия, мелкодисперсный уголь	550±60
ГИН 15429y	Раскоп VI, уч. 17, кострище под слоем аллювия, крупные фрагменты угля	230±60
ГИН 14381	Кострище на месте центра кургана 5	110±20
ГИН 15666	Раскоп VI, уч. 18, кв. 1072–1073, 1077–1078, яма 18, (–2,765/–2,885)	350±40
ГИН 15671	Раскоп VI, уч. 18, кв. 1045–1046, 1050–1051, около ямы 27, (–2,551/–2,620)	280±80
ГИН 15668	Раскоп VI, уч. 18, кв. 1031, между погребением 47 и ямой 24, (–2,564/–2,585)	1115±35
ГИН 15669	Раскоп VI, уч. 18, кв. 1024–1025, 1029–1030, яма 21, (–2,756/–2,847)	2230±30

* Основная часть материалов с уч. 17 в настоящей публикации не рассматривается.

A.S. SYROVATKO

SHCHUROVO:
ARCHAEOLOGICAL COMPLEX EXCAVATIONS'
MATERIALS OF 2001–2014

Abstract

The monograph considers the results of a complex archaeological site – the ancient settlement and burials of Shchurovo, situated on the right bank of the Oka River in front of the town of Kolomna in Moscow Oblast, 7 km upstream from the mouth of the Moskva River. The publication primarily covers the period from 2001 to 2014, although it includes materials from reconnaissance excavation works in 1993. Furthermore, the excavations of the site are still in progress. In some cases, the author should have referred to the materials revealed in the studies of 2014. The author regards this book as a publication suggesting that the context of Shchurovo, along with other burials on the Middle Oka that share similarities in burial rites, as well as the interpretation of these materials, will be presented in another publication.

History of Studies

The site was first discovered by R.L. Rozenfeldt in 1986. His report does not contain data on trenching. This archaeological site was interpreted as a settlement of the late Dyakovo culture (2nd – 3rd quarter of the 1st millennium AD). The site was examined for the second time by V. Yu. Koval in 1993, who conducted the trench in which the burial-cremation was found. From 2001 to the present,

the author has continued the excavations of the site. In the initial years of excavation, it was stated that the burial found in 1993 was situated inside the object called a “small house of death”. From 2002 to 2010, five similar objects of varying degrees of preservation were studied. In 2007, the first ground cremations were discovered, and in the following years, the main focus was on the study of such kinds of burials.

Chapter 1 is dedicated to the history of the site studies, its topography, stratigraphy, and methodology.

Topography of Shchurovo Complex

The Shchurovo complex, encompassing ancient settlements and burials, is situated on the right bank of the Oka River and is coordinated with a former riverbed. Data from bed deposits drilling and 14C dating of the silt suggest that the arm was formed at the beginning of the Sub-Atlantic period (2660±70 BP). Flooding occurred in several stages, beginning in the 1st millennium BC but the junction from the main bed in the lower part of the arm occurred only about 700–800 BC, i.e. in the period of changing the settlement by the ground cemetery with cremations. From that period, the arm transformed into a creek connected to the river by the upper end. The final junction of the creek and its transformation into an oxbow lake occurred after 1000–1100 AD (Syrovatko et al., 2012; Syrovatko et al., 2019).

The terms “Shchurovo ancient settlement” or “Shchurovo cemetery(ies)” typically refer to a narrow, stretched ledge or hill towering over a narrow bottomland area of an oxbow bank (fig. 1–6).

The eastern slope is deuterogenic, formed after the construction of the cemeteries. The occupation layer on the southern slope has also disappeared (fig. 19). As the hill occupies the highest level of the relief, it was named the «upper ground» after the occupation layer and cem-

eteries on adjacent sectors were revealed (fig. 3, 1). Additionally, the dwelling's occupation layer and ground cemeteries with cremations, an extension of the cemetery on the hill, were discovered at the foot of the hill in the bottomland. The bottomland part of the site was referred to as the "lower ground".

The "middle ground" defines the part of the occupation layer to the south of the hill. It is a narrow line between the balk of a low terrace and the same ground way to Gorodna. It is suggested that the junction of the «upper ground» from the terrace and the downward layer from the eastern and southern slopes occurred during the «Little Ice Age.» The time of these destructions is broadly defined, based on coins and baptismal crosses, from the last third of the 17th century to the first of the 18th century (Syrovatko et al., 2019). Nevertheless, it is proposed that the area between the hill of the "upper ground" and the paleochannel has never been inhabited.

A general description of the site's layers is provided in the section "Stratigraphy." Cultural deposits and burials are covered with an alluvial layer across almost the entire surface. The alluvial layer is particularly robust in the "lower" ground (fig. 16–17), ranging from 60 cm to 1.5 m in depth. The age of the alluvial layer is determined based on coin finds, with the relevant data provided in a table. This information allows us to date the time of alluvial deposits to the 17th century through the first half of the 18th century. The ground cemetery layer underlies the alluvial layer. The cemetery layer consists of black coal sand and is clearly visible in the fillings of the cemetery ditches as black veins of sand, presenting a contrast with the light grey filling of the ditches themselves (fig. 10–11).

This detail of the stratigraphy indicates that the cemetery layer was deposited on the site while the ditches themselves were almost completely filled. The late Dyakovo layer of the "upper" ground was presumably

partially reprocessed and redeposited during the construction of the cemetery. However, it might have been preserved in the footings of the cemeteries. In any case, finds from the ancient settlement period are abundantly represented. Another sector where the late Dyakovo layer of the "upper" ground has been preserved is on the western hill slope (fig. 10). The late Dyakovo layer of the "lower" ground also underlay the layer of the ground cemetery. It was identified to the north of the hill, beginning with sector 10 of trench 6 (fig. 16–17).

The section "Methodology of Excavation Works" provides a brief description of the approaches used in studying the site. A notable feature of this site is the steep gradient of the ground surface and the layer composed of loose sandstone grit. All mounds have been studied using the traditional methodology commonly employed for settlements.

Chapter 2 briefly mentions finds associated with the Stone Age. One object, presumed to have a Paleolithic form, was discovered in the depth of sand deposits dating back to the Pleistocene Age (during the cleaning of the ditch bottom of the cemetery – fig. 23, 3). Most of the finds belong to the Mesolithic period (fig. 20–25). Among them are fragments of ceramics and arrowheads from the Neolithic Age of the Lyalovo Culture (fig. 21, 19), along with two arrowheads from the Bronze Age (fig. 24, 5; 25, 13).

Chapter 3 delves into the occupation layer of the ancient settlement on the "upper" ground (fig. 19). It describes finds and ceramics from the Great Migration period, suggesting that the ancient settlement primarily functioned in the second quarter of the 1st millennium AD (fig. 30–31). While there is evidence (textile ceramics) indicating that the hill was initially inhabited in the

1st – the 2nd centuries AD, these materials likely appeared in the ground during the construction of the “small house of death”. Two pits (№ 1–2 of the excavation trench 7) are considered separately; according to the initial hypothesis, they could have been part of residential structures (fig. 26–29). The conclusion is drawn that they likely belonged to the ditch of another “barrow” situated on the south edge of the hill, which was subsequently destroyed by floods in modern times.

Chapter 4 focuses on the intricate structures known as “barrows with the fence in the mound,” which the author interprets as archaeological remnants of constructions where cremations and remains of funeral pyres were deposited. In the Russian archaeological tradition, such structures are termed “the small houses of death” (fig. 89). Only five such objects are currently known (fig. 19). Objects № 1–3, 5 had a fence with discernible traces on the ground in the form of a groove (fig. 55), surrounded by ditches. Object № 4 constituted a cluster of cremations piled on top of one another, with the pit on the south side of the burials serving as a ditch (fig. 75). A circular construction was absent. A burial inside the fence was discovered only in “the small house of death” № 1, while in others, it was likely destroyed at a later time. Presumably, burials might have been positioned on top of these constructions, as suggested by bones found in the bottom part of the ditch filling in “the small houses of death” № 3 and 5 (fig. 63; 84). However, the layer in all barrows is saturated with non-cluster calcinated bones.

The contents of finds and ceramics in the mounds are analyzed separately. The conclusion is drawn that, with the exception of the so-called central burial of barrow 4 (fig. 82, 1–3) and a buckle from barrow 1 (fig. 54, 1, 14), all of them are not part of the funeral rites but are contemporaneous with an occupation layer. The suggestion is put forward that this layer was not derived from the top of the

“upper ground,” where the barrows are located, but was instead taken from the site of cremation, likely situated in the settlement. It is noteworthy that all the barrows share commonalities in objects indicating jewelry production: fragments of molding forms, fragments of crucibles, and metal splashing. It is not ruled out that the place of cremation in the settlement was integrated with the location of metal fusion.

Chapter 5 presents the material from the ground cemetery with cremations (fig. 93–293), describing 46 burials and various objects found at the site, including a cluster of cremated finds—objects separated from bones after cremation and deposited separately. Palynological evidence suggests that the funeral pyre was located outside the cemetery, primarily using oak wood as fuel, a prevalent resource in the surrounding forest stand (Семеняк и др., 2018). Fir branches, less likely to be found locally, were also employed for firing (Сыроватко и др., 20126). The funeral rite of the Shchurovo ground cemetery was intricate, multi-staged, and variable.

The position of the body in the fire varied, with the bones of «the small houses of death» cremations being larger, indicating lower temperatures compared to the cremations in the ground part. The best preservation of limbs and spinal bones suggests the position of the body «under the wood» in the cremations in «the small houses» and «above the wood» in the cremations of the ground cemeteries. During cremation, individuals were accompanied by different animals, the species of which remain unknown, but diversity is evident. An exception is urn burials where animal bones are absent. Despite some burials being substantial, human bones did not always occur in their entirety, with some remaining in the place of cremation.

The inclination to adorn the deceased with elaborate attire posed a challenge for the expedition. The Saltovo

garments, characterized by their loose fit, buttons, and abundance of beads, were not exclusive to female burials; they were also present in male burials. This practice obscured the ethnographic uniqueness of the population, making it difficult to discern an indigenous culture amidst the abundance of imported items, assuming such a culture existed. In addition to the «Khazar veil,» there are objects with a potential northern (Scandinavian?) origin.

An analysis of various data sources (palynology, phytoliths, ceramic paste composition, vessel forms, and archaeological reconnaissance of adjacent territories) led the author to the preliminary conclusion that the cemetery was not associated with a specific settlement. No such settlement has been discovered. It is suggested that the cemetery might have served as a funeral center, where members from different, possibly distant, communities buried their deceased.

ЛИТЕРАТУРА
И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Алексеев С.И., Зеленец Ю.А., Мартыанов В.Н., 1990. Могильник Красное III // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья / Отв. ред.: Ю.А. Зеленец. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета (МарГУ). С. 83–100.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: «Наука». 111 с. (САИ; вып. Д1-30).
- Ахмедов И.Р., 2001. Воинское погребение из могильника Борок II // ТАС. Вып. 4. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство. С. 111–119.
- Белоцерковская И.В., 2005. Уникальный сосуд из рязанского могильника Заречье // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. Труды ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 283–293.
- Белоцерковская И.В., 2015. Застежки-сюльгамы из рязанских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 107–131.
- Бессарабова З.Д., 1983. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н.э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 15 / Ред. М.Б. Щукин. Л.: Аврора. С. 65–82.
- Бубликов В.В., Прошкин О.Л., Добровольская М.В., 2008. Курганный могильник Рыжково на реке Протве // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара
- Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 108–123.
- Валиулина С.И., 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет. 279 с.
- Винников А.З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж. Воронеж: Воронежский государственный университет. 192 с.
- Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: Воронежский государственный университет. 168 с.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / Науч. ред. И.М. Петербургский. Саранск: Б/и. 349 с.
- Вишневский В.И., 2002. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубне // ТАС. Вып. 5 / Отв. ред.: И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей. С. 550–555.
- Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.
- Вишневский В.И., Новоселова Т.Н., 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 годов) // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 67–82.
- Воронцов А.М., 2010. Горизонт черняховского влияния на памятниках мощинской культуры // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень. (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова) 15–17 жовтня 2010 р.: Збірка тез доповідей на конференції. К.: Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2010. С. 24–28.
- Воронцов А.М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела / Науч. ред. И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.
- Воронцов А.М., 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. // Раннесредневековые древ-

- ности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М.Обломский, И.В.Исланова. М.: ИА РАН. С. 221–260. (Раннеславянский мир. Вып. 17).
- Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2015. Городище Велегож на правом берегу Верхней Оки // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 9–56.
- Гавритухин И.О., 1989. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // *Vakkaru baltu archeologija ir istorija*. Klaipeda. С. 78–85.
- Гавритухин И.О., 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. № 12. Мінск. С. 43–58.
- Гавритухин И.О., 2005. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // *Archeologia o początkach słowian*. Kraków. С. 403–461.
- Гавритухин И.О., 2007. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 9–24. (Раннеславянский мир. Вып. 9).
- Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // *Пермский мир в раннем средневековье* / Отв. ред. Иванов А.Г. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. С. 99–159. (*Archaeologia Permica*; вып. 1)
- Гавритухин И.О., Воронцов А.М., 2008. Фибулы Верхнеокско-Донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле». С. 28–89.
- Гей О.А., Бажан И.А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: б.и. 144 с.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского университета. 280 с.
- Голубева Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии: памяти С. В. Киселёва: К 60-летию со дня рожд. М.: Наука. С. 257–260. (МИА; № 130.)
- Голубева Л.А., Кочуркина С.И., 1991. Белозерская весь / Науч. ред. В.В.Седов. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра АН СССР. 198 с.
- Григорьев А.В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 207 с.
- Готье Ю.В., 1928. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // Труды Института археологии и искусствознания (Ранион). Т. IV. (Сборник в честь Городцова). М.: б.и. С. 138–144.
- Гришаков В.В., Зеленев Ю.А., 1999. Муром // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и лит. УрО РАН. С. 100–113.
- Дмитриев А.В., 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 200–206.
- Доброва О.П., Торопов С.Е., 2009. Стекланные бусы городища «Княжая Гора» (Пески-1) под Демянском // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 54 заседания. Псков: ИА РАН. С. 273–285.
- Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М. (МИА; № 156). С. 5–98.
- Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.: Наука. 1974. С. 198–281.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История. 667 с. (Труды Ин-та истории материальной культуры; Т. XXXIII).
- Жеребцова Н.С., Сыроватко А.С., 2018. Об опыте выделения культурно-хронологических групп позднелазовского населения (на основании технико-технологического анализа керамики Щуровского археологического комплекса) // ТАС. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ. С. 395–406.

- Захаров С.Д., 1996. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА № 2. С. 207–218.
- Захаров С.Д., Меснянкина С.В., 2011. Крутик: новые открытия // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.: Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 32–33.
- Иванова М.Г., 1999. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и лит. УрО РАН. С. 207–254.
- Изюмова С.А., 2002. Супрутский клад 1969 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1: Археология / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Инфра. С. 88–108.
- Исланова И.В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: ИА РАН. 288 с.
- Исланова И.В., 2008. Городище Отмичи (Раннеславянский мир. Выпуск 11). М.: Институт археологии РАН, 2008. 284 с.: ил.
- Казанский М.М., 2015. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *Stratum plus*. № 5. С. 43–95.
- Кирипичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / Отв. ред. М.К. Каргер. Л.: Наука. 92 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Кирипичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука. С. 298–363. (Археология СССР).
- Клейн Л.С., 2011. История археологической мысли. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ. 687 с.
- Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 83–187. (Археология СССР).
- Коваль В.Ю., 1993. Отчет об археологических разведках в Озерском и Луговичском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 17732.
- Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В., 2014. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северной земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования / Гл. ред. П.Н. Петров. Казань: Отечество. С. 6–160. (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 18).
- Краснов Ю.А., 1966. Из истории железных серпов в лесной полосе европейской части СССР // КСИА. Вып. 107. С. 17–27.
- Краснов Ю.А., 1969. О некоторых сторонах взаимоотношений балто-финно-угорских племен западной части Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 119. С. 3–13.
- Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник: (К истории Горьков. Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.
- Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Канд. дисс. // Архив ИА РАН. Р-2. 2392.
- Кренке Н.А., 2004. «Темные века» в истории заселения Москвы-реки (VIII–IX вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. В 3-х т. Том. I / Отв. ред. Л.А. Беляев, Т.И. Макарова, С.З. Чернов. М.: ИА РАН. С. 60–64.
- Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. н.э. – I тыс. н.э. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю., 2011. Литейные формы финального этапа существования Дьякова городища // Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. н.э. – I тыс. н.э. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 101–106.
- Куртов Ю.В., 1962. Отчет о раскопках курганной группы у д. Марусино и кургана у Кривого озера в Люберецком районе по Открытому листу № 38 от апреля 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2468–2468а.
- Куртов Ю.В., 1964. Отчет о раскопке кургана № 2 у Кривого озера в Люберецком районе по Открытым листам № 29 от 4 мая 1963г. № 38 от 8 мая 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2888–2888а.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев, Ф. Дайм. М.: Геоэко. 340 с. (Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья; вып. 4).
- Лопатина О.А., Тавлинцева Е.Ю., 2017. Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке / Отв. ред. Л.А. Беляев, М.И. Гоняный. М.; Смоленск: Свиток. С. 345–361.

- Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I. Способы изготовления, ареал, время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л.: Сов. художник. С. 64–94.
- Магомедов Б.В., Левада Л.Е., 1996. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V / ред.-сост. А.М. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 304–323.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 2007. Новые исследования средневековых могильников с кремациями на севере Европейской России // РА. № 1. С. 89–105.
- Максимов А.Д., 2001. Типология железных ножей с городища Орлов городок // ТАС. Вып. 4. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство. С. 67–72.
- Максимов А.Д., 2002. Типология железных ножей городища Отмичи // ТАС. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей. С. 468–476.
- Максимов А.Д., Розанова Л.С., 1998. Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей С. 367–374.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. / Под общ. ред. Б.С. Рыбакова. М.: Наука. 184 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 19. Л.: Аврора. С. 74–85.
- Михайлова Е.Р., 2013. Находки предметов вооружения в культуре псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica / Vol. IX / уклад М.А. Плавинский, Сидарович. Минск: Галіяфы. С.29–44.
- Михайлова Е.Р., 2014. Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.: ИА РАН; М.; Вологда: Древности Севера. С. 317–335.
- Мурашева В.В., 2015. Серьги славян Хазарского каганата // Города и веси Средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 161–168.
- Недошивина Н.Г., 1991. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимиревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. М.В. Седова. М.: ИА РАН. С. 165–181.
- Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. 296 с.
- Носов Е.Н., 1974. К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры // КСИА. Вып. 139. С. 8–12.
- Обломский А.М., 2015. Хронология верхнедонских памятников середины 1 тыс. н.э. // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 291–295. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
- Обломский А.М., 2016. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 10–113. (Раннеславянский мир. Вып. 17).
- Обломский А.М. Козмирчук И.А., 2015. Поселение позднеримского и гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 75–133. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 209 с. (МИА; № 142).
- Плетнева С.А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 62–75. (Археология СССР).
- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. (Дмитриевский археологический комплекс) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 288 с.

- Плеханова Л.Н., Каширская Н.Н., Сыроватко А.С., 2020. Активность целлюлозолитических микроорганизмов в грунтах кремированных захоронений как индикатор деталей погребального обряда // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19. № 1. С. 116–129. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.6>.
- Полное собрание русских летописей. 1927. Том. 1. Вып. 2. Л.: Академия Наук СССР. 488 с.
- Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., 2013. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднетьяковского времени // КСИА. Вып. 230. С. 260–266.
- Розенфельдт И.Г., 1970. Керамические погремушки // Древние славяне и их соседи: (сборник статей: посвящен 60-летию П.Н. Третьякова) / Отв. ред. Ю.В. Кухаренко. М.: Наука. С. 56–60. (МИА. № 176).
- Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 90–197.
- Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука. 179 с.
- Розенфельдт Р.Л., 1986. Отчет об археологических разведках на территории Московской обл. в 1986 году // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 11831.
- Румянцева О.С., 2007. Культура рязано-окских могильников. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 213–245. (Раннеславянский мир. Вып. 9).
- Румянцева О.С., 2010. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Оксо-Сурском междуречье в эпоху римских влияний и Великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: Проблемы и материалы / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 277–300. (Раннеславянский мир. Вып. 13).
- Савельева Э.А., 1971. Пермь Вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми М.: Наука. 228 с.
- Святкин С.В., 2001. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск: МГПИ. 186 с.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 327 с. (Археология СССР).
- Седов В.В., 1998. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов // РА. № 2. С. 54–67.
- Седова М.В., 1997а. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука. С. 63–79.
- Седова М.В., 1997б. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 235 с.
- Семеняк Н.С., Трошина А.А., Сыроватко А.С., 2016. Опыт применения микробиоморфного анализа при изучении слоя Щуровского могильника и селищ (Московская область, I тыс. н.э.) // Динамика окружающей среды и глобальные изменения климата. Вып. 1 (13). Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет. С. 132–139.
- Семеняк Н.С., Гольева А.А., Сыроватко А.С., Трошина А.А., 2018. Определение пород дерева по углям для целей палеоэкологических реконструкций (по материалам археологических памятников второй пол. I тыс. н. э. на Средней Оке) // Проблемы региональной экологии. № 4. ООО Издательский дом «Камертон». С. 88–92.
- Сидоров В.В., 1993. Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском районах Московской области. Часть II // Архив ИА РАН. Р-1. № 17982.
- Сидоров В.В., 2004. Первые вятичи на Средней Оке // Археология Верхнего Поочья: материалы VI научной конференции 28 февраля – 3 марта 1995 г. Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н.Ф. Бочкаревой.
- Сорокин А.Н., 2002. Мезолит Жиздринского Полесья: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Наука. 252 с.
- Смирнов К.А., 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье (Троицкое городище) / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 80–98. (МИА; № 184).
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 7–89.
- Смирнов К.А., 1982. Предисловие редактора // Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука. С. 3–4.
- Смирнов К.А., 1994. Проблема периодизации памятников городецкой и дяковской культуры // РА. № 2. С. 85–97.

- Сташенков Д.А., 2013. Об особенностях погребального обряда населения Самаро-Симбирского Поволжья хазарской эпохи // *Культуры степной Евразии второй половины I тысячелетия н.э.* Материалы V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. С. 78–91.
- Сыроватко А.С., 2001а. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея // *КСИА*. Вып. 212. С. 81–89.
- Сыроватко А.С., 2001б. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 22 с.
- Сыроватко А.С., 2005. Сетчатая керамика селища Щурово и ее археологический контекст // *История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания*. Сборник материалов Второй Областной научно-практической конф. (Коломна, 19 мая 2005 г.). Коломна: КГПИ. С. 216–219.
- Сыроватко А.С., 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры / Науч. ред. С. Григорян. М.: CheBuk. 351 с. (Материалы и исследования по археологии Коломны и Коломенского края).
- Сыроватко А.С., 2010. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // *КСИА*. 2010. Вып. 224. С. 297–304.
- Сыроватко А.С., 2011. Новые формы кремаций Щуровского могильника // *Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов IV региональной научно-практической конференции (Ступино, 4 марта 2011 г.)* / Отв. ред.: Э.Э. Фомченко. Ступино: Инлайт. С. 130–137.
- Сыроватко А.С., 2013. Новые материалы могильника Лужки «Е» // *Археология Подмосковья*. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 57–67.
- Сыроватко А.С., 2014. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // *РА*. № 3. С. 63–76.
- Сыроватко А.С., 2017. Отчет о раскопах селища и могильника Щурово и могильника Кременье в Коломенском и Ступинском районах Московской области в 2017 году // *Архив ИА РАН*, Р-1. № 57913–57914.
- Сыроватко А.С., Добровольская М.В., 2022. Изотопные данные к реконструкции мобильности населения долины Средней Оки в V–XII вв. // *КСИА*. Вып. 266. С. 346–358.
- Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Клочко А.А., Шишников Д.Л., 2008. Опыт междисциплинарных исследований погребального комплекса Щурово // *Археология Подмосковья*. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 99–104.
- Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., 2011. Грунтовое погребение – кремация Щуровского могильника из раскопа 2010 года // *Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов IV региональной научно-практической конференции (Ступино, 4 марта 2011 г.)* / Отв. ред.: Э.Э. Фомченко. Ступино: Инлайт. С. 138–145.
- Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., 2017. Грунтовые погребения-кремации XII века: новые исследования курганного могильника Кременье // *Археология Подмосковья*. Вып. 13 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 45–56.
- Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., Добровольская М.В., 2012а. Урновое погребение Щуровского могильника // *Археология Подмосковья*. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 86–94.
- Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А., Трошина А.А., 2012б. Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 119–132.
- Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Мальцева Е.А., Трошина А.А., 2012в. Погребальный обряд Щуровского могильника: новые результаты междисциплинарных исследований // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 133–145.
- Сыроватко А.С., Сидоров В.В., Клещенко Е.А., Трошина А.А., 2013а. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями // *Археология Подмосковья*. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 52–56.

- Сыроватко А.С., Трошина А.А., Клеценко Е.А.*, 2013б. Урновое погребение 2012 года на Щуровском могильнике // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов VI региональной научно-практической конференции (Ступино, 6 марта 2013 г.) / Отв. Ред. Э.Э. Фомченко. Ступино: Инлайт. С. 193–198.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А., Гольева А.А., Шишков В.А.*, 2014. Скопления «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность? // Археология Подмосквья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 42–56.
- Сыроватко А.С., Тодорова А.А.*, 2009. Стекланные бусы погребения Щурово (предварительное исследование) // Вестник КГПИ. № 2 (8). С. 7–11.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А.*, 2010а. Состав стекланных бус в погребениях Щуровского могильника // Вестник КГПИ. № 2 (10). С. 9–16.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А.*, 2010б. Пространственная структура грунтового погребения Щуровского могильника // История и культура Подмосквья: проблемы изучения и преподавания. Вып. II / Отв. ред. Д.В. Ковалев. Коломна: Изд-во Московского государственного областного социально-гуманитарного института (МГОСГИ). С. 160–163.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А.*, 2015. Щуровский могильник: некоторые итоги 2011 г. // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов VII и VIII региональной научно-практической конференции (Ступино, 2015г.) / Отв. Ред. Э.Э. Фомченко. Коломна, Ступино: Инлайт. С. 107–118.
- Сыроватко А.С., Потемкина О.Ю., Трошина А.А., Свиркина Н.Г.*, 2015а. Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года // КСИА. Вып. 241. С. 165–173.
- Сыроватко А.С., Клеценко Е.А., Свиркина Н.Г., Трошина А.А.*, 2015б. Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений // Археология Подмосквья. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 147–154.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А., Свиркина Н.Г., Клеценко Е.А.*, 2015в. Погребения из раскопок Щуровского могильника 2014 года // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов VII и VIII региональной научно-практической конференции (Ступино, 2015 г.) / Отв. Ред. Э.Э. Фомченко. Коломна, Ступино: Инлайт. С. 119–131.
- Сыроватко А.С., Панин А.В., Трошина А.А., Семеняк Н.С.*, 2016. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса // Археология Подмосквья. Вып. 12 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 53–63.
- Сыроватко А.С., Гольева А.А.*, 2017. Опыт применения анализа валового фосфора на примере поселения и могильника Щурово (ранний железный век – раннее средневековье) // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика». Пушкино: Товарищество научных изданий КМК. С. 181–183.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А.*, 2017. Позднелазовские бусы Щурово: первый опыт разделения коллекции // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов IX и X региональной научно-практической конференции (Ступино, 2016 г.) / Отв. Ред. Э.Э. Фомченко. Ступино: Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Ступинский историко-краеведческий музей». С. 175–185.
- Сыроватко А.С., Жеребцова Н.С.*, 2017. Позднелазовская керамика Щуровского селища: новые данные технико-технологического анализа и наблюдений за ее составом в комплексах // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сборник материалов IX и X региональной научно-практической конференции (Ступино, 2016 г.) / Отв. Ред. Э.Э. Фомченко. Ступино; Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Ступинский историко-краеведческий музей». С. 166–174.
- Сыроватко А.С., Панин А.В., Зарецкая Н.Е.*, 2017а. Роль изменений водного режима р. Оки в формировании Щуровского археологического комплекса в последнем тысячелетии // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке / Отв. ред. Л.А. Беляев, М.И. Гоняный. М.; Смоленск: Свиток. С. 40–50.
- Сыроватко А.С., Тавлинцева Е.Ю., Лопатина О.А., Жеребцова Н.С.*, 2017б. Керамика Эпохи Великого пере-

- селения народов на средней Оке как отражение культурного многообразия региона // V (XXI) Всероссийский археологический: съезд сб. науч. трудов / Отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул: Алтайский государственный университет. С. 1007–1008.
- Сыроватко А.С., Гольева А.А.*, 2018. О следах древней распахивки на Щуровском могильнике // Археология Подмосквья. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 505–511.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А., Гольева А.А., Семеняк Н.С., Жеребцова Н.С.*, 2018а. Размышления о пользе комплексного естественно-научного исследования // ТАС. Вып. 11 / Под ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО Издательство «Триада». С. 468–476.
- Сыроватко А.С., Свирикина Н.Г., Жеребцова Н.С.*, 2018б. Опыт антропологического анализа кремаций финала раннего железного века: единственное уцелевшее погребение в курганах Щуровского могильника // ТАС. Вып. 11 / Под ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО Издательство «Триада». С. 602–616.
- Сыроватко А.С., Свирикина Н.Г., Клещенко Е.А.*, 2019. Биритуальность в погребальном обряде «вятичей»: парадоксы могильника Кремень // РА. № 4. С. 86–101.
- Тавлицева Е.Ю.*, 2001. Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосквья // ТАС. Вып. 4. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство. С. 73–87.
- Тавлицева Е.Ю.*, 2010. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н.э. // Археология Подмосквья. Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 24–33.
- Тавлицева Е.Ю., Лопатина О.А.*, 2009. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища Щурово // Археология Подмосквья. Вып. 5 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 455–475.
- Трошина А.А., Сыроватко А.С.*, 2018. Палеоландшафты округа Щуровского могильника в I тысячелетии н.э. (данные спорово-пыльцевого анализа культурного слоя) // РА. № 2. С. 68–82.
- Уткин А.В., Черников В.Ф.*, 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола: МарНИИ. С. 41–66. (Археология и этнография Марийского края; вып. 23).
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. 512 с. (Археология СССР).
- Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. 1999 / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и лит. УрО РАН. 390 с.
- Френкель Я.В.*, 2007. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. СПб.: ООО Издательство «Альфарет». С. 78–117.
- Хвоцинская Н.В.*, 2002. Погребальные дерево-земляные сооружения на западе Новгородской земли // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК. С. 114–121.
- Шарова О.А.*, 2004. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I-м тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы VI науч. конф. 28 февраля – 3 марта 1995 года. Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н.Ф. Бочкаревой. С. 65–72.
- Büntgen U., Sigl M., Myglan V.S., Kirilyanov A.V., Ljungqvist F.C., McCormick M., Di Cosmo N., Jungclauss J., Wagner S., Krusic P.J., Esper J., Kaplan J.O., De Vaan M.A.C., Luterbacher J., Wacker L., Tegel W.*, 2016. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // NATURE GEOSCIENCE. 9. P. 231–236.
- Callmer J.* 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Bonn A. R./Germany Rudolf Habelt Verlag. Lund/Sweden CWK Gleerup. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4 № 11). 260 p.
- Harper K.*, 2017. The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire. Princeton – Oxford: Princeton University Press. 417 p. (The Princeton History of the Ancient World).
- Walker P.L., Miller K.P.*, 2005. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 40. P. 23–45.
- Syrovatko A., Zaretskaya N., Troshina A., Panin A.*, 2012. Radiocarbon chronology of the Schurovo burial mound cremation complex (the Viking Times, Middle Oka river,

- Russia) // Radiocarbon. Vol. 54. Nr. 3–4. Tucson. 2012. P. 771–781.
- Syrovatko A.S., Panin A.V., Troshina A.A., Zaretskaya N.E.*, 2019. Magnitude and chronology of extreme floods in the last 2 ka based on the stratigraphy of a riverine archeological site (Schurovo settlement, middle Oka River, Central European Russia) // Quaternary International. V. 516. P. 83–97. DOI: 10.1016/j.quaint.2018.10.002.
- Svirkina N., Syrovatko A.*, 2016. «The largest cremation» of the burial ground Schurovo: typical or exclusive? // 22 nd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. 31st August – 4th September 2016. Abstracts. Vilnius. P. 162.
- Tvauri A.*, 2012. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia / Eds. Margot Laneman. Tartu: Tartu University Press. 384 p. (Estonian Archaeology, 4).
- Tvauri A.*, 2014. The impact of the climate catastrophy of 536–537 AD in Estonia and neighbouring areas // Estonian Journal of Archaeology. 18 (1). P. 30–56.
- Wickholm Anna*, 2005. The cremation cemeteries under flat ground – a representative of what? // Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbeiträge der 1. Linzer Gespräche zur Interpretativen Eisenzeitarchäologie. Studien zur Kulturgeschichte von Oberösterreich / Eds. R. Karl, J. Leskovar. Linz: Oberösterreichischen Landesmuseum. Vol. 18. P. 31–40.

СПИСОК РИСУНКОВ С УКАЗАНИЕМ
ДЛЯ НАХОДОК НОМЕРА ПО ОПИСИ
(НУМЕРАЦИЯ РИСУНКОВ СОГЛАСНО НОМЕРАМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ МОНОГРАФИИ)

Рис. 18. Щурово. Нателные кресты из аллювиального слоя: 1 – из горизонта аллювия под прослоями песка уч. 2, Р. VIII/2016 г., 2 – из пахотного слоя на восточном склоне холма, уч. 23, Р. II/2011 г.

Доцуровские находки

Рис. 20. Щурово. Находки эпохи камня (работы 2002–2005 г.). Полевые номера находок и год раскопок:
1 – № 14/2002; 2 – № 23/2003; 3 – № 23/2005; 4 – № 30/2005

Рис. 21. Щурово. Находки эпохи камня (работы 2006 г.). Полевые номера находок:
1 – № 8; 2 – № 15; 3 – № 17; 4 – № 18; 5 – № 36; 6 – № 38; 7 – № 45; 8 – № 47; 9 – № 52; 10 – № 64; 11 – № 133;
12 – № 65; 13 – № 77; 14 – № 87; 15 – № 89; 16 – № 141; 17 – № 103; 18 – № 144; 19а – № 148а; 19б – № 148б

Рис. 22. Щурово. Находки периода мезолита (работы 2006 г.). Полевые номера находок: 1 – № 90; 2 – № 92;
3 – № 95; 4 – № 93; 5 – № 122; 6 – № 102; 7 – № 105; 8 – № 113; 9 – № 114; 10 – № 119; 11 – № 121

Рис. 23. Щурово. Находки эпохи камня (работы 2007–2008 гг.). Полевые номера находок и год раскопок:
1 – № 5/2007; 2 – № 37/2007; 3 – № 55/2008; 4 – № 300/2007; 5 – № 451/2007;
6 – № 41/2007; 7 – № 78/2007; 8 – № 79/2007

Рис. 24. Щурово. Находки эпохи камня и бронзы (работы 2011 г.). Полевые номера находок:
1 – № 1; 2 – № 3; 3 – № 49; 4 – № 112; 5 – № 63

Рис. 25. Щурово. Находки эпохи камня и бронзы (работы 2011 г.) (продолжение). Полевые номера находок:
1 – № 122; 2 – № 176; 3 – № 178; 4 – № 181; 5 – № 193; 6 – № 204; 7 – № 206; 8 – № 207; 9 – № 210;
10 – № 186; 11 – № 255; 12 – № 236; 13 – № 262; 14 – № 265; 15 – № 294; 16 – № 302

Находки из слоя «верхней» площадки

Рис. 27. Профильные части керамики из ямы 1.
1 – Р. VII/2014, уч. 2, яма 1. ГД; 2 – Р. VII/2014, уч. 2, кв. 28–31. ГДО; 3 – Р. VII/2014, уч. 2, яма 1. ГД

Рис. 29. Щурово. Р. VII/2014, профиль ямы 2 по западной стенке с находками. 1–2 – профили. 3–5 – находки

Рис. 30. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов.

1–44 – профильные части керамики «верхней» площадки. Для фрагментов керамики указаны номер раскопа, год, объект и квадраты (при наличии). Аббревиатурой обозначена рецептура теста.

Если характер обработки поверхности не указан, подразумевается гладкостенный (нелощеный):

1 – Р. I/2001 (к. 1), пл. 4, кв. 15, ГД; *2* – Р. III/2005 (к. 3), пл. 3, кв. 6, 7, 14. Подлощенный, ГДШ;
3 – Р. III/2005 (к. 3), пл. 3, кв. 6, 7, 14. Подлощенный, ГД; *4* – Р. III/2005 (к. 3), пл. 3, кв. 6, 7, 14. ГШ(О?);
5 – Р. III/2003, просейка слоя. ГД; *6* – Р. V/2008 (к. 4), уч. 7, пл. 4, кв. 335. Чернолощенный, ГДШ(О?);
7 – Р. VI/2011, уч. 1, верхняя часть пл. II. ГШО; *8* – Р. V/2007, уч. 2, кв. 83. ГД; *9* – Р. II/2002. (к. 2), пл. 3, кв. 10. ГД(О?); *10* – Р. V/2008 (к. 4), уч. 7, пл. 5, кв. 330. ГШ; *11* – Р. VI/2011, уч. 1, верхняя часть пл. I. ГДШ;
12 – Р. V/2008 (к. 4), кв. 343. ГД; *13* – Р. V/2008 (к. 4), бровка. ГДШ; *14* – Р. V/2009, яма 26. ГДШО;
15 – Р. II/2009, просейка слоя. Подлощенный, ГДШ(О?); *16* – Р. II/2009, пл. 3, кв. 319. ГДО; *17* – Р. VI/2011, уч. 1, пл. 1, верхняя часть. ГД; *18* – Р. V/2008 (к. 4), просейка слоя. ГДШ; *19* – Р. II/2011 уч. 22, пл. 4, кв. 802, 807, 819. ГД; *20* – Р. VI/2011, уч. 1, пл. 4, кв. 37, 41, 48, 59, 63. ГДШ; *21* – Р. V/2009, бровка. ГШО;
22 – Р. V/2009, уч. 8, пл. 3, кв. 374. ГДШО; *23* – Р. V/2008, уч. 7, пл. 3, кв. 325. Подлощенный, ГД;
24 – Р. II/2009, просейка слоя. Лощеный, ГДО; *25* – Р. II/2009, пл. 3, кв. 317. ГДО; *26* – Р. V/2009, пл. 2, кв. 367. Подлощенный, ГДО(Ш?); *27* – Р. V/2009 г., пл. 2, кв. 369. ГШО; *28* – Р. V/2009 г., уч. 2, пл. 1. Подлощенный, ГДО(П?); *29* – Р. V/2009, пл. 4, кв. 365. ГШО; *30* – Р. V/2009, пл. 3, кв. 368. ГДШО; *31* – Р. II/2009, пл. 3, кв. 315. ГДО; *32* – Р. V/2009, пл. 5, кв. 373, просейка слоя, ГШ. *33* – Р. II/2009, пл. 3, кв. 317. ГДО;
34 – Р. V/2009, пл. 3, кв. 3. ГШО; *35* – Р. V/2009, пл. 6, кв. 372. Подлощенный. ГДО; *36* – Р. II/2009, пл. 3, кв. 312. Лощеный. ГДО(Ш?); *37* – Р. II/2009, уч. 2, пл. 4. ГД; *38* – Р. V/2009, уч. 8. ГШО; *39* – Р. V/2009, уч. 8, пл. 1, просейка слоя. ГДО; *40* – Р. II/2009, пл. 3, кв. 513. ГДО; *41* – Р. V/2008, бровка. ГДШ;
42 – Р. V/2009, уч. 8, ГДО(Ш?); *43* – Р. V/2009, пл. 6, кв. 369. ГШР; *44* – Р. V/2009, пл. 6, кв. 373. ГШ(О?)

Рис. 31. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов.

1–9 – профильные части керамики «нижней» площадки. В подписях, помимо адреса, может быть указан полевой шифр тахеометра. *1* – Р. VI/2013г., уч. 12, яма 7. ГДШ; *2* – Р. VI/2013 г., уч. 6, кв. 304. ГДШ(П?);

3 – Р. VIII/2015 г., уч. 1, пл. 3. Тах. № 2007, 2173, 1755–1766. ГШО; *4* – Р. VI/2014 г., № 77 по полевой описи и № 1921–1939 по тахеометру. Сетчатый (ППТК), ГД; *5* – Р. VIII/2015 г., уч. 1, пл. 3, слой черного песка. Тах. № 2153. ГДШ; *6* – Р. VI/2014 г., уч. 14. Тах. № 2108–2119. ГДШ; *7* – Р. VIII/2015 г., уч. 1, пл. 2. Тах. № 2693. ГД(О?); *8* – Р. VIII/2015 г., уч. 1. Тах. № 945–949. ГДШ; *9* – Р. VIII/2015 г., уч. 1, пл. 2. Тах. № 2618. ГДШ

Рис. 34. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов.

1–19 – железные ножи, серп. Полевые номера находок и год раскопок: *1* – № 5/2003; *2* – № 68/2007; *3* – № 3/2004; *4* – № 103/2007; *5* – № 19/2004; *6* – № 2/2008; *7* – № 6/2008; *8* – № 5/2004; *9* – № 29/2008; *10* – № 22/2005; *11* – № 51/2008; *12* – № 72/2008; *13* – № 26/2006; *14* – № 54/2009; *15* – № 29/2006; *16* – № 78/2011; *17* – № 33/2006; *18* – № 21/2010, *19* – № 61/2007

Рис. 35. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов.

1–14 – фибулы и пряжки. Полевые номера находок и год раскопок:

1 – № 131/2009; *2* – № 290/2007; *3* – № 241/2011; *4* – № 11/2015; *5* – № 27/2006; *6* – № 39/2006; *7* – № 14/2008; *8* – № 84/2009; *9* – № 108/2006; *10* – № 8/2002; *11* – № 3/2008; *12* – № 33/2002; *13* – № 194/2011; *14* – № 267/2011

Рис. 36. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов. 1–19 шилья, иглы. Полевые номера находок и год раскопок: 1 – № 4/2003; 2 – № 27/2008; 3 – № 12/2003; 4 – № 32/2003; 5 – № 4/2004; 6 – № 20/2004; 7 – № 22/2004; 8 – № 29/2004; 9 – № 8/2005; 10 – № 14/2005; 11 – № 39/2007; 12 – № 45/2008; 13 – № 78/2009; 14 – № 132/2009; 15 – № 133/2009; 16 – № 134/2009; 17 – № 87/2011; 18 – № 219/2011; 19 – № 77/2013

Рис. 37. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов.
1–7 – кресала, наконечники стрел. Полевые номера находок и год раскопок:
1 – № 43/2008; 2 – № 2/2006; 3 – № 3/2006; 4 – № 9/2002; 5 – № 33/2008; 6 – № 30/2006; 7 – № 2/2007

Рис. 38. Щурово. Рыболовные крючки. Полевые номера находок и год раскопок:
1 – № 1/2005; 2 – № 10/2005; 3 – № 79/2008; 4 – № 3/2007; 5 – № 46/2008; 6 – № 28/2013; 7 – № 3/2007;
8 – № 62/2009; 9 – № 79/2009; 10 – № 89/2009

Рис. 39. Щурово. Украшения, подвески, детали пояса. Полевые номера находок и год раскопок:
1 – № 46/2014; 2 – № 1/2004; 3 – № 23/2008; 4 – № 92/2007; 5 – № 208/2011; 6 – № 40/2007;
7 – № 12/2008; 8 – № 50/2009; 9 – № 61/2009; 10 – № 66/2007; 11 – № 77/2007; 12 – № 24/2010;
13 – № 20/2003; 14 – № 81/2009; 15 – № 12/2015

Рис. 40. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2002–2007 гг.).
1–18 – пряслица. Полевые номера находок и год раскопок: 1 – № 2/2002; 2 – № 7/2002; 3 – № 15/2003;
4 – № 29/2003; 5 – № 30/2003; 6 – № 31/2003; 7 – № 3/2005; 8 – № 15/2005; 9 – № 18/2005; 10 – № 16/2006;
11 – № 21/2006; 12 – № 43/2006; 13 – № 125/2006; 14 – № 23/2007; 15 – № 60/2007;
16 – № 114/2007; 17 – № 437/2007; 18 – № 447/2007

Рис. 41. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2008–2009 гг.).
1–24 – пряслица. Полевые номера находок и год раскопок: 1 – № 32/2008; 2 – № 33/2008; 3 – № 336/2008;
4 – № 86/2008; 5 – № 90/2008; 6 – № 99/2008; 7 – № 100/2008; 8 – № 7/2009, 89/2009; 9 – № 11/2009; 10 – 21/2009;
11 – № 23/202009; 12 – № 37/2008; 13 – № 42/2009, 60/2009; 14 – № 43/2009; 15 – 44/2009; 16 – № 47/2009;
17 – № 47/2009; 18 – № 48/2009; 19 – № 180/2009; 20 – № 57/2009; 21 – № 70/2009; 22 – № 72/2009;
23 – № 146/2009; 24 – 184/2009, 185/2009

Рис. 42. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2010–2011 гг.).
1–21 – пряслица. Полевые номера находок и год раскопок: 1 – № 25/2010; 2 – № 222/2010; 3 – № 229/2010;
4 – № 149/2011; 5 – № 151/2011; 6 – № 180/2011; 7 – № 182/2011; 8 – № 189/2011; 9 – № 205/2011;
10 – № 209/2011; 11 – № 211/2011; 12 – № 214/2011; 13 – № 215/2011; 14 – № 219/2011; 15 – № 222/2011;
16 – № 225/2011; 17 – № 228/2011; 18 – № 232/2011; 19 – № 252/2011; 20 – № 253/2011; 21 – № 309/2011

Рис. 43. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2013–2016 гг.).
1–20 – пряслица. Полевые номера находок и год раскопок: 1 – № 294/2013; 2 – № 385/2013; 3 – № 67/2014;
4 – № 68/2014; 5 – № 473/2013; 6 – № 17/2014; 7 – № 20/2014; 8 – № 30/2015; 9 – № 33/2015; 10 – № 24/2016;
11 – № 30/2016; 12 – № 39/2016; 13 – № 46/2016; 14 – № 70/2016; 15 – № 71/2016; 16 – № 72/2016;
17 – № 73/2016; 18 – № 74/2016; 19 – № 75/2016; 20 – № 76/2016

Рис. 44. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (2002–2008 гг.).

1–14 – мелкая керамическая пластика и фрагменты тиглей. Полевые номера находок и год раскопок:
1 – № 10/2002; *2* – № 15/2002; *3* – № 26/2002; *4* – № 32/2002; *5* – № 35/2002; *6* – № 37/2003; *7* – № 22/2005;
8 – № 16/2005; *9* – № 34/2005; *10* – № 7/2008; *11* – № 54/2008; *12* – № 32/2005; *13* – № 65/2008; *14* – № 82/2008

Рис. 45. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов и в насыпи кургана 4 (работы 2008–2009 гг.).

1–24 – мелкая керамическая пластика и фрагменты тиглей. Полевые номера находок и год раскопок:
1 – № 88/2008; *2* – № 92/2008; *3* – № 41/2008; *4* – № 48/2008; *5* – № 67/2008; *6* – № 70/2008; *7* – № 76/2008;
8 – № 77/2008; *9* – № 80/2008; *10* – № 81/2008; *11* – № 83/2008; *12* – № 85/2008; *13* – № 93/2008; *14* – № 94/2008;
15 – № 96/2008; *16* – № 97/2008; *17* – № 46/2009; *18* – № 51/2009; *19* – № 181/2009; *20* – № 182/2009;
21 – № 147/2009; *22* – № 59/2009; *23* – № 183/2009; *24* – № 188/2009

Рис. 46. Щурово. находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2009–2013 гг.).

1–12 – мелкая керамическая пластика и фрагменты тиглей. Полевые номера находок и год раскопок:
1 – № 194/2009; *2* – № 1/2009; *3* – № 9/2009; *4* – № 261/2010; *5* – № 261/2010; *6* – № 222/2011; *7* – № 228/2011;
8 – № 234/2011; *9* – № 235/2011; *10* – № 227/2011; *11* – № 515/2013; *12* – № 519/2013

Домики мертвых

Рис. 54. Щурово, курган 1. *1–7* – находки из центра объекта, раскопки В.Ю. Коваля 1993 г. (рисунки автора и Е.Ю. Тавлинцевой); *8–13* – находки из пространства между «канавкой» и рвами и изо рвов. Полевые номера находок и год раскопок: *8* – № 5/2001; *9* – № 8/2001; *10* – № 2/2002; *11* – № 7/2002; *12* – № 6/2002; *13* – № 1/2002

Курган 2

Рис. 61. Щурово, курган 2. *1–19* – находки из насыпи. Полевые номера находок и год раскопок:

1 – № 2/2003; *2* – № 10/2002; *3* – № 4/2003; *4* – № 21/2002; *5* – № 22/2002; *6* – № 24/2002; *7* – № 25/2002;
8 – № 27/2002; *9* – № 17/2002; *10* – № 34/2002; *11* – № 33/2002; *12* – № 9/2003; *13* – № 18/2003; *14* – № 20/2003;
15 – № 27/2003; *16* – № 28/2003; *17* – № 26/2002; *18* – № 15/2002; *19* – № 20/2002

Рис. 62. Щурово, курган 2. *1–3* – находки изо рва кургана 2 с восточной стороны.

Полевые номера и год раскопок: *1* – № 10/2004; *2* – № 1/2004; *3* – № 8/2004

Курган 3

Рис. 72. Щурово, курган 3. *1–14* – находки в центральной части насыпи, пределах кольцевой канавки:

1 – пряслице керамическое биконическое орнаментированное *1* – (Р. III/2005, пл. IV, кв. 13, гл./–2, № 3);
2 – льячки, фр-т (Р. III/2005, пл. V, кв. 27, гл./–11, № 11); *3* – пряслица керамического фрагмент (Р. III/2005, разрез ямы 3 (А–А1), кв. 12, гл./–32, № 15); *4* – бусина керамическая (Р. III/2005, пл. VII, кв. 23, гл./–40, № 16);
5 – пряслица биконического фр-т (Р. III/2006, пл. III–IV, просейка, № 21); *6* – литейная форма керамическая, фр-ная (Р. III/2005, пл. VII, яма 3, кв. 20, гл./–21, № 32); *7* – железный стержень (Р. III/2005, пл. V, кв. 26, гл./–2, № 8);
8 – игла железная (Р. III/2005, кв. 20, гл./–73, № 14); *9* – крючок рыболовный (Р. III/2005, пл. V, кв. 30, гл./–10, № 10); *10* – капля металла (Р. III/2005, пл. VI, кв. 20, гл./–28, № 13); *11* – нож железный черешковый с округлой

спинкой без уступа (Р. III/2005, кв. 41, гл./–36, № 22); 12 – железная сюльгама (два фр-та) (Р. III/2006, пл. V, кв. 56, гл./–19;–23, № 13); 13 – изделия костяного фрагмент (бусина?) (Р. III/2006, пл. V, просейка, № 150); 14 – тигля фрагмент (Р. III/2005, пл. I–II, № 34); 15 – оселок (Р. III/2005, пл. III, кв. 31, № 31)

Рис. 73. Щурово, курган 3. 1–8 – находки в слое между канавкой и рвами в кургане 3:

1 – «Хлебец» керамический (Р. III/2005, кв. 14, яма 4, гл./–37, № 12); 2 – пряжки железной язычок (Р. III/2005, пл. IV, кв. 13, гл./–2, № 4); 3 – пряслице керамическое биконическое 3 (Р. III/2005, пл. III, кв. 36, гл./+3, № 18); 4 – бусины керамической фрагмент (Р. III/2006, пл. IV, кв. 78, 79 или 54, просейка, № 9); 5 – пряслица биконического фр-т (Р. III/2006, пл. V, кв. 76, гл./–25, № 16); 6 – наконечник стрелы железный плоский (острие предмета утрачено при выполнении металлографического анализа) (Р. III/2006, пл. III, кв. 88, гл./–275, № 2); 7 – наконечник стрелы железный трехлопастный (Р. III/2006, пл. III, кв. 77, гл./–2, № 3); 8 – бусины красного стекла фр-ты (Р. III/2006, пл. IV, кв. 78, 79, 80, просейка, № 10)

Рис. 74. Щурово, курган 3. 1–7 – находки во рвах кургана 3 и за их пределами:

1 – керамическое изделие с штампом (литейной формы фрагмент) 1 (Р. III/2005, пл. V, кв. 5, № 33); 2 –пряслица фр-т (Р. III/2006, кв.125, гл./–70, № 43); 3 –бусины синего стекла фр-т (Р. III/2006, пл. III, кв. 119, 130, 131, просейка, № 67); 4 – пластины белого металла фр-т (Р. III/2006, пл. IV, кв. 94, гл./–39, № 7); 5 – пластины цветного металла фр-т (Р. III/2006, кв. 95, гл./–42, № 14); 6 – нож с округлой спинкой (Р. III/2006, кв. 63, дно ямы 11а, № 26); 7 – ножа железного фрагмент (Р. III/2006, пл. III, кв. 130, гл./–62, № 62)

Курган 4

Рис. 82. Щурово, курган 4. 1–64 – находки. 1–3 – группа 1, из «основного погребения» в кв. 338;

4–9 – группа 2, находки из верхнего слоя; 10–57 – группа 3 – находки из нижнего слоя и изо рвов;

58–66 – группа 4, находки из перекопа. Полевые номера находок и год раскопок:

1 – № 59/2008; 2 – № 60/2008; 3 – № 61/2008; 4 – № 36/2008; 5 – № 12/2008; 6 – № 28/2008; 7 – № 26/2008; 8 – № 27/2008; 9 – № 74/2008; 10 – № 23/2008; 11 – № 34/2008; 12 – № 35/2008; 13 – № 40/2008; 14 – № 43/2008; 15 – № 44/2008; 16 – № 45/2008; 17 – № 48/2008; 18 – № 51/2008; 19 – № 54/2008; 20 – № 65/2008; 21 – № 67/2008; 22 – № 69/2008; 23 – № 73/2008; 24 – № 70/2008; 25 – № 72/2008; 26 – № 76/2008; 27 – № 77/2008; 28 – № 78/2008; 29 – № 79/2008; 30 – № 80/2008; 31 – № 81/2008; 32 – № 83/2008; 33 – № 85/2008; 34 – № 87/2008; 35 – № 90/2008; 36 – № 99/2008; 37 – № 100/2008; 38 – № 101/2008; 39 – № 91/2008; 40 – № 92/2008; 41 – № 93/2008; 42 – № 94/2008; 43 – № 95/2008; 44 – № 96/2008; 45 – № 97/2008; 46 – № 1/2009; 47 – № 7/2009; 48 – № 9/2009; 49 – № 11/2009; 50 – № 21/2009; 51 – № 37/2009; 52 – № 42/2009; 53 – № 47/2009; 54 – № 56/2009; 55 – № 57/2009; 56 – № 82/2008; 57 – № 8/2008; 58 – № 25/2008; 59 – № 33/2008; 60 – № 36/2008; 61 – № 37/2008; 62 – № 46/2008; 63 – № 58/2008; 64 – № 68/2008; 65 – № 46/2009; 66 – № 50/2009

Рис. 85. Щурово, курган 4. 1–13 – бусы. Полевые номера находок и год раскопок: 1 – № 1/2008; 2 – № 25/2008;

3 – № 58/2008; 4 – № 3/2009; 5 – № 5/2009; 6 – № 10/2009; 7 – № 12/2009; 8 – № 16/2009; 9 – № 22/2009;

10 – № 35/2009; 11 – № 36/2009; 12 – № 38/2009; 13 – № 49/2009.

Курган 5

Рис. 92. Щурово, курган 3. 1–5 – профильные части фрагментов керамики (№ 483–487) из слоя в кургане 3

Грунтовый могильник

Рис. 94. Щурово, грунтовый могильник. 1–5 – разрозненные находки из траншеи 2011 г. на западном склоне «верхней» площадки. Полевые номера находок:
1 – № 214/2011; 2 – № 228/2011; 3 – № 234/2011; 4 – № 231/2011; 5 – № 233/2011

Рис. 98. Щурово, грунтовый могильник. 1–66 – находки из погребения 1.

Полевые номера находок 2007 года раскопок:

1 – 276; 2 – № 269а; 3 – № 269б; 4 – № 270; 5 – № 271; 6 – № 273; 7 – № 274; 8 – № 275; 9 – № 281;
10 – № 282; 11 – № 283; 12 – № 284; 13 – № 285; 14 – № 287; 15 – № 291; 16 – № 292; 17 – № 293; 18 – № 294;
19 – № 295а; 20 – № 295б; 21 – № 296; 22 – № 297; 23 – № 299; 24 – № 302; 25 – № 303; 26 – № 306; 27 – № 304;
28 – № 307; 29 – № 311; 30 – № 312; 31 – № 313; 32 – № 315; 33 – № 316; 34 – № 317; 35 – № 318; 36 – № 319;
37 – № 320; 38 – № 321; 39 – № 324; 40 – № 325; 41 – № 326; 42 – № 327; 43 – № 328; 44 – № 330; 45 – № 331;
46 – № 332; 47 – № 334; 48 – № 333; 49 – № 334; 50 – № 335; 51 – № 336; 52 – № 337; 53 – № 338; 54 – № 339;
55 – № 342; 56 – № 343; 57 – № 345; 58 – № 346; 59 – № 347; 60 – № 348; 61 – № 349; 62 – № 350;
63 – № 351; 64 – № 352; 65 – № 353; 66 – № 354

Рис. 99. Щурово, грунтовый могильник. 1 – сосуд-приставка (№ 3/2002), обнаруженный во рву кургана 1, в верхней части заполнения.

Рис. 101. Щурово, грунтовый могильник. 1–13 – разрозненные находки с уч. 3, Р. V/2007, за пределами погребений и из просейки. Полевые номера находок 2007 г.: 1 – № 272; 2 – № 280; 3 – № 286а; 4 – № 286б; 5 – № 288; 6 – № 289; 7 – № 298; 8 – № 301; 9 – № 305; 10 – № 310; 11 – № 329; 12 – № 412; 13 – № 424

Рис. 102. Щурово, грунтовый могильник. 1–2 – предметы, возможно связанные с погр. 3.
Полевые номера находок 2007 г.: 1 – № 308; 2 – № 309

Рис. 106. Щурово, грунтовый могильник. 1–37 – инвентарь погребения 4 в северной части уч. 2,

Р. V/2007 – яма 3, 3а и кв. 58. Полевые номера находок 2007 г. раскопок:

1 – № 149; 2 – № 254; 3 – № 255; 4 – № 258; 5 – № 259; 6 – № 260; 7 – № 11; 8 – № 13; 9 – № 14; 10 – № 15;
11 – № 16; 12 – № 17; 13 – № 18; 14 – № 19; 15 – № 20; 16 – № 21; 17 – № 22; 18 – № 24; 19 – № 25; 20 – № 26;
21 – № 31; 22 – № 32; 23 – № 46; 24 – № 47; 25 – № 48; 26 – № 49; 27 – № 51; 28 – № 52; 29 – № 53; 30 – № 54;
31 – № 55; 32 – № 57; 33 – № 143; 34 – № 188; 35 – № 199; 36 – № 261; 37 – № 149а

Рис. 107. Щурово, грунтовый могильник. 1–15 – скопление находок в квадрате 68. Полевые номера находок 2007 г. раскопок: 1 – № 104; 2 – № 108; 3 – № 109; 4 – № 110; 5 – № 113; 6 – № 120; 7 – № 126; 8 – № 127; 9 – № 128; 10 – № 129; 11 – № 130; 12 – № 131; 13 – № 132; 14 – № 133; 15 – № 137

Рис. 108. Щурово, грунтовый могильник. 1 – сосуд-приставка № 617 с уч. 2, Р. V/2007

Рис. 110. Щурово, грунтовый могильник. 1–77 – вещи из погребения 4 (?), найденные за пределами ямы 3, Р. V.

Полевые номера находок 2007 г. раскопок: 1 – № 59; 2 – № 95; 3 – № 99; 4 – № 100; 5 – № 101; 6 – № 102; 7 – № 105; 8 – № 106; 9 – № 111; 10 – № 112; 11 – № 115; 12 – № 116; 13 – № 117; 14 – № 118; 15 – № 119; 16 – № 121; 17 – № 123; 18 – № 124; 19 – № 125; 20 – № 134; 21 – № 135; 22 – № 136; 23 – № 139; 24 – № 140; 25 – № 141; 26 – № 142; 27 – № 144; 28 – № 145; 29 – № 146; 30 – № 147; 31 – № 148; 32 – № 150; 33 – № 151; 34 – № 152; 35 – № 153; 36 – № 154; 37 – № 155; 38 – № 156; 39 – № 157; 40 – № 158; 41 – № 160; 42 – № 162; 43 – № 163; 44 – № 164; 45 – № 165; 46 – № 166; 47 – № 167; 48 – № 168; 49 – № 169; 50 – № 170; 51 – № 171; 52 – № 172; 53 – № 173; 54 – № 174; 55 – № 175; 56 – № 176; 57 – № 177; 58 – № 178; 59 – № 189; 60 – № 190; 61 – № 191; 62 – № 199; 63 – № 217; 64 – № 222; 65 – № 224; 66 – № 225; 67 – № 228; 68 – № 229; 69 – № 250; 70 – № 262; 71 – № 263; 72 – № 264; 73 – № 266; 74 – № 267; 75 – № 268; 76 – № 441; 77 – № 442

Рис. 111. Щурово, грунтовый могильник. 1–55 – скопление находок в кв. 64–65.

Полевые номера находок 2007 г. раскопок: 1 – № 179; 2 – № 180; 3 – № 181; 4 – № 182; 5 – № 183; 6 – № 184; 7 – № 185; 8 – № 186; 9 – № 187; 10 – № 192; 11 – № 193; 12 – № 194; 13 – № 195; 14 – № 196; 15 – № 197; 16 – № 198; 17 – № 202; 18 – № 203; 19 – № 204; 20 – № 205; 21 – № 206; 22 – № 207; 23 – № 208; 24 – № 209; 25 – № 210; 26 – № 211; 27 – № 212; 28 – № 213; 29 – № 215; 30 – № 216; 31 – № 218; 32 – № 219; 33 – № 227; 34 – № 230; 35 – № 231; 36 – № 232; 37 – № 233; 38 – № 234; 39 – № 235; 40 – № 236; 41 – № 237; 42 – № 238; 43 – № 239; 44 – № 240; 45 – № 241; 46 – № 242; 47 – № 243; 48 – № 244; 49 – № 245; 50–51 – № 246; 52 – № 247; 53 – № 249; 54 – № 251; 55 – № 253

Рис. 112. Щурово, грунтовый могильник. 1–28 – разрозненные предметы из слоя на уч. 2. Р. V.

Полевые номера находок 2007 г. раскопок: 1 – № 63; 2 – № 65; 3 – № 66; 4 – № 67; 5 – № 69; 6 – № 70; 7 – № 71; 8 – № 72; 9 – № 73; 10 – № 74; 11 – № 75; 12 – № 76; 13 – № 77; 14 – № 80; 15 – № 82; 16 – № 83; 17 – № 84; 18 – № 85; 19 – № 86; 20 – № 87; 21 – № 88; 22 – № 89; 23 – № 90; 24 – № 92; 25 – № 93; 26 – № 95; 27 – № 96; 28 – № 98

Рис. 116. Щурово, грунтовый могильник. 1–14 – находки из погребения 5. Полевые номера находок 2007 г. раскопок: 1 – № 4; 2 – № 6; 3 – № 7; 4 – № 9; 5 – № 10; 6 – № 27; 7 – № 28; 8 – № 29; 9 – № 30; 10 – № 34; 11 – № 42; 12 – № 43; 13 – № 44; 14 – № 58

Рис. 124. Щурово, грунтовый могильник. 1–13 – находки из погребения 9, уч. 1 и 3, Р. VI. Полевые номера находок и год раскопок: 1 – № 191/2011; 2 – № 195/2011; 3 – № 249/2011; 4 – № 289/2011; 5 – № 290/2011; 6 – № 308/2011; 7 – № 217/2011; 8 – № 7/2012; 9 – № 2/2012; 10 – № 4/2012; 11 – № 5/2012; 12 – № 6/2012; 13 – б/н

Рис. 126. Щурово, грунтовый могильник. 1–43 – скопление находок № 9а на уч. 1, Р. VI. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: 1 – № 221; 2 – № 224; 3 – № 226; 4 – № 237; 5 – № 238; 6 – № 239; 7 – № 243; 8 – № 244; 9 – № 245; 10 – № 246; 11 – № 247; 12 – № 248; 13 – № 250; 14 – № 251; 15 – № 254; 16 – № 257; 17 – № 258; 18 – № 259; 19 – № 260; 20 – № 261; 21 – № 263; 22 – № 264; 23 – № 268; 24 – № 269; 25 – № 270; 26 – № 271; 27 – № 272; 28 – № 273; 29 – № 274; 30 – № 275; 31 – № 276; 32 – № 277; 33 – № 278; 34 – № 279; 35 – № 281; 36 – № 282; 37 – № 283; 38 – № 284; 39 – № 286; 40 – № 287; 41 – № 288; 42 – № 291; 43 – № 223

Рис. 127. Щурово, грунтовый могильник. 1–6 – разрозненные находки с уч. 1–2, Р. VI. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: 1 – № 242; 2 – № 300; 3 – № 292; 4 – № 299; 5 – № 301; 6 – № 303; 7 – № 304; 8 – № 305

Рис. 130. Щурово, грунтовый могильник. *1–5* – находки из погребения 10 и из пятна под ним. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: *1* – № 212; *2* – № 297; *3* – № 298; *4* – № 295; *5* – № 302; *6* – № 307

Рис. 138. Щурово, грунтовый могильник. *1–34* – находки из погребения 11. Полевые номера находок и год раскопок: *1* – № 3/2013; *2* – № 4/2013; *3* – № 5/2013; *4* – № 6/2013; *5* – № 7/2013; *6* – № 8/2013; *7* – № 10/2013; *8* – № 11/2013; *9* – № 12/2013; *10* – № 14/2013; *11* – № 15/2013; *12* – № 16/2013; *13* – № 17/2013; *14* – № 19/2013; *15* – № 20/2013; *16* – № 21/2013; *17* – № 25/2013; *18* – б/н; *19* – № 166/2012; *20* – № 168/2012; *21* – № 169/2012; *22* – № 170/2012; *23* – № 171/2012; *24* – № 176/2012; *25* – № 177/2012; *26* – № 178/2012; *27* – № 180/2012; *28* – № 186/2012; *29* – № 187/2012; *30* – № 188/2012; *31* – № 189/2012; *32* – № 190/2012; *33* – № 191/2012; *34* – № 185/2012.

Рис. 140. Щурово, грунтовый могильник. *1–18* – инвентарь урнового погребения 12. Полевые номера находок 2012 г. раскопок. I: *1* – № 54; *2* – № 55; *3* – № 56; *4* – № 57; *5* – № 71; *6* – № 77; *7* – № 78; *8* – № 79; *9* – № 80; *10* – № 81; II: *11* – № 20; *12* – № 21; *13* – № 32; *14* – № 33; *15* – № 70; *16* – № 118; *17* – № 119; *18* – № 162; *19* – б/н

Рис. 143. Щурово, грунтовый могильник. *1–22* – инвентарь погребения 13. Полевые номера находок 2012 г. раскопок: *1* – № 20; *2* – № 21; *3* – № 28; *4* – № 29; *5* – № 30; *6* – № 31; *7* – № 34; *8* – № 35; *9* – № 37; *10* – № 38; *11* – № 39; *12* – № 40; *13* – № 42; *14* – № 43; *15* – № 44; *16* – № 45; *17* – № 49; *18* – № 58; *19* – № 59; *20* – № 60; *21* – № 100; *22* – № 106

Рис. 144. Щурово, грунтовый могильник. *1–90* – скопление находок на уч. 4, Р. VI. Полевые номера находок 2012 г. раскопок: *1* – № 22; *2* – № 23; *3* – № 236; *4* – № 24; *5* – № 25; *6* – № 26; *7* – № 27; *8* – № 41; *9* – № 46; *10* – № 47; *11* – № 48; *12* – № 50; *13* – № 51; *14* – № 52; *15* – № 61; *16* – № 62; *17* – № 63; *18* – № 64; *19* – № 65; *20* – № 66; *21* – № 67; *22* – № 68; *23* – № 69; *24* – № 72; *25* – № 73; *26* – № 74; *27* – № 75; *28* – № 76; *29* – № 82; *30* – № 83; *31* – № 84; *32* – № 85; *33* – № 86; *34* – № 87; *35* – № 88; *36* – № 92; *37* – № 93; *38* – № 94; *39* – № 95; *40* – № 96; *41* – № 97; *42* – № 98; *43* – № 99; *44* – № 101; *45* – № 102; *46* – № 103; *47* – № 104; *48* – № 108; *49* – № 109; *50* – № 110; *51* – № 111; *52* – № 112; *53* – № 113; *54* – № 114; *55* – № 116; *56* – № 117; *57* – № 121; *58* – № 122; *59* – № 123; *60* – № 125; *61* – № 126; *62* – № 127; *63* – № 128; *64* – № 129; *65* – № 130; *66* – № 132; *67* – № 134; *68* – № 135; *69* – № 136; *70* – № 138; *71* – № 140; *72* – № 141; *73* – № 142; *74* – № 143; *75* – № 145; *76* – № 146; *77* – № 147; *78* – № 148; *79* – № 149; *80* – № 150; *81* – № 152; *82* – № 153; *83* – № 154; *84* – № 155; *85* – № 156; *86* – № 157; *87* – № 160; *88* – № 161; *89* – № 163; *90* – № 211–226; *91* – № 164; *92* – № 227–233; *93* – № 234–238

Рис. 145. Щурово, грунтовый могильник. *1–19* – отдельные находки с уч. 4 Р. VI. Полевые номера находок 2012 г. раскопок: *1* – № 115; *2* – № 120; *3* – № 124; *4* – № 131; *5* – № 133; *6* – № 137; *7* – № 139; *8* – № 144; *9* – № 151; *10* – № 158; *11* – № 159; *12* – № 165; *13* – № 167; *14* – № 173; *15* – № 174; *16* – № 181; *17* – № 182; *18* – № 183; *19* – № 184

Рис. 157. Щурово, грунтовый могильник. *1–23* – инвентарь погребения 15; *24–26* – находки с примыкавшего с юга уч. 9, Р. VI. Полевые номера находок 2013–2014 гг. раскопок: *1* – № 97/2014; *2* – № 101/2014; *3* – № 102/2014; *4* – № 103/2014; *5* – № 104/2014; *6* – № 105/2014; *7* – № 108/2014; *8* – № 112/2014; *9* – № 113/2014; *10* – № 129/2014; *11* – № 147/2014; *12* – № 148/2014; *13* – № 149/2014; *14* – № 150/2014; *15* – № 155/2014;

16 – № 156/2014; 17 – № 157/2014; 18 – № 158/2014; 19 – № 159/2014; 20 – № 160/2014; 21 – № 161/2014;
22 – № 162/2014; 23 – № 163/2014; 24 – № 31/2013; 25 – № 32/2013; 26 – № 33/2013

Рис. 158. Щурово, грунтовый могильник. 1–38 – скопление находок на уч. 16; 39–44 – находки с уч. 16 за пределами объектов 15–15а. Полевые номера находок 2014–2015 гг. раскопок: 1 – № 107/2014; 2 – № 114/2014; 3 – № 115/2014; 4 – № 117/2014; 5 – № 118/2014; 6 – № 119/2014; 7 – № 120/2014; 8 – № 121/2014; 9 – № 122/2014; 10 – № 123/2014; 11 – № 124/2014; 12 – № 125/2014; 13 – № 126/2014; 14 – № 127/2014; 15 – № 128/2014; 16 – № 130/2014; 17 – № 133/2014; 18 – № 134/2014; 19 – № 135/2014; 20 – № 136/2014; 21 – № 137/2014; 22 – № 138/2014; 23 – № 139/2014; 24 – № 140/2014; 25 – № 141/2014; 26 – № 142/2014; 27 – № 143/2014; 28 – № 144/2014; 29 – № 145/2014; 30 – № 146/2014; 31 – № 151/2014; 32 – № 152/2014; 33 – № 153/2014; 34 – № 154/2014; 35 – № 5/2015; 36 – № 6/2015; 37 – № 7/2015; 38 – № 8/2015; 39 – № 88/2014; 40 – № 93/2014; 41 – № 99/2014; 42 – № 109/2014; 43 – № 110/2014; 44 – № 111/2014

Рис. 163. Щурово, грунтовый могильник. 1–56 – инвентарь из погребения 16. Полевые номера находок 2009 г. раскопок: 1 – № 75; 2 – № 77; 3 – № 78; 4 – № 80; 5 – № 102а; 6 – № 102б; 7 – № 103; 8 – № 105; 9 – № 107; 10 – № 111; 11 – № 112; 12 – № 113; 13 – № 114; 14 – № 115; 15 – № 116; 16 – № 117; 17 – № 118; 18 – № 119; 19 – № 120; 20 – № 121; 21 – № 122; 22 – № 123; 23 – № 124; 24 – № 125; 25 – № 126; 26 – № 127; 27 – № 128; 28 – № 129; 29 – № 130; 30 – № 135; 31 – № 136; 32 – № 137; 33 – № 138; 34 – № 139; 35 – № 140; 36 – № 141; 37 – № 142; 38 – № 143; 39 – № 81; 40 – № 82; 41 – № 85; 42 – № 87; 43 – № 88; 44 – № 90; 45 – № 91; 46 – № 92; 47 – № 93; 48 – № 94; 49 – № 96; 50 – № 109; 51 – № 110; 52 – № 144; 53 – № 145; 54 – № 150; 55 – № 151; 56 – № 153

Рис. 168. Щурово, грунтовый могильник. 1–29 – находки из погребений (или погребения?) в южной части уч. 22, Р. П/2011 г. 1 – группа I, находка погребения № 17; 2–10 – группа II, находки из погребения 18; 11–29 – группа III, находки из скопления № 21а, за исключением оплавленной пронизи синего стекла № 29, которая, возможно, связана с погребением 21. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: 1 – № 80; 2 – № 58; 3 – № 68; 4 – № 69; 5 – № 70; 6 – № 72; 7 – № 75; 8 – № 76; 9 – № 77; 10 – № 120; 11 – № 144; 12 – № 145; 13 – № 148; 14 – № 153; 15 – № 154; 16 – № 155; 17 – № 156; 18 – № 157; 19 – № 158; 20 – № 159; 21 – № 160; 22 – № 163; 23 – № 164; 24 – № 165; 25 – № 167; 26 – № 168; 27 – № 169; 28 – № 317; 29 – № 116

Рис. 174. Щурово, грунтовый могильник. 1–6 – инвентарь погребения 19. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: 1 – № 78; 2 – № 84; 3 – № 102; 4 – № 104; 5 – № 111; 6 – № 113

Рис. 177. Щурово, грунтовый могильник. 1–5 – инвентарь погребения 20. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: 1 – № 127; 2 – № 138; 3 – № 166; 4 – № 173; 5 – № 175

Рис. 182. Щурово, грунтовый могильник. 1–3 – инвентарь погребения 22. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: 1 – № 67; 2 – № 61; 3 – № 62

Рис. 188. Щурово, грунтовый могильник. 1–23 – инвентарь погребения 24. Полевые номера находок 2009 г. раскопок: 1 – № 152; 2 – № 155; 3 – № 156; 4 – № 157; 5 – № 158; 6 – № 159; 7 – № 160; 8 – № 161; 9 – № 162; 10 – № 163; 11 – № 164; 12 – № 165; 13 – № 166; 14 – № 167; 15 – № 168; 16 – № 169; 17 – № 170; 18 – № 171; 19 – № 172; 20 – № 173; 21 – № 174; 22 – № 175; 23 – № 176

Рис. 194. Щурово, грунтовый могильник. Инвентарь погребения 25, уч. 13 Р. II/2010.
Полевые номера находок: 1 – № 17/2010, 2 – № 316/2011

Рис. 198. Щурово, грунтовый могильник. 1–14 – инвентарь погребения 27. 1–6 – непосредственно из погребения; 7–14 – к северу от скопления костей, возможно самостоятельный объект. Полевые номера находок 2012 г. раскопок:
1 – № 194; 2 – № 197; 3 – № 198; 4 – № 201; 5 – № 202; 6 – № 206; 7 – № 203; 8 – № 204; 9 – № 205;
10 – № 207; 11 – № 208; 12 – № 209; 13 – № 210; 14 – б/н

Рис. 199. Щурово, грунтовый могильник. 1–4 – находки «погребального облика», обнаруженные вне погребений на уч. 5, Р. VI/2012 г. Полевые номера находок 2012 г. раскопок: 1 – № 195; 2 – № 196; 3 – № 199; 4 – № 200

Рис. 200. Щурово, грунтовый могильник. 1–26 – находки из скоплений костей в северной части уч. 22, Р. II/2011.
I: 1–9 – группа находок погребения 28 (5–6 (№ 64–65)) – связь со скоплением предположительная);
II: 10–16 – группа находок погребения 29;
III: 17–26 – находки, предположительно связанные с погребением 30. Полевые номера находок 2011 г. раскопок:
1 – № 119; 2 – № 121; 3 – № 123; 4 – № 126; 5 – № 64; 6 – № 65; 7 – № 146; 8 – № 147; 9 – № 170; 10 – № 82; 11 – № 91;
12 – № 101; 13 – № 183; 14 – № 188; 15 – № 114; 16 – № 95; 17 – № 96; 18 – № 97; 19 – № 98; 20 – № 99; 21 – № 100;
22 – № 125; 23 – № 128; 24 – № 129; 25 – № 130

Рис. 212. Щурово, грунтовый могильник. 1–10 – инвентарь погребения 31. Полевые номера находок 2010 г. раскопок:
1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3; 4 – № 4; 5 – № 6; 6 – № 9; 7 – № 11; 8 – № 14; 9 – № 15; 10 – № 16

Рис. 213. Щурово, грунтовый могильник. 1–8 – находки с уч. 13, Р. II/2010 г. между погребениями 26 и 31.
Полевые номера находок 2010 г. раскопок: 1 – № 5; 2 – № 7; 3 – № 8; 4 – № 10; 5 – № 20; 6 – № 13; 7 – № 12а, 8 – № 12б

Рис. 219. Щурово, грунтовый могильник. 1–11 – инвентарь погребения 32. Полевые номера находок 2013 г. раскопок:
1 – № 206; 2 – № 315; 3 – № 338; 4 – № 359; 5 – № 416; 6 – № 430; 7 – № 448;
8 – № 468; 9 – № 471; 10 – № 472; 11 – № 474

Рис. 223. Щурово, грунтовый могильник. 1–36 – инвентарь погребения 33. Полевые номера находок 2013–2014 гг. раскопок: 1 – № 87/2013; 2 – № 301/2013; 3 – № 302/2013; 4 – № 309/2013; 5 – № 311/2013; 6 – № 316/2013; 7 – № 335/2013; 8 – № 339/2013; 9 – № 340/2013; 10 – № 358/2013; 11 – № 375/2013; 12 – № 376/2013; 13 – № 390/2013; 14 – № 393/2013; 15 – № 395/2013; 16 – № 5/2014; 17 – № 16/2014; 18 – № 21/2014; 19 – № 34/2014; 20 – № 35/2014; 21 – № 40/2014; 22 – № 48/2014; 23 – № 85/2014; 24 – № 86/2014; 25 – № 89/2014; 26 – № 90/2014; 27 – № 92/2014

Рис. 224. Щурово, грунтовый могильник. 1–10 – разрозненные находки из раскопок 2014 г. Полевые номера находок:
1 – № 307; 2 – № 312; 3 – № 313; 4 – № 314; 5 – № 317; 6 – № 327; 7 – № 331; 8 – № 336; 9 – № 337; 10 – № 513

Рис. 230. Щурово, грунтовый могильник. 1–24 – инвентарь погребения 34. Полевые номера находок 2014 г. раскопок:
1 – № 6; 2 – № 7; 3 – № 8; 4 – № 10; 5 – № 11; 6 – № 12; 7 – № 13; 8 – № 14; 9 – № 22; 10 – № 24; 11 – № 25; 12 – № 26;
13 – № 28; 14 – № 29; 15 – № 30; 16 – № 31; 17 – № 38; 18 – № 39; 19 – № 42; 20 – № 45;
21 – № 49; 22 – № 53; 23 – № 54; 24 – № 55.

Рис. 235. Щурово, грунтовый могильник. *1–165* – инвентарь погребения 35. Полевые номера находок 2010 г. раскопок: *1 – № 27; 2 – № 30; 3 – № 31; 4 – № 32; 5 – № 33; 6 – № 34; 7 – № 35; 8 – № 36; 9 – № 37; 10 – № 38а; 11 – № 38б; 12 – № 39; 13 – № 40; 14 – № 41; 15 – № 42; 16 – № 43; 17 – № 45; 18 – № 46; 19 – № 48; 20 – № 50; 21 – № 51; 22 – № 58; 23 – № 59; 24 – № 65; 25 – № 66; 26 – № 71; 27 – № 74; 28 – № 75; 29 – № 76; 30 – № 82; 31 – № 84; 32 – № 85; 33 – № 86; 34 – № 89; 35 – № 92; 36 – № 94; 37 – № 97; 38 – № 98; 39 – № 102; 40 – № 109; 41 – № 113; 42 – № 117; 43 – № 119; 44 – № 129; 45 – № 133; 46 – № 135; 47 – № 137; 48 – № 138; 49 – № 139; 50 – № 170; 51 – № 171; 52 – № 172; 53 – № 173; 54 – № 174; 55 – № 175; 56 – № 176; 57 – № 177; 58 – № 178; 59 – № 179; 60 – № 180; 61 – № 181; 62 – № 182; 63 – № 186; 64 – № 187; 65 – № 190; 66 – № 191; 67 – № 192; 68 – № 194; 69 – № 197; 70 – № 198; 71 – № 199; 72 – № 200; 73 – № 201; 74 – № 202; 75 – № 203; 76 – № 204; 77 – № 205; 78 – № 206; 79 – № 207; 80 – № 208; 81 – № 209; 82 – № 210; 83 – № 212; 84 – № 213; 85 – № 214; 86 – № 215; 87 – № 216; 88 – № 217; 89 – № 223; 90 – № 225; 91 – № 226; 92 – № 227; 93 – № 228; 94 – № 230; 95 – № 231; 96 – № 232; 97 – № 233; 98 – № 234; 99 – № 235; 100 – № 236; 101 – № 237; 102 – № 240; 103 – № 241; 104 – № 242; 105 – № 243; 106 – № 244; 107 – № 245; 108 – № 246; 109 – № 248; 110 – № 249; 111 – № 250; 112 – № 251; 113 – № 252; 114 – № 253; 115 – № 255; 116 – № 256; 117 – № 257; 118 – № 258; 119 – № 259; 120 – № 262; 121 – № 265; 122 – № 265; 123 – № 266; 124 – № 270; 125 – № 271; 126 – № 272; 127 – № 274; 128 – № 275; 129 – № 276; 130 – № 277; 131 – № 278; 132 – № 279; 133 – № 280; 134 – № 281; 135 – № 282; 136 – № 283; 137 – № 284; 138 – № 285; 139 – № 286; 140 – № 287; 141 – № 288; 142 – № 289; 143 – № 290; 144 – № 291; 145 – № 292; 146 – № 293; 147 – № 294; 148 – № 295; 149 – № 296; 150 – № 297; 151 – № 298; 152 – № 299; 153 – № 300; 154 – № 301; 155 – № 302; 156 – № 303; 157 – № 304; 158 – № 305; 159 – № 306; 160 – № 307; 161 – № 308; 162 – № 309; 163 – № 310; 164 – № 311; 165 – № 312*

Рис. 238. Щурово, грунтовый могильник. *1–2* – инвентарь погребения 36. Полевые номера находок 2010 г. раскопок: *1 – № 131; 2 – № 159*

Рис. 242. Щурово, грунтовый могильник. *1–81* – инвентарь погребения 37. Полевые номера находок 2010 г. раскопок: *1 – № 28; 2 – № 29; 3 – № 47; 4 – № 49; 5 – № 52; 6 – № 54; 7 – № 55; 8 – № 56; 9 – № 57; 10 – № 60; 11 – № 61; 12 – № 63; 13 – № 64; 14 – № 67; 15 – № 68; 16 – № 69; 17 – № 70; 18 – № 72; 19 – № 77; 20 – № 79; 21 – № 80; 22 – № 83; 23 – № 87; 24 – № 88; 25 – № 90; 26 – № 93; 27 – № 95; 28 – № 96; 29 – № 101; 30 – № 103; 31 – № 104; 32 – № 105; 33 – № 106; 34 – № 107; 35 – № 108; 36 – № 110; 37 – № 111; 38 – № 112; 39 – № 114; 40 – № 115; 41 – № 116; 42 – № 118; 43 – № 120; 44 – № 121; 45 – № 122; 46 – № 123; 47 – № 124; 48 – № 126; 49 – № 127; 50 – № 128; 51 – № 130; 52 – № 132; 53 – № 134; 54 – № 136; 55 – № 152; 56 – № 153; 57 – № 155; 58 – № 158; 59 – № 161; 60 – № 162; 61 – № 164; 62 – № 165; 63 – № 166; 64 – № 167; 65 – № 168; 66 – № 169; 67 – № 183; 68 – № 184; 69 – № 185; 70 – № 188; 71 – № 189; 72 – № 193; 73 – № 195; 74 – № 196; 75 – № 218; 76 – № 219; 77 – № 220; 78 – № 221; 79 – № 238; 80 – № 239; 81 – № 254*

Рис. 247. Щурово, грунтовый могильник. *1–7* – инвентарь погребения 38. Полевые номера находок 2010 г. раскопок: *1 – № 141; 2 – № 142; 3 – № 143; 4 – № 144; 5 – № 146; 6 – № 148; 7 – № 269*

Рис. 248. Щурово, грунтовый могильник. *1–16* – отдельные находки «погребального» облика с уч. 15, Р. II. Полевые номера находок 2010 г. раскопок: *1 – № 62; 2 – № 63; 3 – № 64; 4 – № 65а-б; 5 – № 66; 6 – № 67; 7 – № 70; 73; 71; 8 – № 72; 9 – № 74; 10 – № 75; 11 – № 76; 12 – № 77; 13 – № 78; 14 – № 81; 15 – № 82; 16 – № 63*

Рис. 254. Щурово, грунтовый могильник. *1–120* – инвентарь погребения 39. Полевые номера находок 2013 г. раскопок: *1 – № 51; 2 – № 52; 3 – № 59; 4 – № 60; 5 – № 62; 6 – № 63; 7 – № 64; 8 – № 65; 9 – № 67; 10 – № 68; 11 – № 69; 12 – № 70; 13 – № 79; 14 – № 80; 15 – № 81; 16 – № 82; 17 – № 83; 18 – № 84; 19 – № 85; 20 – № 86; 21 – № 87; 22 – № 88; 23 – № 90; 24 – № 91; 25 – № 92; 26 – № 93; 27 – № 94; 28 – № 95; 29 – № 96; 30 – № 97; 31 – № 98; 32 – № 99; 33 – № 100; 34 – № 101; 35 – № 102; 36 – № 103; 37 – № 104; 38 – № 105; 39 – № 106; 40 – № 107; 41 – № 108; 42 – № 109; 43 – № 110; 44 – № 111; 45 – № 112; 46 – № 113; 47 – № 114; 48 – № 115; 49 – № 116; 50 – № 117; 51 – № 118; 52 – № 119; 53 – № 120; 54 – № 122; 55 – № 125; 56 – № 126; 57 – № 127; 58 – № 128; 59 – № 129; 60 – № 130; 61 – № 131; 62 – № 132; 63 – № 133; 64 – № 134; 65 – № 135; 66 – № 136; 67 – № 137; 68 – № 151; 69 – № 152; 70 – № 175; 71 – № 176; 72 – № 177; 73 – № 178; 74 – № 179; 75 – № 180; 76 – № 181; 77 – № 188; 78 – № 190; 79 – № 195; 80 – № 196; 81 – № 197; 82 – № 198; 83 – № 199; 84 – № 200; 85 – № 202; 86 – № 203; 87 – № 205; 88 – № 207; 89 – № 215; 90 – № 218; 91 – № 236; 92 – № 242; 93 – № 275; 94 – № 280; 95 – № 281; 96 – № 286; 97 – № 290; 98 – № 291; 99 – № 292; 100 – № 296; 101 – № 297; 102 – № 298; 103 – № 299; 104 – № 300; 105 – № 303; 106 – № 306; 107 – № 310; 108 – № 328; 109 – № 329; 110 – № 330; 111 – № 374; 112 – № 379; 113 – № 380; 114 – № 382; 115 – № 392; 116 – № 397; 117 – № 426; 118 – № 436; 119 – № 459; 120 – № 477*

Рис. 255. Щурово, грунтовый могильник. *1–51* – состав скопления находок № 39а уч. 10, Р. VI/2013 г. Полевые номера находок 2013 г. раскопок: *1 – № 148; 2 – № 154; 3 – № 155; 4 – № 159; 5 – № 161; 6 – № 162; 7 – № 166; 8 – № 257; 9 – № 274; 10 – № 279; 11 – б/н; 12 – б/н; 13 – б/н; 14 – № 42; 15 – № 71; 16 – № 73; 17 – № 74; 18 – № 75; 19 – № 141; 20 – № 146; 21 – № 150; 22 – № 153; 23 – № 156; 24 – № 157; 25 – № 158; 26 – № 163; 27 – № 72; 28 – № 164; 29 – № 165; 30 – № 167; 31 – № 172; 32 – № 184; 33 – № 251; 34 – № 252; 35 – № 253; 36 – № 254; 37 – № 255; 38 – № 256; 39 – № 258; 40 – № 259; 41 – № 289; 42 – № 260; 43 – № 261; 44 – № 262; 45 – № 263; 46 – № 264; 47 – № 265; 48 – № 266; 49 – № 267; 50 – № 273; 51 – № 160*

Рис. 258. Щурово, грунтовый могильник. *1–21* – находки из погребения 40. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: *1 – № 5; 2 – № 6; 3 – № 11; 4 – № 15; 5 – № 20; 6 – № 21; 7 – № 23; 8 – № 28; 9 – № 32; 10 – № 33; 11 – № 39; 12 – № 41; 13 – № 42; 14 – № 43; 15 – № 44; 16 – № 45; 17 – № 47; 18 – № 48; 19 – № 54; 20 – № 60; 21 – б/н*

Рис. 263. Щурово, грунтовый могильник. *1–4* – находки, возможно связанные с погребением 41. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: *1 – № 7; 2 – № 8; 3 – № 9, 4 – б/н.*

Рис. 266. Щурово, грунтовый могильник. *1–11* – находки из погребения 42. Полевые номера находок 2011 г. раскопок: *1 – № 10; 2 – № 12; 3 – № 13; 4 – № 14; 5 – № 16; 6 – № 17; 7 – № 18; 8 – № 19; 9 – № 24; 10 – № 36; 11 – № 37*

Рис. 269. Щурово, грунтовый могильник. *1–3* – инвентарь погребения 43; *4–7* – скопление находок в северной части уч. 10, Р. VI. Полевые номера находок 2013 г. раскопок: *1 – № 46; 2 – № 47; 3 – № 58; 4 – № 37; 5 – № 38; 6 – № 39; 7 – № 48*

Рис. 271. Щурово, грунтовый могильник. 1–106 – состав скопления находок 43а. Полевые номера находок 2013 г. раскопок: 1 – № 56; 2 – № 168; 3 – № 169; 4 – № 173; 5 – № 174; 6 – № 185; 7 – № 186; 8 – № 193; 9 – № 209; 10 – № 208; 11 – № 210; 12 – № 211; 13 – № 212; 14 – № 213; 15 – № 214; 16 – № 216; 17 – № 217; 18 – № 219; 19 – № 220; 20 – № 221; 21 – № 222; 22 – № 223; 23 – № 224; 24 – № 225; 25 – № 226; 26 – № 227; 27 – № 228; 28 – № 229; 29 – № 231; 30 – № 232; 31 – № 234; 32 – № 235; 33 – № 237; 34 – № 238; 35 – № 239; 36 – № 240; 37 – № 241; 38 – № 243; 39 – № 246; 40 – № 248; 41 – № 250; 42 – № 268; 43 – № 269; 44 – № 270; 45 – № 271; 46 – № 276; 47 – № 277; 48 – № 320; 49 – № 321; 50 – № 323; 51 – № 333; 52 – № 341; 53 – № 342; 54 – № 343; 55 – № 344; 56 – № 345; 57 – № 346; 58 – № 347; 59 – № 349; 60 – № 350; 61 – № 351; 62 – № 352; 63 – № 353; 64 – № 354; 65 – № 355; 66 – № 356; 67 – № 361; 68 – № 362; 69 – № 363; 70 – № 364; 71 – № 365; 72 – № 369; 73 – № 404; 74 – № 405; 75 – № 406; 76 – № 407; 77 – № 408; 78 – № 409; 79 – № 410; 80 – № 412; 81 – № 413; 82 – № 418; 83 – № 419; 84 – № 420; 85 – № 421; 86 – № 422; 87 – № 423; 88 – № 438; 89 – № 439; 90 – № 440; 91 – № 441; 92 – № 442; 93 – № 443; 94 – № 444; 95 – № 449; 96 – № 454; 97 – № 462; 98 – № 470; 99 – № 481; 100 – № 484; 101 – № 488; 102 – № 490; 103 – № 491; 104 – № 287; 105 – № 319; 106 – № 483

Рис. 272. Щурово, грунтовый могильник. I–31 – отдельные находки с уч. 10, Р. VI/2013.
I: 1–20 – центральная часть; II: 21–31 – северная и восточная части участка. Полевые номера находок: 1 – № 49; 2 – № 50; 3 – № 53; 4 – № 55; 5 – № 57; 6 – № 76; 7 – № 77; 8 – № 78; 9 – № 149; 10 – № 182; 11 – № 183; 12 – № 191; 13 – № 201; 14 – № 233; 15 – № 244; 16 – № 245; 17 – № 247; 18 – № 272; 19 – № 284; 20 – № 285; 21 – № 35; 22 – № 36; 23 – № 138; 24 – № 139; 25 – № 140; 26 – № 142; 27 – № 143; 28 – № 287; 29 – № 288; 30 – № 293; 31 – № 295

Рис. 276. Щурово, грунтовый могильник. I–13 – инвентарь погребения 44. Полевые номера находок 2013 г. раскопок: 1 – № 189; 2 – № 194; 3 – № 204; 4 – № 322; 5 – № 366; 6 – № 368; 7 – № 373; 8 – № 384; 9 – № 434; 10 – № 450; 11 – № 453; 12 – № 494; 13 – № 504

Рис. 283. Щурово, грунтовый могильник. I–43 – инвентарь погребения 45. Полевые номера находок 2013 г. раскопок: 1 – № 415; 2 – № 467; 3 – № 475; 4 – № 394; 5 – № 428; 6 – № 460; 7 – № 447; 8 – № 509; 9 – № 493; 10 – № 510; 11 – № 502; 12 – № 496; 13 – № 365; 14 – № 378; 15 – № 388; 16 – № 391; 17 – № 464; 18 – № 466; 19 – № 478; 20 – № 501; 21 – № 476; 22 – № 400; 23 – № 495; 24 – № 506; 25 – № 497; 26 – № 401; 27 – № 402; 28 – № 403; 29 – № 457; 30 – № 461; 31 – № 389; 32 – № 325; 33 – № 456; 34 – № 469; 35 – № 486; 36 – № 487; 37 – № 498; 38 – № 500; 39 – № 305; 40 – № 507; 41 – № 499; 42 – № 508; 43 – № 492

Рис. 285. Щурово, грунтовый могильник. I–26 – отдельные находки с уч. 14, Р. VI/2014.
Полевые номера находок: 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 18; 4 – № 304; 5 – № 308; 6 – № 324; 7 – № 325; 8 – № 348; 9 – № 370; 10 – № 377; 11 – № 381; 12 – № 383; 13 – № 386; 14 – № 396; 15 – № 398; 16 – № 411; 17 – № 414; 18 – № 424; 19 – № 425; 20 – № 427; 21 – № 432; 22 – № 435; 23 – № 437; 24 – № 445; 25 – № 446; 26 – № 463

Рис. 288. Щурово, грунтовый могильник. I–12 – инвентарь погребения 46. Полевые номера находок 2014 г.: 1 – № 73; 2 – № 99; 3 – № 100; 4 – № 140; 5 – № 145; 6 – № 149; 7 – № 151; 8 – № 154; 9 – № 157; 10 – № 156; 11 – № 160; 12 – № 163

ИЛЛЮСТРАЦИИ

По этой ссылке (QR-коду)

Вы можете посмотреть в хорошем качестве рисунки:

№ 1, 2, 19, 26, 28, 48, 55, 59, 63, 75, 84, 93, 105, 120, 141, 232, 249

Using this link (QR code) you can see in good quality figures No. 1, 2, 19,

26, 28, 48, 55, 59, 63, 75, 84, 93, 105, 120, 141, 232, 249

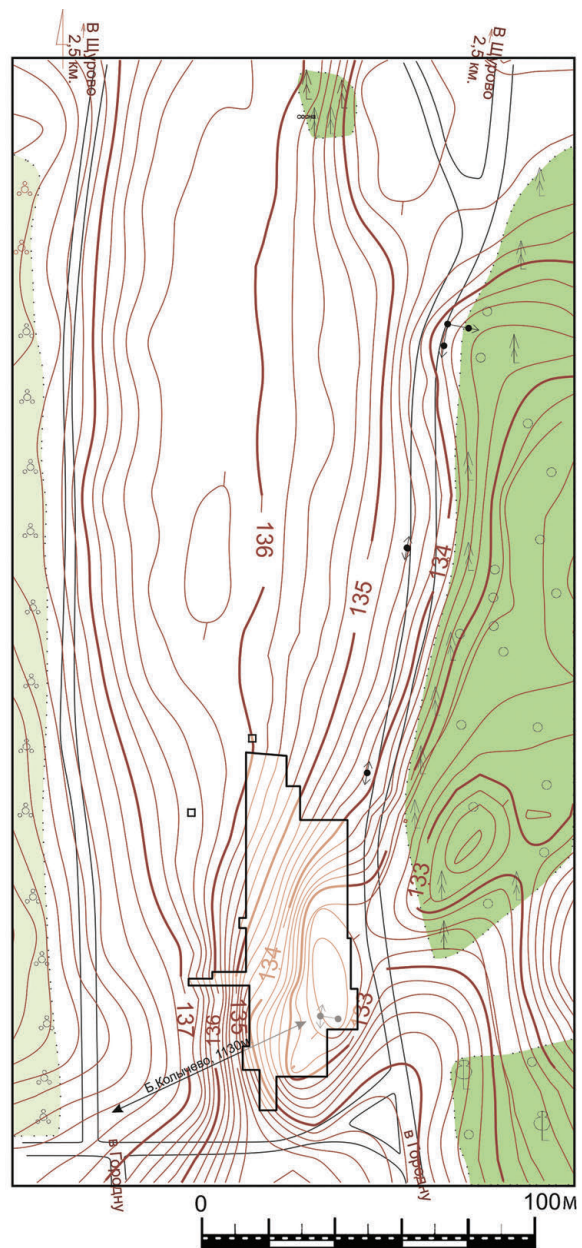

Рис. 1. Щурово. Топографический план «верхней» и «нижней» площадок с контурами раскопов до 2016 г. включительно. Сечение горизонталей 0,2 м, ориентировка на магнитный меридиан

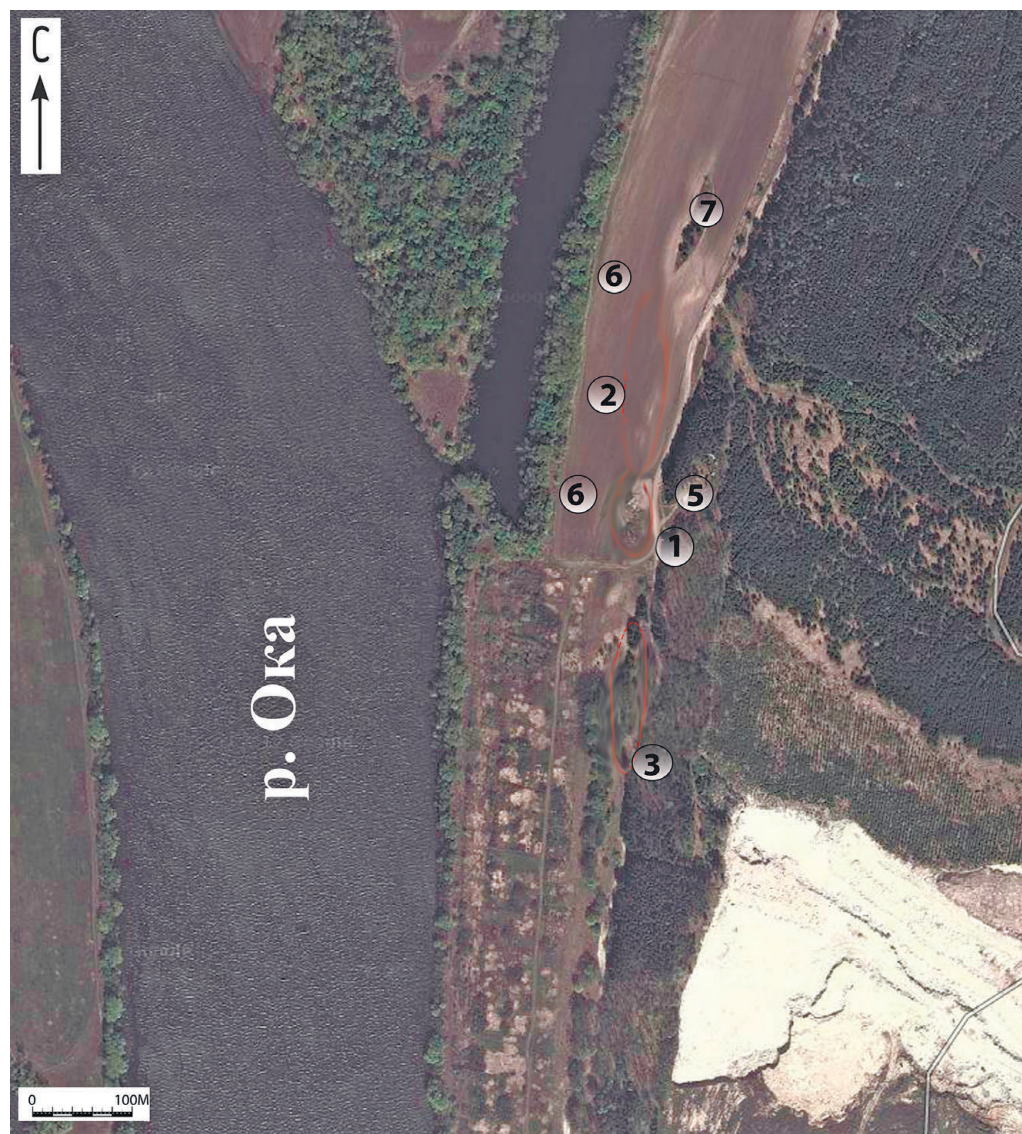

Рис. 3. Щурово, вид из космоса (вероятно, весна 2012 г.).
1 – «верхняя» площадка, 2 – «нижняя» площадка, 3 – «средняя» площадка, 5 – лощина, место лагеря экспедиции,
6 – примерное положение прируслового вала, 7 – «островок с соснами»

Рис. 4. Щурово.
Снимок и топлан Р.Л. Розенфельдта (по: Розенфельдт, 1986)

Рис. 5. Щурово. Вид на памятник с юга. Цифровые обозначения соответствуют рис. 3.
5 – лощина, место лагеря экспедиции, 6 – примерное положение прируслового вала, 7 – «островок с соснами»

Рис. 6. Щурово. Вид на «верхнюю» площадку с юго-востока, от кромки леса (весна 2014 г.).
Нивелир установлен на вершине «домика мертвых» № 2

Рис. 7. Щурово. Вид на памятник («верхнюю» площадку) с северо-запада, примерно от центра «нижней» площадки. Свежий отвал на северо-западном склоне холма – уч. 13, Р. II/2010. Красной горизонталью показан предположительный изначальный уровень плато до размыва

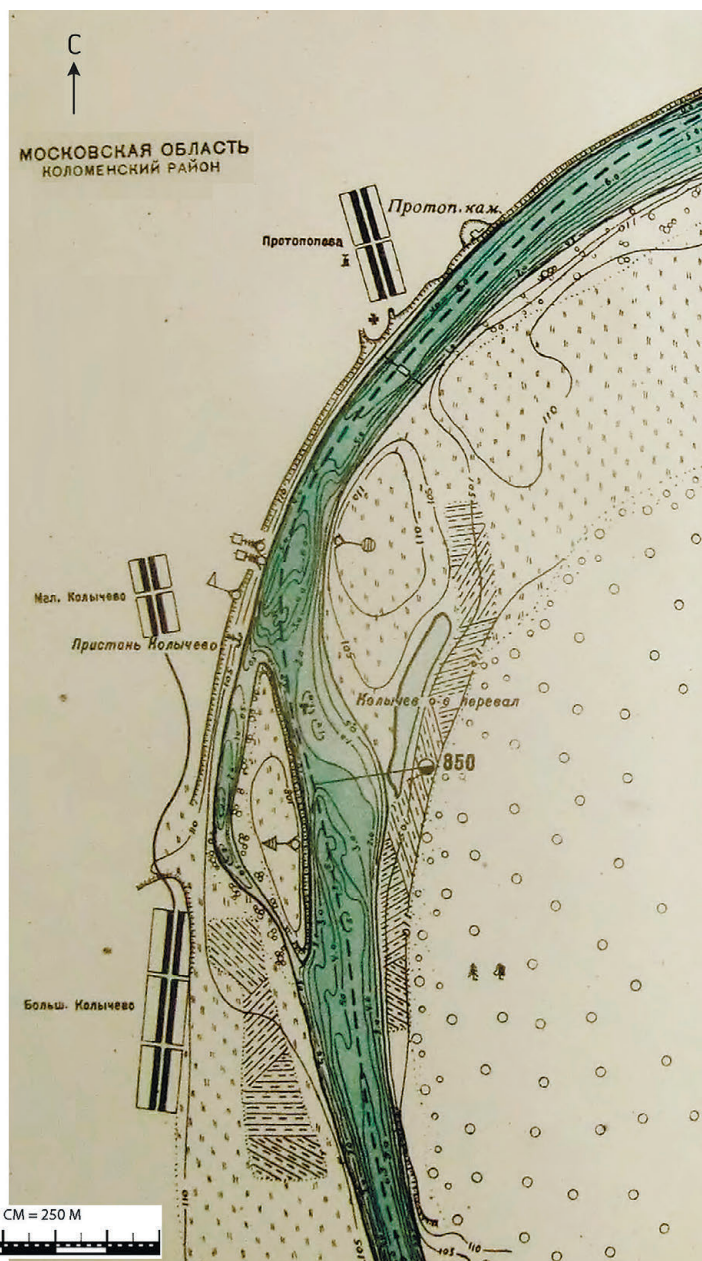

Рис. 8. Щурово. Фрагмент лоцманской карты р. Оки 1937 г.
Холм «верхней» площадки
примерно на месте обозначения
850 километра. Заливка памятника
и прилегающих участков,
согласно легенде, обозначает «огород»

Рис. 9. Щурово. Пример стратиграфии «верхней» площадки – фрагмент профиля северной стенки уч. 12, Р. II/2009 г. Слой коричневого аллювия тонкий, черный слой могильника отчетливый, позднедьяковский слой не выражен

Рис. 10. Щурово. Пример стратиграфии «верхней площадки», западный склон, уч. 11, Р. II/2009 г., северная стенка. В этом профиле позднедьяковский слой присутствует, но он темно окрашен и с трудом отделяется от слоя могильника, подстилающего аллювий

Рис. 11. Щурово. Стратиграфия рва кургана 2 с северной стороны. Светло-серый слой оплывания рва перекрыт тонкой черной прослойкой (слоем могильника) и коричневым аллювием

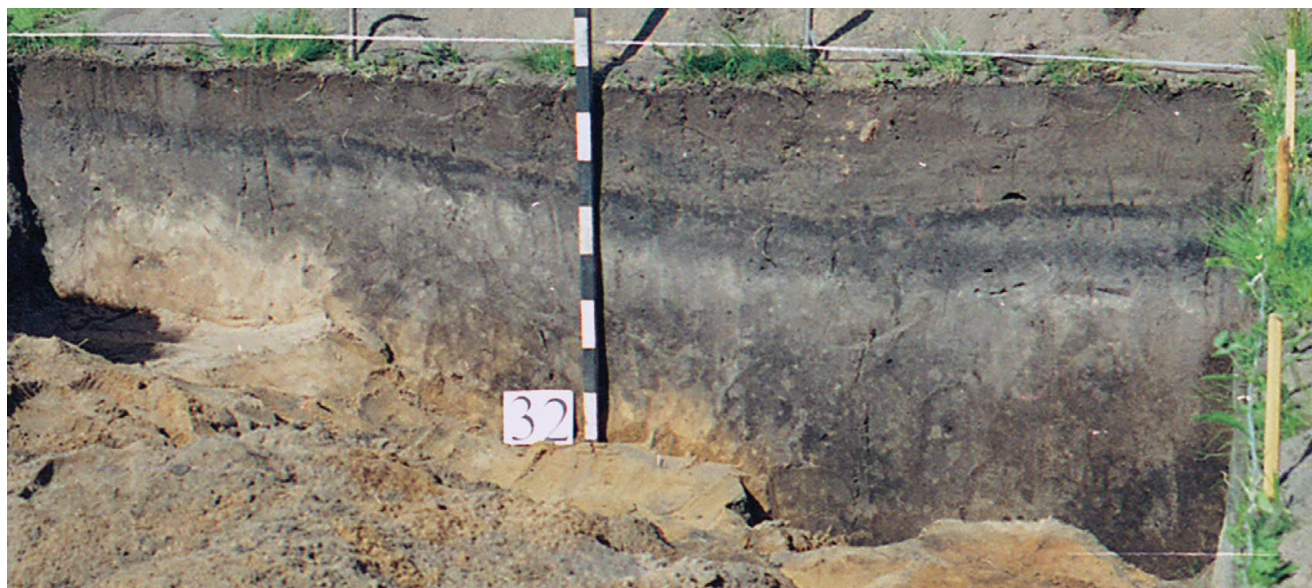

Рис. 12. Щурово.
Стратиграфия кургана 1, западная стенка, Р. I/2002 г.

Рис. 13. Щурово. Пример стратиграфии «верхней» площадки на северном склоне, почти у подошвы холма – западная стенка уч. 15, Р. II/2010. Под черным слоем могильника видны «коричневые облака» – типичная деталь для низинных участков памятника, вероятно, биогенного происхождения

Рис. 14. Щурово. Пример стратиграфии с несохранившимся культурным слоем. Восточный склон холма, восточная стенка уч. 18, Р. II/2010. Слоя памятника нет, только пашня, без находок

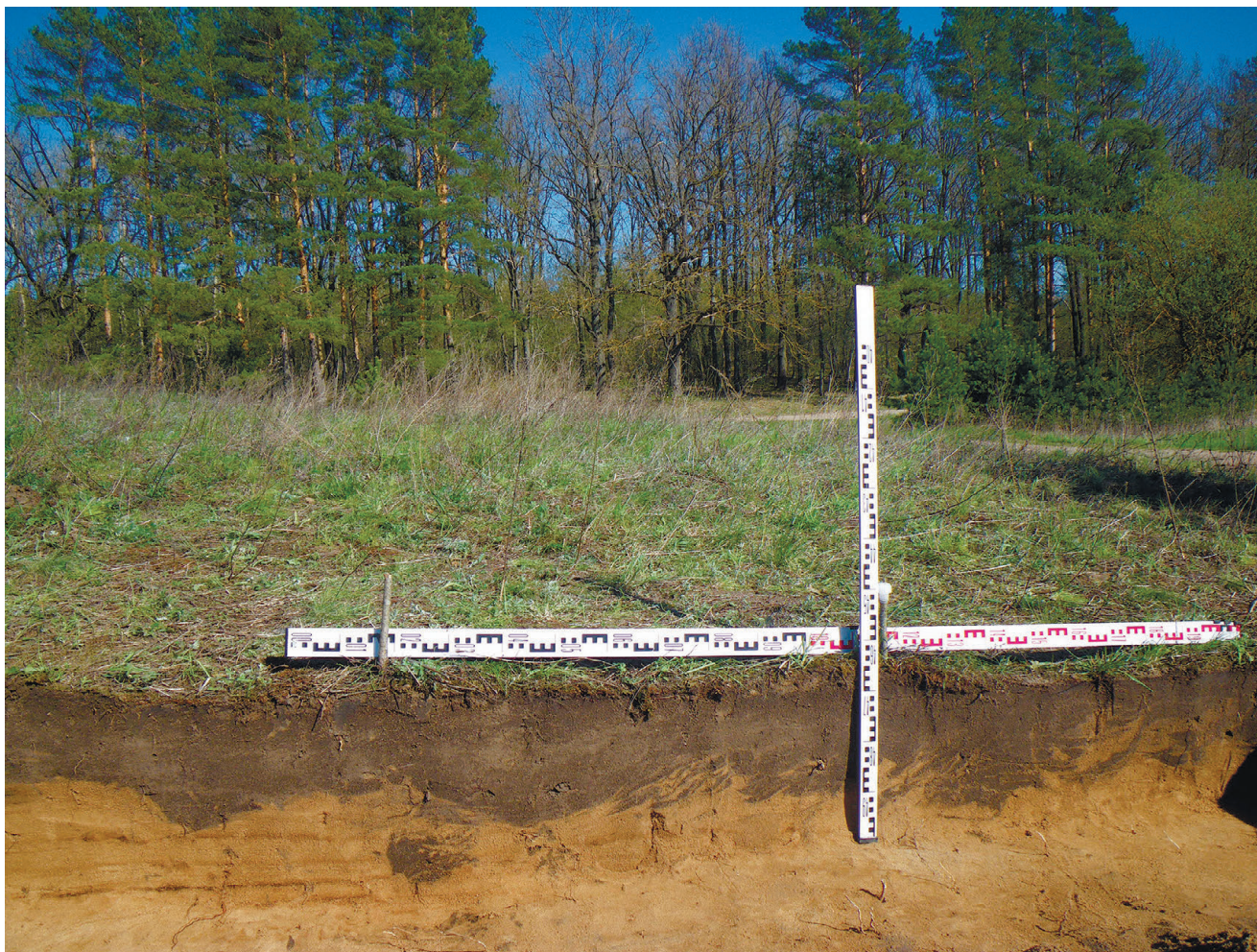

Рис. 15. Щурово. Пример стратиграфии с несохранившимся культурным слоем.

Южный склон холма, восточная стенка уч.1, Р. VII/2013

Позднелыжковскй слой и слой могильника не сохранились – только аллювий, распаханнй на всю глубину

Рис. 16. Щурово. Пример стратиграфии «нижней» площадки (северный профиль уч. 10, Р. VI/2013): мощный слой аллювия с прослойками чистого песка внутри; под черной прослойкой могильника виден более светлый, коричневый позднедьяковский слой. Темное углубление в левой части профиля – погр. 44; темное углубление в центре – скопление керамики позднедьяковского времени

Рис. 17. Щурово. Пример стратиграфии «нижней» площадки (северный профиль уч. 10, Р. VI/2013).
Белые вкрапления в темном слое – кальцинированные кости

Рис. 18. Щурово. Нательные кресты из аллювиального слоя: 1 – из горизонта аллювия под прослоями песка уч. 2, Р. VIII/2016 г., 2 – из пахотного слоя на восточном склоне холма, уч. 23, Р. II/2011 г.

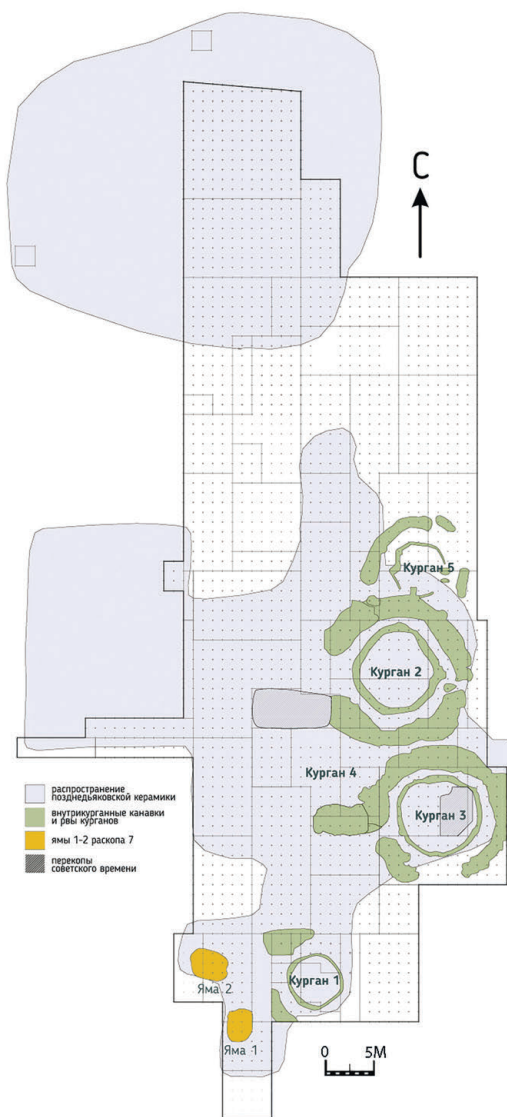

Рис. 19. Щурово. Схема распространения позднеядовского слоя 2–3 четверти I тыс. н.э.
(серым цветом; для ориентира показаны также контуры «домиков мертвых»)

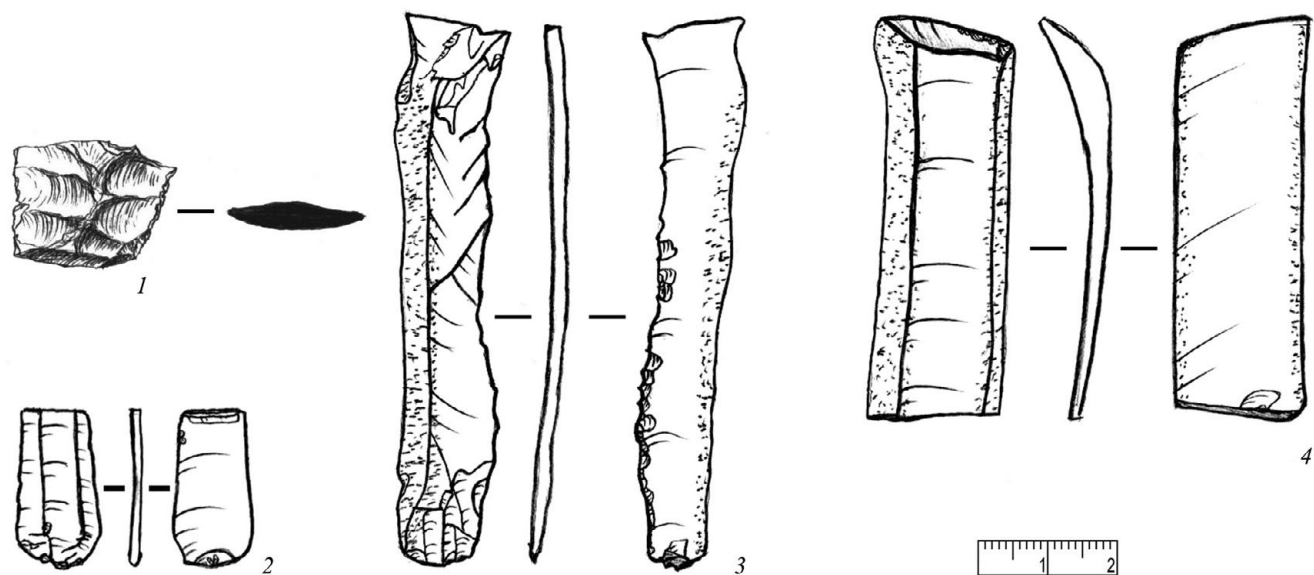

Рис. 20. Щурово. Находки эпохи камня (работы 2002–2005 г). Кремль.
1 – 2002; 2 – 2003; 3 – 2005; 4 – 2005

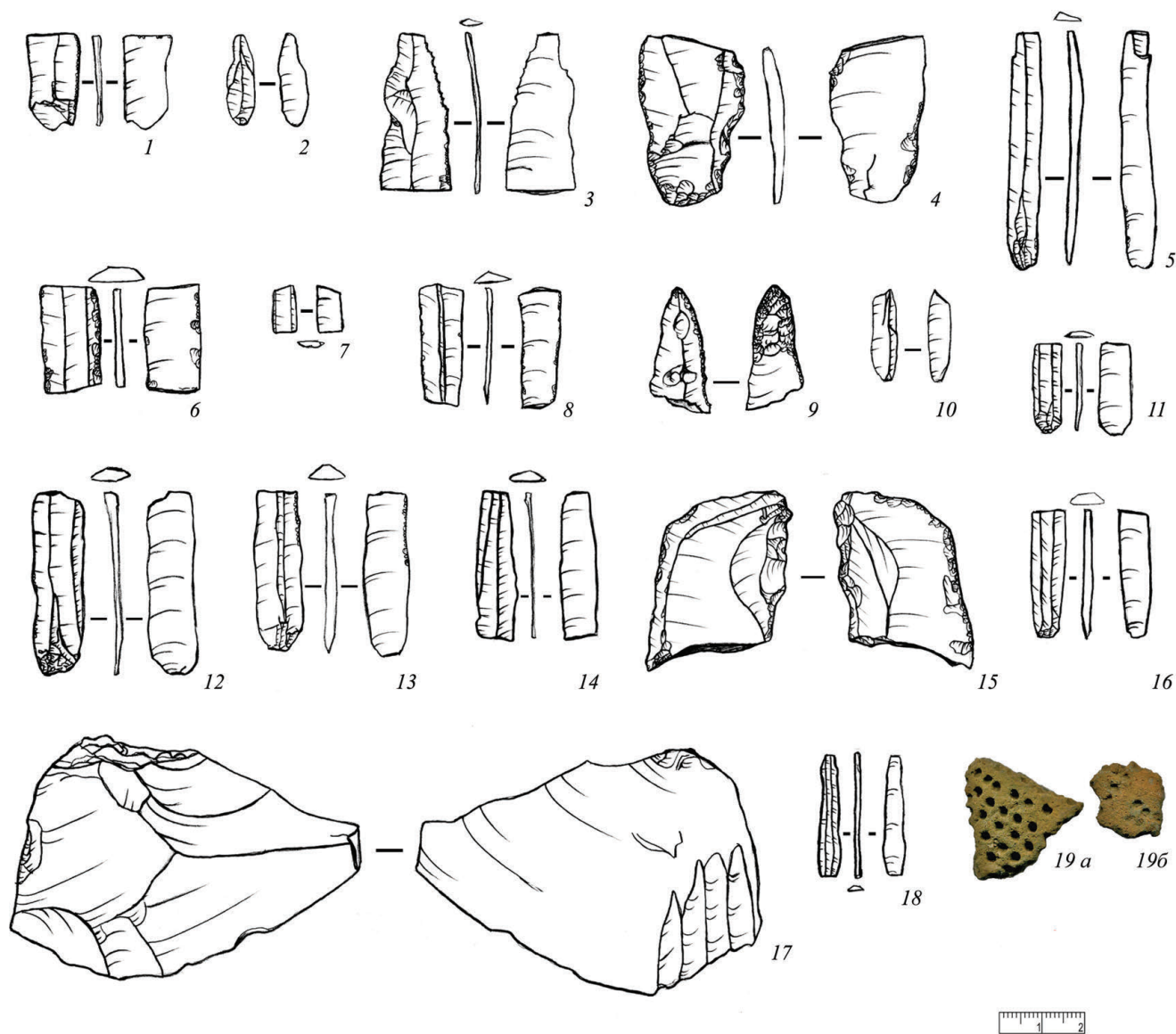

Рис. 21. Щурово. Находки эпохи камня (работы 2006 г.). Кремьень.
1-18 – кремьень; 19а, 19б – керамика

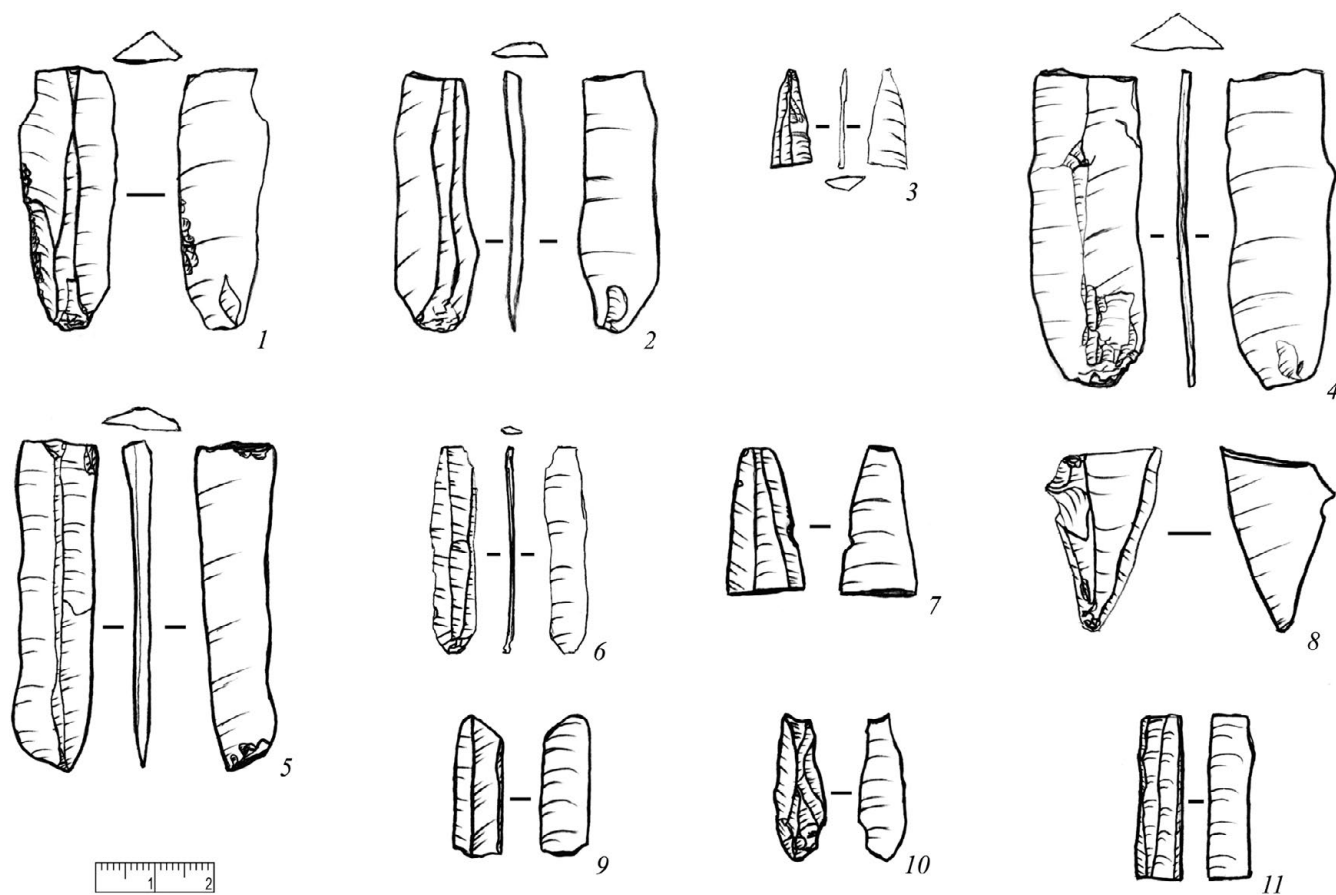

Рис. 22. Щурово.
Находки периода эпохи камня (работы 2006 г.). Кремь.

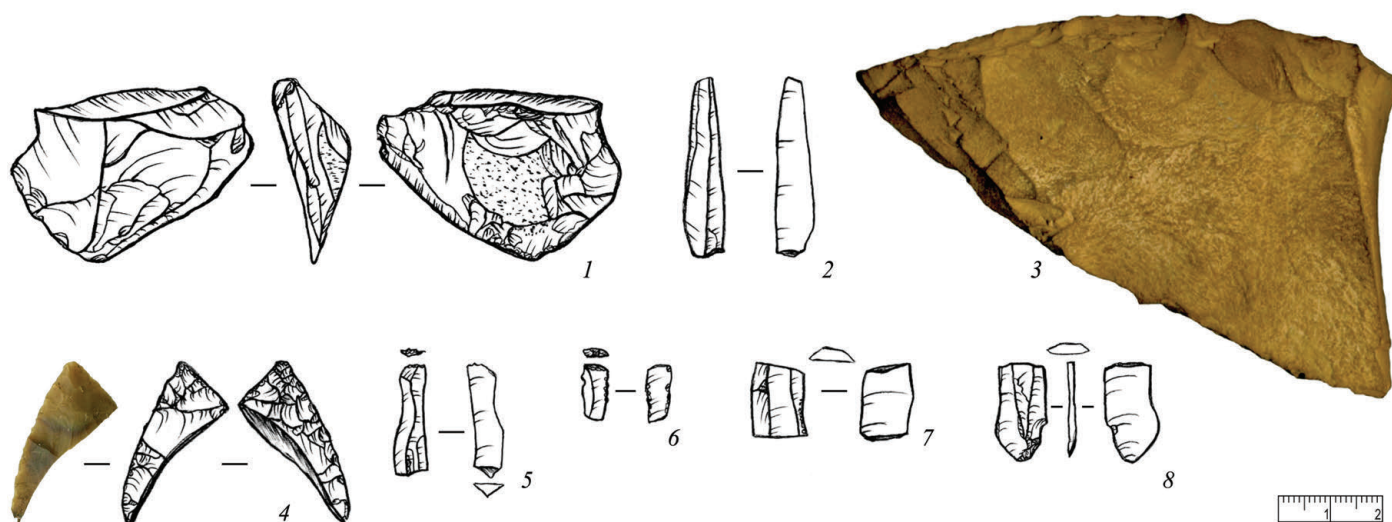

Рис. 23. Щурово. Находки эпохи камня (работы 2007–2008 гг.). Кремль.
Полевые номера находок и год раскопок: 1–2, 4–8 – 2007 г.; 3 – 2008 г.

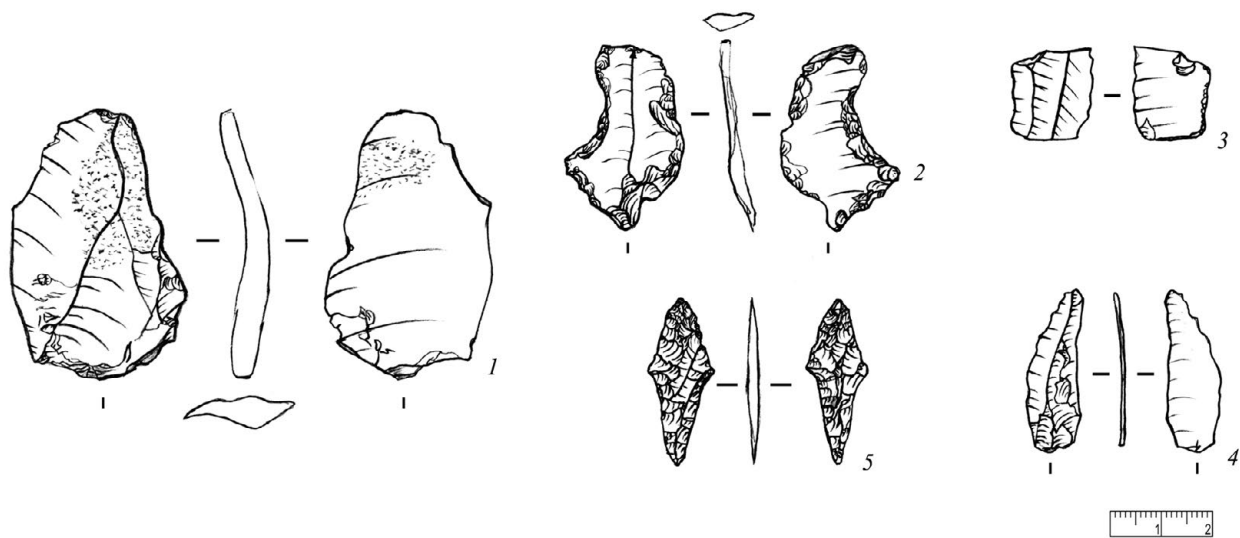

Рис. 24. Щурово.
Находки эпохи камня и бронзы (работы 2011 г.). Кремль.

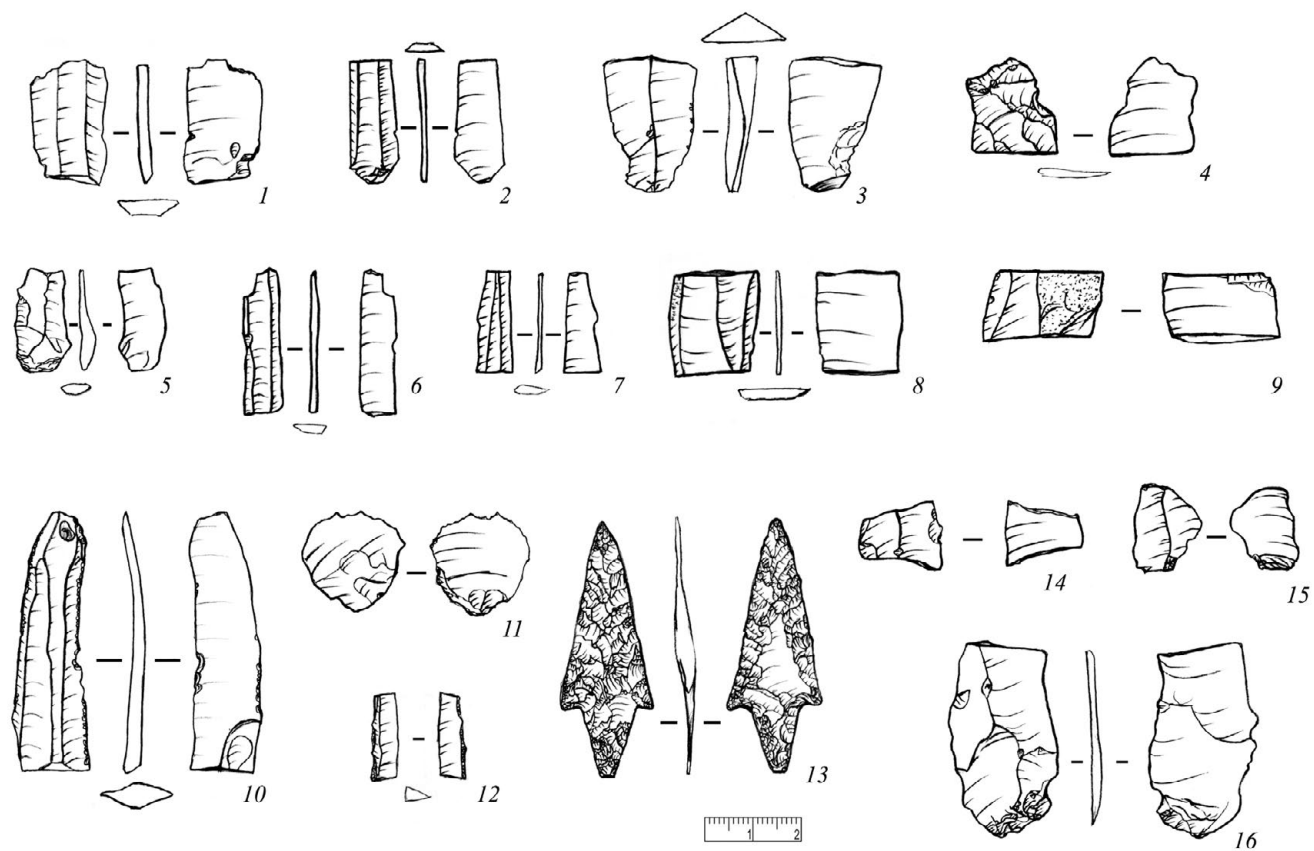

Рис. 25. Щурово.
Находки эпохи камня и бронзы (работы 2011 г.). Кремень, (продолжение).

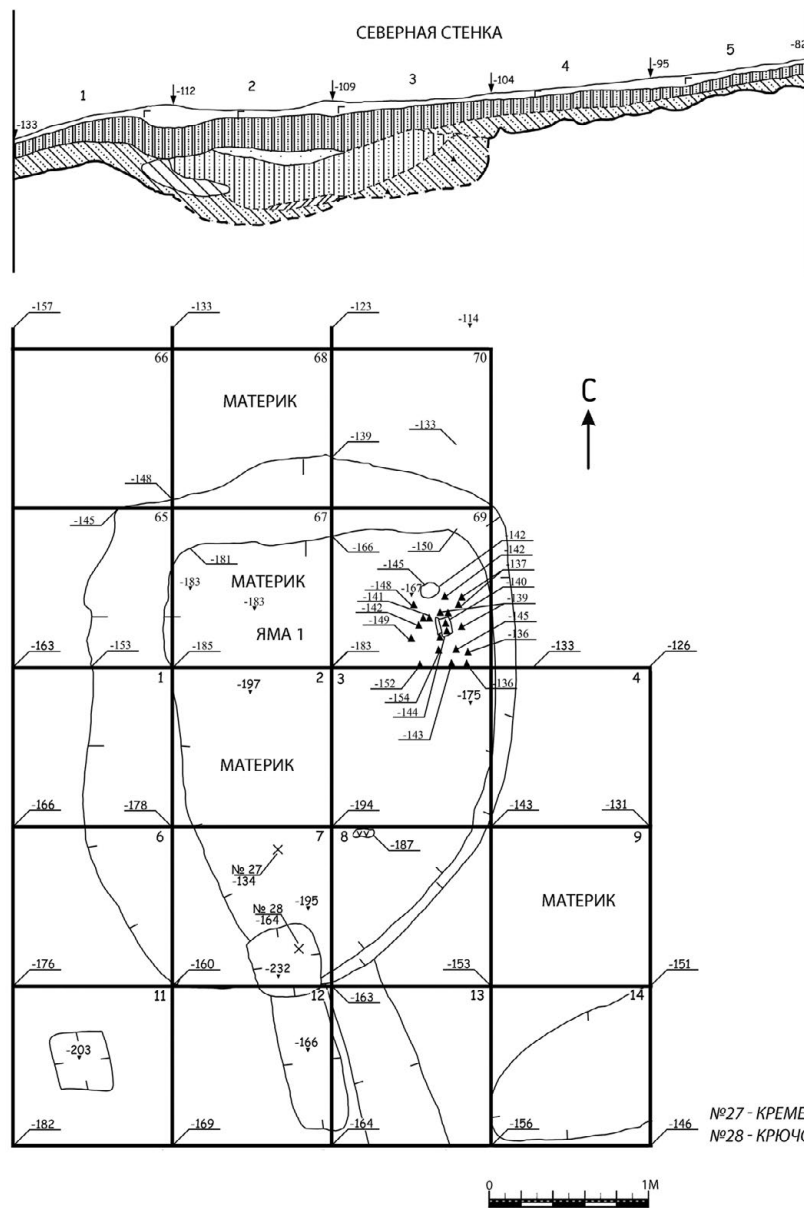

Рис. 26. Щурово. Р. VII, яма 1, исследованная в 2013–2014 гг.
Профиль северной стенки ямы
квадратов № 1–5

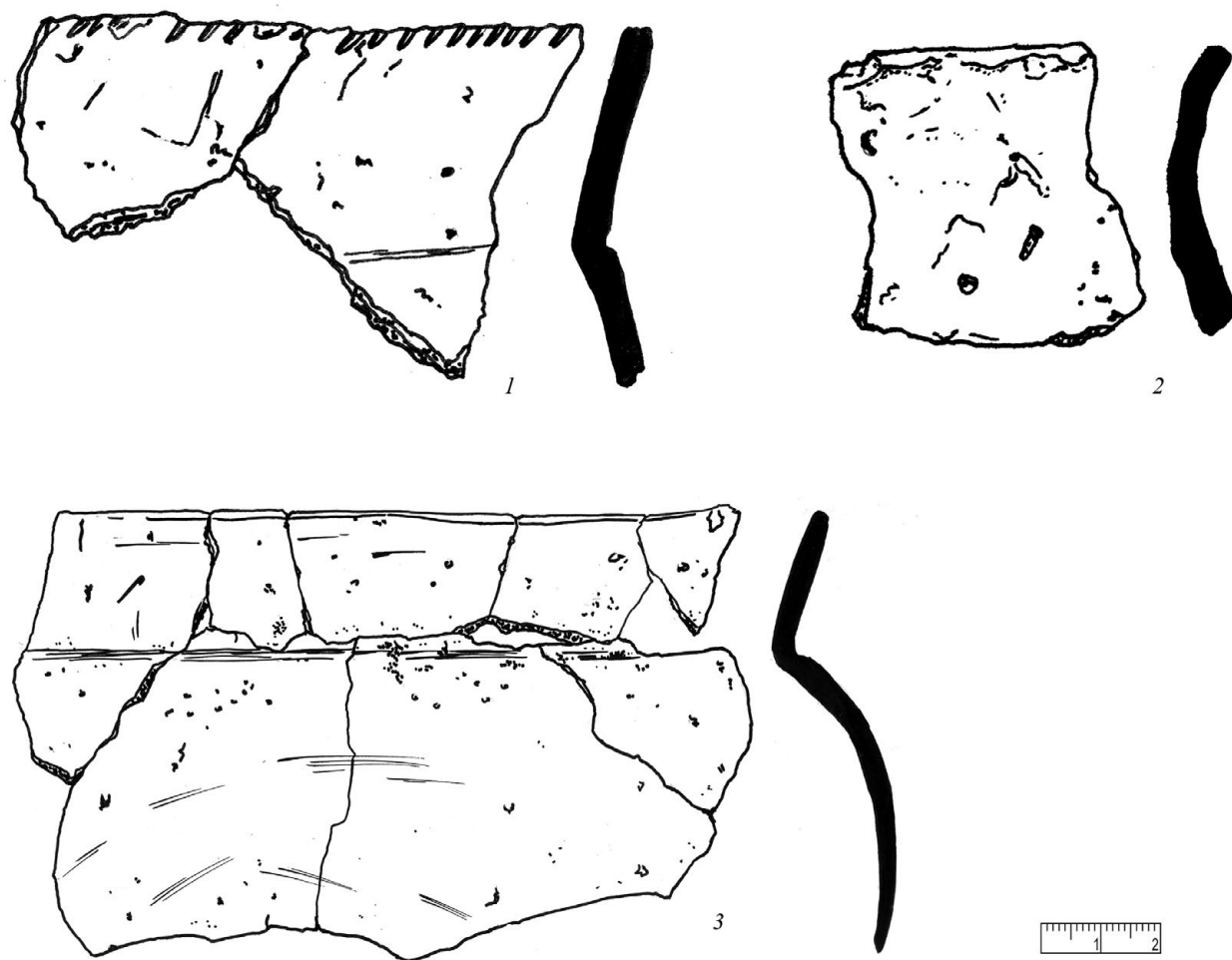

Рис. 27. Щурово.
Профильные части керамики из ямы 1

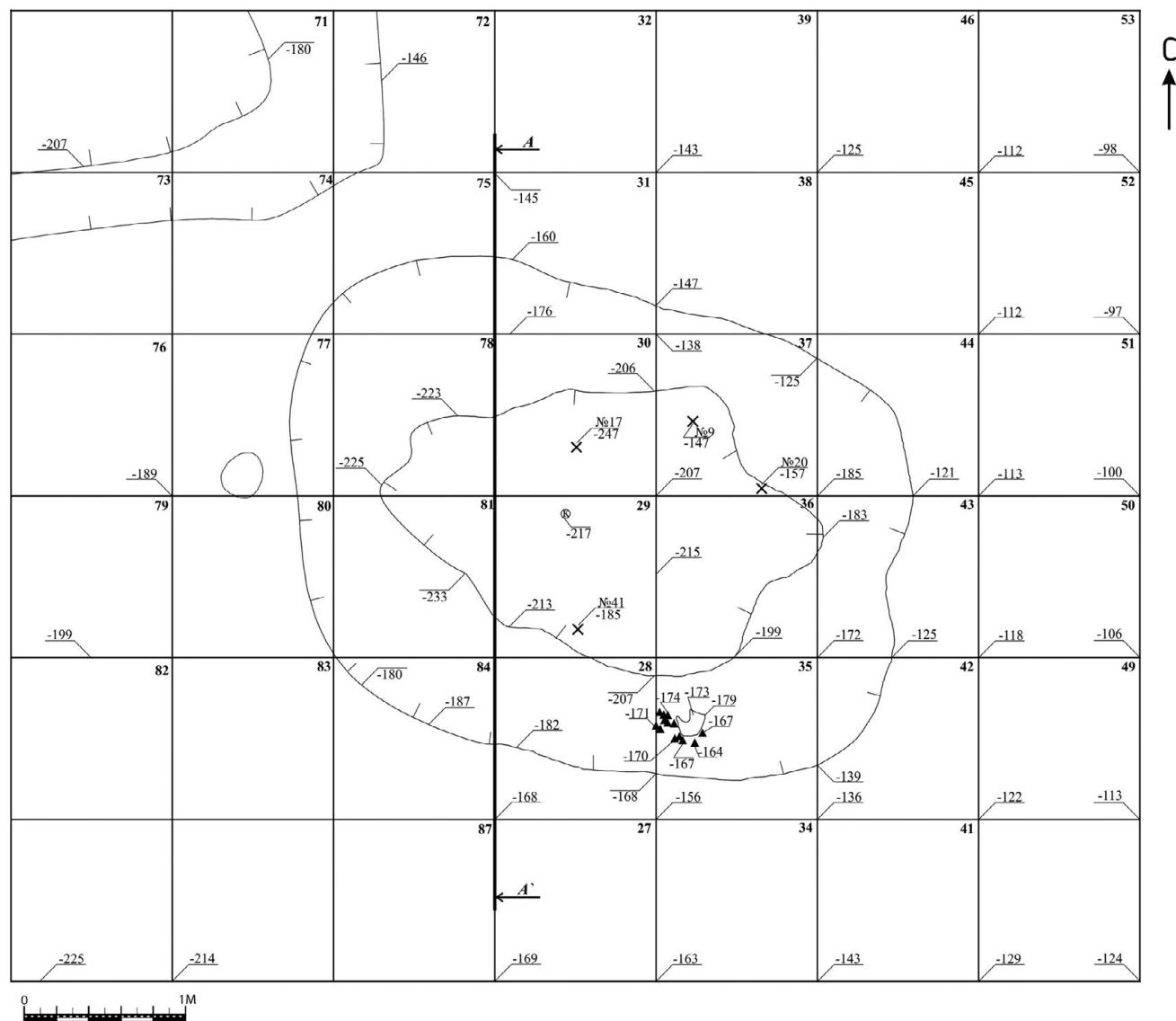

Рис. 28. Щурово. Р. VII. Яма 2, исследованная в 2014–2015 гг.
Черными треугольниками показан развал сосуда с рис. 29

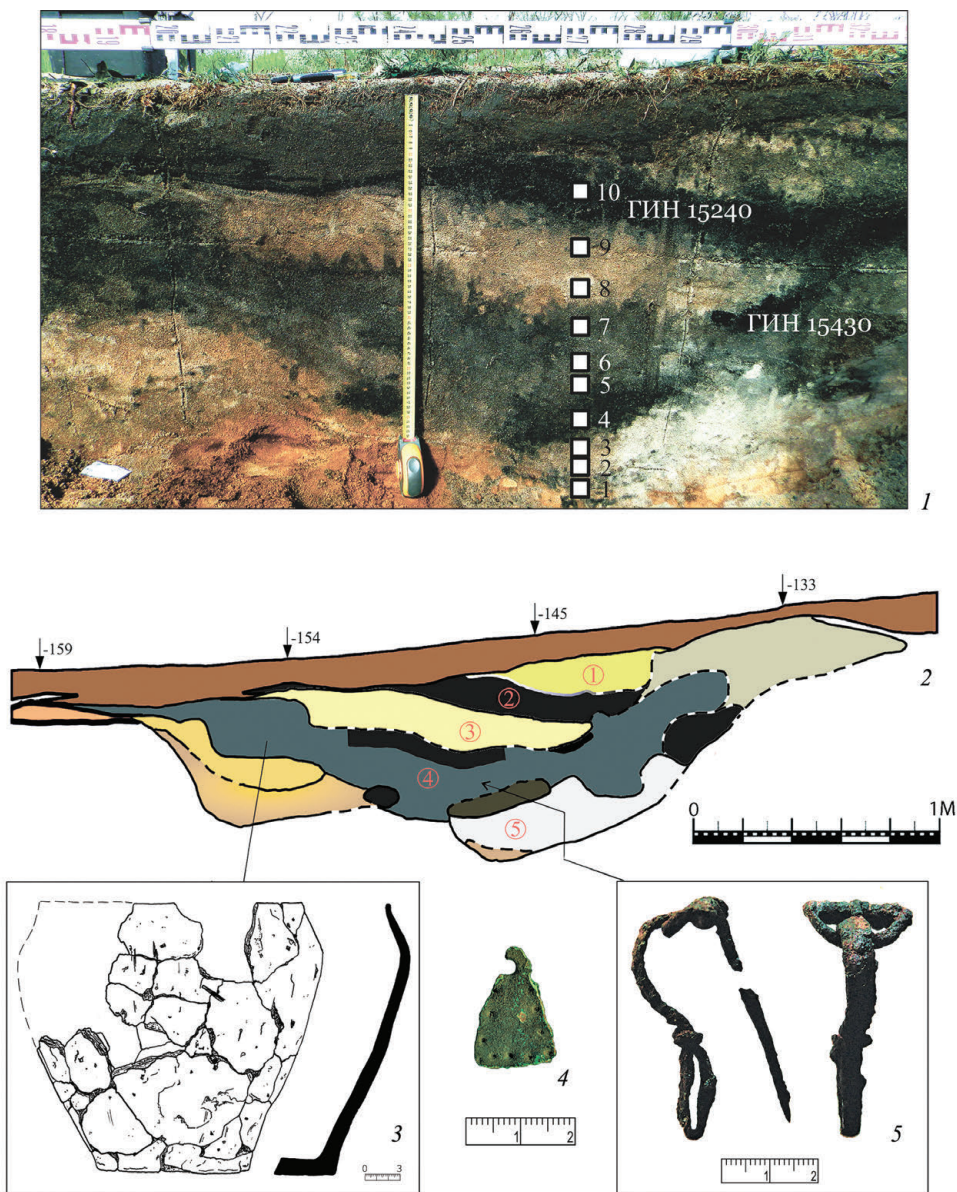

Рис. 29. Щурово. Р. VII/2014. Профиль ямы 2 по западной стенке с находками. 1–2 – профиль. 3–5 – находки

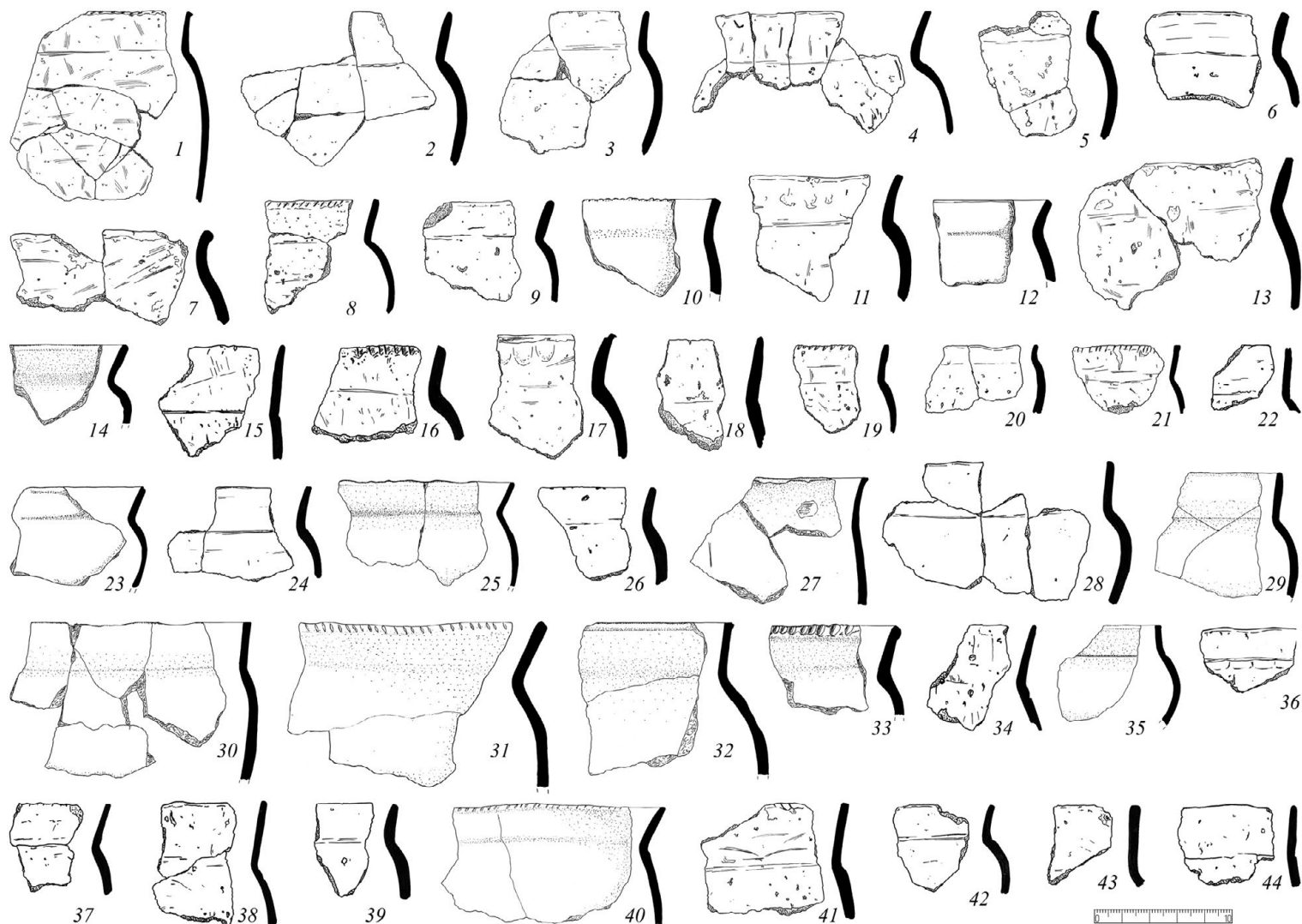

Рис. 30. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов. Профильные части керамики с «верхней» площадки: 1 – 2001 г.; 2–4 – 2005 г.; 5 – 2003 г. 6, 10, 12, 13, 18, 23, 41 – 2008 г.; 7, 11, 17, 19, 20, – 2011 г.; 8 – 2007 г.; 9 – 2002 г.; 14–16, 21, 22, 24–40, 42–44 – 2009 г.

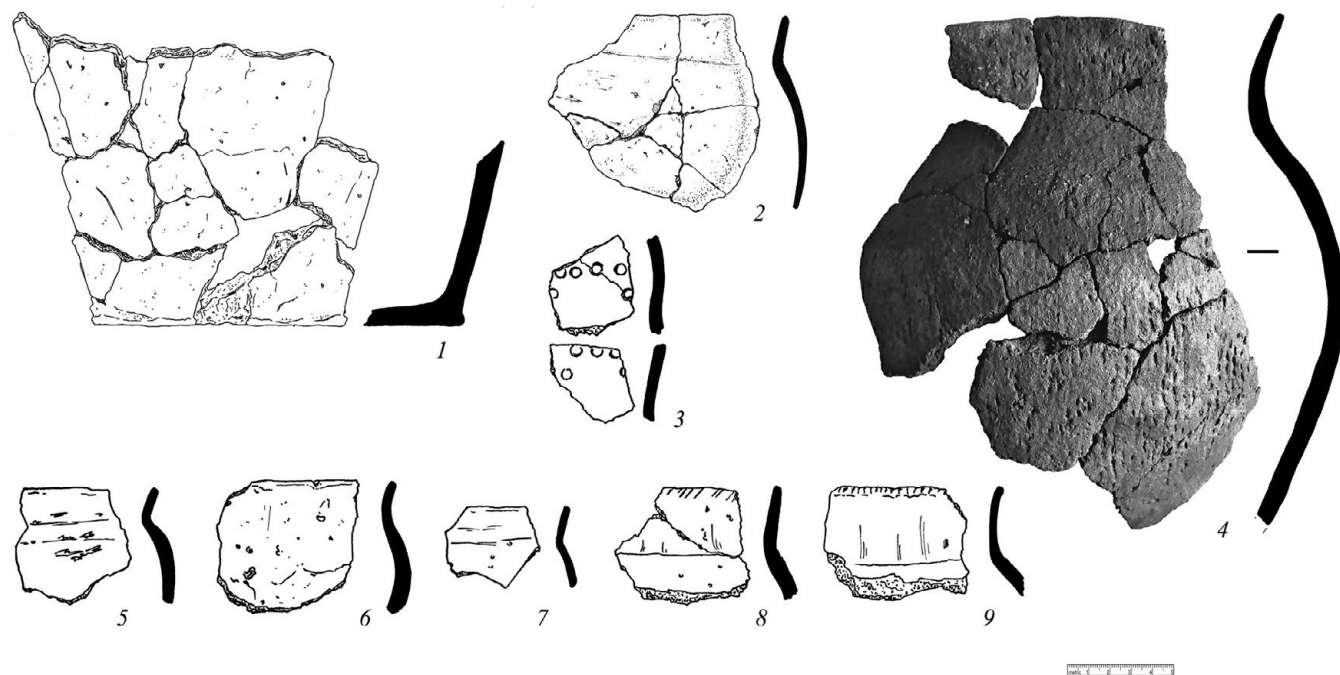

Рис. 31. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов. Профильные части керамики с «нижней» площадки: 1–2 – 2013 г., 3, 5, 7–9 – 2015 г.; 4, 6 – 2014 г.

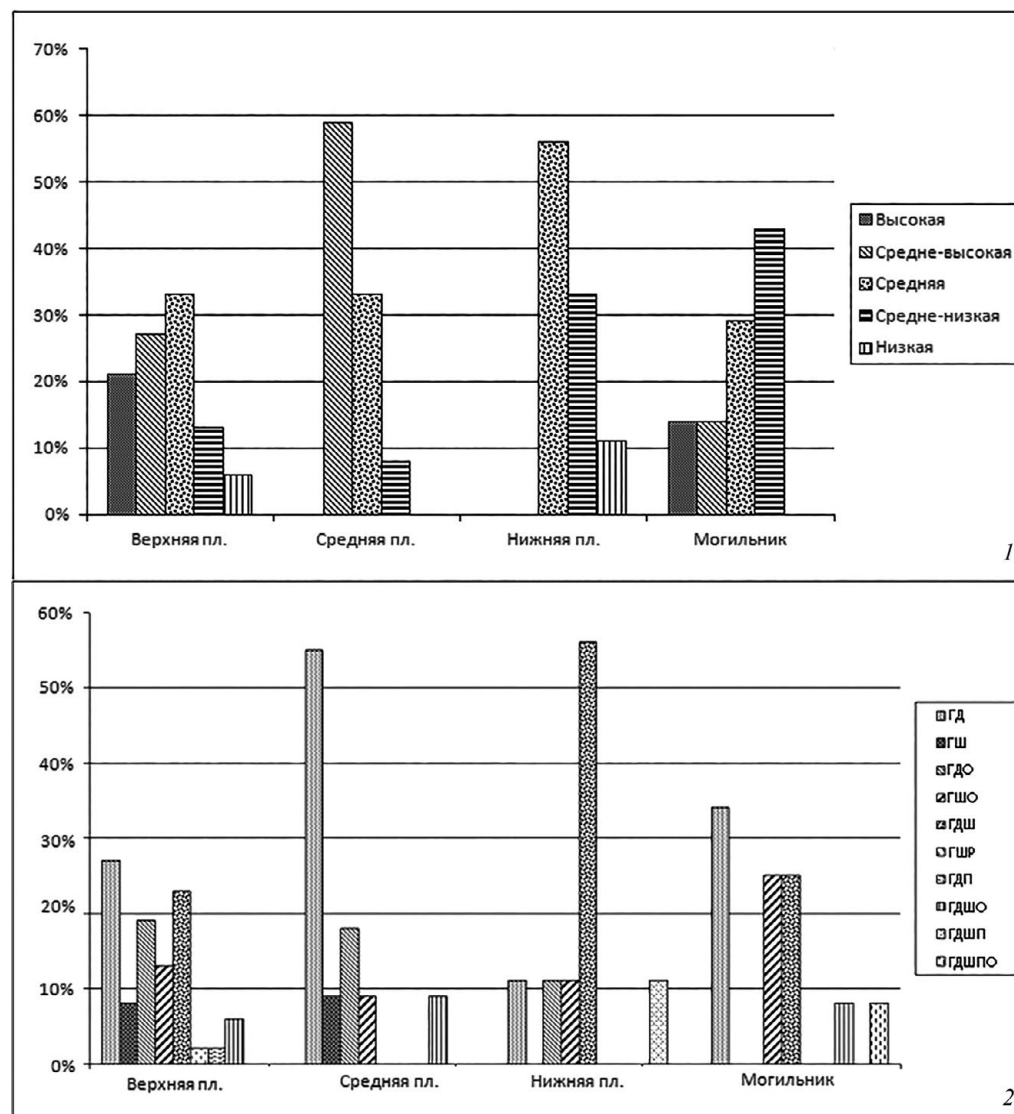

Рис. 32. Щурово. Данные по составу исходного сырья и рецептуры теста Щуровской керамики, составлено Н.С. Жеребцовой (по: Жеребцова, Сыроватко, 2018). 1 – запесоченность исходного глинистого сырья; 2 – рецепты формовочных масс по результатам технологического анализа

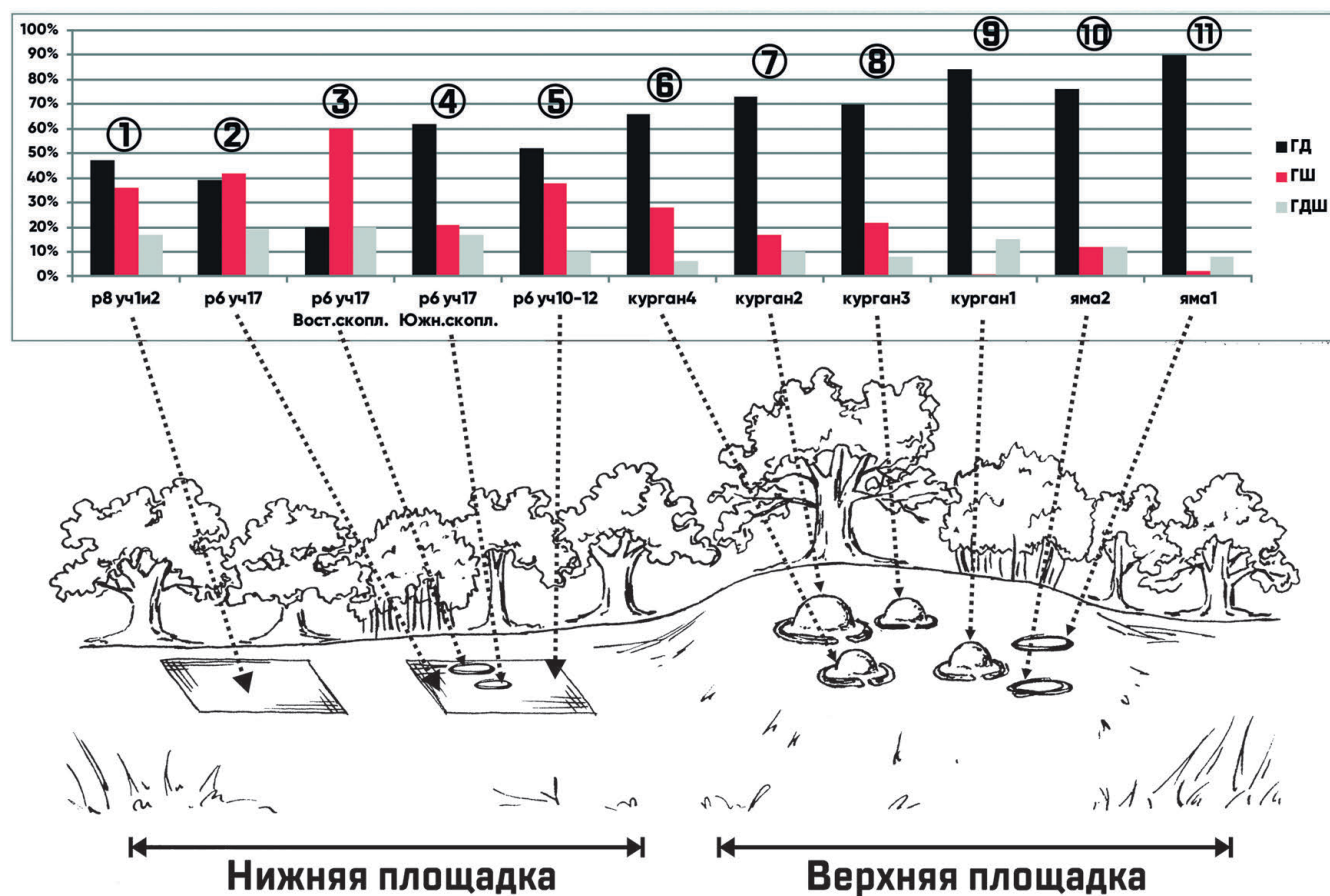

Рис. 33. Щурово. Распределение керамики с разными рецептами формовочной массы в объектах «верхней» и «нижней» площадок. Составлено Н.С. Жеребцовой (по: Сыроватко, Жеребцова, 2017)

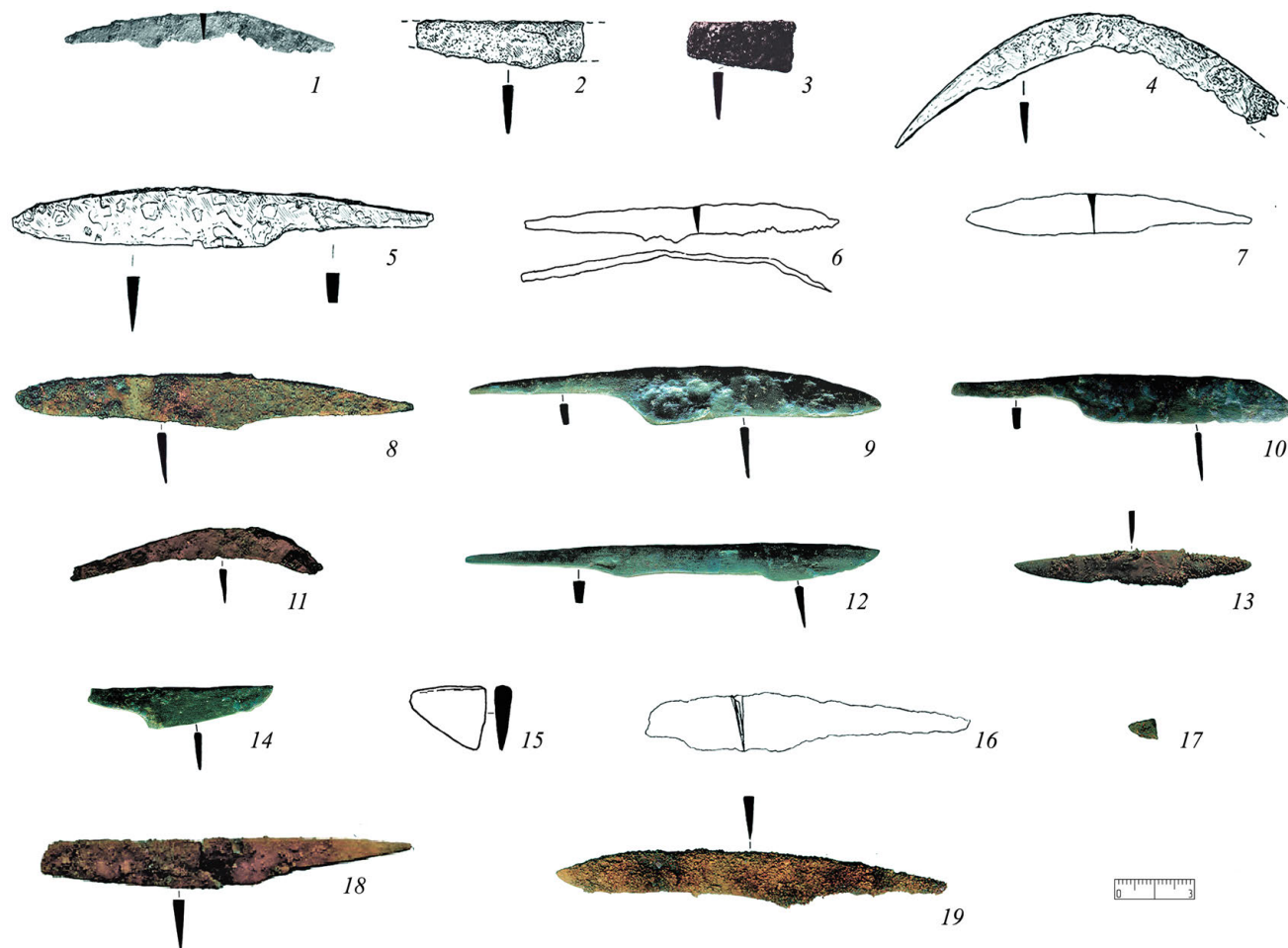

Рис. 34. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов.
1–3, 5–19 – железные ножи, 4 – серп. 1 – 2003 г.; 2, 4, 19 – 2007 г.; 3, 5, 8 – 2004 г.; 6, 7, 9, 11, 12 – 2008 г.; 10 – 2005 г.; 13, 15, 17 – 2006 г.; 14 – 2009 г.; 16 – 2011 г.; 18 – 2010 г.

Рис. 35. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов.
 Фибулы и пряжки: 1, 8 – 2009 г.; 2 – 2007 г.; 3, 13, 14 – 2011 г.; 4 – 2015 г.; 5, 6 – 2006 г.; 7, 11 – 2008 г.;
 9 – 2006 г.; 10 – 2002 г.; 12 – 2002 г.

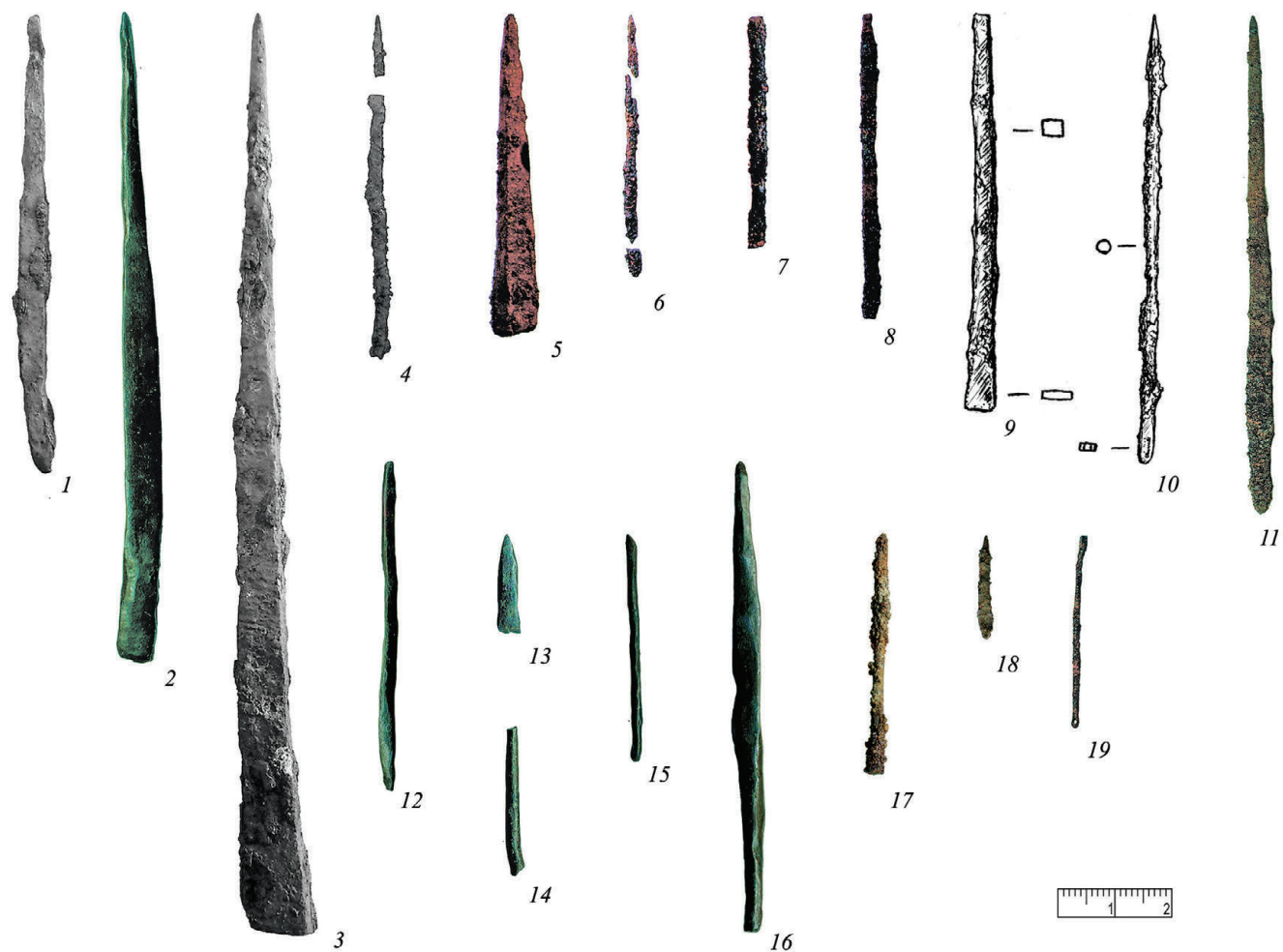

Рис. 36. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов. Шилья, иглы: 1, 3, 4 – 2003 г.; 2, 12 – 2008 г.; 5–8 – 2004 г.; 9–10 – 2005 г.; 11 – 2007 г.; 13–16 – 2009 г.; 17, 18 – 2011 г.; 19 – 2013 г.

Рис. 37. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов. Кресала, наконечники стрел:
1, 5 – 2008 г.; 2, 3 – 2006 г.; 4 – 2002 г.; 6 – 2006 г.; 7 – 2007 г.

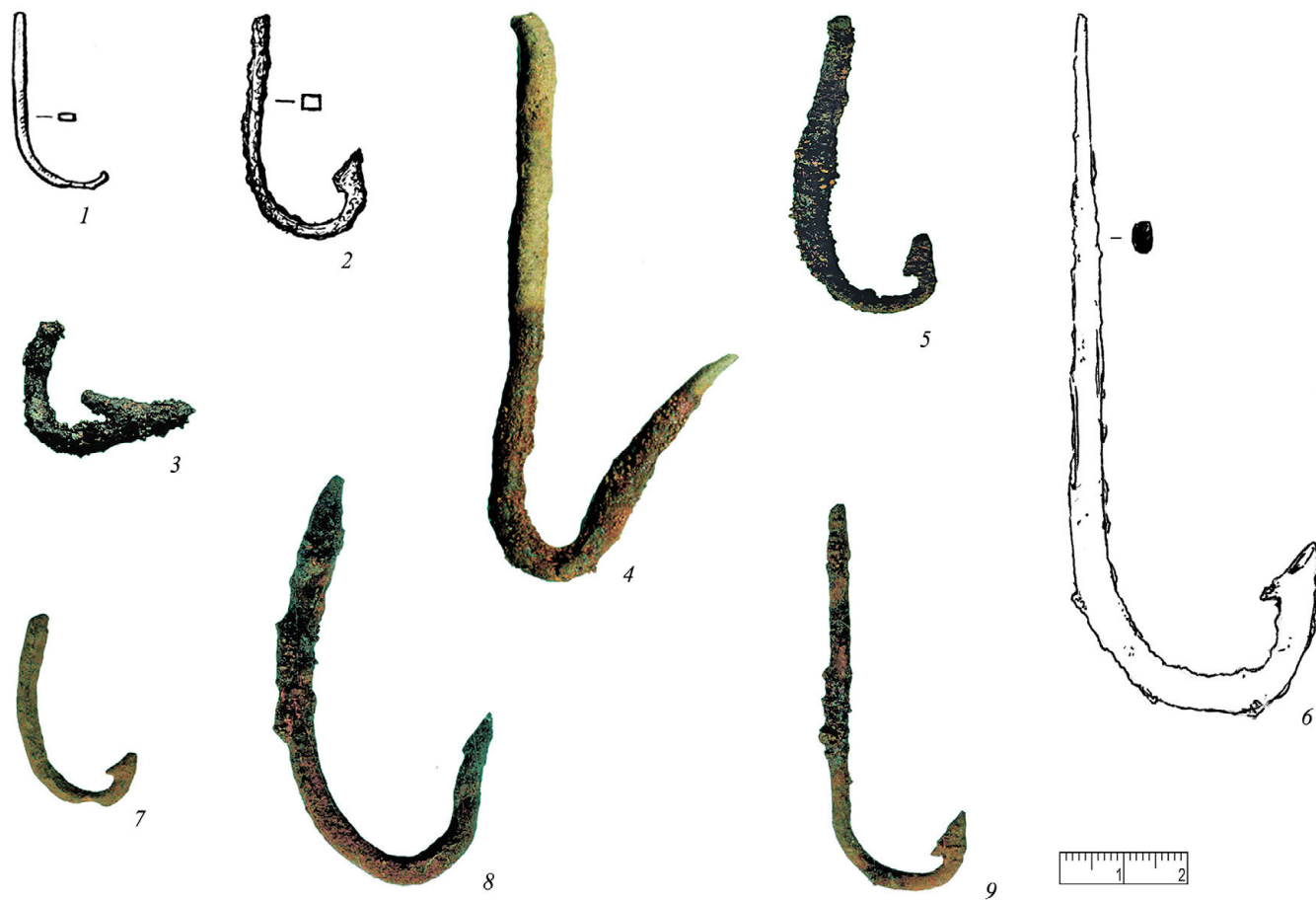

Рис. 38. Щурово.
Рыболовные крючки: 1, 2 – 2005 г.; 3, 5 – 2008 г.; 4 – 2007 г.; 6 – 2013 г.; 7–9 – 2009 г.

Рис. 39. Щурово. Украшения, подвески, детали пояса: 1 – 2014 г.; 2 – 2004 г.; 3, 7 – 2008 г.; 4, 6, 10, 11 – 2007 г.; 5 – 2011 г.; 8, 9, 14 – 2009 г.; 12 – 2010 г.; 13 – 2003 г.; 15 – 2015 г.

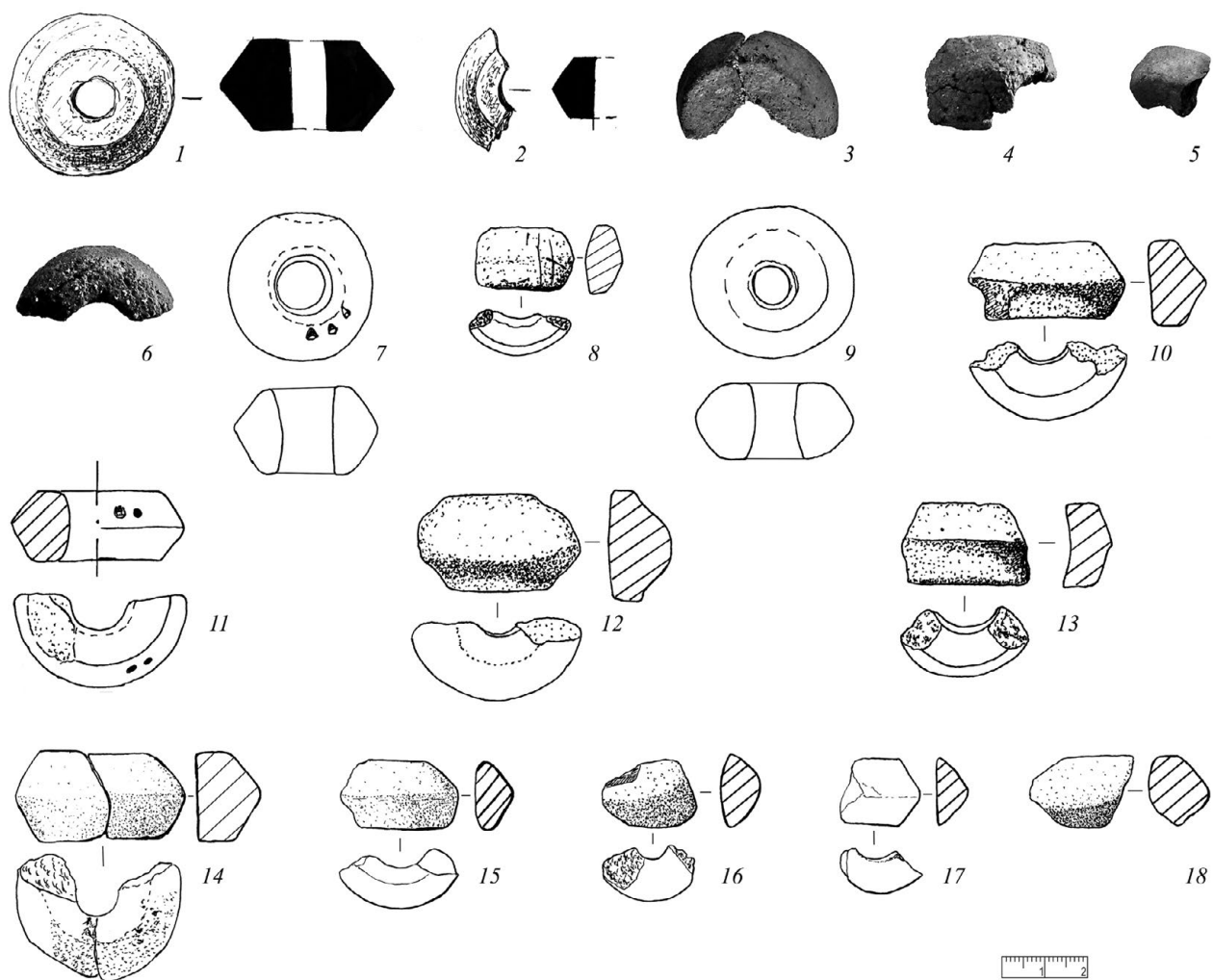

Рис. 40. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2002–2007 гг.).
Пряслица: 1, 2 – 2002 г.; 3–6 – 2003 г.; 7–9 – 2005 г.; 10–13 – 2006 г.; 14–18 – 2007 г.

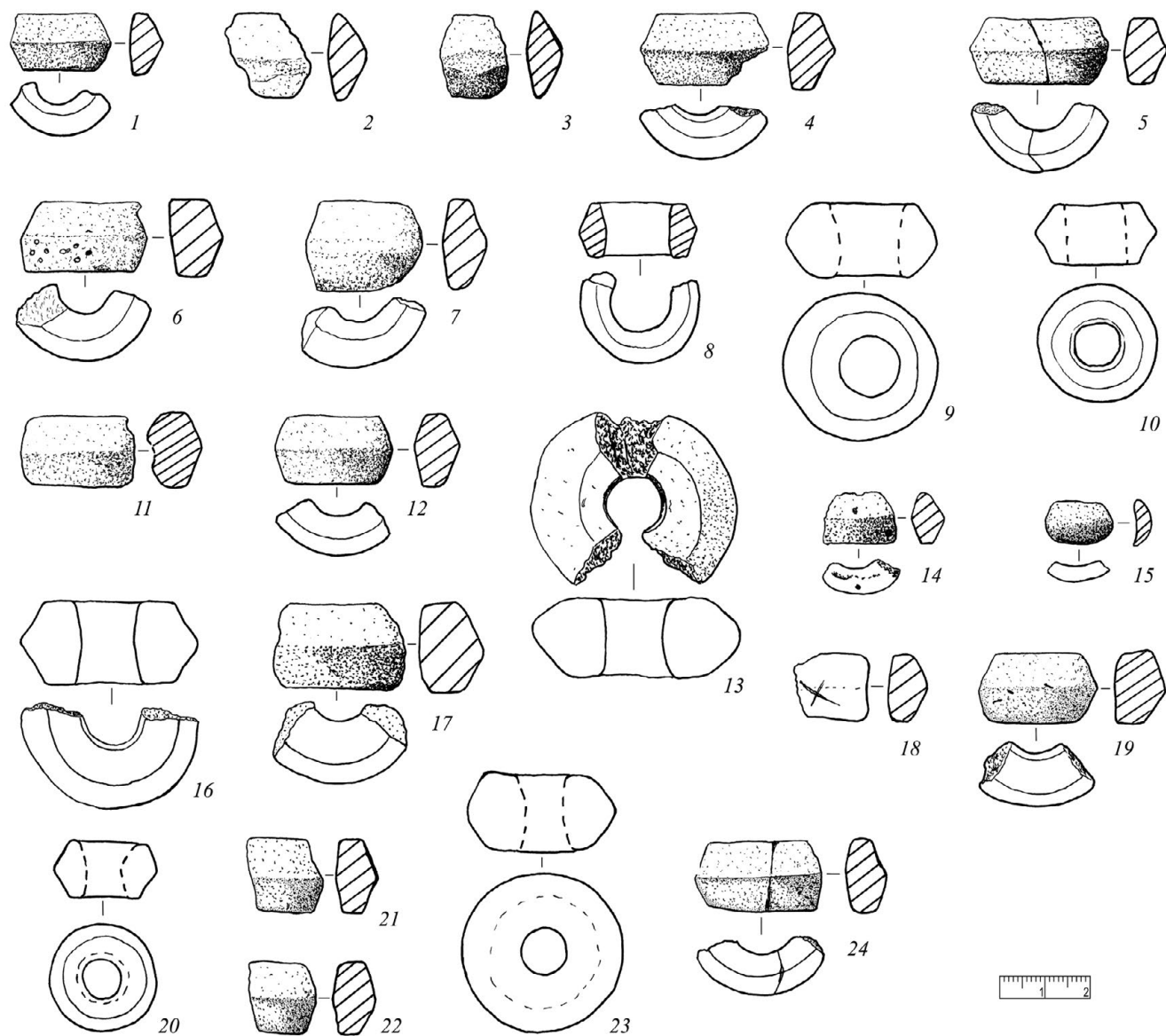

Рис. 41. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2008–2009 гг.).

Пряслица: 1–8, 12 – 2008 г., 9–11, 13–24 – 2009 г.

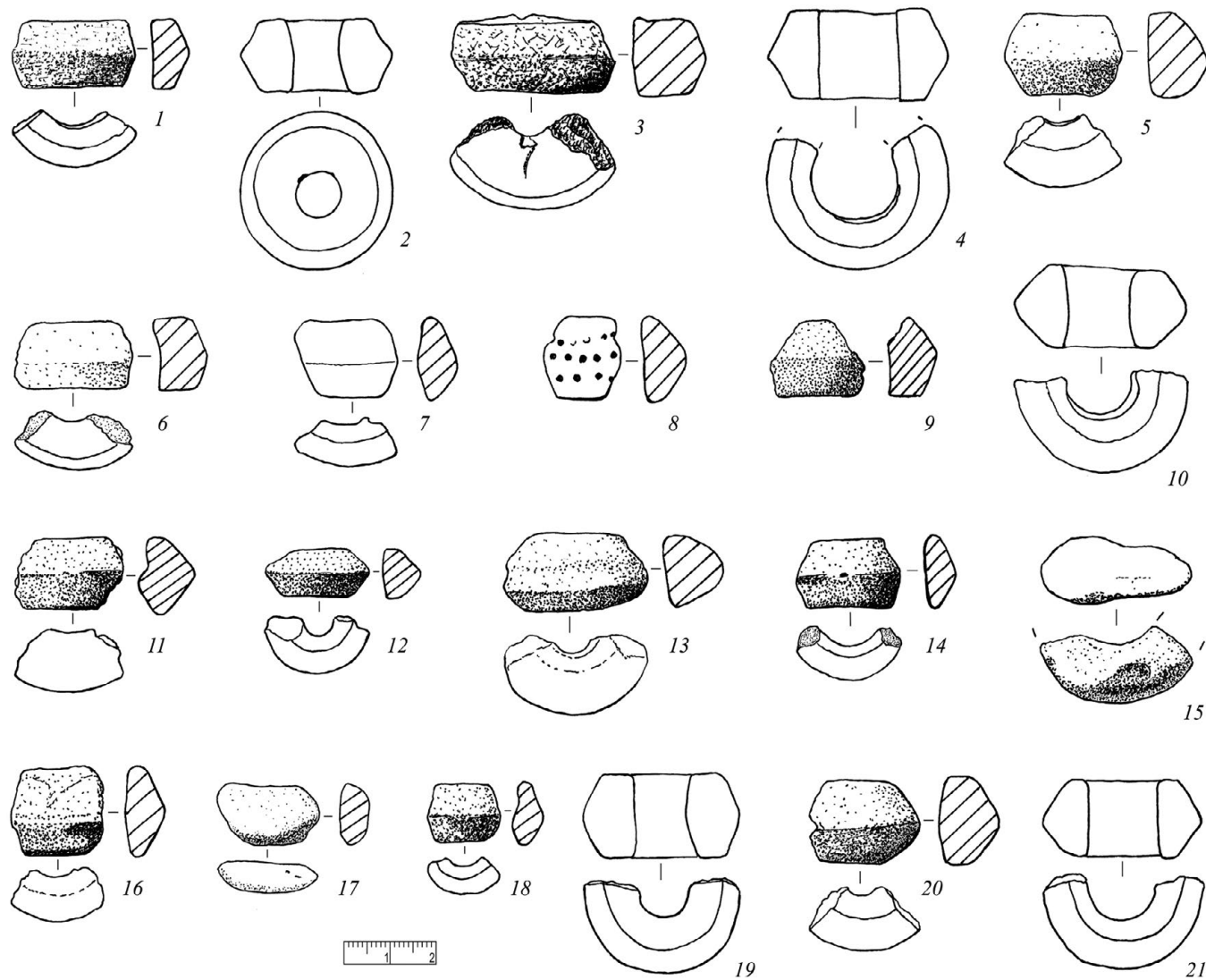

Рис. 42. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2010–2011 гг.).
Пряслица: 1–3 – 2010 г.; 4–21 – 2011 г.

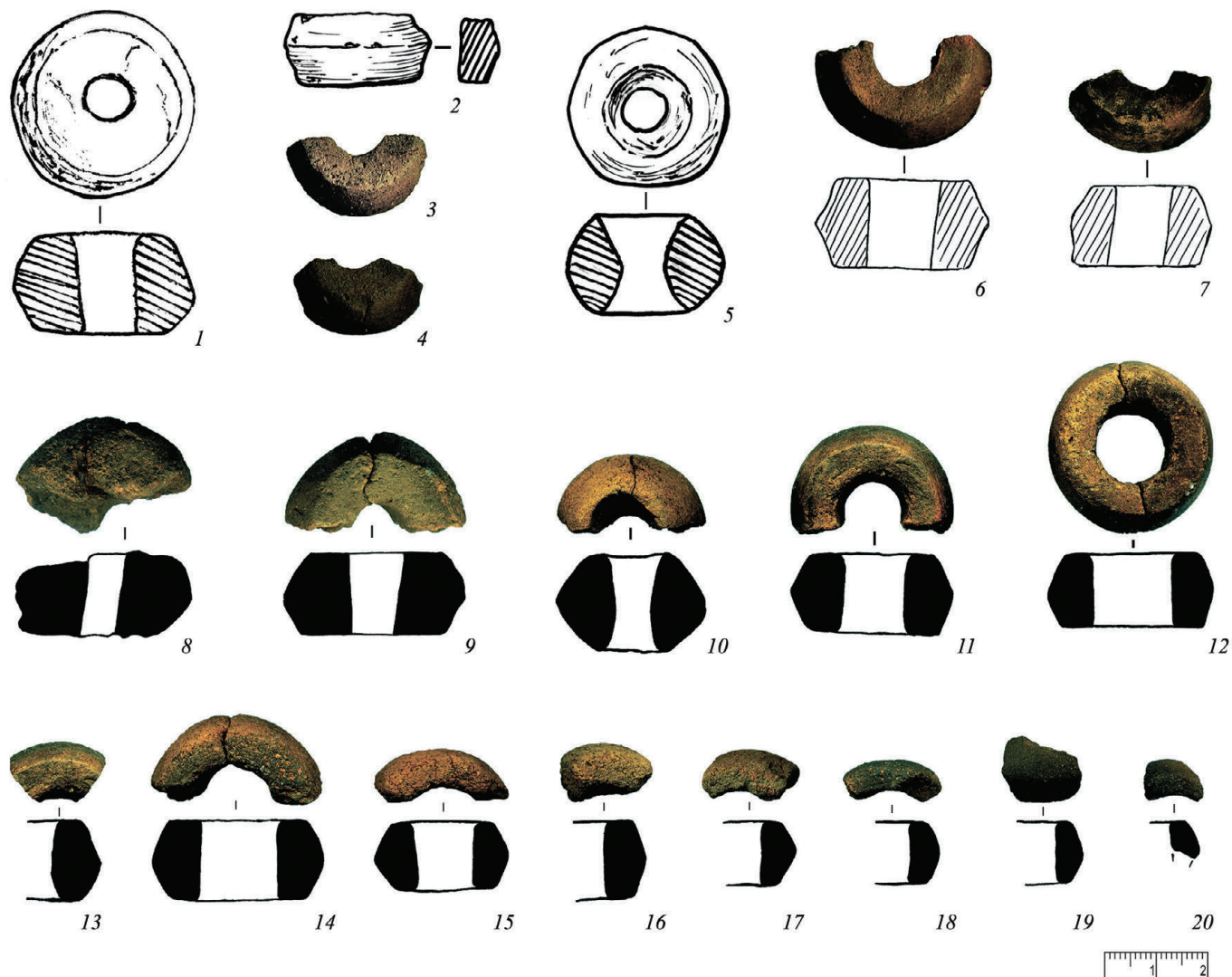

Рис. 43. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2013–2016 гг.).
Пряслица: 1, 2, 5 – 2013 г.; 3, 4, 6, 7 – 2014 г.; 8, 9 – 2015 г.; 10–20 – 2016 г.

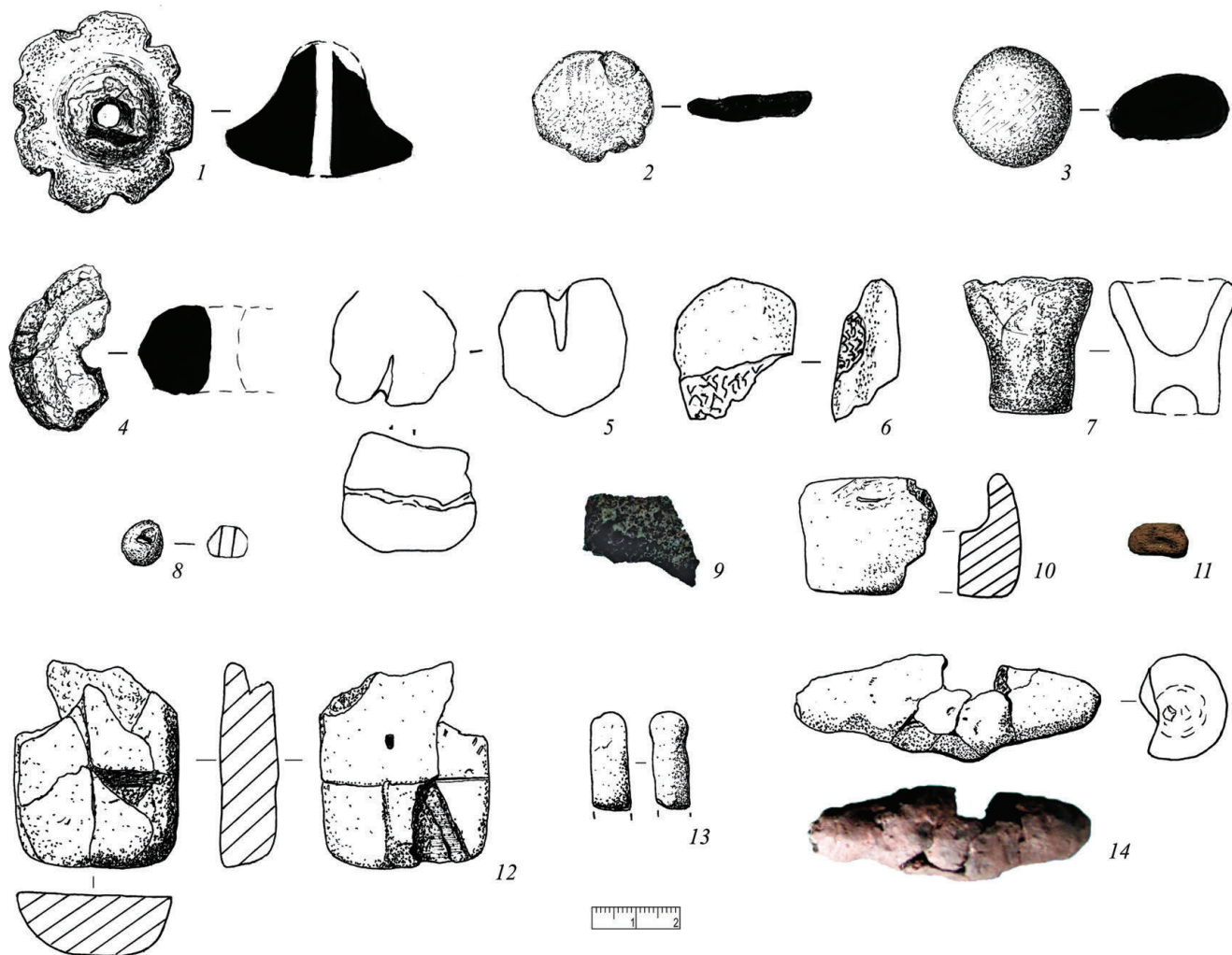

Рис. 44. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов (2002–2008 гг.). Мелкая керамическая пластика и фрагменты тиглей: 1–5 – 2002 г.; 6 – 2003 г.; 7–9, 12 – 2005 г.; 10, 11, 13, 14 – 2008 г.

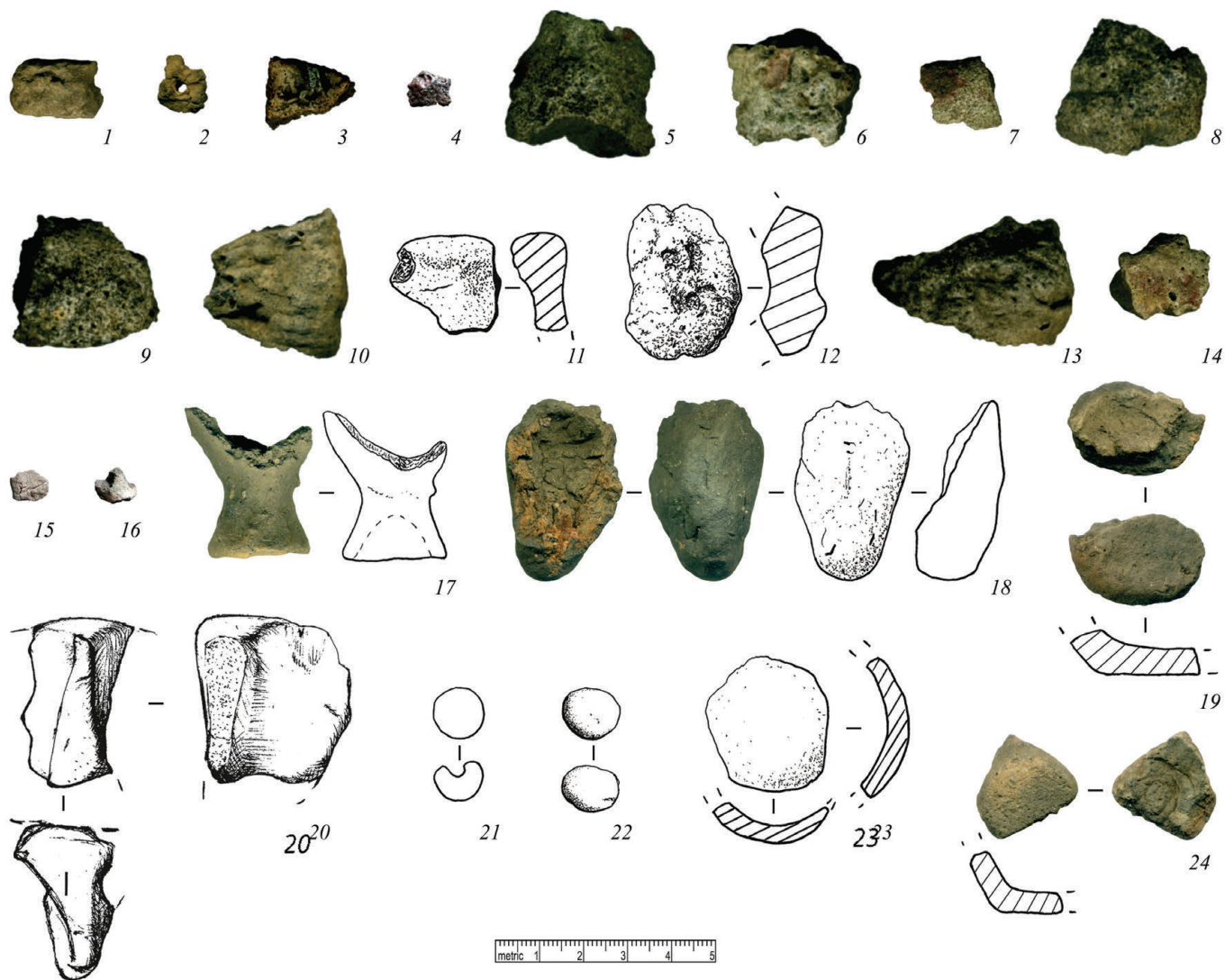

Рис. 45. Щурово. Находки из культурного слоя за пределами объектов и в насыпи кургана 4 (работы 2008–2009 гг.).
Мелкая керамическая пластика и фрагменты тиглей: 1–16 – 2008 г.; 17–24 – 2009 г.

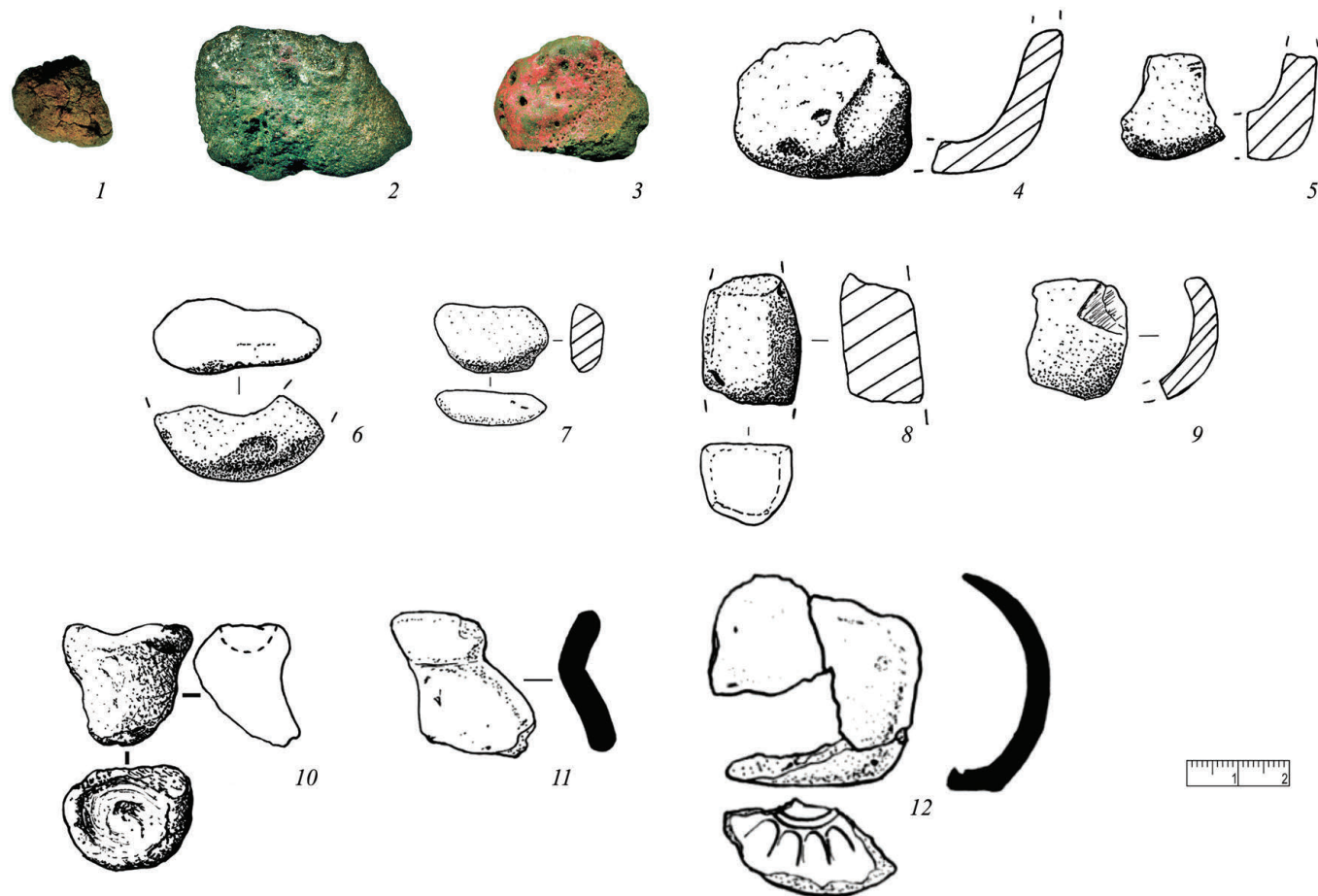
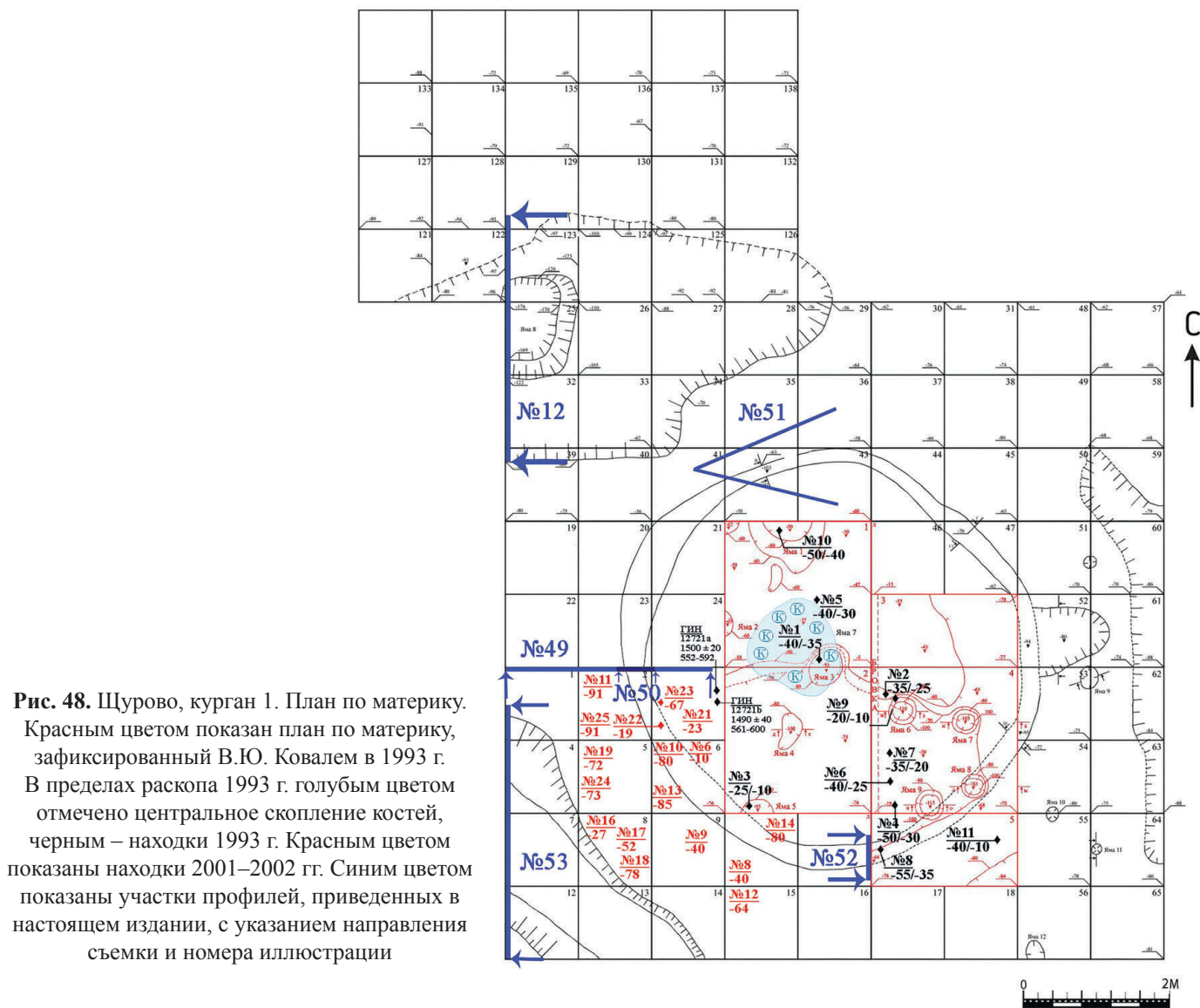

Рис. 46. Щурово. находки из культурного слоя за пределами объектов (работы 2009–2013 гг.).
Мелкая керамическая пластика и фрагменты тиглей: 1–3 – 2009 г.; 4, 5 – 2010 г.; 6–10 – 2011 г.; 11, 12 – 2013 г.

Рис. 47. Щурово. Общий вид на курганы в ходе работ весной 2002 г: 1 – курган 1. Видны свежие раскопы 2001 г. и прирезка 2002 г. с С стороны; 2 – курган 2, на вершине виден репер из обрубка рельса; 3 – курган 3. Белый известковый отвал прикрыл яму 1; 4 – курган 4

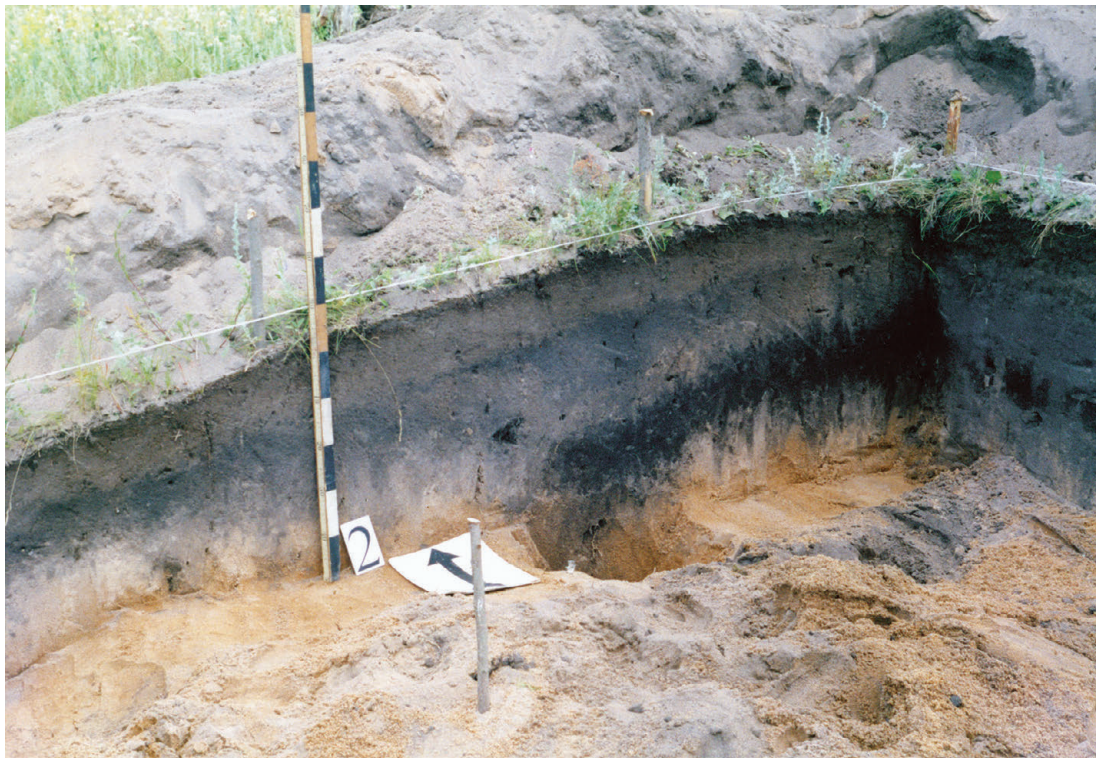

Рис. 49. Щурово, курган 1. Профиль северной стенки раскопа 2001 г.
Хорошо заметен черный слой в основании кургана 1,
ограниченный раскопом 1993 г. (справа) и кольцевой канавкой

Рис. 50. Щурово, курган 1.
Деталь предыдущего профиля крупным планом – заполнение канавки

Рис. 51. Щурово, курган 1. Сегмент канавки в северной части, раскоп 2003 г. Вид с запада

Рис. 52. Щурово, курган 1. Сечение кольцевой канавки в кургане 1. Это первый ее разрез в зазоре раскопов 2001 и 1993 гг., зафиксированный наспех до того, как песчаная стенка рухнула. Стремительное высыхание стенки не позволяет разглядеть продолжение канавки в толще углистого песка, видна только ее часть, врезанная в материк

Рис. 53. Щурово, курган 1.
Профиль рва кургана 1 (западная стенка раскопа 2001 г.)

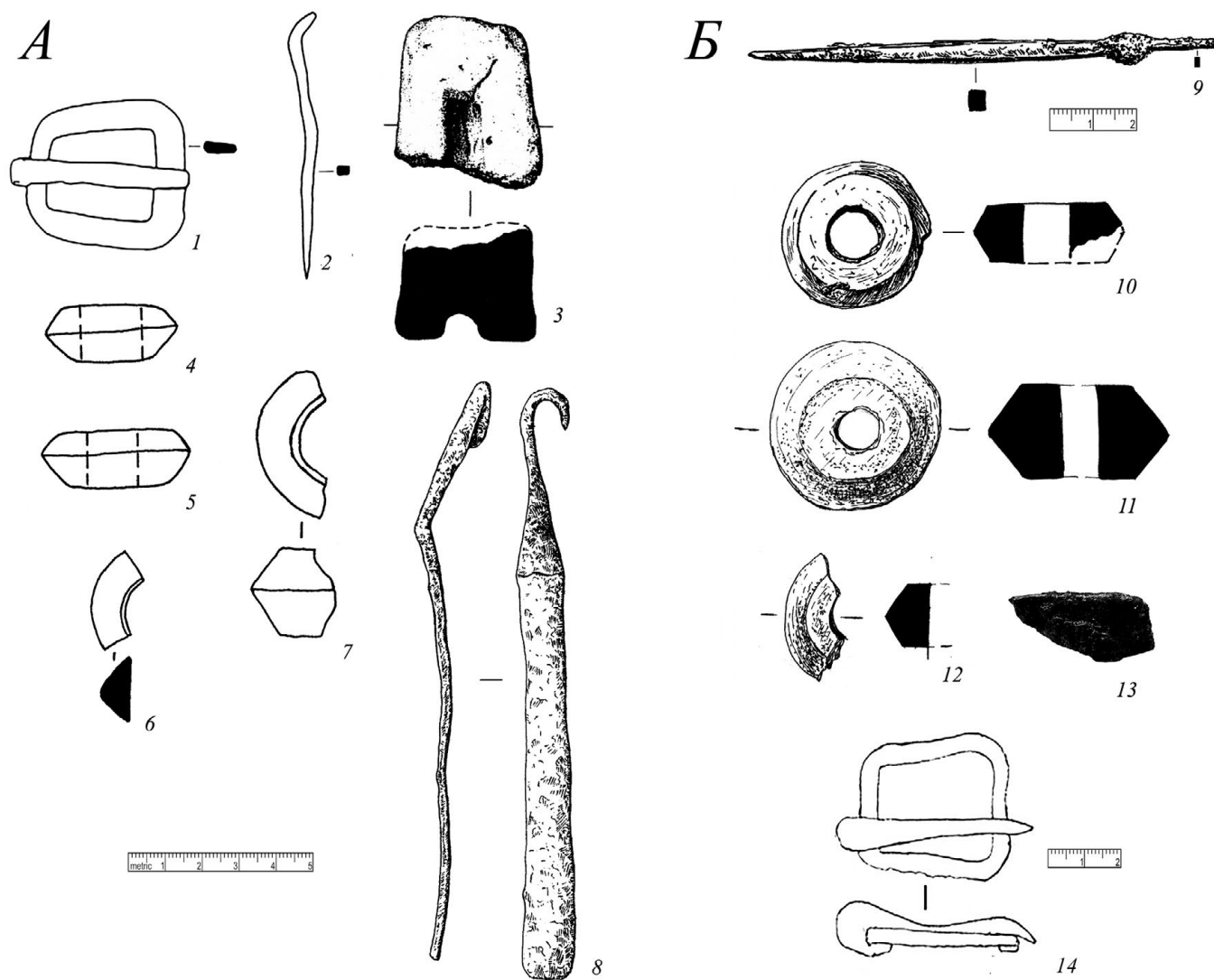

Рис. 54. Щурово, курган 1.

А: 1–8 – находки из центра объекта, раскопки В.Ю. Ковалёв 1993 (рисунки автора и Е.Ю. Тавлинцевой);
Б: 9–14 – находки из пространства между «канавкой» и рвами и из рвов (2001–2002 гг.)

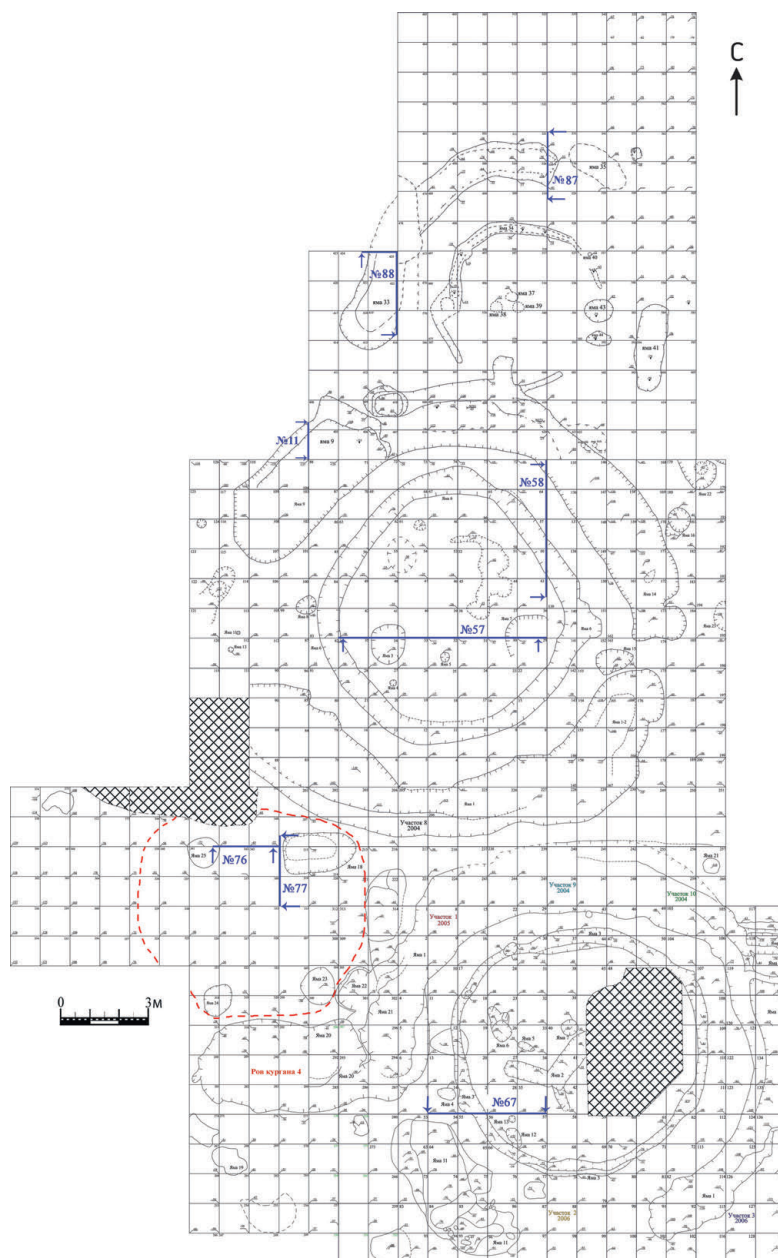

Рис. 55. Щурово. Сводный план по матерiku «домиков мертвых» (курганов) в центральной части холма – № 2–5. Синим цветом показаны участки профилей, приведенных в настоящем издании, с указанием направления съемки и номера иллюстрации

Рис. 56. Щурово, курган 2.
Вид с юга до начала работ

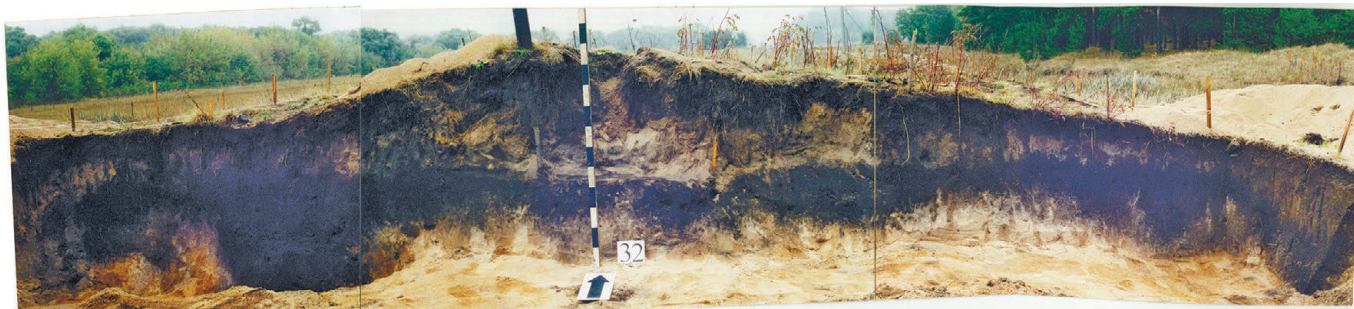

Рис. 57. Щурово, курган 2. Стратиграфия – северный профиль раскопа 2002 г. Верхний горизонт – насыпь – рыхлый песок, переотложенный материк и культурный слой; под ним черный углистый песок основания

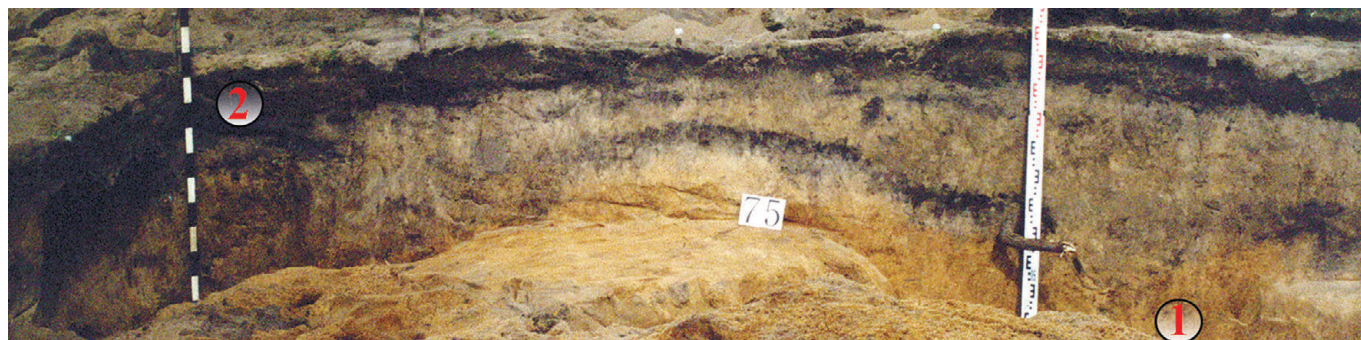

Рис. 58. Щурово, курган 2. Стратиграфия периферийной части кургана 2 и разрез канавки – ямы 6 – входящей в стену под большим углом. Восточная стенка Р. II/2003 г.
1 – канавка; 2 – ров

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

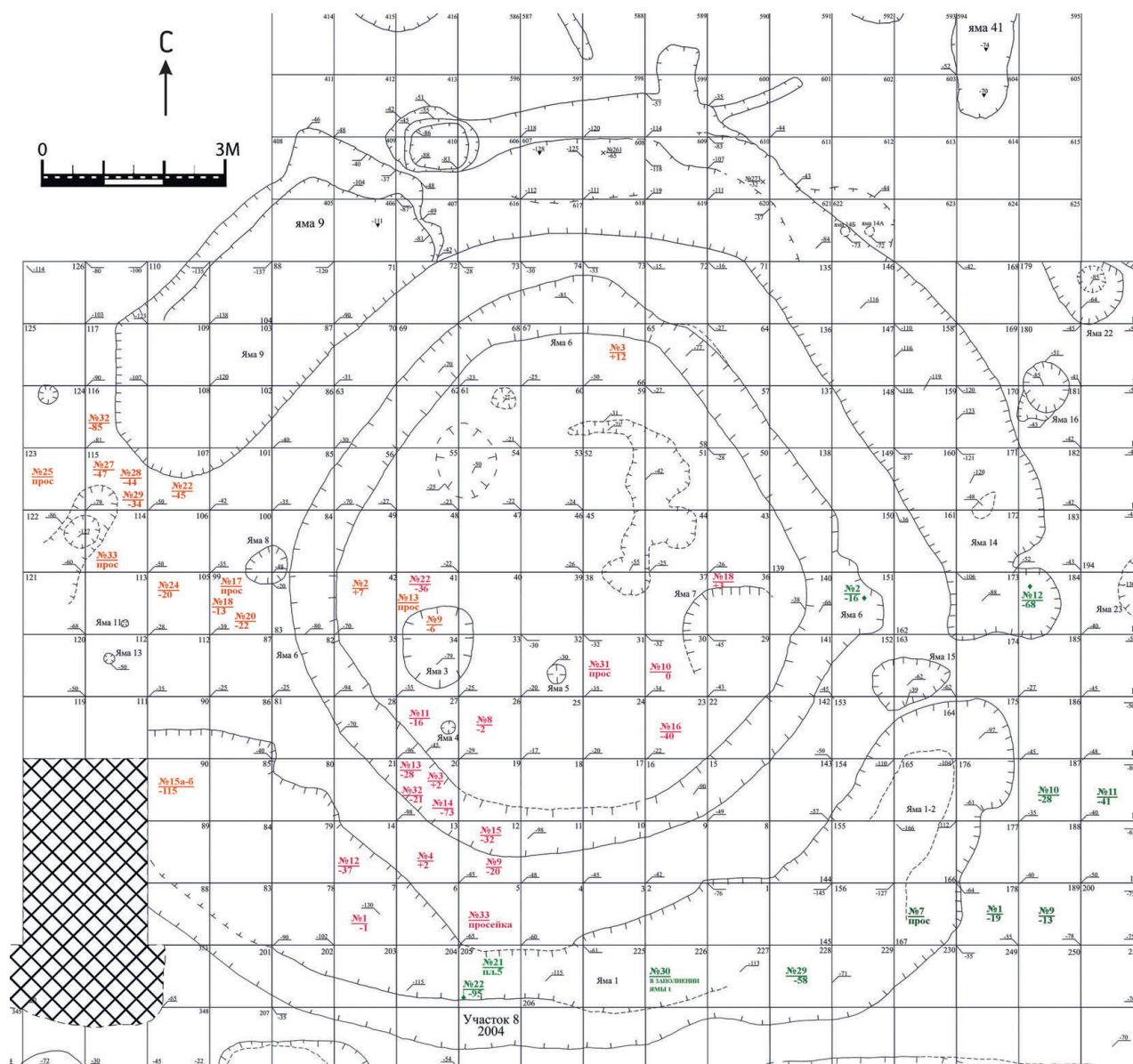

Рис. 59. Щурово, курган 2. План.

Малиновым цветом показаны находки 2002 г., оранжевым – 2003 г., зеленым – 2004 г.

Рис. 60. Щурово, курган 2. Участок кольцевой канавки на фоне предматерикового слоя, южная часть, раскоп 2002 г.

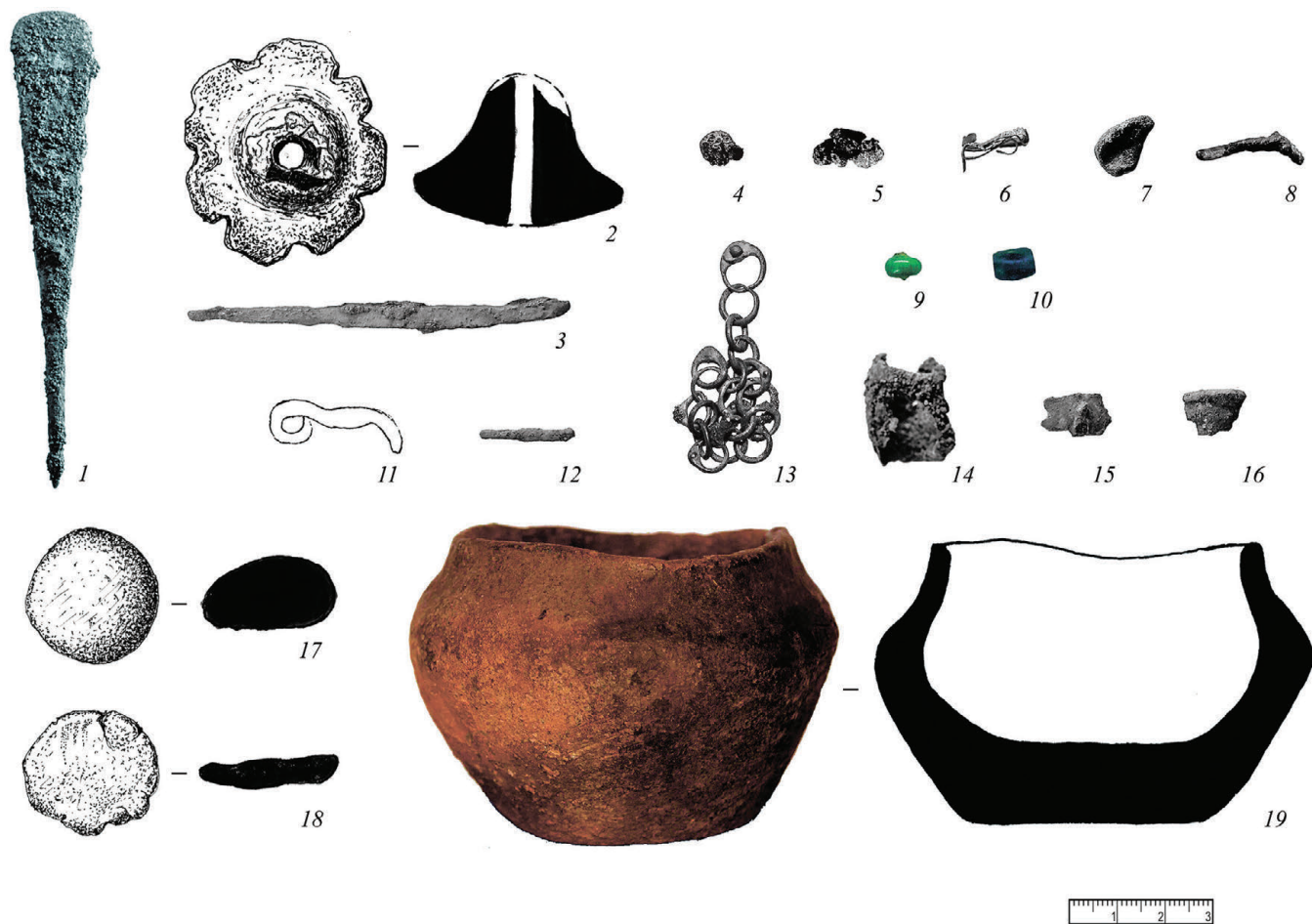

Рис. 61. Щурово, курган 2.
Находки из насыпи: 1, 3, 12, 13–16 – 2003 г.; 2, 4–11, 17–19 – 2002 г.

Рис. 62. Щурово, курган 2.
Находки из рва кургана 2 с восточной стороны (2004 г.)

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

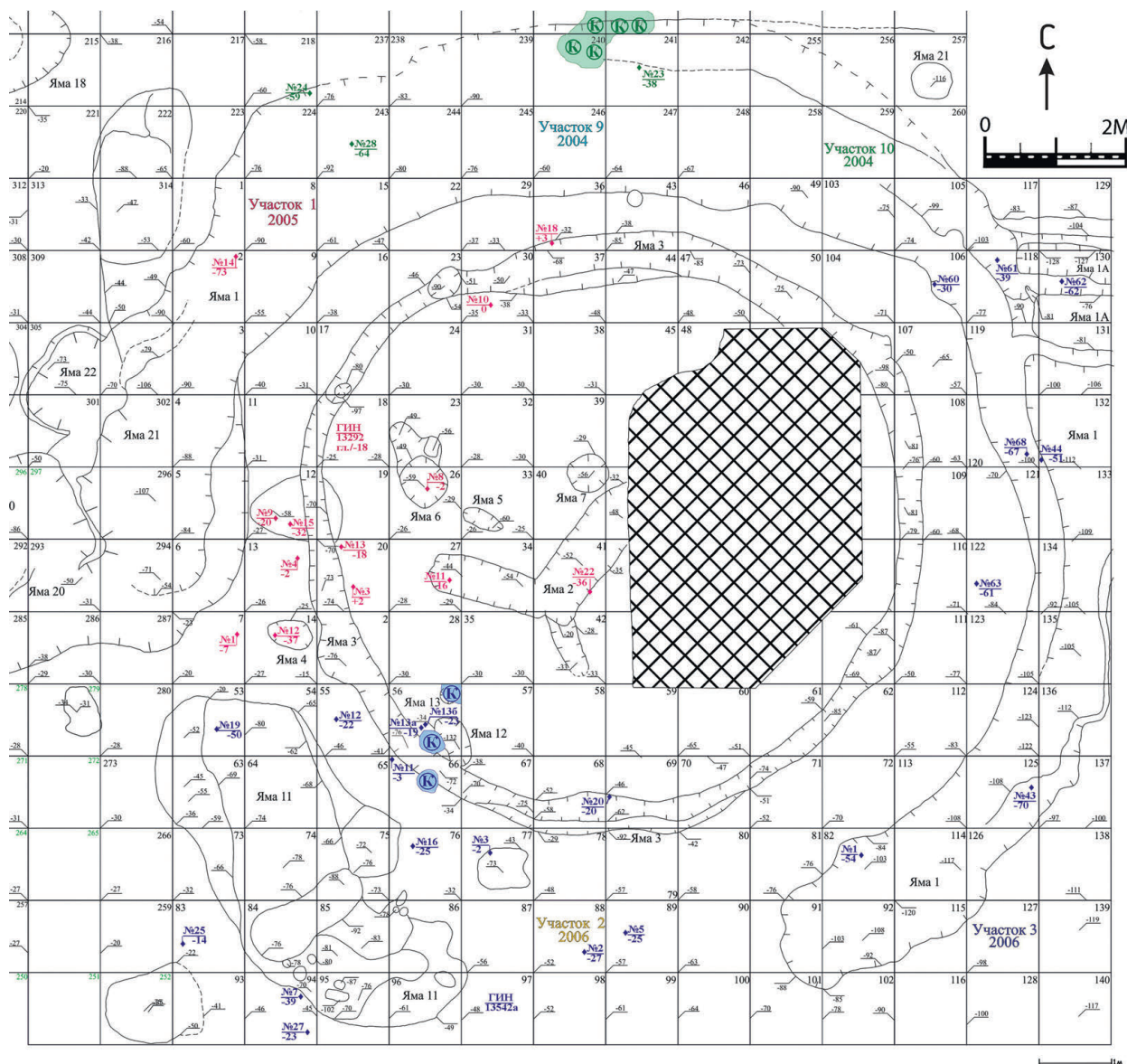

Рис. 63. Щурово, курган 3. План.

Малиновым цветом показаны находки, кости и радиоуглеродные образцы 2005 г., синим – 2006 г., зеленым – 2004 г.

Рис. 64. Щурово, курган 3. Вид с ЮЗ на курган 3 до начала исследования его южной половины, 2006 г. Девушка с рейкой стоит на самой высокой его части, теодолит установлен у западного борта раскопа. За теодолитом виден засыпанный раскоп – северная часть кургана, исследованная в 2005 г.

Рис. 65. Щурово, курган 3. Северо-западная часть, раскоп 2005 г. Вид с юга, с опоры ЛЭП.
В центре заметен северо-западный сегмент канавки (ямы 3), слой внутри нее еще не разобран.
За канавкой, в северо-западной части раскопа, темное заполнение рва

Рис. 66. Щурово, курган 3. Южная часть кургана, уч. 3, Р. III/2006 г. Снимок сделан с опоры ЛЭП. Южный сегмент канавки околтурен на фоне материка, но не разобран; в нижней части снимка заполнение рва

Рис. 67. Щурово, курган 3. Разрез центральной части, ее западной половины – профиль южной стенки раскопа 2005 г.
Левее разреза канавки (черный углистый песок) заполнение центральной части

Рис. 68. Щурово, курган 3.
Компактное скопление костей в кв. 56, уровень зачистки 1. Острие «траулера» на север

Рис. 69. Щурово, курган 3.
Компактное скопление костей в кв. 56, уровень зачистки 2. Острие «траулера» на север

Рис. 70. Щурово, курган 3.
Компактное скопление костей в кв. 56, уровень зачистки 3. Острие совка на север

Рис. 71. Щурово, курган 3. Образцы костей из кургана 3. 1 – кость животного (КРС) (Р. III/2003, пл. 5, кв. 75);
2 – кость животного (свиньи?), хвостовой отдел позвоночника (Р. III/2003, пл. 4, кв. 56 (скопление костей));
3 – кости животных (МРС) из заполнения рва (ямы 1) в раскопе 2004 г. – фр-т ребра (вверху),
метаподия (крайний справа), хвостового отдела (внизу)

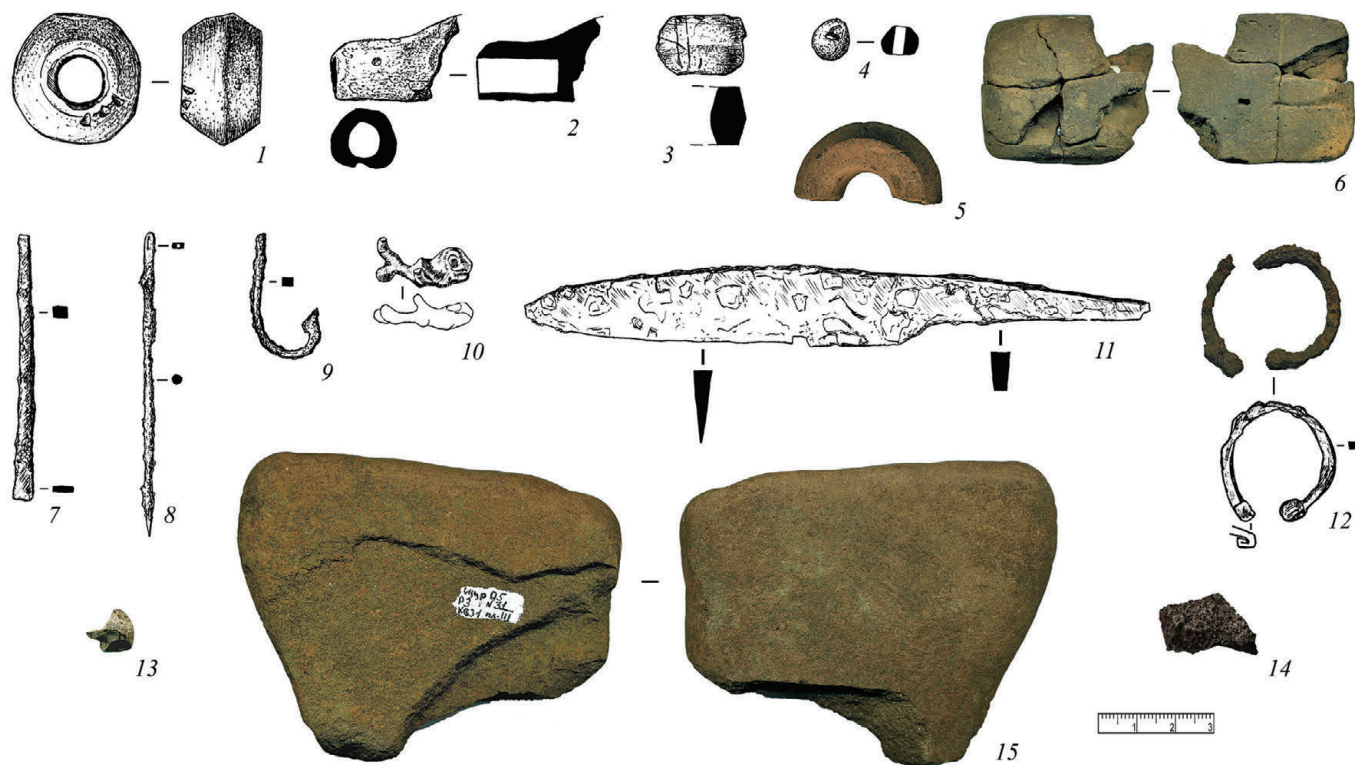

Рис. 72. Щурово, курган 3. Находки в центральной части насыпи, в пределах кольцевой канавки:
 1 – пряслице керамическое биконическое орнаментированное; 2 – льячка, фр-т; 3 – пряслице керамическое, фр-т;
 4 – бусина керамическая; 5 – пряслица биконического фр-т; 6 – литейная форма керамическая, фр-т;
 7 – железный стержень; 8 – игла железная; 9 – железный крючок рыболовный; 10 – капля металла;
 11 – нож железный черешковый с округлой спинкой без уступа; 12 – железная сьюльга (два фр-та);
 13 – изделие костяное, фр-т (бусина?); 14 – керамический тигль, фр-т; 15 – оселок

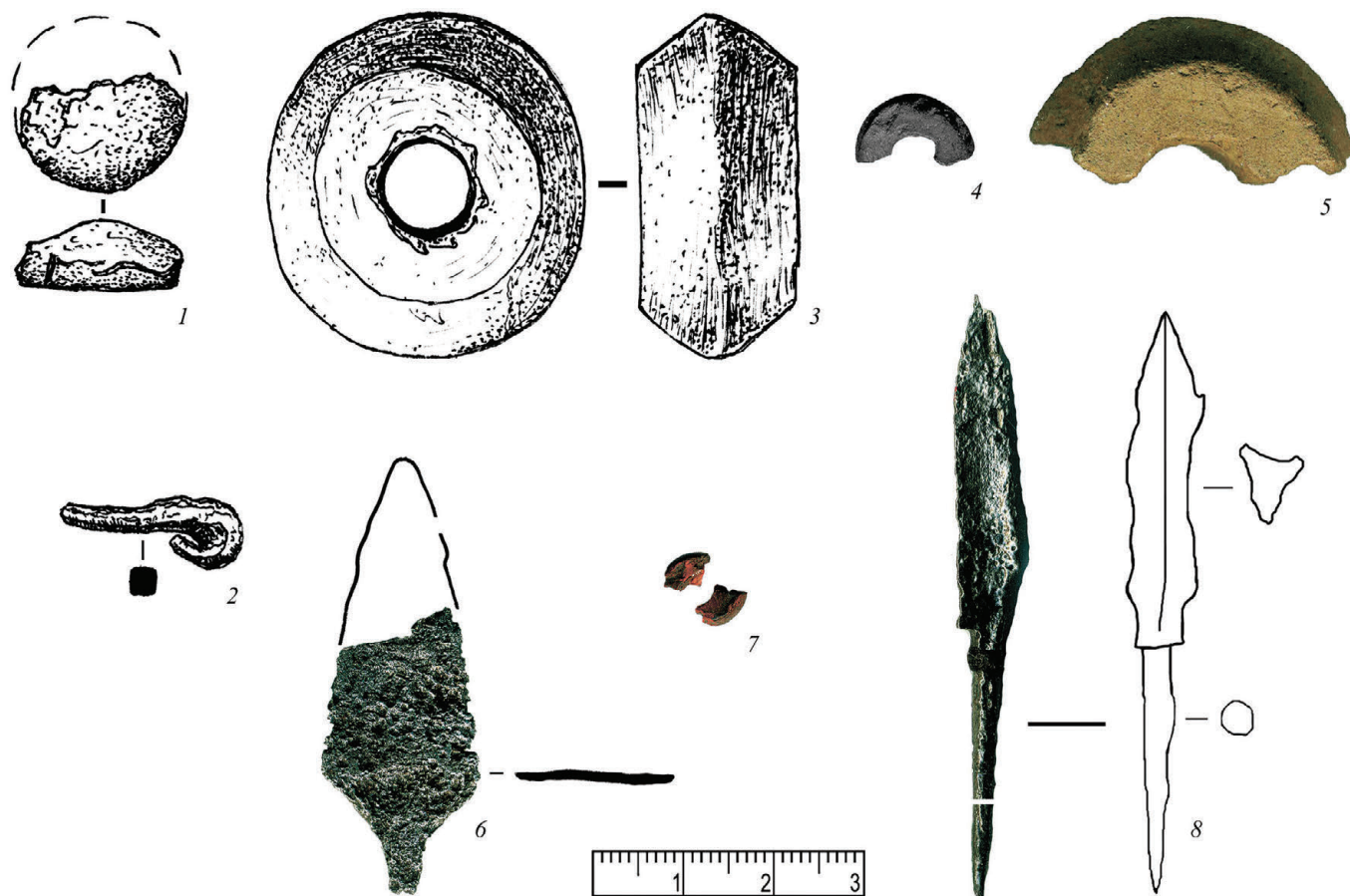

Рис. 73. Щурово, курган 3. Находки в слое между канавкой и рвами в кургане 3:

- 1 – «Хлебец» керамический; 2 – пряжки железной язычок; 3 – пряслице керамическое биконическое;
4 – бусина керамическая, фр-т; 5 – пряслице биконическое, фр-т;
6 – наконечник стрелы железный плоский (острие предмета утрачено при выполнении металлографического анализа);
7 – наконечник стрелы железный трехлопастный; 8 – бусины красного стекла, фр-ты

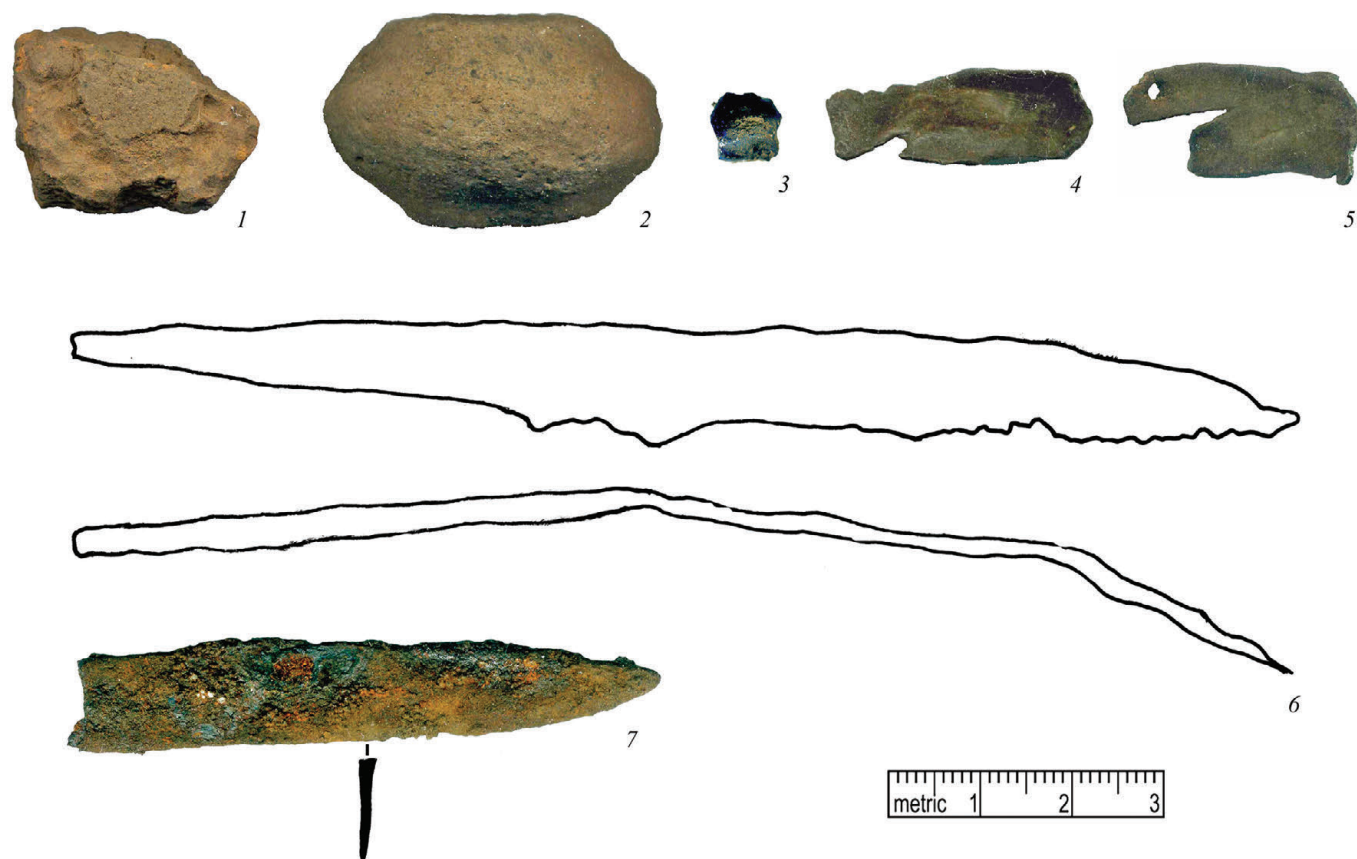

Рис. 74. Щурово, курган 3. Находки во рвах кургана 3 и за их пределами:

- 1 – керамическое изделие с штампом (литейная форма? фрагмент); 2 – керамическое пряслице, фр-т;
 3 – бусина синего стекла, фр-т; 4 – пластина белого металла, фр-т; 5 – пластина цветного металла, фр-т;
 6 – нож железный; 7 – нож железный, фр-т

ЩУРОВО: ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

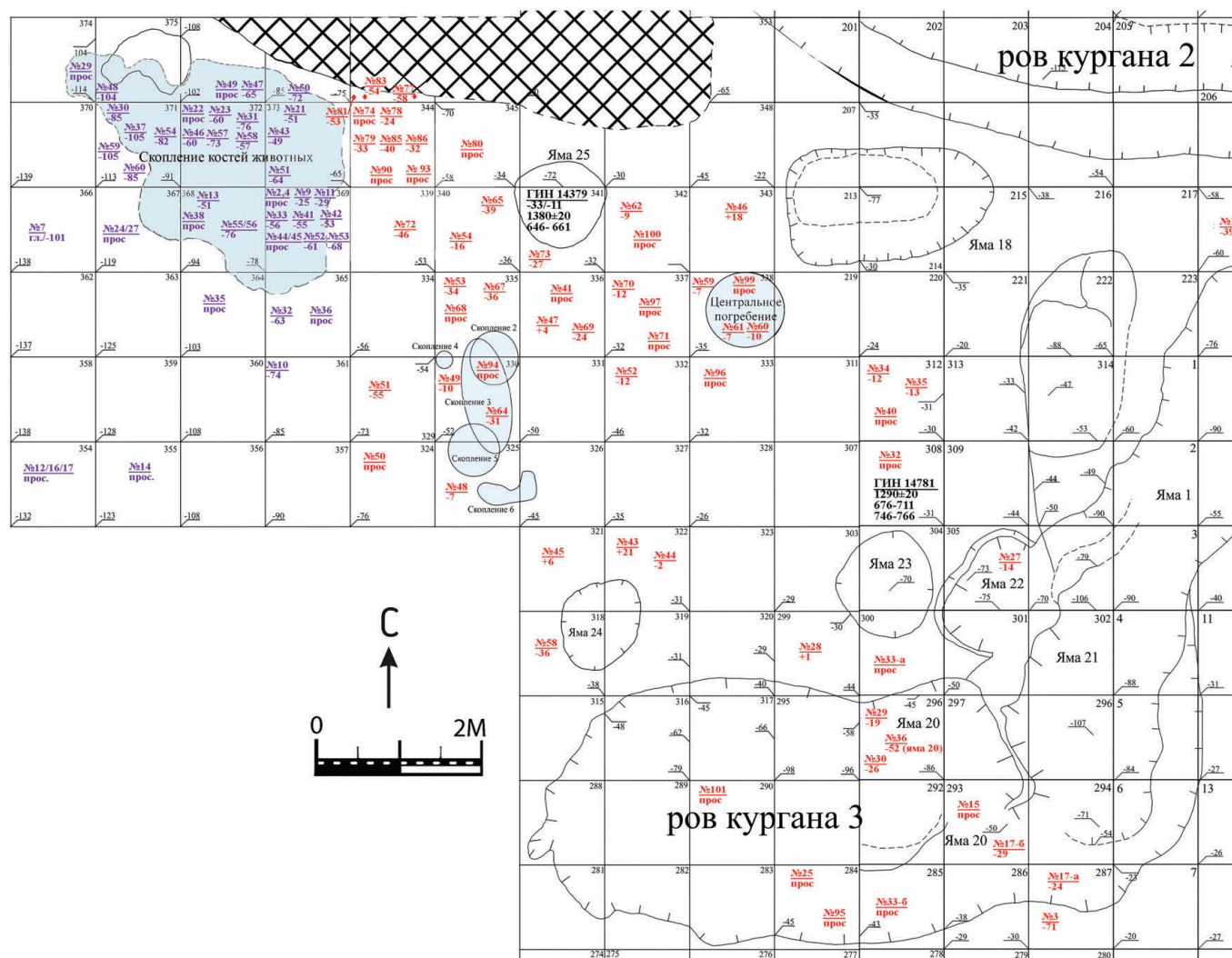

Рис. 75. Щурово, курган 4. План с обозначением скоплений костей (голубым цветом).
Красным цветом отмечены находки 2008 г., фиолетовым – 2009 г.

Рис. 76. Щурово, курган 4. Р. V/2009 г.
Стратиграфия кургана 4 – профиль западной стенки уч. 7

Рис. 77. Щурово, курган 4. Стратиграфия – разрез по западной стенке уч. 8, Р. II/2004 г.
Снимок был сделан когда о существовании кургана 4 еще не было известно.
Угловой квадрат 219 на этом снимке соответствует квадрату 338, Р. V/2009 г.
в котором располагалось «основное» погребение

Рис. 78. Щурово, курган 4.
Скопления костей верхнего уровня кургана 4

Рис. 79. Щурово, курган 4.
Ядро скопления костей в кв. 338 («основное» погребение)

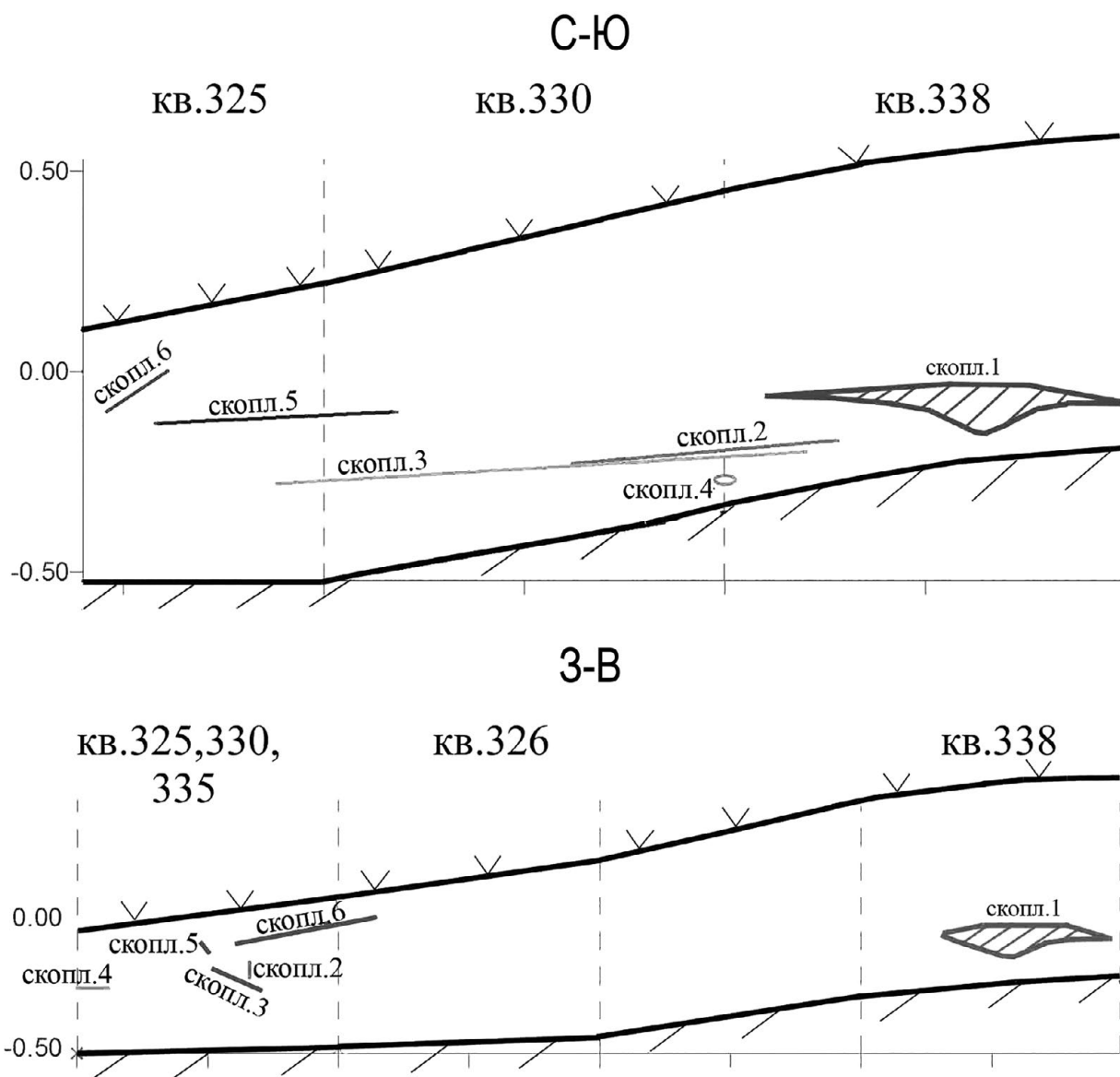

Рис. 80. Щурово, курган 4. Расположение линз костей в слое кургана 4. Контуры дневной поверхности и материка соответствуют отметкам непосредственно в тех квадратах, где скопления располагались

Рис. 81. Щурово, курган 4. Кости из погребения в кв. 338 («основного»). 1 – общий вид; 2 – фрагмент позвонка; 3 – фрагменты свода верхней челюсти; 4 – фрагмент ребра (стрелкой отмечен след от орудия)

249

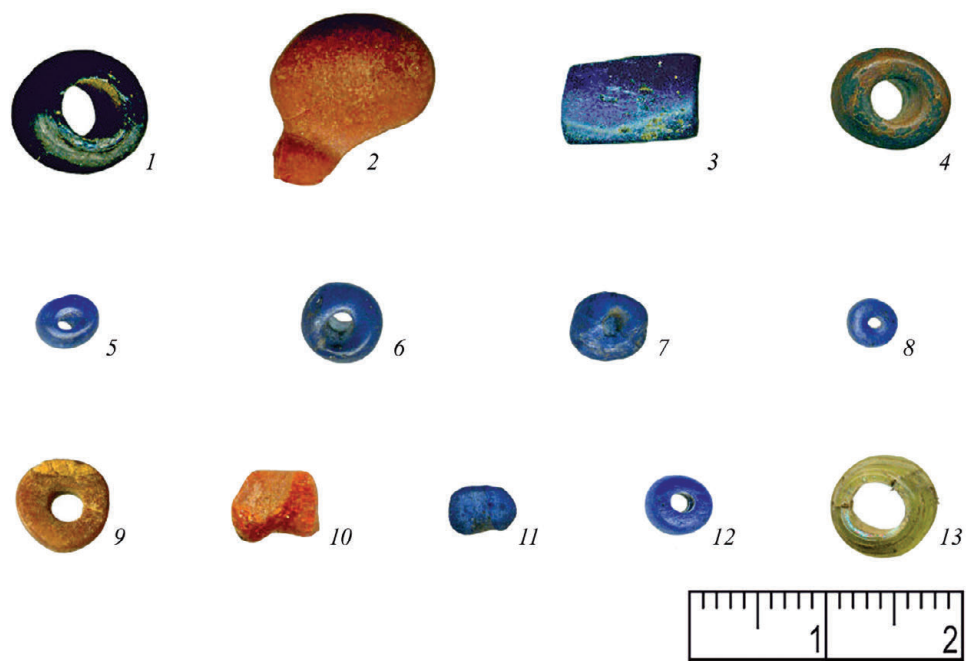

Рис. 83. Щурово, курган 4.
Бусы

251

Рис. 85. Щурово, курган 5. Контуры внутрикурганной канавки и слабые следы ото рва – все, что осталось от «домика мертвых» № 5 на восточном склоне холма (Р. II/2010, уч. 16)

Рис. 86. Щурово, курган 5. Следы от кургана 5 на материке, в пределах уч. 18: на переднем плане ров кургана 2; 1 – следы внутренней канавки кургана 5; 2 – участок рва кургана 5

Рис. 87. Щурово, курган 5.
Разрез остатков курганного рва в бровке уч. 17

Рис. 88. Щурово, курган 5.
Ров кургана в стенке уч. 14, на котором поверхность материка осталась неповрежденной

Рис. 89. Щурово. Реконструкция «домиков мертвых», рис. О. Шестаковой. Вид на памятник с востока, от кромки леса. В те годы, когда этот рисунок был сделан, не было известно о существовании похожих объектов № 4–5, хотя, скорее всего, их было еще больше. Рельеф с востока, с седловиной дороги, также современный; в древности этой седловины не было. Дым костра на левом берегу р. Оки – из позднедьяковского селища Колычево 1.

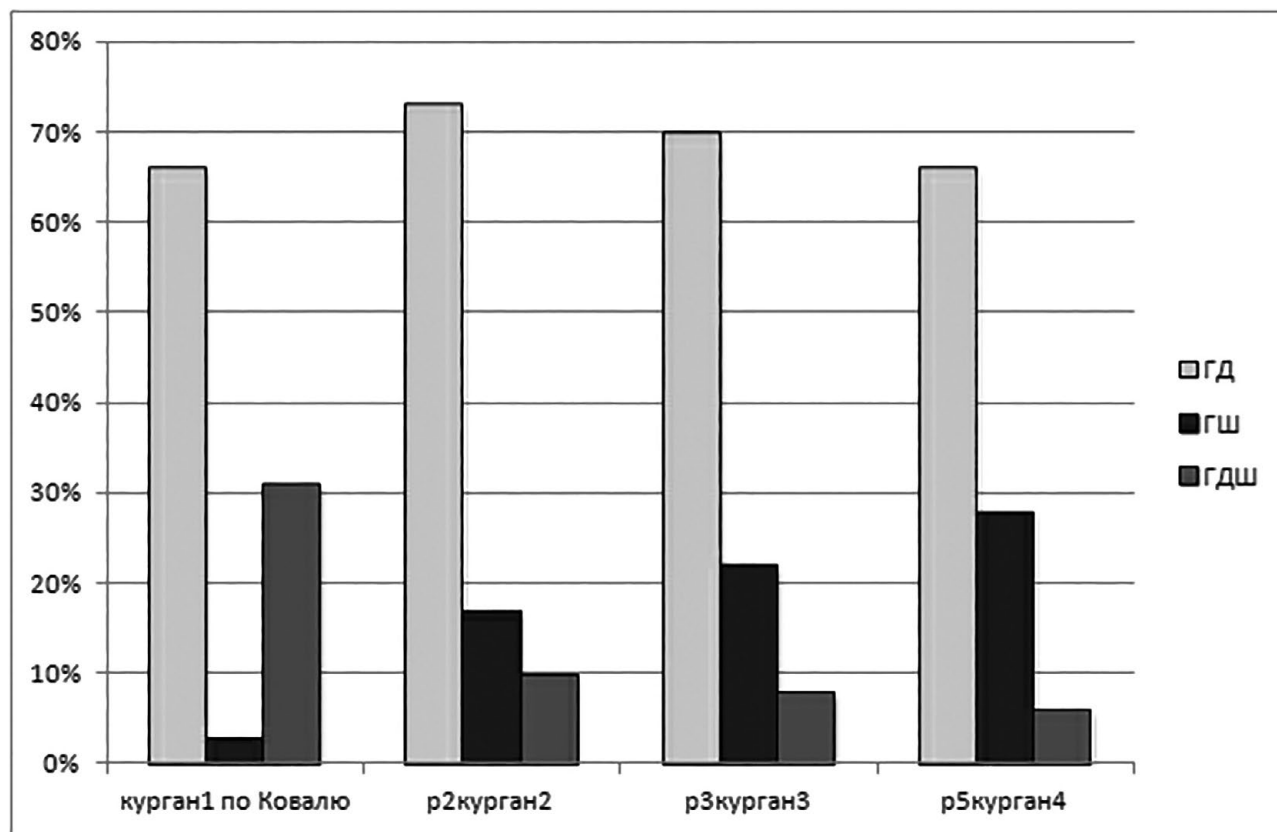

Рис. 90. Щурово.
Состав керамики с различными рецептурами теста в Щуровских курганах

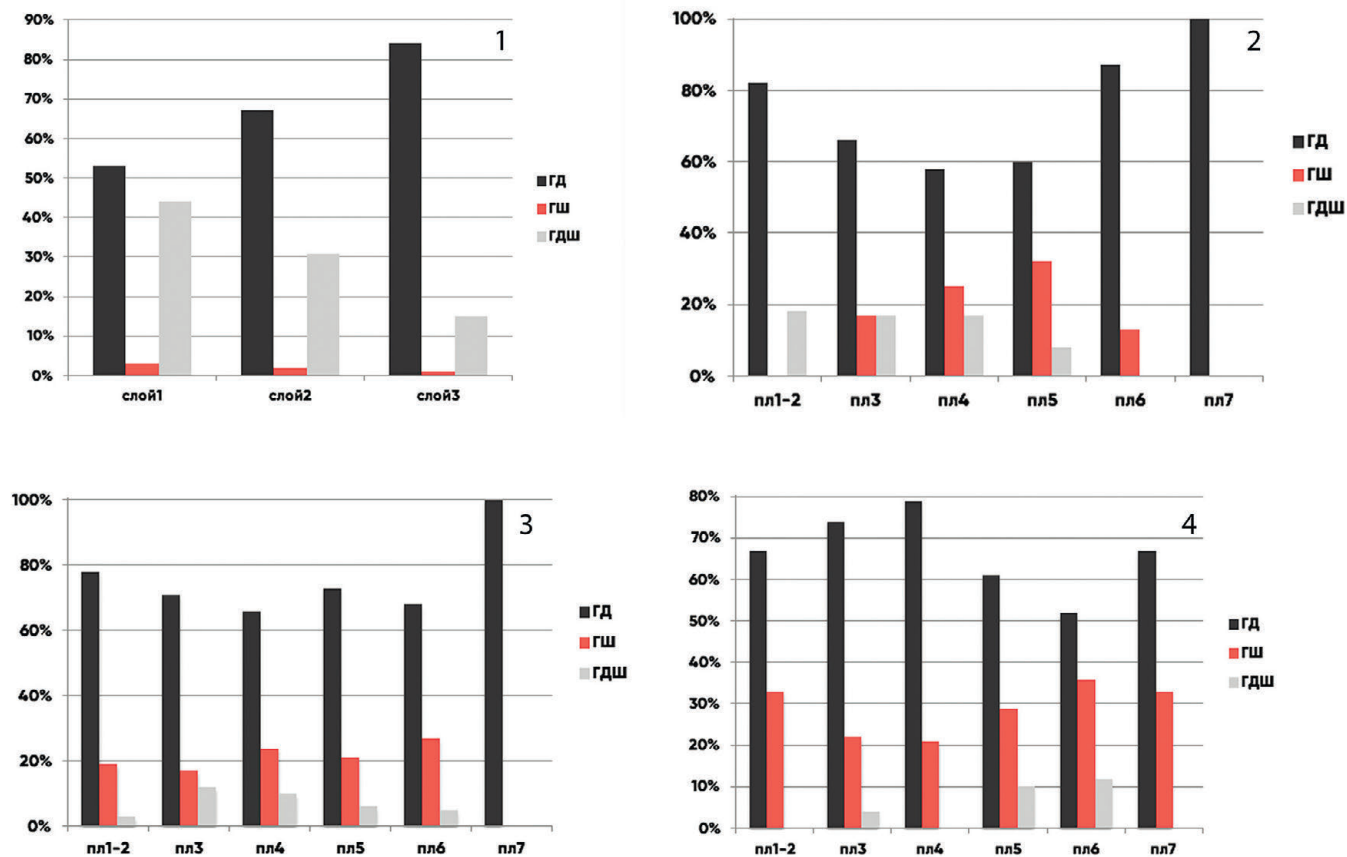

Рис. 91. Щурово. Распределение керамики с разными рецептурами теста в насыпях курганов по пластам.
Составлено Н.С. Жеребцовой (по: Жеребцова, Сыроватко, 2018)

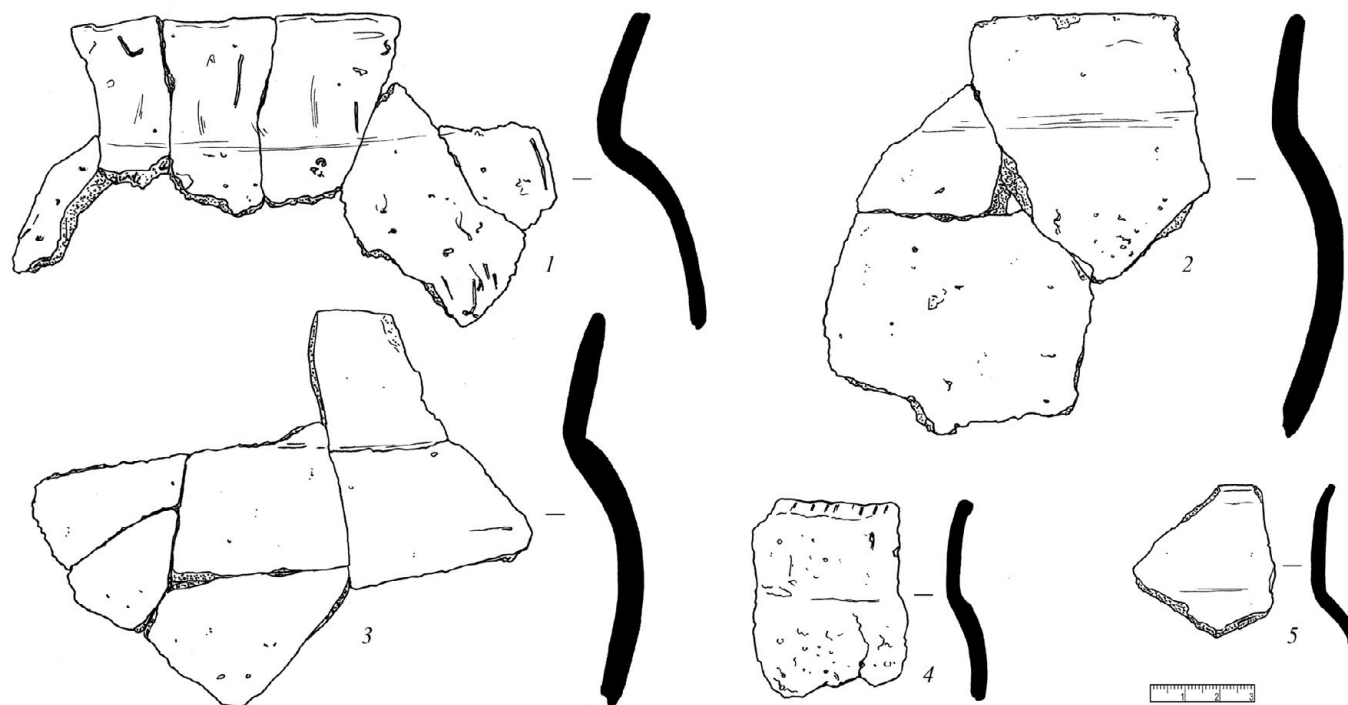

Рис. 92. Щурово.
Профильные части фрагментов керамики из слоя в кургане 3

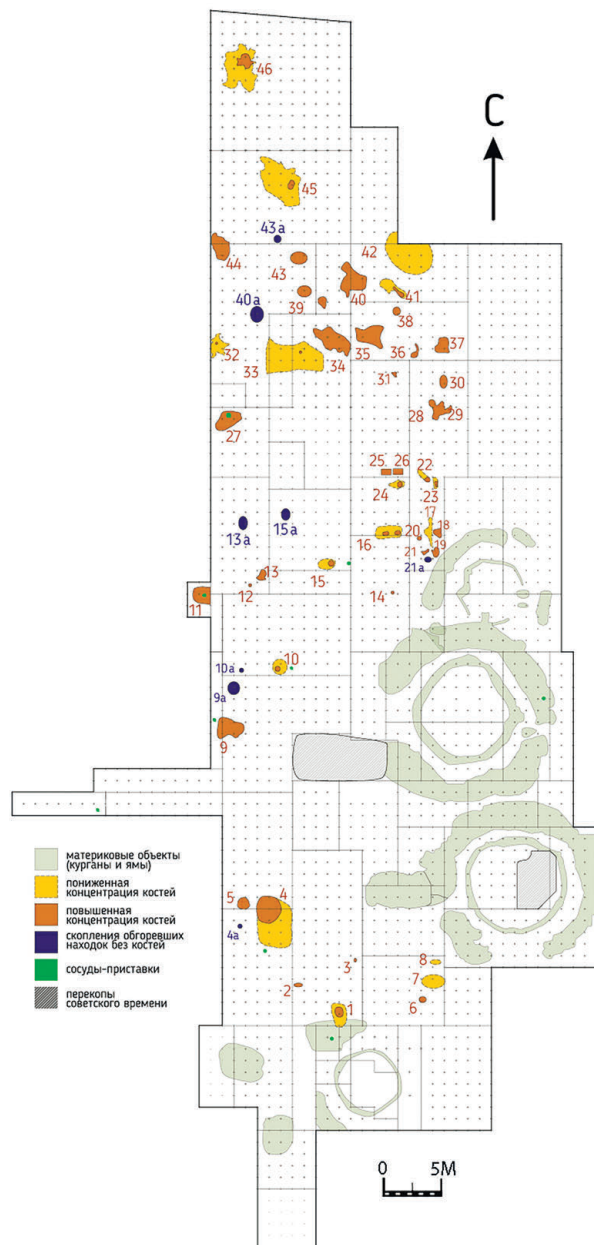

Рис. 93. Щурово, грунтовый могильник. Общий план всех погребений. Большинство погребений показано по максимальной площади ареала костей. В тех случаях, когда имело место сочетание плотного ядра и шлейфа, сплошной линией показано ядро, а шлейф пунктиром, хотя в ряде случаев по плотности шлейф может быть аналогичен скоплениям, не имевшим выраженного ядра. Пунктиром без ядра показаны разреженные погребения, или «зоны повышенного содержания костей» в слое могильника. Синим цветом показаны скопления находок, зеленым – сосуды-приставки

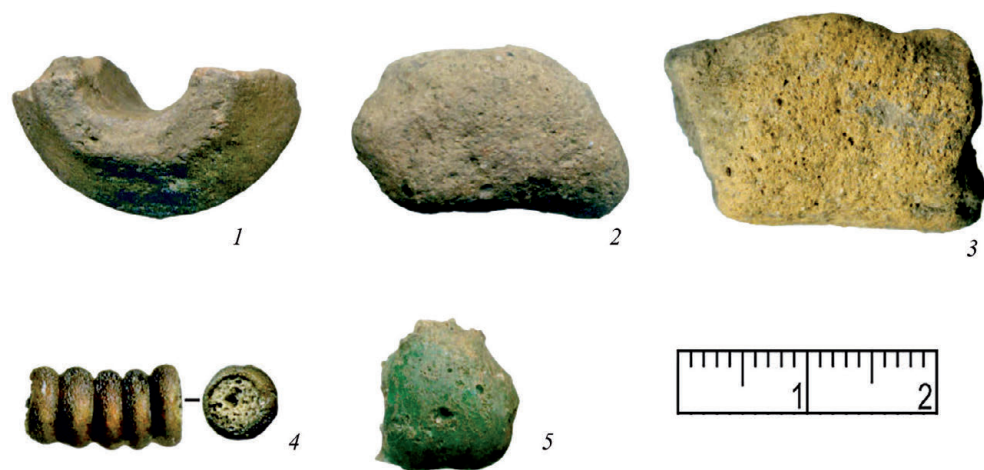

Рис. 94. Щурово, грунтовый могильник.
Разрозненные находки из траншеи 2011 г. на западном склоне «верхней» площадки

Рис. 95. Щурово, грунтовый могильник. уч. 3, Р. V/2007 г.
Общий вид погребения 1, верхний уровень расчистки

263

Рис. 97. Щурово, грунтовый могильник.
Разрез погребения 1

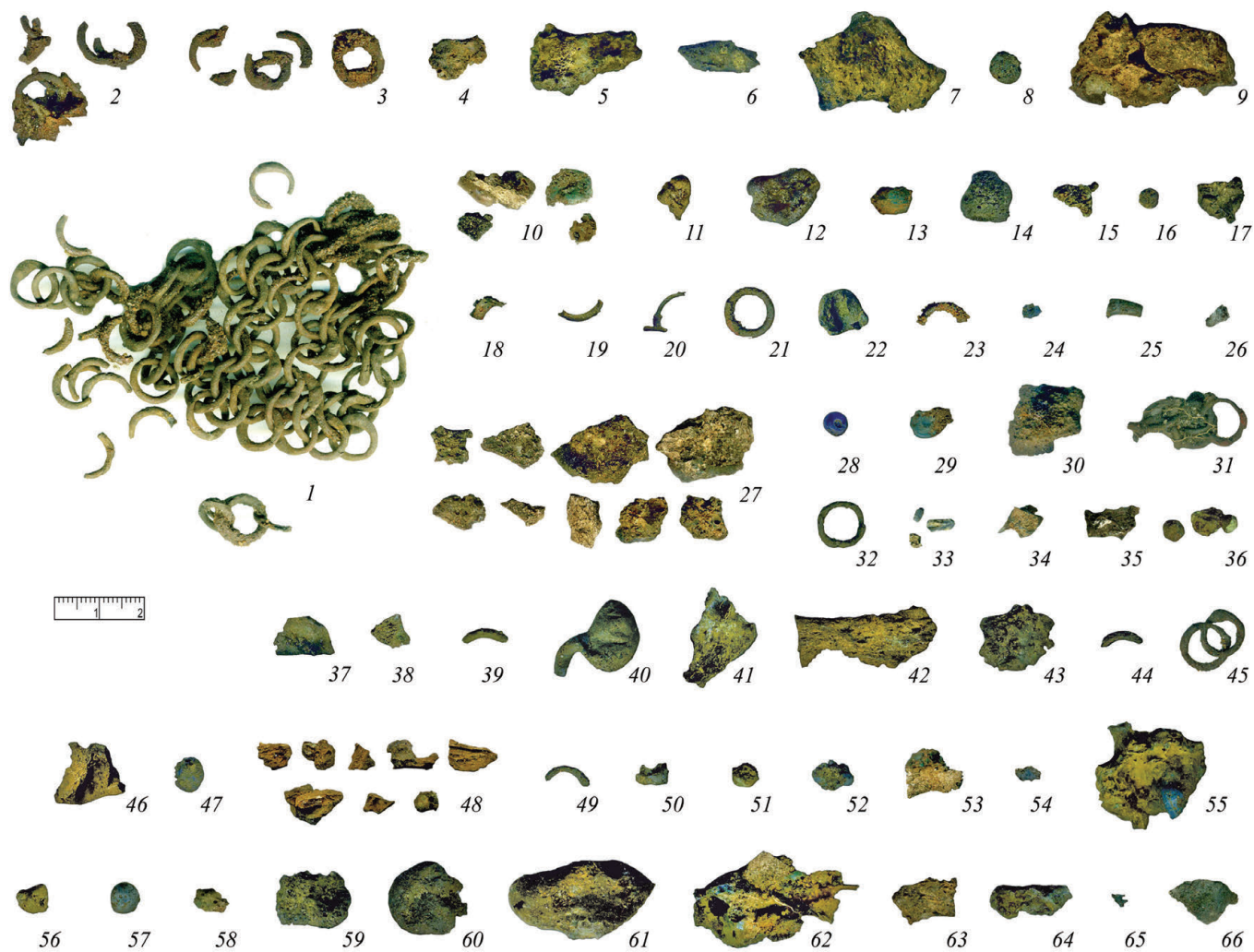

Рис. 98. Щурово, грунтовый могильник.
Инвентарь из погребения 1

Рис. 99. Щурово, грунтовый могильник.
Сосуд-приставка, обнаруженный во рву кургана 1, в верхней части заполнения

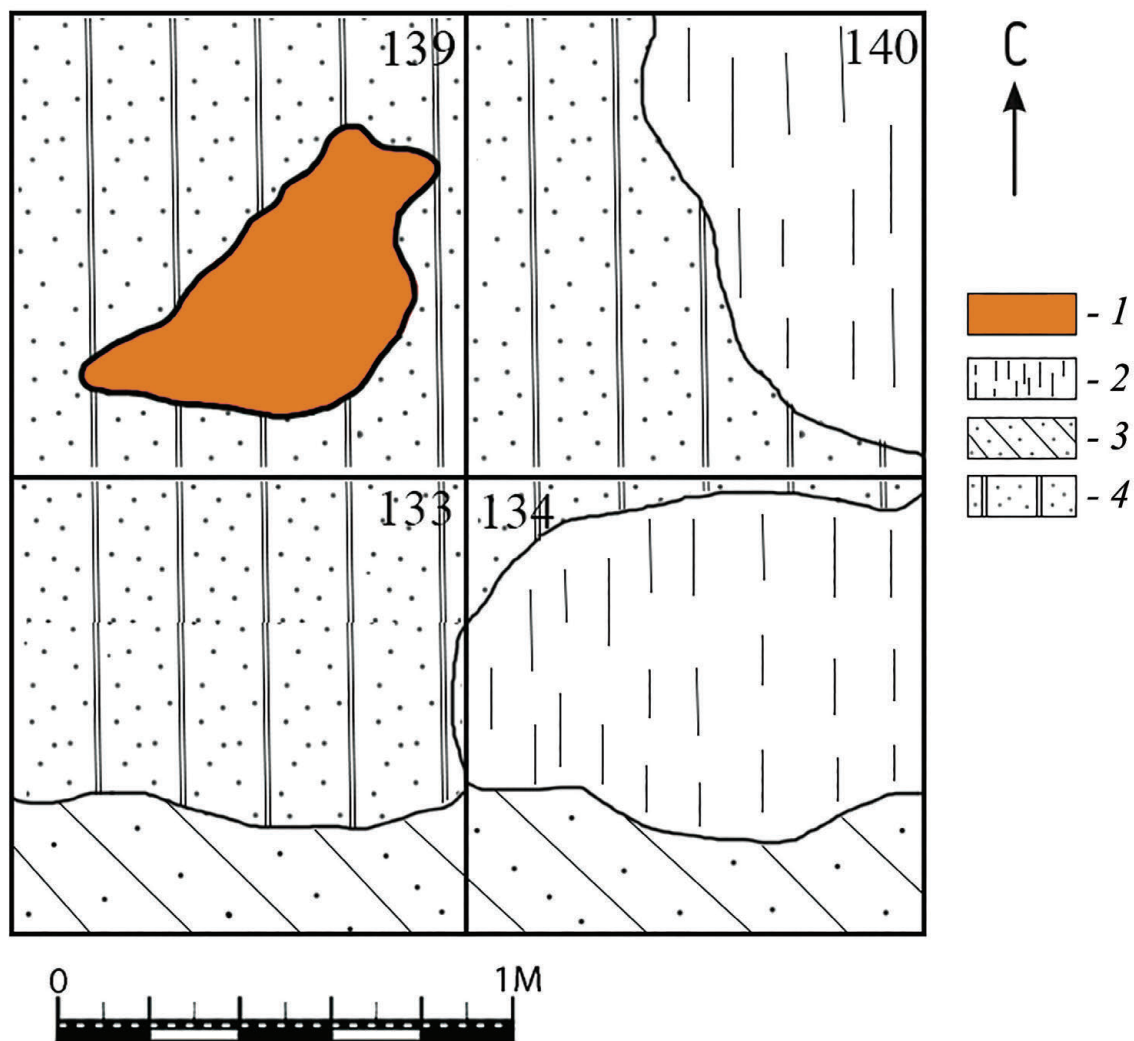

Рис. 100. Щурово, грунтовый могильник. Сводный план погребения 2.
 Цветовые обозначения соответствуют рис. 93. 1 – ареал плотной концентрации костей; 2 – белый золистый песок;
 3 – темно-серый песок; 4 – аллювиальный слой

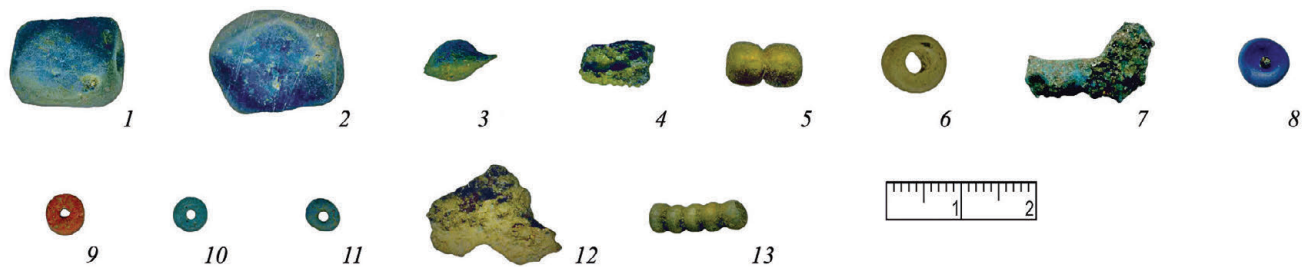

Рис. 101. Щурово, грунтовый могильник.
Разрозненные находки с уч. 3, Р. V/2007 г., за пределами погребений и из просейки

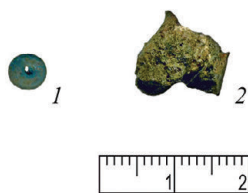

Рис. 102. Щурово, грунтовый могильник.
Предметы, возможно связанные с погребением 3

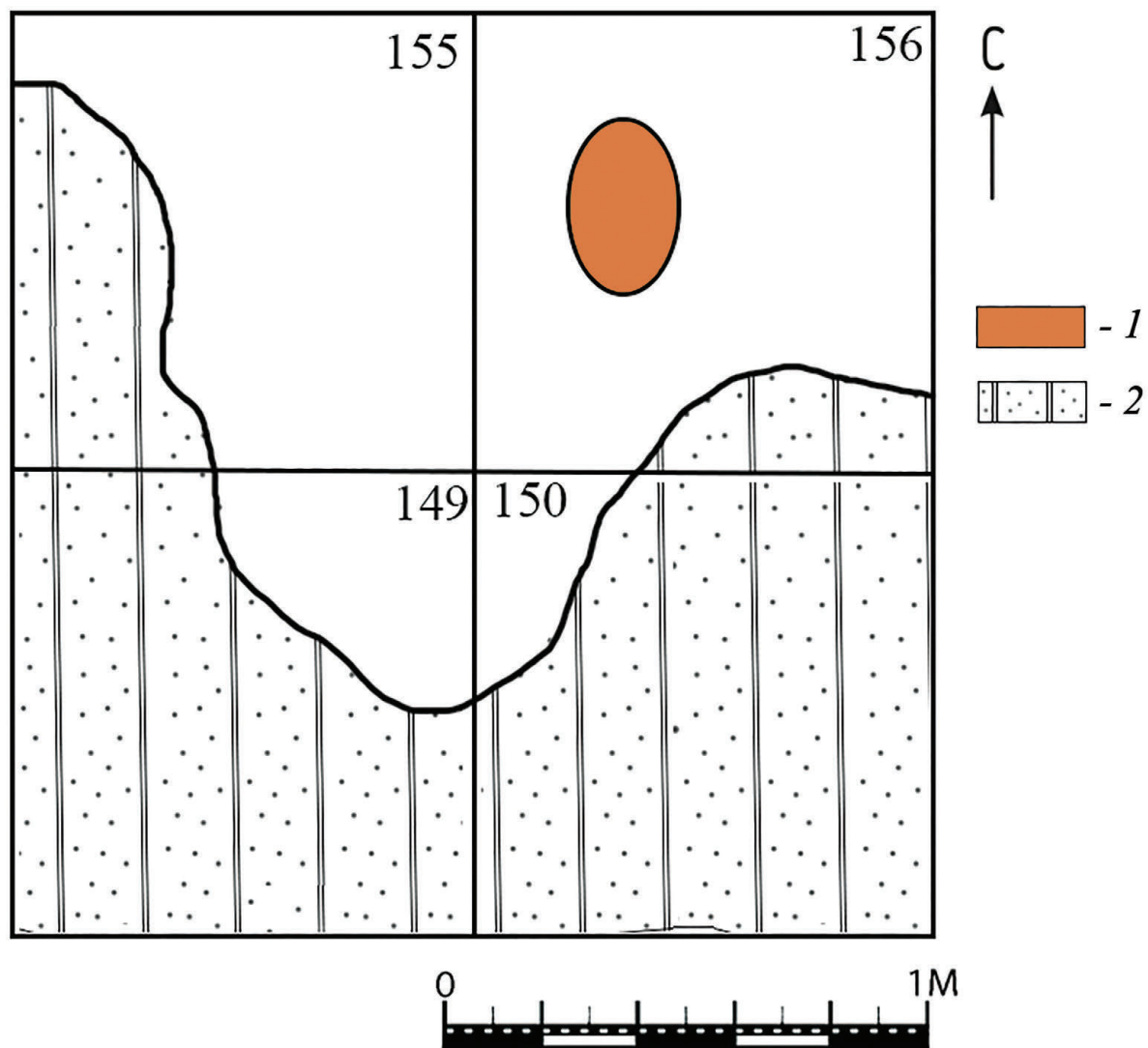

Рис. 103. Щурово, грунтовый могильник. Сводный план погребения 3.
 Цветовые обозначения соответствуют рис. 93. 1 – скопление костей невысокой плотности («шлейф»);
 2 – аллювиальный слой

Рис. 104. Щурово, грунтовый могильник. Разрез погребения 4 по границе уч. 1 и 2, южной стенки Р. V. Слой светло-серого песка, собственно, и является горизонтом кальцинированных костей и находок, условно принятых за погребение. В центре снимка видно, что снарядная воронка с темным заполнением располагается как бы над слоем, не прорезая его

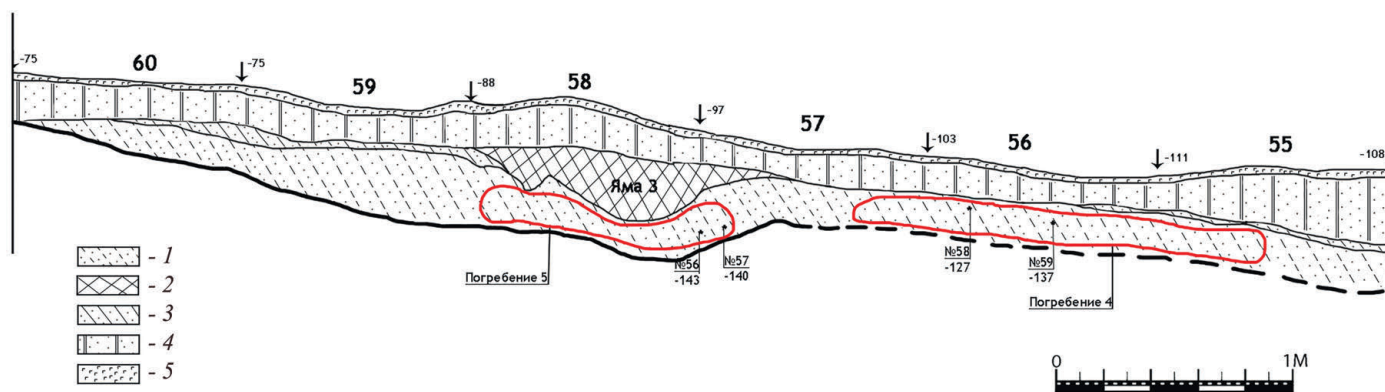

Рис. 105. Щурово, грунтовый могильник.
Профиль южной стенки уч. 1, Р. V/2007 – разрез погребений 4 и 5.

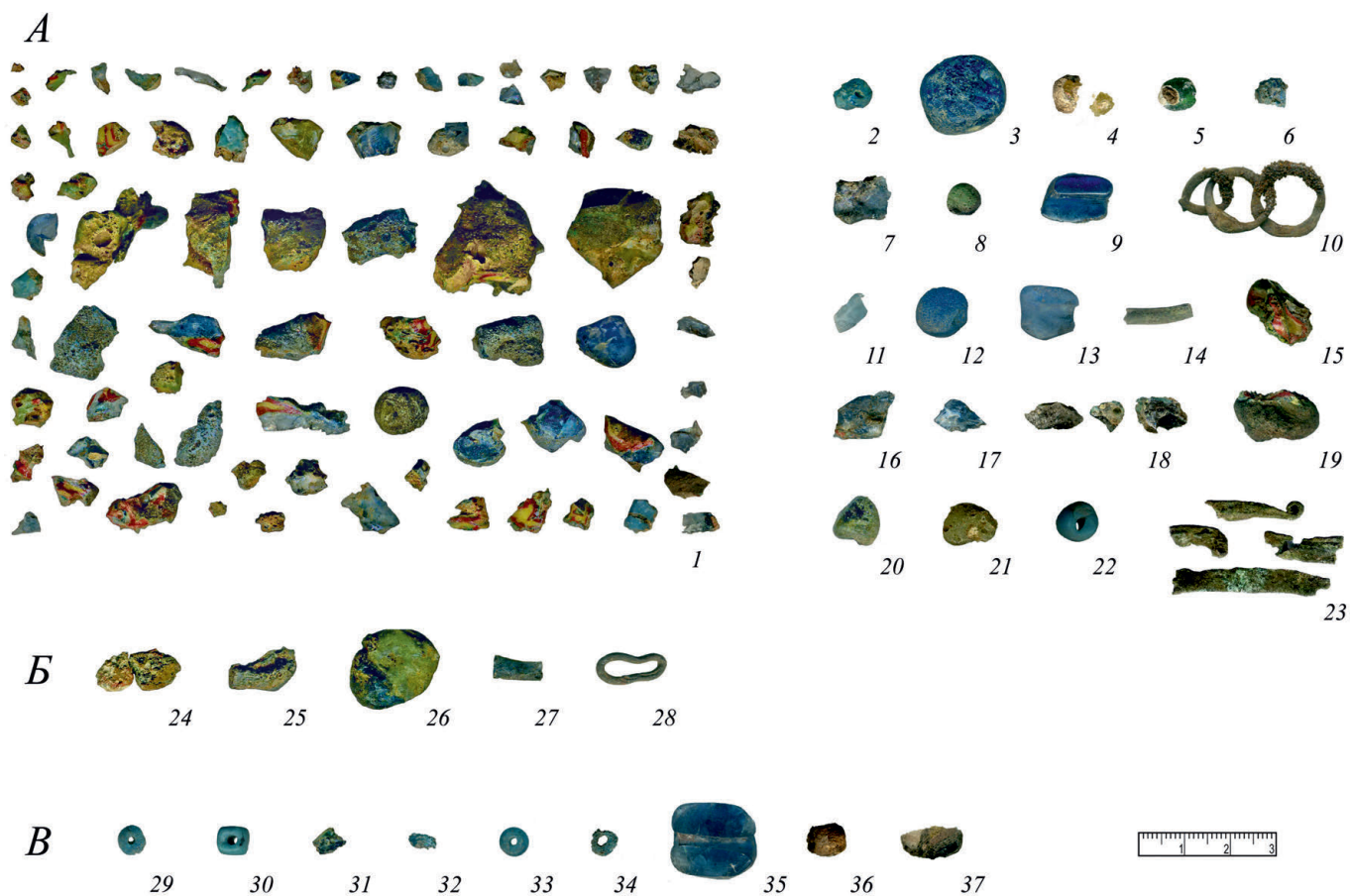

Рис. 106. Щурово, грунтовый могильник.
Инвентарь погребения 4 в северной части уч. 2, Р. V/2007 – яма 3 (А), яма 3а (Б) и кв. 58 (В)

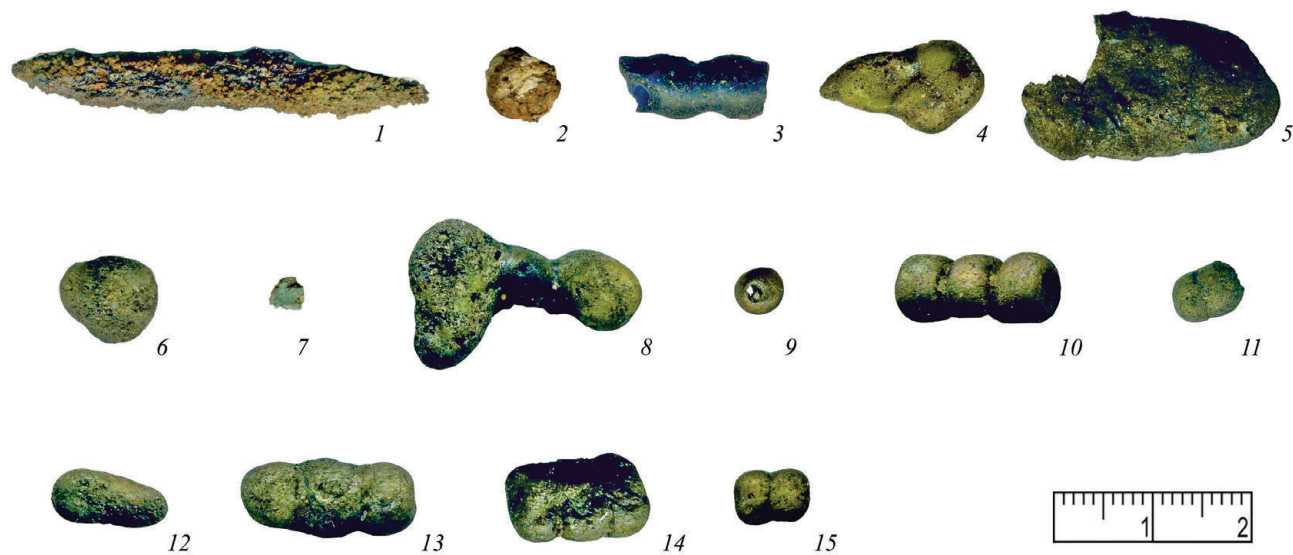

Рис. 107. Щурово, грунтовый могильник.
Скопление находок в квадрате 68, уч. 3, Р. V/2007

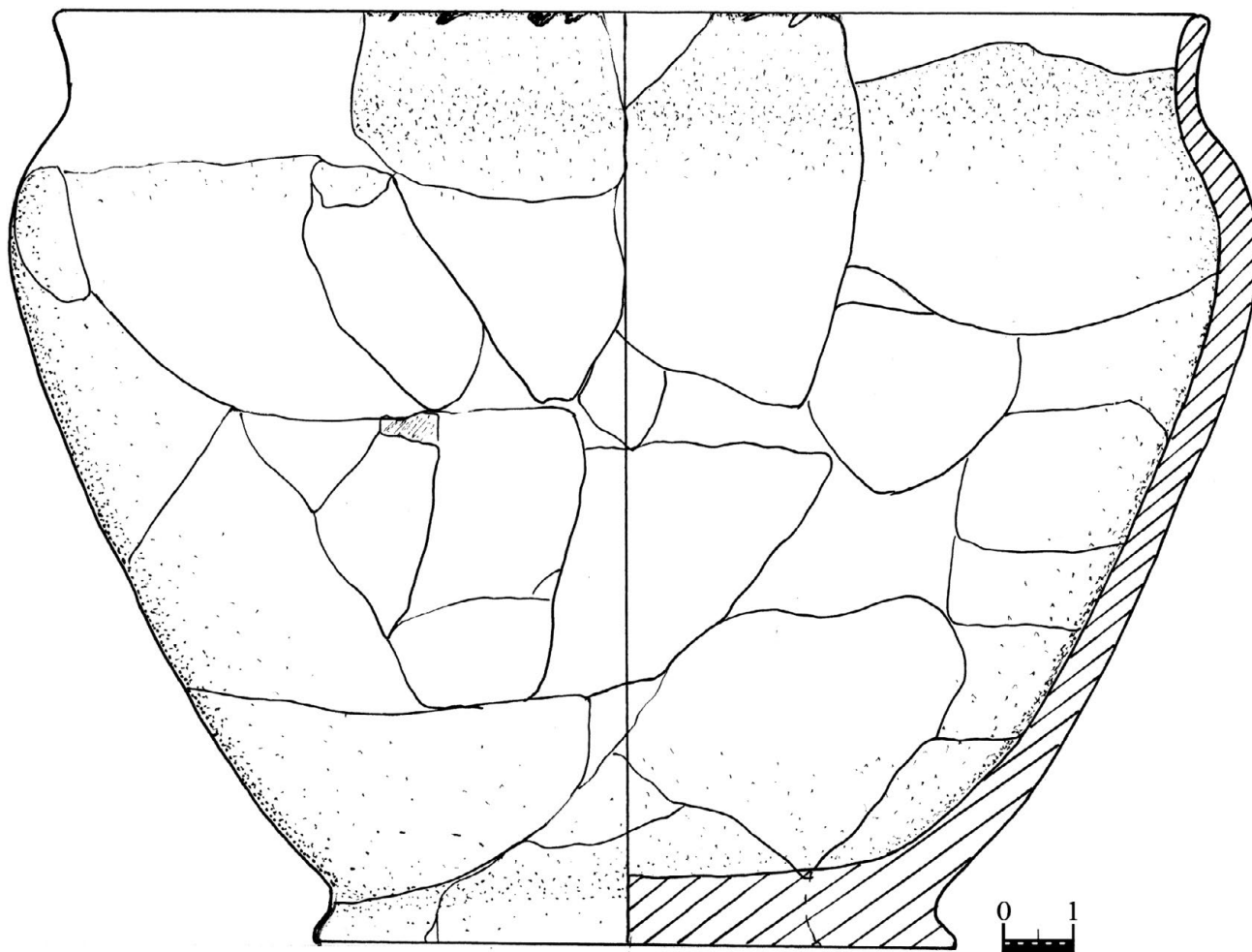

Рис. 108. Щурово, грунтовый могильник.
Сосуд-приставка с уч. 2, Р. V/2007

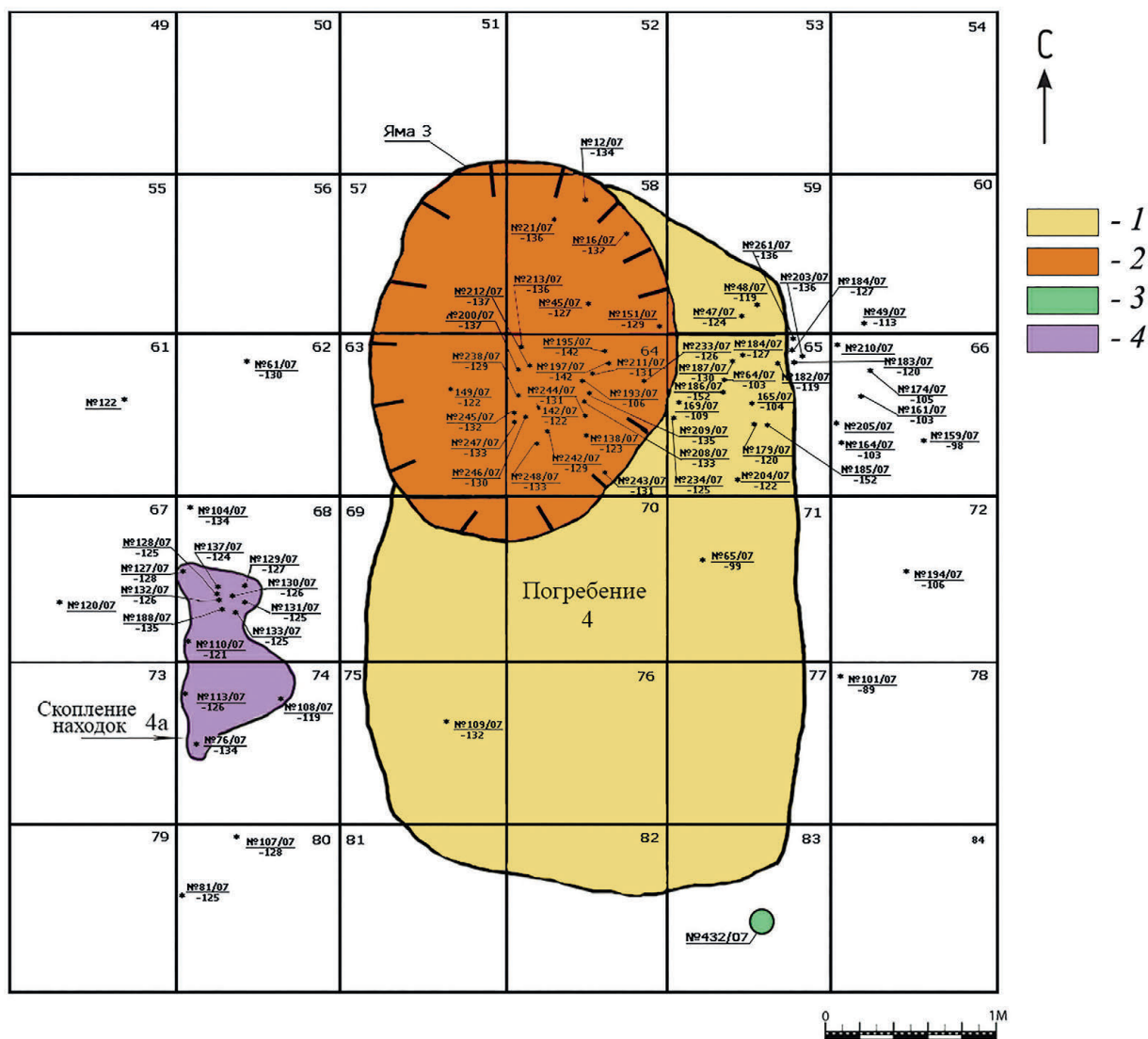

Рис. 109. Щурово, грунтовый могильник. Сводный план погребения 4 и скопления находок 4а. Цветовые обозначения соответствуют рис. 93. 1 – скопление костей невысокой плотности («шлейф»); 2 – ареал плотной концентрации костей; 3 – сосуд-приставка; 4 – скопление находок без костей

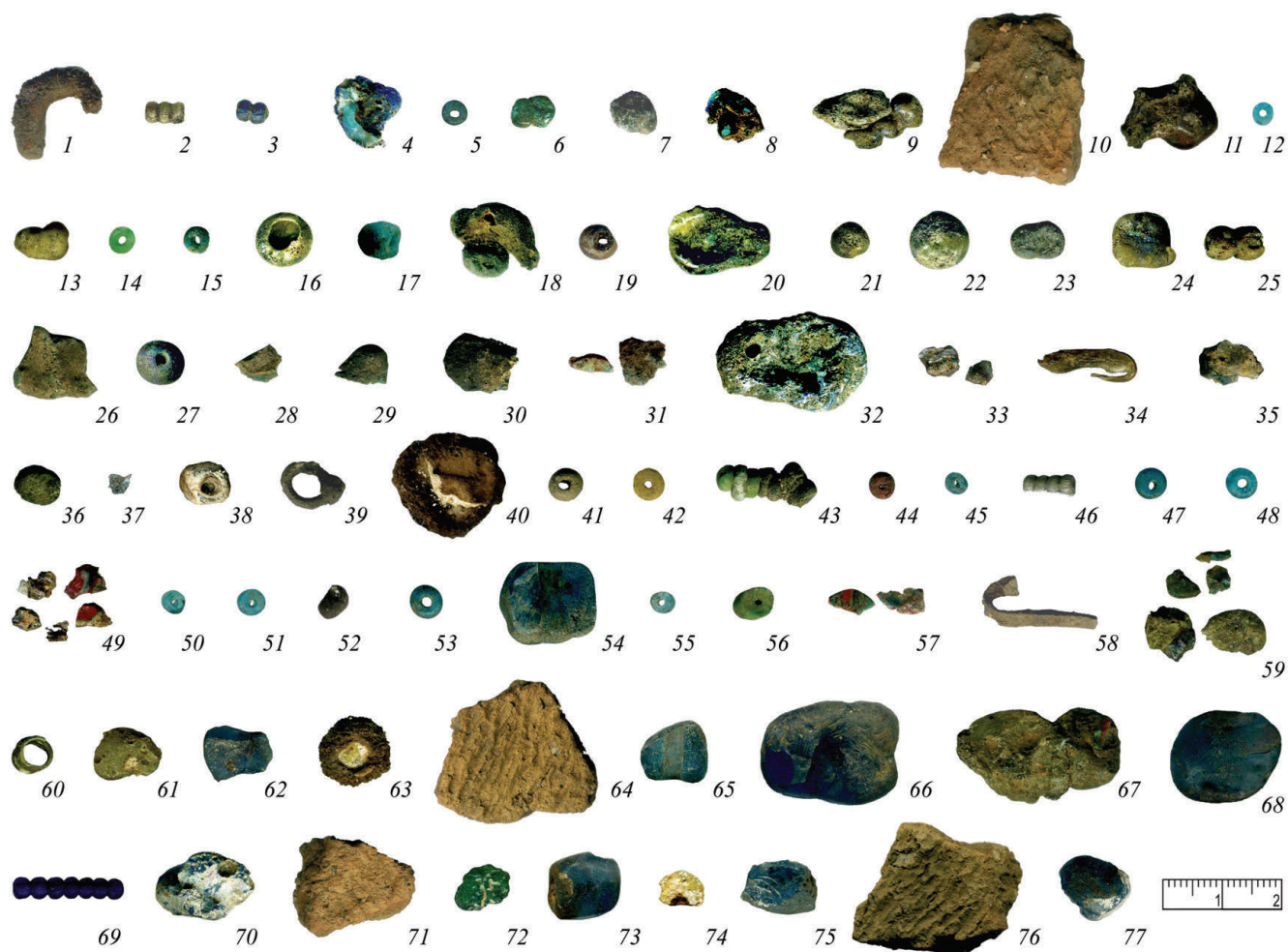

Рис. 110. Щурово, грунтовый могильник.
Вещи из погребения 4 (?), найденные за пределами ямы 3, Р. V/2007

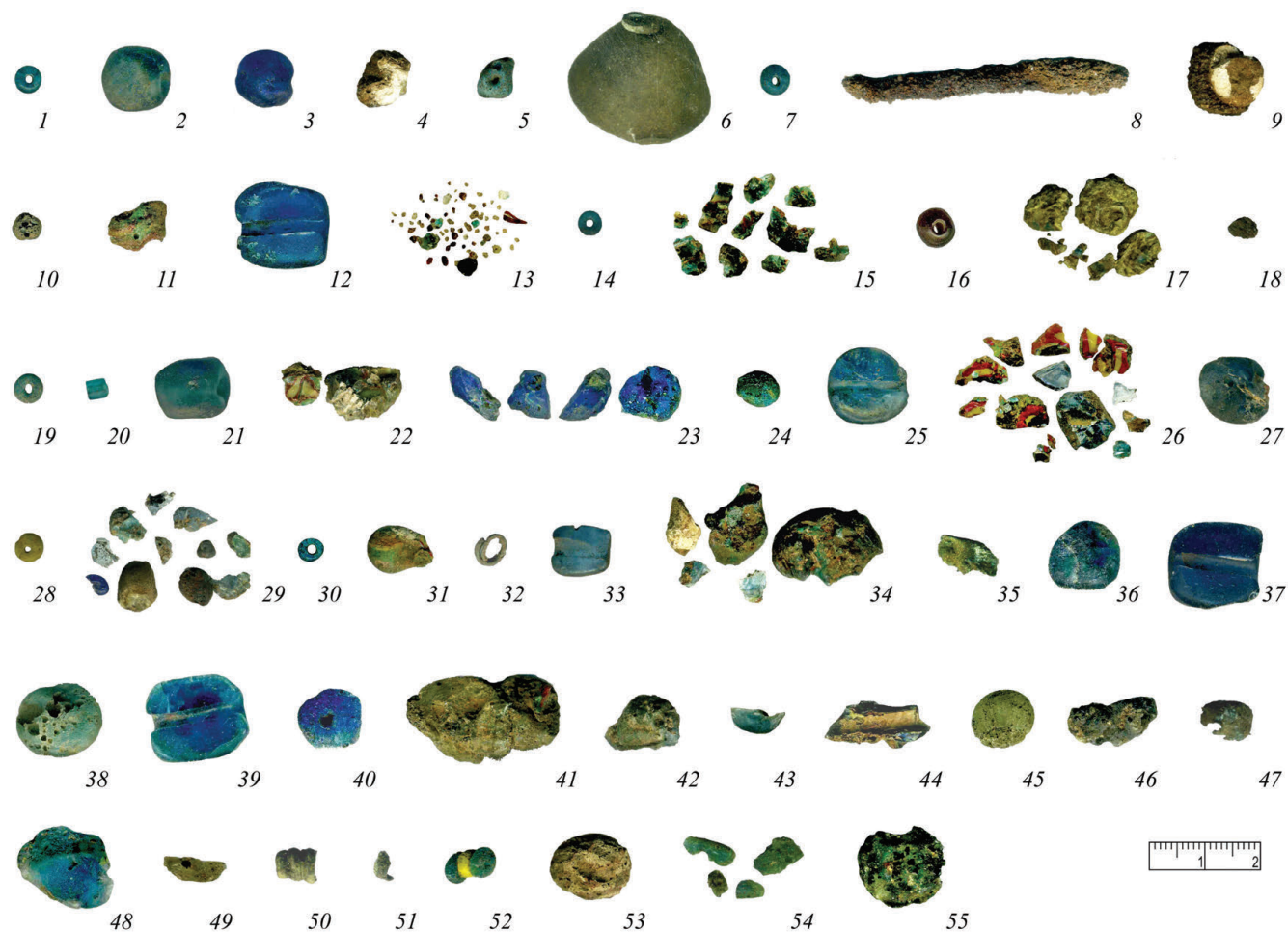

Рис. 111. Щурово, грунтовый могильник.
Скопление находок в кв. 64–65. уч. 3, Р. V/2007

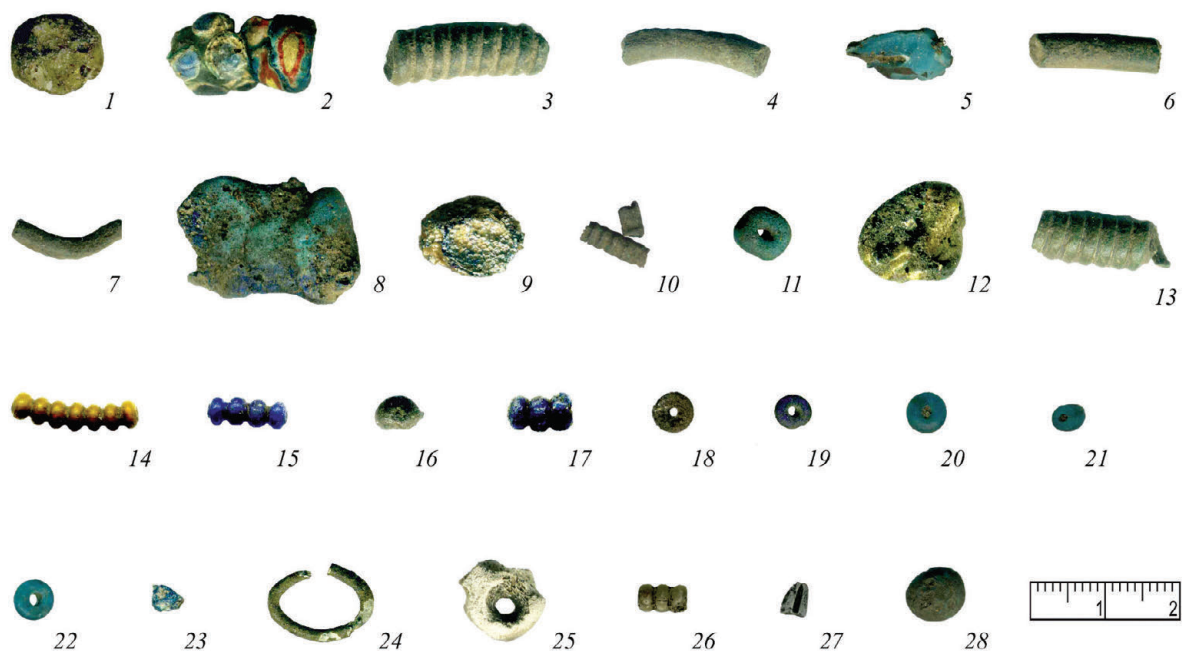

Рис. 112. Щурово, грунтовый могильник.
Раскоп № 5. Разрозненные предметы из слоя на уч. 2, Р. V/2007

Рис. 113. Щурово, грунтовый могильник.
Общий вид погребения 5, под южной стенкой уч. 1, Р. V/2007

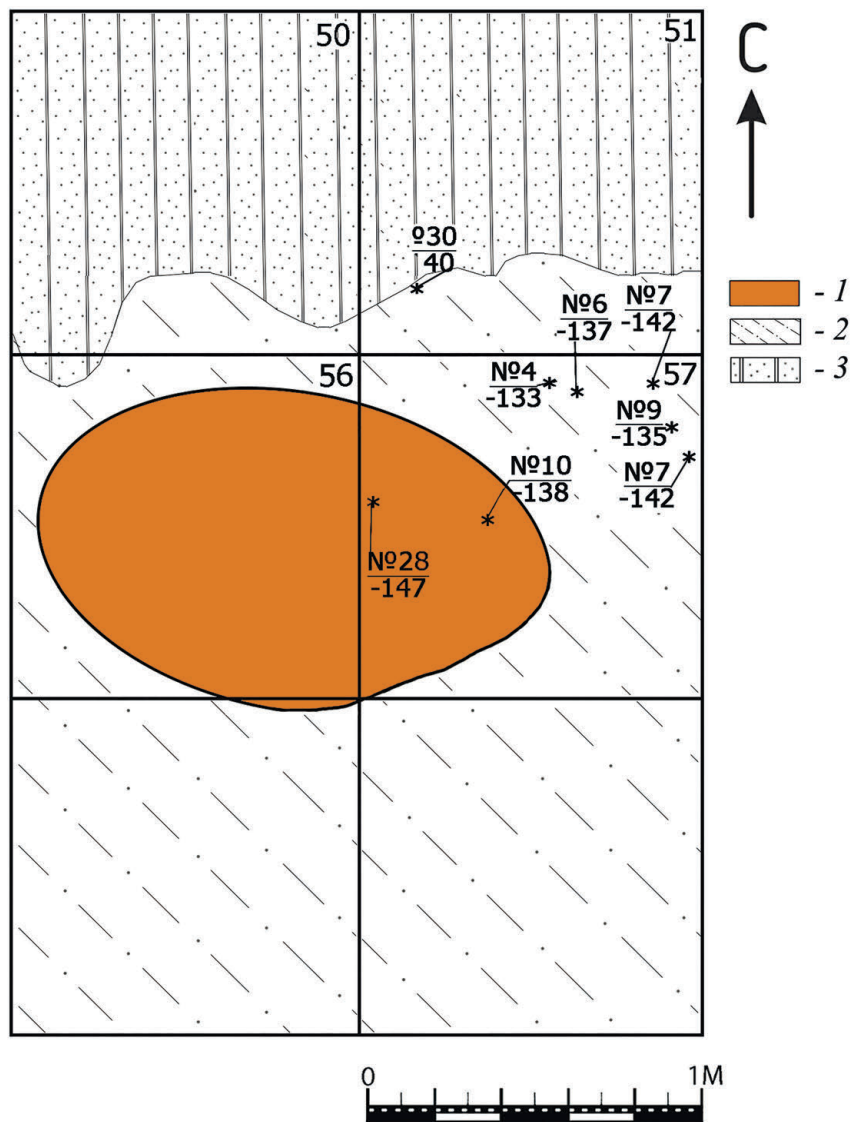

Рис. 114. Щурово, грунтовый могильник. Сводный план погребения 5. Цветовые обозначения соответствуют рис. 93.
1 – ареал плотной концентрации костей; 2 – темно-серый песок; 3 – аллювиальный слой

Рис. 115. Щурово, грунтовый могильник. Разрез погребения 5 в южной стенке уч. 1. Центр его (или край?) должен быть по обе стороны полотна рулетки, в профиле видны белые точки кальцинированных костей. Строго говоря, его стратиграфию нельзя описать – это некая «размытость» слоев, без четкой структуры

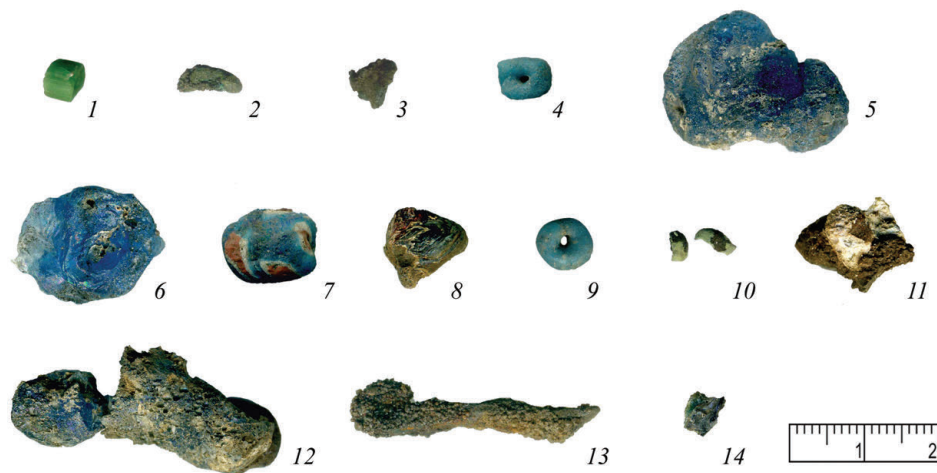

Рис. 116. Щурово, грунтовый могильник.
Инвентарь из погребения 5

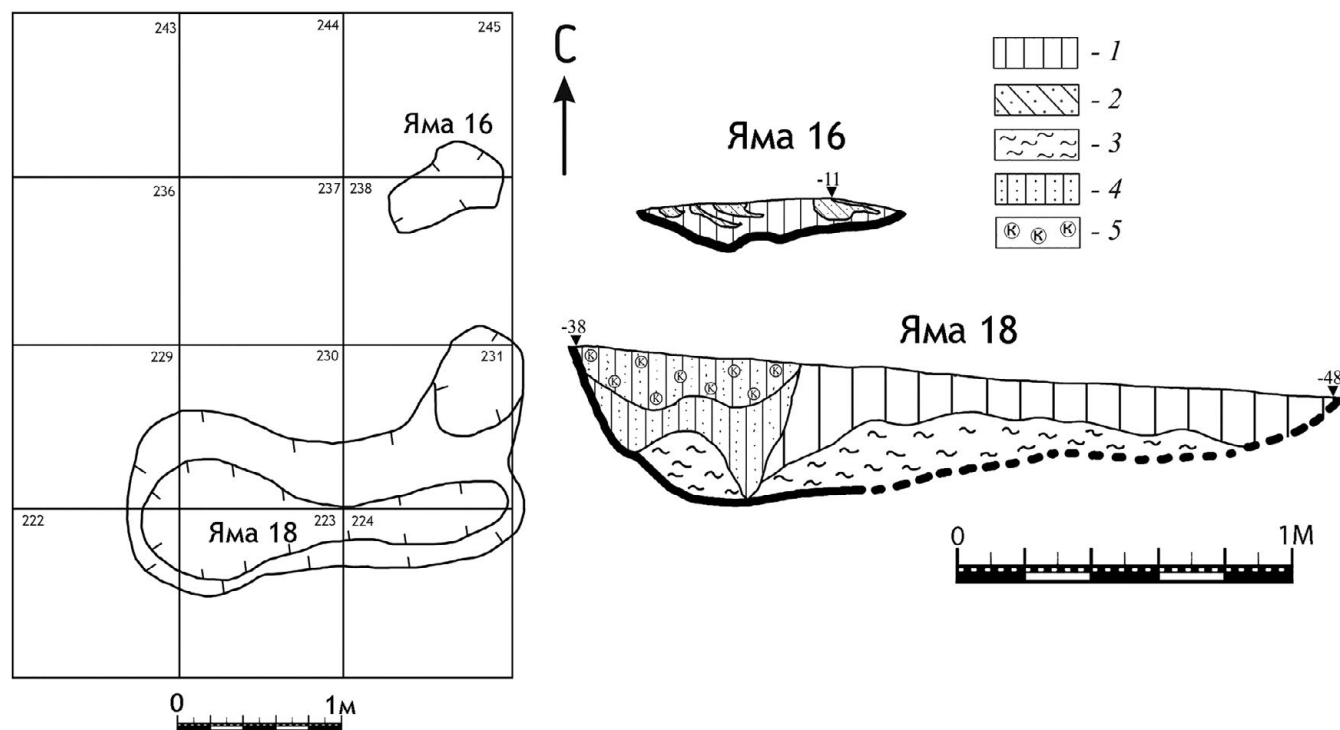

Рис. 117. Щурово, грунтовый могильник.
Планы и разрезы ям 16 и 18 (погребения 6 и 7)

Рис. 118. Щурово, грунтовый могильник.
Разрез ямы 18 на уч. 4, Р. V/2008 – остатки погребения 6(?)

Рис. 119. Щурово, грунтовый могильник.
Разрез ямы 16 на уч. 4, Р. V/2008 – остатки погребения 7(?)

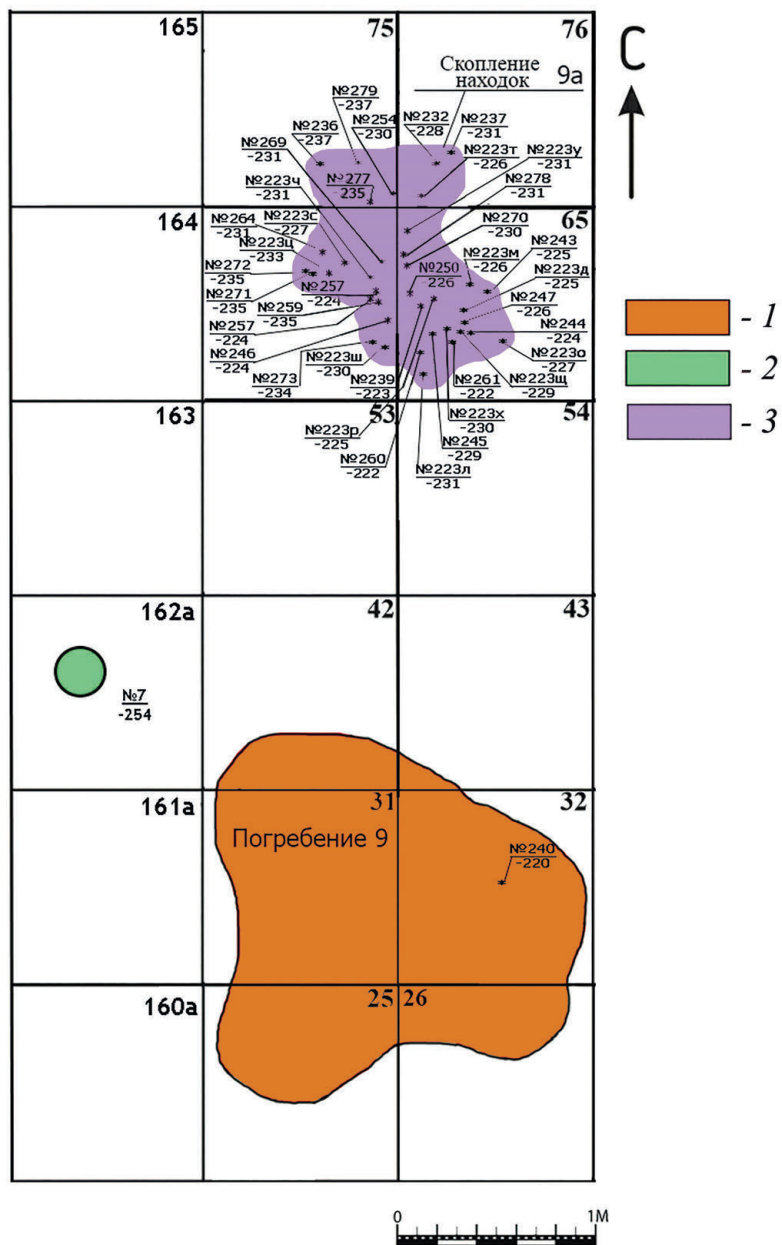

Рис. 120. Щурово, грунтовый могильник.
Сводный план погребения 9 и скопления находок 9а.
Цвета обозначения соответствуют рис. 93.
1 – ареал плотной концентрации костей;
2 – сосуд-приставка; 3 – скопление находок

Рис. 121. Щурово, грунтовый могильник.
Общий вид погребения 9, начало расчистки

Рис. 122. Щурово, грунтовый могильник.
Продолжение расчистки погребения 9, уровень 4

Рис. 123. Щурово, грунтовый могильник. Стратиграфия погребения 9 – профиль западной стенки уч. 1, Р. VI/2011.
Хорошо заметно понижение уровня аллювия точно над скоплением костей

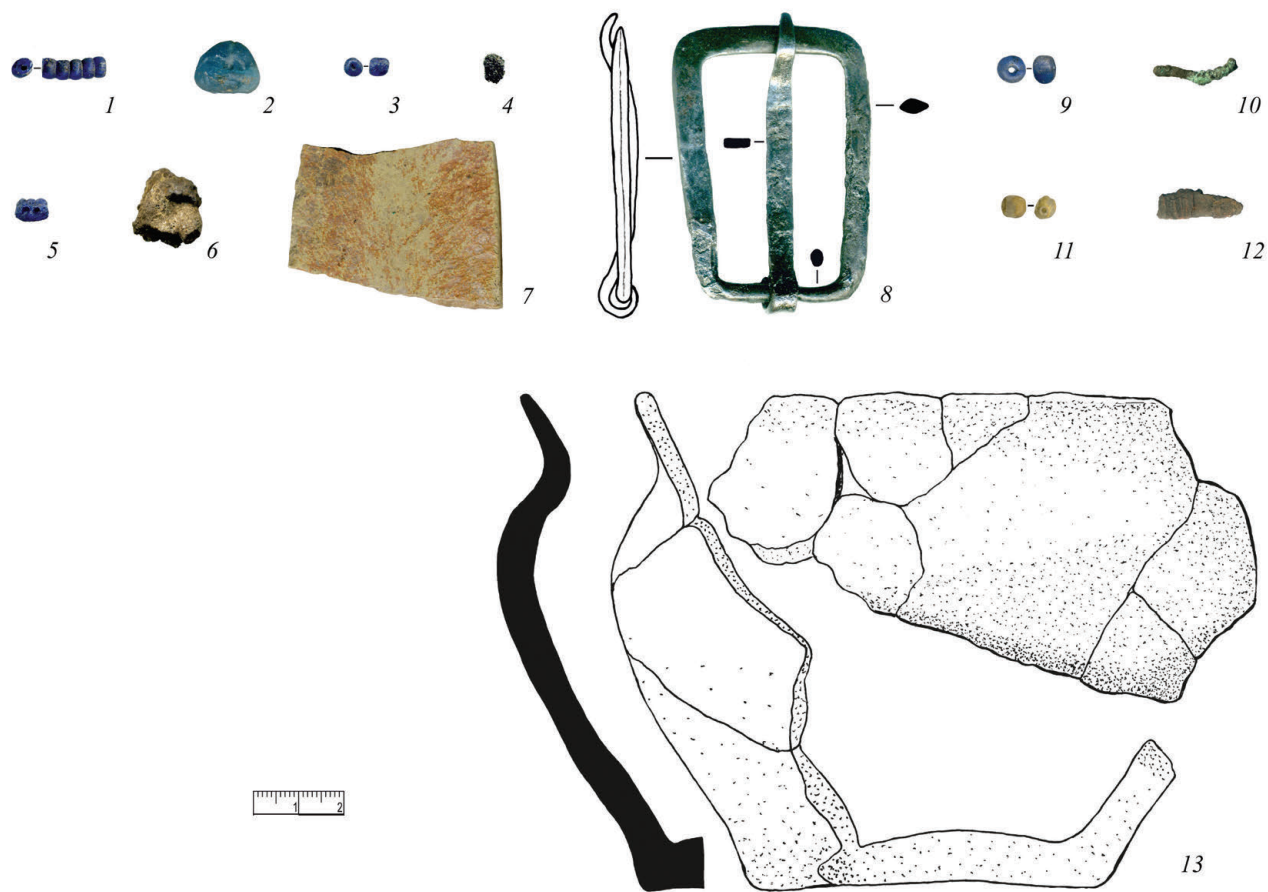

Рис. 124. Щурово, грунтовый могильник.
Инвентарь из погребения 9, уч. 1 и 3, Р. VI: 1-7 – 2011; 8-13 – 2012

Рис. 125. Щурово, грунтовый могильник.
Развал сосуда-приставки *in situ* возле погребения 9

Рис. 126. Щурово, грунтовый могильник.
Скопление находок 9а на уч. 1, Р. VI/2011

Рис. 127. Щурово, грунтовый могильник.
Разрозненные находки с уч. 1–2, Р. VI/2011

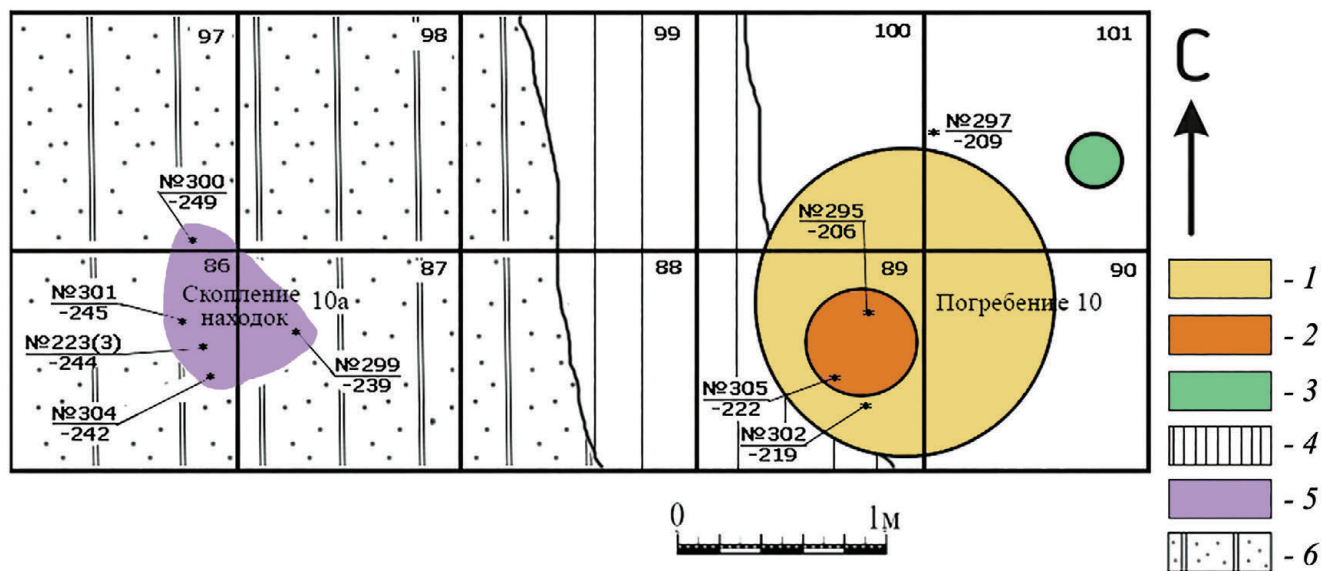

Рис. 128. Щурово, грунтовый могильник. Сводный план погребения 10 и скопления находок 10а.
Цветовые обозначения соответствуют рис. 93. 1 – скопление костей невысокой плотности («шлейф»);
2 – ареал плотной концентрации костей; 3 – сосуд-приставка; 4 – серый песок;
5 – скопление находок; 6 – аллювиальный слой

Рис. 129. Щурово, грунтовый могильник. Общий вид погребения 10, верхний уровень расчистки

Рис. 130. Щурово, грунтовый могильник.
Инвентарь из погребения 10 и из пятна под ним

Рис. 131. Щурово, грунтовый могильник.
Разрез пятна под костями погребения 10

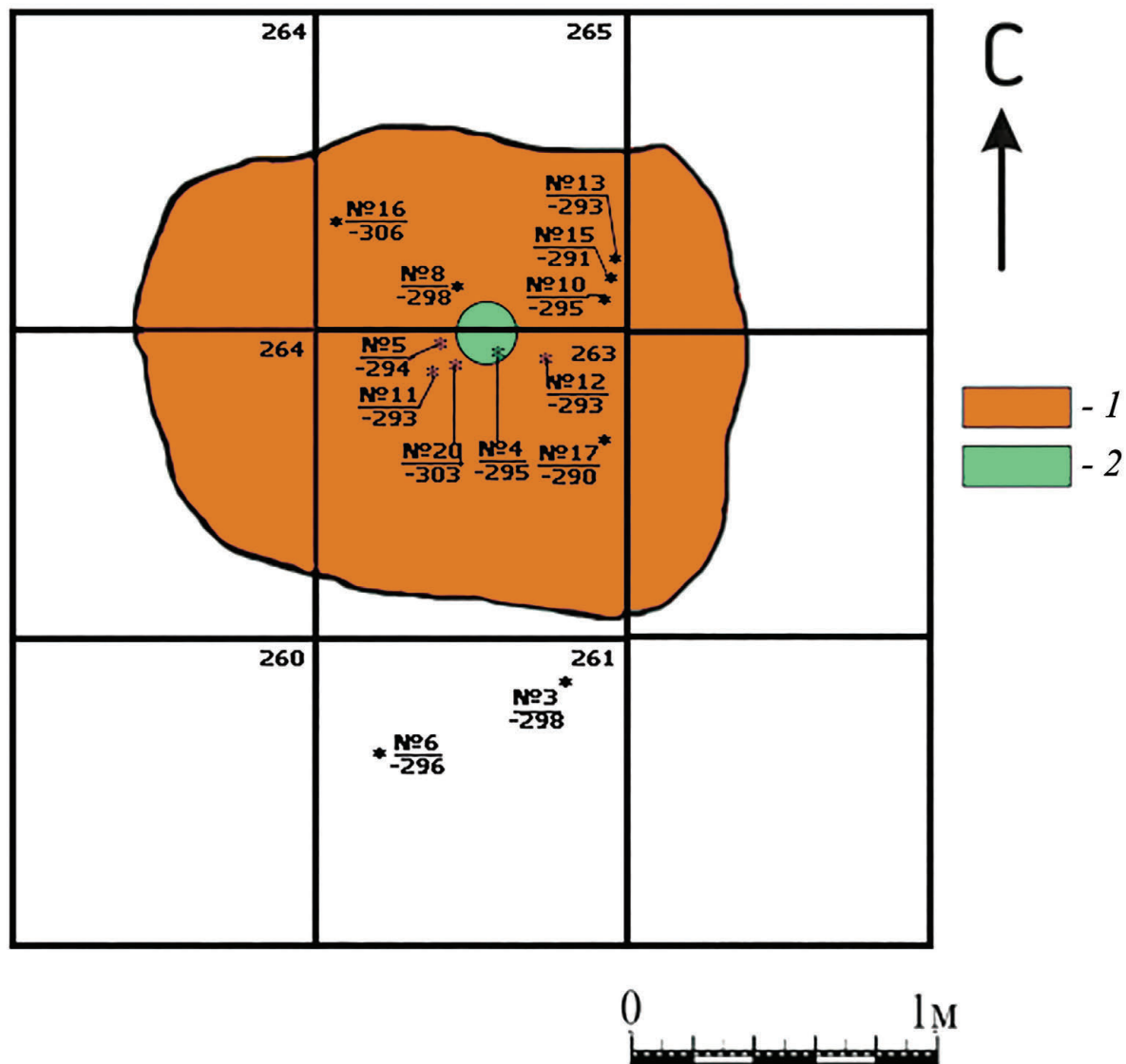

Рис. 132. Щурово, грунтовый могильник. Сводный план погребения 11.
Цветовые обозначения соответствуют рис. 93. 1 – ареал плотной концентрации костей; 2 – сосуд-приставка

Рис. 133. Щурово, грунтовый могильник.
Рабочий момент – фиксация погребения 11 в 2012 г. с помощью «гитары» Е.А. Клещенко и А.А. Трошиной

Рис. 134. Щурово, грунтовый могильник.
Общий вид погребения 11, нижний уровень расчистки в раскопе, 2013 г.

Рис. 135. Щурово, грунтовый могильник.
Сосуд-приставка *in situ* в погребении 11, под ним видна дужка серьги. 2013 г.

Рис. 136. Щурово, грунтовый могильник.
Разрез пятна вокруг сосуда-приставки в погребении 11